This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 437184

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Южаков, Сергей Никанорович.

С. Н. Южаковъ.

ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

Реформа средней школы. — Системы и задачи высшаго образованія. — Гимназическіе учебники. — Вопросъ всенароднаго обученія. — Женщина и просвѣщеніе.

БИБЛІОТЕКА
П. Н. ВОЛОДКЕВИЧА
Шкафъ 2 1
Полка 7
Мѣсто 85 10
№ 502 492

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1897.

С. Н. Южаковъ.

3402

ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

Реформа средней школы. — Системы и задачи высшаго образованія. — Гимназическіе учебники. — Вопросъ всенароднаго обученія. — Женщина и просвѣщеніе.

БИБЛІОТЕКА
П. П. ВОЛОДКЕВИЧА

Шкафъ 2 1
Полка 7
Мѣсто 85 10
№ 502 492

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1897.

37/47
Ю 17
В173579 — 26
LA
830
.I97

1554 аб.

393

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣдніе годы снова оживился общій интересъ къ вопросамъ образованія и просвѣщенія. Общественныя учрежденія и собранія, дворянскія, городскія и земскія возбуждаютъ въ этомъ направленіи разныя ходатайства. Ученыя общества и правительственныя учрежденія обсуждаютъ важныя мѣропріятія. Печать, въ предѣлахъ возможности, принимаетъ участіе въ этихъ обсужденіяхъ. Какъ профессіональному журналисту, и мнѣ пришлось внести свою долю участія въ эти дебаты, такъ живо и горячо интересующіе все русское образованное общество. Статьи мои по этимъ „вопросамъ просвѣщенія“, печатавшіяся на страницахъ „Русскаго Богатства“ въ теченіе 1895—1897 годовъ, постепенно охватили главнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ и вмѣстѣ составили нѣчто въ родѣ обзора наиболѣе назрѣвшихъ и наболѣвшихъ, но все еще мало удовлетворенныхъ потребностей нашей умственной культуры. Собранные вмѣстѣ, эти очерки, именно какъ попытка такого обзора, будутъ, быть можетъ, не безполезны при настоящемъ усиленномъ вниманіи общества къ обозрѣваемымъ здѣсь вопросамъ и задачамъ.

Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель содержанія и собственныхъ именъ съ цѣлью облегчить читателю найти болѣе интересующія его стороны вопроса. Тамъ же приложенъ списокъ и наиболѣе серьезныхъ замѣченныхъ опечатокъ и погрѣшностей. Не безполезно ихъ исправить предварительно чтенія, особенно на стр. 14, гдѣ пропускъ двухъ словъ существенно измѣняетъ смыслъ фразы.

С. Ю.

24 октября 1897 г.
С.-Петербургъ.

Оглавленіе.

	стран.
ПРЕДИСЛОВІЕ	IV
Основы средне-учебной реформы.	
I. Потребность реформы	1
II. Задачи средней школы. Классовые интересы и классовая школа	5
III. Интересы индивидуальные, національные и государственные	10
IV. Школа схоластическая и классическая	16
V. Школа ново-гуманитарная	28
О задачахъ и системахъ высшаго образованія.	
I. Задачи высшаго образованія	35
II. Схоластическій университетъ	42
III. Классицизмъ въ университетѣ	48
IV. Предстоящая реформа историко-филологическихъ факультетовъ. Каѳедры филологическія	54
V. Историческія науки, статистика и антропологія .	63
VI. Абстрактное обществовѣдѣніе, естествознаніе и философія	70
VII. Другіе факультеты.—Выводы	74
Вопросы академической организаціи	77
Переходные экзамены	87
Наши гимназическіе учебники.	
I. Русская этимологія. Ученіе о глагольныхъ видахъ.	93
II. Ученіе о глагольныхъ залогахъ, наклоненіяхъ и причастіяхъ	114
III. Ученіе объ именахъ	120

СТРАН.

IV. Учебники географіи 127
V. Горизонтальное развитіе Азіи. 130
VI. Вертикальное развитіе Азіи 139
VII. Обозрѣніе Азіи. Африка. Итоги 151
VIII. Исторія. Гунны и г. Иловайскій 163
IX. Исторія Востока 168
X. Исторія классическая 175
XI. Новая исторія 184
XII. Итоги и выводы 198

Просвѣтительная Утопія.

I. Планъ всенароднаго средняго образованія . . . 201
II. Проблемма и потребности 208
III. Возможныя и вѣроятныя средства 217
IV. Резюме и главныя черты плана 228

Женщина и Просвѣщеніе.

I. Женщина праздной утѣхи 238
II Гаремъ, теремъ и затворничество 245
III. Освобожденіе и просвѣщеніе женщины 253
IV. Женскій медицинскій институтъ 267

Алфавитный указатель (Index)

I. Содержанія. 277
II. Собственныхъ именъ личныхъ. 280

Опечатки и объявленія 283

ОСНОВЫ СРЕДНЕ-УЧЕБНОЙ РЕФОРМЫ.

I.

Недовольство среднеобразовательною школою, ея программами и приносимыми ею результатами медленно, но непрерывно и безостановочно растетъ повсемѣстно, во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы и Америки. Дѣлаются кое-гдѣ и попытки перейти отъ критики къ дѣлу. Въ бытность Жюля Симона министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи проблемма эта была серьезно поставлена во главу министерской программы, но неотложные политическіе вопросы и жаркая борьба партій скоро снова сняли ее съ очереди. Кратковременное пребываніе Поля Бера у министерскаго портфеля народнаго просвѣщенія какъ бы обѣщало возвратить къ этому настоятельному вопросу вниманіе французскаго общества и правительства, но знаменитый ученый скоро скончался, и теперь опять неизвѣстно, когда политическія страсти дадутъ мѣсто для вопроса, требующаго и много знанія, и много любви къ дѣлу, и много спокойнаго досуга. Такъ дѣло обстоитъ во Франціи, гдѣ единственно въ Западной Европѣ вопросъ ставился не такъ широко, правда, но зато переходилъ на практическую почву. Въ Германіи критика современной системы образованія идетъ дальше и глубже, но ограничивается академическимъ обсужденіемъ и печатною полеми-

ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Южаков, Сергей Николаевич.

С. Н. Южаковъ.

ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

Реформа средней школы. — Системы и задачи высшаго образованія. — Гимназическіе учебники. — Вопросъ всенароднаго обученія. — Женщина и просвѣщеніе.

БИБЛІОТЕКА
П. Н. ВОЛОДКЕВИЧА

Шкафъ 2 1
Полка 7
Мѣсто 85 10
№ 502 492

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1897.

37/47
Ю 17

В173579 — 26

LA
830
.I97

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 5 Л.28

2612

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР
Інв.

БІБЛІОТЕКА
Академії наук
УРСР

1554 аб.

2-26-11
1996 67-293

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣдніе годы снова оживился общій интересъ къ вопросамъ образованія и просвѣщенія. Общественныя учрежденія и собранія, дворянскія, городскія и земскія возбуждаютъ въ этомъ направленіи разныя ходатайства. Ученыя общества и правительственныя учрежденія обсуждаютъ важныя мѣропріятія. Печать, въ предѣлахъ возможности, принимаетъ участіе въ этихъ обсужденіяхъ. Какъ профессіональному журналисту, и мнѣ пришлось внести свою долю участія въ эти дебаты, такъ живо и горячо интересующіе все русское образованное общество. Статьи мои по этимъ „вопросамъ просвѣщенія", печатавшіяся на страницахъ „Русскаго Богатства" въ теченіе 1895—1897 годовъ, постепенно охватили главнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ и вмѣстѣ составили нѣчто въ родѣ обзора наиболѣе назрѣвшихъ и наболѣвшихъ, но все еще мало удовлетворенныхъ потребностей нашей умственной культуры. Собранные вмѣстѣ, эти очерки, именно какъ попытка такого обзора, будутъ, быть можетъ, не безполезны при настоящемъ усиленномъ вниманіи общества къ обозрѣваемымъ здѣсь вопросамъ и задачамъ.

коммерческія училища; для мелкаго разночинца—уѣздныя. Какъ видите, все было очень ясно и опредѣленно. Каждый сверчокъ хорошо зналъ свой шестокъ; молодежи каждаго сословія давалась спеціальная учебная дрессировка, а для крѣпостного народа образованія не надобилось.

Отъ этой системы раздробленнаго и взаимно несогласимаго образованія пришлось всецѣло отказаться, когда сознали, что классовая система образованія во всѣхъ видахъ и формахъ, въ основѣ своей, противорѣчитъ интересамъ государства, націи и образуемыхъ личностей. Система государственнаго и національнаго образованія (средняго, какъ и всякаго другого, мужского, какъ и женскаго) не должна, слѣдовательно, исходить изъ частныхъ и обособленныхъ интересовъ того или другого класса населенія.

Въ жизни каждый классъ будетъ естественно преслѣдовать свои классовые интересы, но государство и нація, создавая школу не на сословныя а на общенародныя средства, не могутъ и не должны имѣть въ виду классовыхъ интересовъ, не могутъ и не должны дрессировать молодое поколѣніе въ направленіяхъ, затрудняющихъ сближеніе и примиреніе классовыхъ интересовъ. Взаимное непоминаніе и взаимное отвращеніе, создаваемыя такими дрессировочными заведеніями, едва-ли не по ошибкѣ носящими названіе учебныхъ и образовательныхъ, создаютъ такую рознь между классами и такое подавленіе слабыхъ, что рано или поздно отзываются весьма печально на всей національной жизни и на государственномъ развитіи. Тѣ горестные уроки, которыя дала намъ исторія въ эпоху восточной войны 1853—1856 гг., обнаружили, къ чему ведетъ это «естественное» развитіе классовъ, а въ томъ числѣ и классовой системы образованія. Уроки эти пали не на мертвую почву, и тогда мы сразу и рѣшительно отказались отъ крѣпостного и сословнаго строя національной жизни, въ томъ числѣ и отъ системы сословной закрытой школы. Въ настоящее время внѣдреніе капиталистическаго процесса дробитъ русскую націю уже не столько на сословія, сколько на экономическіе классы и рядомъ съ

этимъ процессомъ новѣйшаго общественнаго дифференцованія возникаютъ и новыя школьныя программы, дробящіяся на программы для богатыхъ и бѣдныхъ — во-первыхъ, по профессіямъ (экономическимъ отправленіямъ)—во-вторыхъ. Это естественно, но съ точки зрѣнія и государственной, и національной такъ же нецѣлесообразно и такъ же опасно, какъ уже и отжившая система сословной школы. То же полу-образованіе, тѣ же взаимныя отчужденіе и непониманіе разныхъ категорій молодого поколѣнія, тѣ же стало быть, затрудненія въ сближеніи и примиреніи классовыхъ интересовъ, то же отсутствіе чувства общенаціональной солидарности и пониманія общенаціональныхъ интересовъ,—вотъ чего вправѣ мы ожидать отъ предлагаемыхъ намъ новѣйшихъ программъ, не имѣющихъ, однако, шансовъ получить осуществленіе, настолько широкое, чтобы стать опасными. Помнить ихъ значеніе, однако, не мѣшаетъ, хотя значеніе это историческое и общественное, отнюдь не научное и не логическое.

Порожденіе естественныхъ процессовъ общественной эволюціи, отнюдь не умственнаго фактора, программы классовой системы образованія находятся въ явномъ противорѣчіи съ данными науки и съ послѣдовательною логикою безпристрастнаго и добросовѣстнаго мышленія. Сила науки и могущество добросовѣстнаго мышленія, сила и могущество разума и совѣсти и являются причиною, что на Западѣ Европы эти опасныя программы полуобразованія и классоваго морально-интеллектуальнаго отчужденія разныхъ народныхъ слоевъ не имѣютъ успѣха, несмотря на то, что именно на Западѣ Европы дробленіе на экономическіе классы сдѣлало наибольшіе успѣхи, и классы, заинтересованные и въ дробленіи образованія, достигли наибольшаго могущества. У насъ слабѣе умственный факторъ; слабѣе, однако, и классы (капиталистическіе), которые могутъ въ настоящее время желать классовой системы образованія. Программы такого укороченнаго «раздробительнаго» обученія не стыдятся появляться у насъ (стыдясь появляться въ Западной Европѣ), но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить,

что шансовъ на осуществленіе онѣ имѣютъ у насъ больше. Капитализмъ еще слабъ у насъ. Если же ему и суждено будетъ расти на русской почвѣ, то надо ожидать, что будетъ, ему въ отпоръ, расти и сила знанія, сила умственнаго и нравственнаго фактора. Современные дебаты о среднеобразовательной системѣ мало задѣваютъ вопросы классовой системы. Поэтому и мы на этотъ разъ ограничимся этими замѣчаніями, которыя приводятъ къ заключенію, что образовательная система (средняя въ томъ числѣ) должна имѣть въ виду интересы, блага и пользы никакъ не различныхъ классовъ, на которые дробится нація и между которыми распредѣляются отдѣльные индивиды, составляющіе націю. Но въ такомъ случаѣ, чьи-же? Государства, націи или индивидовъ? Изъ четырехъ возможныхъ отвѣтовъ на поставленный въ началѣ этой главы вопросъ мы вычеркиваемъ, слѣдовательно, одинъ отвѣтъ. Остается три... Но три-ли, въ самомъ дѣлѣ?

III.

Въ чемъ можетъ заключаться противорѣчіе между интересами и пользами государства и націи въ ея цѣломъ? Государственность, иначе говоря, политическая культура, есть одна изъ формъ, въ которыхъ выражается національная организація, другими формами которой являются культура экономическая (формы производства, формы владѣнія, распредѣленіе средствъ и орудій, дробленіе на экономическіе классы, раздѣленіе труда и т. д.) и культура духовная (церковная организація съ одной стороны, организація свѣтскаго образованія съ другой). Культура не есть только организація, но поскольку она выражается и въ организаціи, постольку государственность является представителемъ и носителемъ культуры политической, какъ она развилась и сложилась въ данной странѣ. Если мы послѣ этого спросимъ, можетъ-ли культура политическая стать въ противорѣчіе съ культурою экономическою или культурою

духовною или со всею совокупностью національнаго строя и развитія, то и теоретическія соображенія, и опытъ всемірной исторіи дадутъ намъ совершенно несомнительные отвѣты. Надо помнить, что часто (отнюдь не необходимо, однако) организаціи политическая, экономическая и духовная составляютъ иногда юридическую привилегію, иногда фактическую принадлежность особыхъ группъ населенія. Въ первомъ случаѣ — это сословія, во второмъ — классы. Совершенно естественно, если эти сословія и классы стремятся расширять свою власть и компетенцію насчетъ другихъ сословій и классовъ, и такимъ путемъ государство вступаетъ въ борьбу съ церковью или буржуазіей. Исторія знаетъ достаточно примѣровъ того и другого. Но вѣдь это и есть то исключительное антинаціональное развитіе классоваго строя и классовыхъ интересовъ, о которомъ мы говорили выше и которое уже признали опаснымъ для національнаго блага и для самого государства. Это случай, когда политическая организація является удѣломъ спеціальнаго класса, а государство вырождается въ органъ этого класса, вмѣсто того, чтобы быть органомъ всего народа. Феодальный строй въ романо-германской Европѣ, шляхетскій строй въ Европѣ славянской были такимъ именно превращеніемъ государства въ органъ одного привилегированнаго класса. Повсемѣстно, однако, это классовое устройство управленія такъ или иначе отмѣнено, а съ этимъ падаетъ и антагонизмъ между интересами и пользами государства, какъ органа всей націи, и пользами этой самой всей націи. Я хорошо знаю, что могутъ возникнуть и при этомъ конфликты и антагонизмы, одинаково вредные и націи, и государству, но эта возможность уже не только не есть необходимость, но и не представляется естественною, являясь пережиткомъ сословнаго государственнаго строя или (въ странахъ капиталистическихъ) порожденіемъ новыхъ экономическихъ дифференцованій. Тема, затронутая въ этихъ строкахъ, очень обширна и интересна, но дальше останавливаться на ней въ настоящемъ случаѣ было бы неумѣстно. Намъ хотѣлось только показать, что разумно

понятые и совѣстливо проводимые интересы государственные и національные не должны противорѣчить другъ другу вообще, тѣмъ менѣе въ спеціальной области учебно-образовательной организаціи. Здѣсь они даже совпадаютъ.

Въ спеціальной области учебно-образовательной организаціи интересы націи, принимаемой какъ цѣлое, требуютъ такого образованія, которое одинаково соотвѣтствовало бы возможно успѣшному участію образуемыхъ индивидовъ въ организаціяхъ политической, экономической и духовной культуры, избѣгая при этомъ дробленія на классы, приспособленные для одной только организаціи и негодные для другихъ. Опасности такого дробленія, вызывающаго антагонизмъ между разными группами населенія и постепенно вытравляющаго чувство національной солидарности и общегосударственнаго патріотизма, и являются причиною, по которой въ интересахъ всей націи населеніе должно получать не только профессіональное, но и общее образованіе. Эта національная опасность есть опасность и государственная, потому что и государство нуждается въ томъ, чтобы населеніе было исполнено чувства патріотизма и сознанія общей національной солидарности, чтобы оно понимало національные и государственные интересы и задачи, чтобы оно могло сознательно и сочувственно служить имъ. Однако, не только эта широкая точка зрѣнія, объединяющая государственные и національные интересы, но и болѣе узкая спеціально-государственная невольно приводитъ къ такимъ же выводамъ.

Не далѣе полустолѣтія тому назадъ всѣ государства создавали свою военную силу выдѣленіемъ изъ состава націи класса военныхъ спеціалистовъ, только войною или военными упражненіями занимавшихся, всю жизнь посвящавшихъ военному дѣлу, никакого другого дѣла не знавшихъ и не умѣвшихъ, ни къ чему иному негодныхъ. Для этого посредствомъ вербовки, конскрипціи или рекрутства изъ здоровой, рослой и физически сильной молодежи всего народа выбирался необходимый контингентъ, отнынѣ терявшій всякую связь съ гражданскимъ міромъ и на всю жизнь

(на 25, на 20 лѣтъ) прикованный къ знамени и оружію. Государство пріобрѣтало этимъ путемъ отличныхъ, прекрасно подготовленныхъ и дисциплинированныхъ спеціалистовъ военнаго дѣла, но по необходимости этихъ спеціалистовъ было сравнительно немного, а замѣнить ихъ въ случаѣ военныхъ неудачъ (т.-е. когда войско особенно нужно) было очень затруднительно. Помимо всѣхъ выше бѣгло перечисленныхъ неудобствъ классовой замкнутости и обособленности, неудобствъ съ высшей національно-государственной точки зрѣнія, необходимая малочисленность войска и чрезвычайная затруднительность скораго возобновленія въ случаѣ потери явились, такимъ образомъ, серьезнымъ неудобствомъ уже съ чисто государственной точки зрѣнія. Это неудобство заставило народы Европы мало-по-малу перейти къ системѣ всенароднаго военнаго обученія, краткосрочности службы и совмѣщенія военной спеціальности со всѣми возможными спеціальностями. Обученіе всего населенія военному дѣлу, вмѣсто выдѣленія особаго замкнутаго военнаго класса, оказывается такимъ образомъ соотвѣтствующимъ столько же государственнымъ интересамъ, сколько и національнымъ. Государство стало гораздо могущественнѣе, а нація избавилась отъ одного изъ самыхъ древнихъ, устойчивыхъ и опасныхъ дифференцованій.

Успѣшность всенароднаго военнаго обученія находится въ полной зависимости отъ уровня общей культурности населенія. Дикаря можно сдѣлать солдатомъ и цивилизованнаго человѣка можно сдѣлать солдатомъ. Для дикаря, однако, нужно гораздо большій срокъ, чтобы стать хорошо дисциплинированнымъ и достаточно обученнымъ солдатомъ; пріобрѣтая съ трудомъ навыки дисциплины и тактическихъ пріемовъ, дикарь ихъ и теряетъ скорѣе, легко возвращаясь къ первобытному состоянію. Словомъ, не только краткосрочность службы подъ знаменами можетъ быть примѣнена лишь въ цивилизованномъ государствѣ и къ цивилизованному населенію, но и сама система военныхъ резерновъ и запасовъ, призываемыхъ подъ знамена лишь во время

войны, требуетъ извѣстнаго уровня цивилизаціи и культурности. «Нѣмецкій школьный учитель побѣдилъ французовъ»—твердили нѣмцы на всѣ лады въ 1870 году, и это отчасти справедливо въ томъ смыслѣ, что только всенародное школьное образованіе дало возможность ввести въ Пруссіи трехлѣтній срокъ службы въ то время, какъ всюду кругомъ существовали двадцати и двадцатипятилѣтніе сроки. Безъ такого всеобщаго народнаго образованія трехлѣтній срокъ былъ бы немыслимъ, ни возможность сохранить въ теченіе пятнадцати-двадцати лѣтъ воинскіе навыки, пріобрѣтенные въ эти три года. Иначе говоря, безъ всенароднаго образованія Германія была бы не въ силахъ выслать милліонъ двѣсти тысячъ нѣмецкихъ солдатъ противъ четырехсотъ тысячъ французскихъ. Съ тѣхъ поръ культурность Германіи еще поднялась, и соотвѣтственно съ этимъ срокъ службы въ неспеціальныхъ войскахъ уменьшенъ съ трехлѣтняго до двухлѣтняго. Австрія и Италія не посмѣли послѣдовать примѣру ихъ могущественной союзницы: уровень культуры не позволяетъ. Въ Россіи до сихъ поръ для не получившаго образованія военнаго контингента принятъ шестилѣтній срокъ, для получившихъ начальное образованіе—четырехлѣтній, для лицъ съ среднимъ образованіемъ—годичный. Въ этой градаціи сроковъ лучше всего сказывается значеніе общаго неспеціальнаго образованія въ интересахъ спеціальныхъ обученій. Общеобразованные индивиды скорѣе пріобрѣтаютъ спеціальные навыки и дольше, лучше сохраняютъ ихъ. Въ настоящее время въ Россіи большинство призываемаго контингента принадлежитъ къ категоріи совершенно необразованныхъ, даже неграмотныхъ, т.-е. обязанныхъ служить шесть лѣтъ. Вслѣдствіе этого сравнительно долгаго пребыванія подъ знаменами большинства призываемыхъ, по необходимости приходится сильно сокращать число призываемыхъ. Содержа въ мирное время свыше девятисотъ тысячъ комбатантовъ, т.-е. около одной десятой части всего населенія, Россія можетъ пропустить черезъ военную школу арміи всего одну треть своего мужского населенія. Если бы состояніе на-

родной образованности дало возможность сократить срокъ до трехъ лѣтъ (какъ въ Австріи), то, не увеличивая нимало мирнаго состава арміи, ни военныхъ расходовъ, явилась бы возможность пропускать черезъ армію уже двѣ трети населенія, которому было бы легче нести бремя воинской повинности. Государство стало бы, однако, вдвое могущественнѣе. При повышеніи уровня культурности до нынѣшняго германскаго, призывалось бы все мужское молодое поколѣніе на два года, бремя повинности стало бы еще легче и равномѣрнѣе, государство еще могущественнѣе и т. д. Изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній, однако, ясно, что интересы государства и націи требуютъ возможно высокаго уровня общаго образованія, на почвѣ котораго легко пріобрѣтаются и хорошо сохраняются спеціальные и профессіональные навыки, тогда какъ безъ общаго образованія требуется посвятить ихъ изученію и сохраненію всю жизнь, что вызываетъ, стало быть, дробленіе на классы, классовую замкнутость и антагонизмъ. Слѣдовательно, если смотрѣть на задачу школы вообще, средне-учебной въ особенности, съ точки зрѣнія интересовъ и пользъ государства и націи, какъ цѣлаго, то эта задача легко уложится въ формулу: прежде всего—общее образованіе, поднимающее уровень культурности образуемаго и подготовляющее его къ воспріятію всякихъ профессій, всякихъ спеціальныхъ навыковъ, всякихъ «кусковъ хлѣба», всякихъ «нуждъ жизни»... Но не есть ли все это вмѣстѣ съ тѣмъ и образовательная задача въ интересахъ образуемыхъ индивидовъ? Не сводятся-ли, стало быть, три отвѣта, которыми мы заключили предъидущую главу, къ одному?

Широко, правильно и дальновидно понимаемые интересы націи, какъ цѣлаго, государства и отдѣльныхъ гражданъ вообще не должны противорѣчить другъ другу (по крайней мѣрѣ, въ современномъ государствѣ); въ частности несомнѣнно, что они совпадаютъ въ вопросахъ учебно-образовательной организаціи. Въ интересахъ націи, государства и образуемыхъ субъектовъ эта организація должна имѣть въ основѣ своей внимательно обдуманную систему общаго

образованія, приготовляющую не спеціалиста, а человѣка, всесторонне культурнаго, развитого и образованнаго. Цивилизованный человѣкъ—вотъ что нужно «для жизни», и вотъ какой задачѣ должна отвѣтить всякая цѣлесообразно-организованная средняя школа.

Что средняя школа должна готовить не техника и спеціалиста, а человѣка въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова—доказывали еще Пироговъ и Ушинскій. Въ нашихъ выводахъ мы остаемся, такимъ образомъ, вѣрны воззрѣніямъ самыхъ компетентныхъ авторитетовъ нашихъ въ учебномъ дѣлѣ.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ современныя системы средняго образованія соотвѣтствуютъ такой задачѣ?

IV.

Если выше изложенныя соображенія справедливы, если задачею средней школы должно быть общее образованіе, иначе говоря, образованіе человѣка вообще, а не спеціально офицера, чиновника, ремесленника, купца, учителя, то и центромъ тяготѣнія всей системы средняго образованія должно быть, прежде всего и главнѣе всего, пониманіе человѣка и многостороннее познаніе всего человѣчнаго и человѣческаго, всего того, что, по гордому и прекрасному идеалу, затребованному Теренціемъ Варрономъ безъ малаго два тысячелѣтія тому назадъ, не должно быть чуждо человѣку, достойному носить это имя. Homo sum et nihil humanum mihi alienum puto, такъ сжато и точно формулировалъ великій римскій драматургъ человѣческое достоинство, достоинство истинно цивилизованнаго человѣка, сознающаго свои обязанности, свои права и свою отвѣтственность. Мы нерѣдко повторяемъ эту знаменитую формулу, мы даже гордимся ею, но недостаточно вспоминаемъ о ней именно тамъ, гдѣ ей наиболѣе должно быть отдано почета, вниманія и значенія, въ вопросахъ учебно-образовательныхъ. Не ясно-ли, что именно она должна быть выс-

шимъ критеріемъ въ вопросахъ воспитанія и образованія? Не очевидно-ли, что человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ многосторонне свѣдущимъ и ученымъ, не можетъ быть названъ образованнымъ, если не подготовленъ къ уразумѣнію и усвоенію этой формулы человѣческаго достоинства? Онъ можетъ не уразумѣть ее по природной тупости и не усвоить по испорченности, но онъ не получилъ и не получалъ образованія, если школа ему не предоставила средствъ уразумѣть и усвоить сознаніе его человѣческаго достоинства, сознаніе его человѣческихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности, пониманія человѣка и его мѣста и роли въ средѣ ему подобныхъ, по отношенію къ согражданамъ, обществу, государству и человѣчеству.

Было бы большою ошибкою думать, что только что формулированная основная проблемма средней школы должна быть достигаема или даже можетъ быть достигаема преподаваніемъ правилъ поведенія, обученіемъ систематизированной доктрины о правахъ и обязанностяхъ человѣка по отношенію къ себѣ, ближнимъ и отечеству, словомъ, догматикою морали, совѣсти и чести. Догматика и отвлеченная доктрина менѣе всего могутъ быть усвоены подростающимъ поколѣніемъ. Время для догматики и систематизаціи наступитъ послѣ въ свое время. Въ средней школѣ это было бы просто морализированіе, даже вредное, скорѣе возбуждающее несочувствіе обучающейся молодежи. Моральное чувство не можетъ быть внушено наставленіемъ и классными уроками. Оно дается рожденіемъ, воспитаніемъ въ семьѣ, вліяніемъ среды, въ которой выростаетъ молодежь. Это готовая величина, съ которою школа должна считаться, которою она должна воспользоваться и которую она обязана просвѣтить, т.-е. рядомъ съ непосредственнымъ чувствомъ дать разумѣніе, рядомъ съ инстинктомъ—убѣжденіе. Въ обществѣ, въ которомъ преобладаетъ здоровое прогрессивное развитіе, запасы непосредственнаго моральнаго чувства всегда достаточны; достаточны они поэтому и въ обучающейся молодежи. Это молодое поколѣніе и безъ школы исполнено чувства чести и носитъ въ сердцѣ своемъ запасы совѣсти и альтруизма; образова-

ніе должно уяснить эти чувства, озарить ихъ пониманіемъ, присоединить голосъ разума къ голосу совѣсти, тѣмъ самымъ усилить и укрѣпить голосъ совѣсти. Но если преподаваніе чести и обученіе совѣсти невозможно, если это морализированіе является обыкновенно лицемѣрною личиною безчестія и безнравственности, то чего же можемъ мы желать и требовать отъ нашей школы? Не ставимъ ли мы ей невыполнимую проблемму постичь непостижимое и объять необъятное? Однако, для человѣка постичь человѣка не можетъ и не должно быть недостижимо и недоступно. Для этого существуютъ иные пути, давно, впрочемъ, извѣстные человѣчеству, и если оно въ послѣднее время какъ бы задумывается надъ ними, какъ бы теряется въ выборѣ между ними, то причиною тому является осложненіе жизни общественной, къ которому не успѣло приспособиться ученое сословіе, слишкомъ спеціализовавшееся, чтобы обнять общую проблему, отнюдь не необъятную, но требующую нѣсколько больше вниманія къ своей многосторонности и своему многообразію.

Какой нибудь дикарь Огненной Земли, для невнимательнаго наблюдателя едва лишь отличающійся отъ гориллы, есть уже человѣкъ, однако человѣкомъ являются и Гарибальди, Вашингтонъ, Дарвинъ, соединяющіе въ себѣ все, что есть высокаго и великаго на землѣ, и творческій геній, и нравственное величіе, и огромный трудъ, и еще большую скромность. Іерархія человѣческаго достоинства, по-истинѣ громадна, почти безконечна. Медленно человѣчество всходило по этой лѣстницѣ, постепенно накопляя въ лучшихъ представителяхъ своихъ запасы чести и совѣсти, широту и глубину пониманія. То, что эти лучшіе представители человѣческаго рода перечувствовали и перестрадали, передумали и переработали, и является тѣмъ огромнымъ нравственнымъ и умственнымъ капиталомъ, изъ котораго человѣчество можетъ почерпать новыя и новыя силы для своего нравственнаго и умственнаго роста и на познаніи котораго только и можетъ молодое поколѣніе получить образованіе, способное дать ему средства съ достоинствомъ продолжать

дѣло лучшихъ людей отжившихъ поколѣній. Дѣянія этихъ лучшихъ людей, записанныя въ исторіи и біографіи, оставленные ими труды, литературные, ученые и художественные; все великое, ими совершонное; все горестное, ими перенесенное; все постыдное, ихъ омрачившее; вся эта умственная и нравственная жизнь съ ея борьбою и страстью, съ побѣдами и пораженіями, со славою и со стыдомъ, съ радостями и горестями, — только и можетъ быть школою истинно-человѣческаго образованія, школою человѣческаго достоинства, чести и совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ школою пониманія и разумѣнія человѣческихъ и общественныхъ отношеній, правъ и обязанностей, подготовленіемъ къ всестороннему усвоенію и высшаго знанія, и житейскихъ навыковъ.

Когда въ классическія времена и потомъ вторично въ эпоху возрожденія Плутархъ становился настольною книгою средней школы, это было такимъ же выраженіемъ признанія только что высказанной истины, какъ и въ средніе вѣка, когда такою же настольною книгою являлись житія святыхъ. Изученіе классической литературы въ одномъ случаѣ, сосредоточеніе образованія на священномъ Писаніи въ другомъ представляются естественнымъ, логически послѣдовательнымъ и для своего времени вполнѣ цѣлесообразнымъ развитіемъ этихъ средне-учебныхъ программъ. Для каждой изъ цитируемыхъ эпохъ это была наилучшая программа, наиболѣе соотвѣтственная нравственнымъ идеаламъ современнаго человѣчества и стремившаяся поднять его лучшія силы до верховъ достоинства и пониманія, доступныхъ эпохѣ. Подвиги великомучениковъ, праведниковъ, проповѣдниковъ Слова Божія пробуждали лучшія нравственныя чувства учащагося поколѣнія, а библія давала удовлетвореніе познавательной способности человѣка, не вышедшаго еще изъ сферы чисто религіознаго міровоззрѣнія. Выходъ изъ періода такого чисто религіознаго міровоззрѣнія мы и называемъ эпохою Возрожденія. Была создана свѣтская школа, гдѣ рядомъ съ житіями почетное мѣсто занялъ Плутархъ, рядомъ съ еврейскою литерату-

рою литература классическая. Но почему итальянцы и французы, нѣмцы и англичане остановили свой выборъ на Плутархѣ и классикахъ, точно они не имѣли своихъ героевъ, поэтовъ и мыслителей? Не трудно понять тому причину и признать, что для своего времени это былъ наилучшій возможный выборъ, самое логическое и плодотворное рѣшеніе.

Въ жизни отдѣльныхъ индивидовъ, какъ и въ жизни народовъ и человѣчества, временами наступаютъ періоды, обыкновенно не долговѣчные, когда обычное будничное теченіе жизни замѣняется кратковременнымъ, но всесторонним подъемомъ и яркимъ плодотворнымъ расцвѣтомъ всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ способностей и достоинствъ человѣка. Сѣрый будничный человѣкъ, буднично живущій, буднично мыслящій, заурядно чувствующій, проявляетъ, подъ вліяніемъ исключительнаго стеченія обстоятельствъ, дарованія, далеко не будничныя, совершаетъ дѣянія, далеко не заурядныя. Это стеченіе исключительныхъ обстоятельствъ пробудило въ немъ долго дремавшія способности, долго спавшую энергію, и будничный заурядный человѣкъ становится человѣкомъ необыкновеннымъ, выдающимся, отмѣченнымъ судьбою. Нерѣдко человѣкъ расплачивается гибелью за это счастье кратковременнаго расцвѣта и полноты жизни. Иногда же эта волна такъ же отступаетъ, какъ и наступила. Проходитъ исключительное стеченіе обстоятельствъ, и вчерашній герой снова погружается въ свою сѣробудничную жизнь съ ея заурядными дѣлами, мыслями и чувствами, ничѣмъ не выдающимися надъ среднимъ уровнемъ ему обычной, порой даже пошлой дѣйствительности. Не мало такихъ героевъ на минуту знаетъ исторія, а личный опытъ каждаго пожившаго человѣка подскажетъ ему воспоминаніе о какомъ-либо эпизодѣ, если не періодѣ его жизни, когда онъ способенъ былъ, не могъ даже не возвыситься надъ своимъ собственнымъ среднимъ уровнемъ даровитости и дѣятельности. О подобныхъ свѣтлыхъ эпизодахъ, о такихъ героическихъ періодахъ своей жизни человѣкъ сохраняетъ навсегда отрадную, почти

святую память, какъ бы буднична и ничтожна ни была его послѣдующая карьера. И память эта на долго будетъ служить ему не только отрадою, но и поученіемъ, спасетъ отъ многаго недостойнаго и устранитъ многое неразумное въ его жизни.

Не только отдѣльные индивиды, не только народы, но и все наше земное человѣчество имѣетъ въ своей далеко нерадостной исторіи такой свѣтлый и отрадный эпизодъ, такой ни съ чѣмъ несравненный періодъ всесторонняго подъема человѣческаго генія. И періодъ этотъ—классическая исторія, главнымъ образомъ исторія Эллады, этотъ расцвѣтъ человѣческаго творчества и человѣческаго достоинства въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Эти Аѳины, въ три поколѣнія развернувшія культуру, на которую другіе народы и все человѣчество тратило напрасно цѣлыя тысячелѣтія; эта Спарта, воинская доблесть которой никогда не была превзойдена и которая истинно-легендарнымъ патріотизмомъ является вѣчною укоризною эгоизму и своекорыстію человѣчества; это свѣтское просвѣщеніе, дотолѣ вовсе невѣдомое міру и затѣмъ снова утраченное человѣчествомъ на два тысячелѣтія; эта философія, что съумѣла затронуть всѣ основныя идеи всѣхъ главныхъ философскихъ школъ всѣхъ временъ и народовъ; это искусство, что доселѣ приводитъ въ восхищеніе и служитъ поученіемъ художественному міру; однимъ словомъ, эта Эллада, что не имѣетъ себѣ равной на пространствѣ всего земного шара, на протяженіи всѣхъ пяти тысячелѣтій всемірной исторіи,—развѣ это не является именно такимъ несказанно свѣтлымъ эпизодомъ въ жизни человѣчества, жизни, достаточно сѣрой и недостаточно отрадной? И человѣчество дѣйствительно хранитъ и не можетъ, не смѣетъ не хранить память объ этомъ періодѣ и съ умиленіемъ улыбается, вспоминая этотъ небывалый подъемъ своей даровитости и энергіи, своего творчества и своей доблести, своей умственной и нравственной силы. Въ жизни человѣчества много поучительныхъ страницъ, но мало отрадныхъ. Такой отрадной не указать другой. Эта страница

научаетъ насъ уважать, а не презирать человѣчество, вкладываетъ въ нашу грудь вѣру въ его силу и энергію, въ его достоинство и будущность... Исторія и дѣянія эллинскаго періода — великая, поучительная и возвышающая душу книга, которую никогда не надо забывать и повторять которую никогда не мѣшаетъ. Исторія римскаго народа является необходимымъ дополненіемъ греческой исторіи. Римъ, повторивъ сначала легендарныя доблести Спарты, затѣмъ принялъ аѳинское наслѣдство, усвоилъ его, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развилъ и сохранилъ для послѣдующаго человѣчества. Въ формулахъ права Римъ резюмировалъ свободную и свѣтскую гражданственность классическаго міра. Таково было то наслѣдство, которое въ XV вѣкѣ, послѣ паденія Константинополя и переселенія въ Италію послѣднихъ могиканъ греческой образованности, открылось романо-германской Европѣ, какъ разъ въ это время уже доразвившейся до идеи свѣтскаго просвѣщенія. Его не приходилось даже искать. Оно, совсѣмъ готовое, со всѣмъ обаяніемъ никогда дотолѣ непревзойденнаго генія, открылось очамъ, уже ищущимъ истины и свѣта.

Если созданіе цивилизованнаго человѣка есть задача образованія, если лучшимъ путемъ для этого является изученіе дѣяній и твореній цивилизованныхъ людей въ ихъ лучшихъ и совершеннѣйшихъ представителяхъ, то для европейскаго общества XIV—XVI вв. не могло быть лучшей школы, какъ классическая. Германскій дикарь, въ теченіе V—VII вв. завоевавшій и ниспровергшій древній цивилизованный міръ романскій и кельтическій, былъ еще такъ невиненъ въ смыслѣ культуры и просвѣщенія, что могъ только истребить цивилизацію, но не перенять. Идеалъ цивилизованнаго человѣка, всѣ эти Аристиды, Периклы, Гракхи, Брутты, Сократы, стоики, былъ ему совершенно недоступенъ и непонятенъ. Ихъ чувства и мысли, ихъ радости и горести, ихъ подвиги и ихъ униженія, всѣ ихъ страсти, стремленія и желанія были ему чужды до совершенной непостижимости, не говоря уже объ ихъ идеяхъ, міропониманіи, общественномъ идеалѣ, наукѣ, искусствѣ.

Этому дикарю, талантливому, но грубому умомъ и чувствомъ, надо было дать предварительное медленное, но суровое и неослабное перевоспитаніе. Римская церковь взялась за это дѣло. Убіеніе плоти съ ея необузданными страстями; уваженіе къ духовному началу; почитаніе подвиговъ самоотверженія, страданія и милосердія; суровая дисциплина покаянія и духовной покорности; доступные пониманію средневѣкового человѣка библейскіе разсказы о добродѣтельной, но простой жизни древнихъ патріарховъ; обаяніе исполненной труда и подвига жизни святыхъ и праведныхъ,—и явились этою необходимою школою. Въ XIV—XV вв. общество стало уже перерастать эту школу, а невозбранное многовѣковое господство ея представителей, католическаго духовенства, постепенно вытравило въ ней духъ творчества и добродѣтели и открывало ее справедливой критикѣ. Протестантизмъ и Возрожденіе явились одинаково отвѣтомъ на эту отсталость и упадокъ средневѣковой школы. Протестантизмъ былъ болѣе рѣзкою по формѣ, Возрожденіе болѣе глубокою по идеѣ реформою духовной жизни народовъ Западной Европы. Что было вполнѣ пригодно и полезно для дикаря VI в., изъ того уже выросъ полу-варваръ XV в. Непонятное и недоступное для перваго, стало для второго обаятельно привлекательнымъ. Самъ онъ еще не былъ цивилизованнымъ человѣкомъ, но уже могъ понять чувства, идеи и стремленія цивилизованнаго человѣка. Это пониманіе дала ему новая тогда, а нынѣ столь престарѣлая, классическая школа. Никогда въ другой разъ школѣ не удавалось сотворить такого по-истинѣ великаго дѣла, какое выпало на долю и на счастье классической школѣ, по справедливости назвавшей себя школою гуманистическою, школою человѣчности. Черезъ нее огромный запасъ накопленнаго знанія древняго классическаго міра, еще болѣе огромный запасъ идей, общественныхъ идеаловъ, художественнаго творчества, весь этотъ, казалось, мертвый капиталъ, погребенный подъ обломками пятнадцати вѣковъ, сразу открылся молодой Европѣ, уже жаждущей просвѣщенія, истины и правды. Это была такая

громадная сила, явившаяся внезапно на помощь прогрессивнымъ силамъ того времени, что оцѣнить ея значеніе возможно только теперь, когда уже завершилась ея роль. Богъ знаетъ, съумѣла ли бы Европа справиться съ одолѣвавшими ее мрачными силами обскурантизма и косности, если бы не эта счастливая и могущественная поддержка, оказанная умственнымъ и нравственнымъ наслѣдствомъ великихъ мыслителей и дѣятелей греко-римскаго міра. Классическая школа явилась въ свое время проводникомъ этого наслѣдства, и въ этомъ ея величайшая историческая заслуга.

Таково историческое происхожденіе и оправданіе классической школы, какъ системы, основанной на всестороннемъ ознакомленіи учащагося поколѣнія съ твореніями и дѣяніями греческаго и римскаго міра. Въ этомъ ея основная сущность. Учебная программа сложилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ условій мѣста и времени. Въ тѣ времена, когда складывалась учебная программа классической школы, выработаннаго литературнаго и научнаго языка не имѣли ни французы, ни нѣмцы, ни англичане. Имѣли итальянцы языкъ Данте, но все-таки не для науки и философіи. Варварская средневѣковая латынь служила во всей романо-германской Европѣ и у западныхъ славянъ языкомъ литературы и науки, языкомъ просвѣщеннаго класса. Замѣнить неуклюжую, испорченную, не изящную и мало литературную варварскую латынь подлиннымъ красивымъ, выразительнымъ, стройнымъ языкомъ Горація и Тацита явилось, такимъ образомъ, естественною задачею новой классической школы, естественною и необходимою, потому что ни дѣйствительное постиженіе древне-римской жизни и литературы, ни развитіе литературнаго вкуса не могли быть достигнуты инымъ путемъ. Та же причина заставила столь же прилежно заняться и греческимъ языкомъ. Усвоить греческую и латинскую литературу новѣйшимъ языкамъ посредствомъ хорошихъ переводовъ, достойныхъ своихъ великихъ подлинниковъ, было тогда невозможно и по неразвитости новыхъ языковъ, не готовыхъ

еще къ выраженію всего многообразія идей и образовъ, сохраненныхъ въ греческихъ и латинскихъ памятникахъ, ни по неподготовленности самого новаго литературнаго слоя, еще недостаточно образованнаго и свѣдущаго для такого огромнаго труда. Потому что не надо забывать, что если переводчикъ и не обязанъ равняться талантомъ переводимому автору, то образованъ онъ долженъ быть не менѣе его, скорѣе даже образованнѣе. Только продолжительное, изъ поколѣнія въ поколѣніе, усвоеніе образованнымъ европейскимъ обществомъ классическихъ языковъ съ ихъ высоко развитою литературною формою и глубокимъ идейнымъ содержаніемъ могло такъ скоро создать цивилизованное общество изъ полуварваровъ и схоластиковъ недавняго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ быстро и удачно разрѣшить задачу созданія новыхъ національныхъ языковъ, литературныхъ и научныхъ. Итальянскій языкъ сложился и выработался первымъ, въ XIV—XV вв. Всѣ шансы опередить его имѣлъ только языкъ провансальскій, но горестныя политическія судьбы провансальскаго народа не только задержали, но даже совершенно остановили развитіе его прекраснаго и много обѣщавшаго языка, передавшаго свое наслѣдство языку французскому, который одновременно съ испанскимъ и португальскимъ и получаетъ литературную и философскую обработку въ XVI в. Тогда же складывается и англійскій языкъ. Въ XVII в. въ литературный фазисъ существованія вступаютъ языки голландскій и польскій. Тягостная политическая исторія Германіи въ теченіе XVI и XVII вв. тормозитъ развитіе нѣмецкаго языка, который сложившимся можно считать лишь съ XVIII в. Русскій литературный языкъ есть уже созданіе XIX вѣка. Такимъ образомъ, мало-по-малу, въ теченіе четырехъ столѣтій окончательно вырабатываются и складываются, на почвѣ усвоенія классической литературы, ея формъ и вкуса, всѣ новые европейскіе языки (кромѣ русскаго, для котораго ту же службу сослужили языки французскій и нѣмецкій). Повидимому, эта роль и назначеніе классической школы завершились, и новые языки и

новыя литературы, воспринявъ и переработавъ богатое лингвистическое и литературное наслѣдство древняго міра, продолжаютъ дальше развитіе, уже не нуждаясь въ классическихъ образцахъ и далеко переросши классическія идеи. Повидимому, стало быть, и самой школѣ классической наступаетъ время подумать о наслѣдникѣ.

Схоластическая школа господствовала въ теченіе девяти вѣковъ во всей Европѣ. Вполнѣ отвѣчавшая потребностямъ VII—VIII вв., она должна быть помянута съ благодарностью. Она много потрудилась надъ перевоспитаніемъ дикаря и для пріобщенія его къ духовной жизни. Когда школа, вмѣстѣ съ другими, болѣе могучими, факторами исторіи, совершила эту задачу, и европейскій варваръ, пріобщенный къ духовной жизни, потребовалъ духовной пищи, схоластическая школа не могла удовлетворить этой новой потребности. Ее замѣнила классическая, блистательно выполнившая свою задачу и создавшая цивилизованное общество новой Европы. Въ настоящее время общество это переросло уже ту цивилизацію, которую только и можетъ (въ лучшемъ случаѣ) предложить эта школа, цивилизацію классическую.

Для общества, знавшаго только схоластику, философія Платона, Зенона, Эпикура, Демокрита была истиннымъ откровеніемъ; для нашего общества эта философія любопытна лишь, какъ геніальное предвосхищеніе идей, всестороннее и широкое обоснованіе и развитіе которыхъ мы будемъ искать, конечно, не у древнихъ. Для общества, которое имѣло только рыцарскую поэзію трубадуровъ и миннезингеровъ и эпическія сказанія, изящная литература Греціи и Рима открывала собою цѣлый новый міръ образовъ, формъ, художественныхъ идей; для современныхъ европейскихъ обществъ съ ихъ еще болѣе богатыми и разносторонними литературами, классическія литературы сохранили, конечно, интересъ и поучительность, но уже не могутъ имѣть наставляющаго и руководящаго значенія. Для общества, дико-невѣжественнаго и суевѣрнаго, какимъ было общество XV в., наука Аристотеля, Птоломея, Плинія была

очень крупнымъ, прямо драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ; она только историческій памятникъ для современнаго общества. Формы древней цивилизаціи съ ихъ свободными учрежденіями, съ ихъ свѣтскостью и сравнительною гуманностью, съ ихъ патріотизмомъ и самоотверженіемъ, съ ихъ признаніемъ неприкосновенности права, эти формы могли быть идеаломъ для общества, построеннаго на феодальной іерархіи и не знавшаго отечества, съ суровыми деспотическими правительствами, съ безправіемъ и безсудіемъ. Надо, однако, вспомнить, что древняя цивилизація никогда не могла освободиться отъ рабства, и если освобождала женщину изъ подъ замковъ гинекея, то развѣ для разврата. Конечно, такая цивилизація уже не можетъ быть идеаломъ современнаго общества. То же, что̀ мы сказали о философіи, литературѣ, наукѣ, гражданственности, пришлось бы повторить объ искусствѣ, театрѣ, нравахъ, общественныхъ идеалахъ. Для общества XV вѣка классическая цивилизація должна была представляться идеаломъ во всѣхъ отношеніяхъ; современное общество во всѣхъ отношеніяхъ переросло эту цивилизацію. Оно переросло, слѣдовательно, и классическую школу, которой великая историческая задача и великая историческая заслуга и заключались въ томъ, чтобы варварскому обществу привить высшую цивилизацію. Покамѣстъ классическая цивилизація была выше ново-европейской, до тѣхъ поръ классическая школа имѣла великое цивилизующее значеніе. Съ тѣхъ же поръ, какъ современная ново-европейская цивилизація далеко опередила классическую, и образованіе классическое потеряло главную основу своего существованія. Въ настоящее время оно пережило само себя, и одряхлѣвшая, извѣрившаяся, потерявшая весь былой престижъ и былое значеніе, классическая школа держится только преданіемъ. Дни ея сочтены, но кто идетъ ей на смѣну?

V.

Я уже упомянулъ, какъ нѣмцы первые, а за ними и другіе народы, обошли рѣшеніе этой проблеммы. Не ломая головы надъ выработкою типа новой школы, которая могла бы явиться такою же полною и полноправною наслѣдницею классической школы, какою явилась сама классическая послѣ схоластической, нѣмцы, а за ними и другія націи Европы, оставили совершенно неприкосновенною систему классическаго образованія, какъ главную основу средняго образованія, а для удовлетворенія возростающаго недовольства устарѣвшею школою основали рядомъ съ нею новую, такъ называемую реальную. Недостаточно обдуманная, явившаяся уступкою нехотя, свысока третируемая учебнымъ сословіемъ, реальная школа получила довольно случайную организацію и программу и менѣе всего вправѣ надѣяться замѣнить собою клсссическую.

Когда новая европейская цивилизація начала перерастать свои классическіе образцы, то прежде всего и ярче всего это сказалось въ области естествознанія, иначе называемаго реальнымъ знаніемъ. Въ эпоху своего процвѣтанія классическая школа давала своимъ питомцамъ и реальное знаніе, какъ оно было создано классическою наукою. Аристотель, Птоломей, Страбонъ, Эратосѳенъ, Плиній проходились и изучались не только, какъ литературные памятники. Ихъ усвоивали; отъ нихъ научались познанію природы. Въ настоящее время уже невозможно преподавать физику по Аристотелю, астрономію—по Птоломею, или естественную исторію — по Плинію. Это первое обнаруженіе того факта, что новая цивилизація опережаетъ классическую, вызвало и первую критику классической системы образованія. Отвѣтомъ на эту критику и явилось основаніе реальныхъ училищъ. Тѣмъ временемъ, однако, новая цивилизація обнаружила свое превосходство не только въ области положительнаго знанія, а во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ, но это не принято въ разсчетъ реально-учебными

программами. Классическая школа даетъ цивилизацію, хотя устарѣлую и стоящую ниже современной; реальная школа вовсе не даетъ цивилизаціи, совсѣмъ не ставитъ ее своей задачей, ограничиваясь сообщеніемъ полезныхъ свѣдѣній. Правда, и въ реальныхъ училищахъ преподается исторія, родной языкъ и родная литература, но, во-первыхъ, они отодвинуты на задній планъ, а во-вторыхъ, усвоеніе національной цивилизаціи, хотя и должно входить въ составъ общаго образованія, не есть, однако, общее образованіе. Даже такія богатыя культурою націи, какъ англичане, французы или нѣмцы, не могли бы, безъ большого ущерба для самой культуры своей, замкнуться въ ней и не оплодотворять ее общеніемъ съ другими культурами. Такимъ образомъ, если классическое образованіе не соотвѣтствуетъ современному уровню цивилизаціи, то реальное вовсе не есть образованіе. Классическая школа пережила уже свое время и должна быть замѣнена новою школою, но никакъ не реальныя училища могутъ быть этою новою школою. Неудачное порожденіе неудачнаго компромисса защитниковъ старой школы съ нарождающимися новыми потребностями, реальная школа не должна пережить классическую и одновременно съ нею должна уступить мѣсто новой школѣ, которая, подобно классической, должна ставить своей задачей образованіе цивилизованнаго человѣка, но при этомъ должна быть согласована съ современнымъ высшимъ уровнемъ цивилизаціи.

Если насъ не удовлетворяетъ ни классическая, ни реальная школа, то, конечно, еще менѣе соотвѣтствуютъ современнымъ образовательнымъ потребностямъ всякія спеціальныя среднія школы, кадетскіе корпуса, коммерческія училища, духовныя семинаріи, гдѣ съ дѣтскихъ лѣтъ человѣка превращаютъ въ спеціалиста, что̀ не можетъ содѣйствовать общему образованію. Для спеціализаціи всегда осталось бы время послѣ общаго образованія. Женскія среднеучебныя заведенія, повторяющія гимназическую программу безъ классическихъ языковъ и съ укороченною программою математики и физики, повторяютъ собою всѣ

недостатки реальныхъ училищъ, не давая и тѣхъ полезныхъ свѣдѣній, которыя даютъ реальныя училища. Болѣе полное преподаваніе отечественной литературы и лучшее изученіе новѣйшихъ языковъ являются, однако, существеннымъ преимуществомъ женскихъ гимназій и открываютъ собою именно тотъ путь, на которомъ возможна плодотворная реформа средне-образовательной системы.

«Цивилизованный человѣкъ» былъ задачею классической школы; такую же задачу должна ставить себѣ и новая школа, которая должна остаться гуманитарною, переставъ быть классическою. Новый цивилизованный человѣкъ, какъ онъ выражается въ лучшихъ представителяхъ, въ лучшихъ дѣяніяхъ и лучшихъ твореніяхъ новаго времени, выше, многостороннѣе, гуманнѣе классическаго человѣка и молодое поколѣніе можетъ лучше и всестороннѣе цивилизоваться, усвоивая дѣянія и творенія передовыхъ націй новой Европы, нежели на дѣяніяхъ и твореніяхъ древности. Послѣднія должны сохранить мѣсто во всякой гуманитарной школѣ, но первое мѣсто и главную роль должны уступить ново-европейскому творчеству и ново-европейской культурѣ. Изученіе языковъ, исторіи и литературы было основою хорошей классической школы. Языки, исторія и литература должны остаться основными предметами и новогуманитарной школы. Три націи стоятъ въ настоящее время во главѣ человѣческой цивилизаціи, французы, англичане и нѣмцы. Изученіе ихъ цивилизаціи должно быть положено краеугольнымъ камнемъ новогуманитарной школы, дополняемое изученіемъ отечественной цивилизаціи. Мы выше упомянули, почему классическая школа должна была опереться прежде всего на изученіи языковъ. Нелитературность новыхъ языковъ, ихъ неподготовленность къ воспріятію переводовъ твореній высшей культуры была тому причиной. Теперь для классической литературы этого препятствія болѣе не существуетъ, и она можетъ быть передана на новые языки, можетъ внести свою образовательную и цивилизующую лепту и безъ изученія молодыми поколѣніями классическихъ языковъ. Если сама классическая

школа, въ ея полномъ логическомъ развитіи, устарѣла и не соотвѣтствуетъ современному уровню образованности, то еще менѣе можетъ быть оправдана затрата большей части учебнаго времени на изученіе языковъ, которые даже для усвоенія классической цивилизаціи болѣе не нужны. Не отрицаю, что изученіе языковъ изощряетъ логику и расширяетъ горизонтъ нашего пониманія, даетъ богатыя средства и орудія для мысли, но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что это привилегія классическихъ языковъ. Это было вѣрно въ то время, когда основывалась классическая школа и когда еще не сложились литературно новые языки. Это совершенно не вѣрно теперь, когда новые мыслители и новые художники довели выразительность, гибкость, красоту и многообразіе новой рѣчи до степени, неизвѣстной классической древности, ей недоступной. Въ настоящее время серьезное изученіе трехъ новыхъ языковъ послѣ хорошаго серьезнаго изученія родного языка не только вполнѣ замѣнитъ изученіе классическихъ языковъ въ дѣлѣ усвоенія литературности и философской послѣдовательности, вкуса и логики рѣчи, оно дастъ въ этомъ отношеніи гораздо больше, потому что новые языки, усвоивъ все богатство древнихъ, пошли настолько дальше, насколько ушло дальше само мышленіе, само содержаніе рѣчи. Форма не можетъ не соотвѣтствовать содержанію. Серьезное изученіе новыхъ языковъ важно, конечно, не только потому, что должно лучше изощрять мышленіе и литературный вкусъ, но и потому, главнымъ образомъ, что классическая литература, являясь величиною законченною, можетъ быть передана на новые языки разъ навсегда цѣликомъ до послѣдняго фрагмента включительно. Между тѣмъ новыя литературы живутъ и богатѣютъ; чтобы слѣдить за ними, нужно знаніе новыхъ языковъ. Слѣдить за классическими литературами нѣтъ надобности, да нѣтъ и возможности. Едва-ли кто либо рѣшится утверждать, что средняя школа можетъ серьезно научить пяти иностраннымъ языкамъ и шестому родному. Значитъ, надобно выбирать. Не отрицая, что и знаніе

классическихъ языковъ можетъ принести пользу и явиться однимъ изъ образовательныхъ факторовъ, надо признать, что новые языки являются и болѣе могучимъ образовательнымъ факторомъ, и не могутъ быть замѣнены переводами. Ясно, что они должны быть выбраны, должны замѣнить собою классическіе языки.

Въ настоящее время въ гимназіяхъ классическимъ языкамъ посвящается въ первыхъ двухъ классахъ по шести часовъ въ недѣлю, въ остальныхъ шести классахъ по двѣнадцати часовъ, да новымъ языкамъ по четыре часа, итого по десяти часовъ въ низшихъ классахъ и по шестнадцати въ высшихъ могло бы быть употреблено на новые языки. Это гораздо больше, чѣмъ необходимо. Начать съ того, что серьезное изученіе иностранныхъ языковъ до хорошаго знакомства съ роднымъ языкомъ и очень затруднительно, почти безплодно, и даже вредно, не только не изощряя логику и вкусъ, но путая и сбивая съ толку. Поэтому, едва-ли дозволительно начинать серьезное изученіе языковъ раньше четвертаго класса, до котораго можетъ быть окончена элементарная русская грамматика. Пять лѣтъ по четыре урока въ недѣлю болѣе, нежели достаточно, чтобы вполнѣ овладѣть новымъ языкомъ и широко ознакомиться съ его литературою въ лучшихъ признанныхъ ея представителяхъ. До четвертаго класса можно бы начинать лишь для наученія чтенію, письму и произношенію, для чего достаточно выбрать одинъ иностранный языкъ. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что замѣна двухъ классическихъ языковъ тремя новыми освободитъ до шести или даже восьми часовъ въ недѣлю въ низшихъ классахъ и около четырехъ въ высшихъ. Это значительное сбереженіе времени могло бы быть употреблено на усиленіе преподаванія русскаго языка и словесности, въ настоящее время сильно упавшее и затѣненное классическими предметами, и на расширеніе предметовъ реальнаго знанія. Конечно, знаніе не есть образованіе, но и образованіе будетъ не полно безъ знанія. Понятіе о космосѣ, его строѣ и его развитіи, его законахъ

и явленіяхъ должно входить въ составъ общаго образованія.

На всемъ протяженіи этой статьи мы разсматриваемъ современную школу въ ея идеѣ, какъ бы идеальную, такою, какою она должна быть въ наилучшемъ исполненіи. Мы ее нашли устарѣвшею и неудовлетворяющею современнымъ потребностямъ и при такомъ идеальномъ о ней представленіи. Надо однако помнить, что современная школа далеко не идеальная классическая школа и даже въ этомъ отношеніи заставляетъ многаго желать. Жизнь все болѣе обнаруживаетъ, что не въ классической древности приходится современному человѣку искать мудрости, знанія, вкуса, общественныхъ идеаловъ. Не можетъ не просачиваться это сознаніе и въ стѣны классической школы, которая и перестаетъ учить классической мудрости, вкусу, идеаламъ, словомъ, не прививаетъ больше цивилизаціи, а постепенно замыкается въ лингвистической дрессировкѣ учащихся. То, что прежде было только орудіемъ, открывавшимъ доступъ къ богатствамъ древней культуры и просвѣщенію, теперь становится самодовлѣющей цѣлью и теряетъ и то значеніе, которое еще могло бы сохранить. Это естественное умираніе классической школы, эта не возможность вдохнуть въ нее жизнь и движеніе становится все очевиднѣе, и сознаніе необходимости реформировать школу проникаетъ все глубже и шире во всѣ слои образованныхъ обществъ современной Европы и Америки. Повидимому, даже учебное сословіе начинаетъ замѣчать эту необходимость.

Таково положеніе средней школы во всемъ образованномъ мірѣ. Я уже указывалъ выше, что у насъ, въ Россіи, дѣло осложнялось еще нѣсколькими спеціально неблагопріятными условіями. Не мудрено, что у насъ и недовольство среднею школою обнаруживается сильнѣе. Дворянскія собранія Курской и Тифлисской губерніи даже возбудили въ 1896 г. предъ правительствомъ ходатайства о преобразованіи средней школы и о созданіи одного типа вмѣсто двухъ. Эти ходатайства возбудили снова оживлен-

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР
Інв. _____
БІБЛІОТЕКА
Академії Наук
УРСР

ное обсужденіе въ печати и послужили поводомъ и къ настоящимъ замѣткамъ, конечно, не претендующимъ исчерпать этотъ сложный вопросъ. Мнѣ хотѣлось только указать точку зрѣнія, съ которой слѣдовало-бы трактовать эту задачу. Не скрою, что реформа гимназій въ намѣченномъ мною направленіи застала бы и наши филологическіе факультеты неподготовленными и несогласованными съ новыми задачами. Серьезная реформа гимназическая не могла бы быть проведена и безъ столь же серьезной реформы филологическихъ факультетовъ, но объ этомъ въ другой разъ.

1896 г.

О ЗАДАЧАХЪ И СИСТЕМАХЪ ВЫСШАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

I.

Мы обѣщали возвратиться къ вопросу о реформѣ высшаго образованія. Реформа эта должна отвѣчать все ярче и настойчивѣе сказывающейся потребности въ реформѣ средняго образованія. Одна реформа безъ другой не можетъ быть вполнѣ цѣлесообразна. Съ одной стороны, безъ соотвѣтственнаго развитія и развѣтвленія университетскаго курса затруднительно сохранить гимназіямъ ихъ гуманитарный характеръ, опирая вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе на болѣе широкую основу болѣе высокой, нежели древняя, современной ново-европейской цивилизаціи. Съ другой стороны, болѣе внимательный анализъ этого необходимаго развитія и развѣтвленія университетскаго курса и возможнаго его согласованія съ современнымъ уровнемъ знанія вообще, гуманнаго въ частности, показываетъ, что эта проблемма можетъ встрѣтить затрудненія въ несоотвѣтствіи гимназическихъ программъ. Современныя гимназіи не имѣютъ въ виду подготовленіе слушателей къ такой развитой и развѣтвленной университетской программѣ. Ниже мы увидимъ, въ чемъ тутъ дѣло и что именно надобно предпринять для постепеннаго взаимнаго приспособленія высше-образовательной и средне-учебной системы и для приведенія ихъ къ уровню мощно выросшаго и широко раскинувшагося знанія. Это знаніе уже не вмѣщается въ рамки системы,

которая въ своихъ главныхъ основахъ выработана три-четыре вѣка тому назадъ и съ тѣхъ поръ нигдѣ не подверглась серьезному пересмотру. Система университетскаго образованія въ этомъ смыслѣ также мало обращала на себя вниманія, какъ и гимназическая. Если за всѣмъ тѣмъ университетская наука не возбуждаетъ такихъ нареканій, какъ средняя школа, то причина тому: естественно большая свобода университетскаго преподаванія, большая самостоятельность преподавателей, значительно болѣе высокій уровень образованности и даровитости учащихъ и учащихся. Все это даетъ возможность обходить пробѣлы системы, не реформируя ея писанныхъ статутовъ. Этнографія и антропологія читаются съ филологическихъ и географическихъ каѳедръ, соціологія и этика — съ каѳедръ историческихъ, философскихъ, юридическихъ и т. д. Тѣмъ не менѣе сама необходимость и обще-распространенность этихъ обходовъ не доказываетъ-ли съ очевидностью, что наступило время дать прямое удовлетвореніе новымъ потребностямъ, новому развитію знанія? И тѣмъ болѣе, что безъ такого зрѣло обдуманнаго удовлетворенія новымъ высше-образовательнымъ задачамъ и сама задача раціональной средне-учебной реформы становится крайне затруднительною, въ нѣкоторыхъ же немаловажныхъ своихъ частяхъ даже невозможною. Отсталость системы университетскаго образованія, особенно филологическихъ факультетовъ, является и долго будетъ являться однимъ изъ серьезныхъ тормазовъ и для цѣлесообразной благотворной средне-образовательной реформы, столь единодушно желаемой всѣмъ образованнымъ міромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающей столько разнорѣчія и полемики... Значительная доля этого разнорѣчія и этой полемики обязана своимъ существованіемъ именно факту, что система средняго образованія находится въ тѣсной зависимости отъ системы высшаго образованія. Невозможно рѣшать одну половину вопроса, оставляя безъ вниманія и безъ допроса другую половину и притомъ въ данномъ случаѣ половину, не болѣе настоятельную и важную, но болѣе вліятельную, держащую въ своей зависимости всю

систему національнаго просвѣщенія. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо умѣстно припомнить извѣстный совѣтъ Мордвинова, что лѣстницу надо мести, начиная съ верхнихъ ступенекъ, не съ нижнихъ...

Основныя положенія, установленныя нами въ прошедшей статьѣ и въ общихъ чертахъ опредѣляющія задачу и составъ всякаго образованія, послужатъ для насъ руководителемъ и въ настоящемъ нашемъ анализѣ. Въ самомъ дѣлѣ, задачи средней и высшей школы, поскольку онѣ служатъ задачамъ образовательнымъ (высшія школы служатъ еще задачамъ научнымъ и профессіональнымъ), должны отличаться другъ отъ друга, какъ два явленія одного рода, но двухъ разныхъ степеней развитія. Созданіе цивилизованнаго человѣка есть задача всякаго образованія; высшее образованіе (въ предѣлахъ образовательной проблеммы) должно отличаться только тѣмъ, что даетъ образуемому индивиду возможность глубже и несомнительнѣе усвоить, шире понять и лучше уяснить человѣческую цивилизацію, т.-е. человѣческое достоинство, мѣсто человѣка въ природѣ и въ обществѣ и проблемму жизни такого человѣка, исполненнаго сознанія своего достоинства и своего мѣста, своихъ правъ и своихъ обязанностей. Высшая школа много могущественнѣе въ этомъ отношеніи средней школы, и не даромъ общее мнѣніе почитаетъ высшее образованіе самымъ вѣрнымъ, единственно достовѣрнымъ показателемъ цивилизованности человѣка. Истинно и высоко цивилизованнымъ можетъ стать человѣкъ, и не побывавшій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—всѣ это знаютъ, но всѣ вмѣстѣ съ тѣмъ это признаютъ его личною заслугой, приписываютъ серьезному благородному труду или природной даровитости. Знаютъ всѣ такъ же, что и люди съ высшимъ образованіемъ проявляютъ порою довольно дикости и некультурности, но такія проявленія признаются по общему мнѣнію, если и не рѣдкимъ исключеніемъ, какъ бы слѣдовало, то во всякомъ случаѣ явленіемъ ненормальнымъ, несоотвѣтственнымъ полученному образованію. И это высшее образованіе въ такомъ случаѣ, въ глазахъ обще-

ства, представляется обстоятельствомъ, значительно увеличивающимъ вину безнравственнаго, недостойнаго или некультурнаго дѣянія. Нравственность и внутренняя достойность поведенія, культурность личности признаются, по общему мнѣнію, нормальнымъ и даже обязательнымъ послѣдствіемъ высшаго образованія. Такимъ образомъ, пріобрѣтеніе научнаго знанія или профессіональныхъ навыковъ, входящее какъ непремѣнное условіе въ систему всякаго высшаго образованія (какъ окончательнаго), не представляется для образованнаго человѣчества единственною или хотя бы главнѣйшею задачею высшей школы. Пріобрѣтеніе научнаго знанія или профессіональныхъ навыковъ можетъ нимало не укрѣпить нравственности, достоинства, культурности человѣка, нимало не повысить уровня его цивилизаціи. Между тѣмъ, именно этого повышенія уровня цивилизаціи и культурности и требуетъ найстойчиво и единодушно отъ высшей школы общественное мнѣніе всего образованнаго міра. И оно право, потому что именно высшая школа даетъ и руководителей средняго образованія, и руководителей наиболѣе важныхъ сторонъ культурной жизни общества и государства. Чтобы это руководительство было дѣйствительно цѣлесообразно; чтобы оно создавало цивилизованнаго человѣка въ средней школѣ; чтобы оно раціонально и достойно направляло и развивало культурную дѣятельность націи,— высшая школа должна быть вполнѣ на высотѣ тѣхъ великихъ и отвѣтственныхъ задачъ, которыя столь единодушно ставитъ ей общее мнѣніе. Она должна давать не только знаніе и профессіональные навыки. Она должна всесторонне возвысить уровень цивилизаціи проходящаго черезъ нее молодого поколѣнія. Она должна давать высшее образованіе въ лучшемъ и полнѣйшемъ значеніи этого выраженія.

Образованіе и знаніе—не одно и то же. Объ этомъ мы уже говорили въ прошлой статьѣ. Не мѣшаетъ, однако, теперь точнѣе выяснить взаимное отношеніе этихъ двухъ понятій. Знаніе есть пріобрѣтеніе и усвоеніе научныхъ истинъ въ систематическомъ порядкѣ и пріобрѣтеніе на-

выка извлекать научную истину изъ сырого матеріала фактовъ и наблюденій. Иначе говоря, знаніе есть усвоеніе научной доктрины и научнаго метода. Въ область научнаго знанія, какъ часть въ цѣлое, входитъ и познаніе человѣка, его гражданственности, его культуры, его общественной и національной жизни, его нравственности, его развитія и вырожденія. Съ этой точки зрѣнія то, что мы именуемъ образованіемъ, какъ бы входитъ въ составъ знанія, является его отдѣломъ. Однако, съ другой стороны, и само знаніе, всю совокупность научныхъ и философскихъ доктринъ можно разсматривать, какъ составную часть образованности. Всѣ эти научныя истины, теоремы, доктрины, гипотезы суть не болѣе, какъ творенія человѣка, такія же творенія, какъ его гражданственность, нравственность, искусство, матеріальная культура. Съ этой точки зрѣнія уже не образованіе входитъ въ знаніе, какъ часть въ цѣлое, а само знаніе является составною частью образованія. Знаніе входитъ въ образованіе, какъ часть въ цѣлое, и съ другой точки зрѣнія. Образованіе есть прежде всего и главнѣе всего усвоеніе навыковъ цивилизаціи (какъ она неоднократно была нами выяснена), озаренныхъ ихъ пониманіемъ, насколько то позволяетъ степень умственнаго прогресса данной эпохи. Это же міропониманіе, какъ основа самосознанія и какъ уясненіе и оправданіе пріобрѣтенныхъ культурныхъ навыковъ, невозможно безъ широкой научной и философской подготовки. Знаніе, такимъ образомъ, составляетъ необходимую составную часть высшаго образованія. Главное и существенное отличіе высшаго образованія отъ средняго и заключается въ возможности для перваго и крайней ограниченности для второго такой научной подготовки. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія чисто образовательной проблеммы научное и философское знаніе является основнымъ устоемъ университетскаго образованія.

Научное знаніе и съ другой стороны является такимъ основнымъ устоемъ университетскаго образованія. Средняя школа не есть и не должна быть окончательною и послѣднею ступенью. Послѣ нея для однихъ наступаетъ оче-

редь высшаго образованія, для другихъ—пріобрѣтенія профессіональныхъ навыковъ. Общее образованіе, которое должна-бы давать средняя школа, подготовляетъ для быстраго и успѣшнаго усвоенія профессіональныхъ навыковъ и является исходною точкою для образованія высшаго. Высшая же школа представляется окончательною и послѣднею учебною ступенью. Она выпускаетъ дѣятелей общественной жизни. Дѣятельность, къ которой призывается молодое поколѣніе, выпускаемое университетомъ, очень разнообразна. Прежде всего это дѣятельность государственная и общественная въ тѣсномъ смыслѣ, по управленію и самоуправленію, по литературѣ и журналистикѣ. Здѣсь необходимо высшее образованіе, а научное знаніе именно въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно составляетъ необходимую часть образованія. Слѣдующею категоріей дѣятельности, къ которой призывается контингентъ людей съ высшимъ образованіемъ, является дѣятельность ученая и учебная, задача двигать знаніе и задача передавать знаніе и образованіе молодому поколѣнію. Здѣсь знаніе научное представляется уже само спеціальностью, профессіей дѣятелей. Здѣсь уже нужны и профессіональные навыки, но какъ и въ первой категоріи навыки эти составляютъ большею частью необходимую интегральную часть самого научнаго курса или же пріобрѣтаются послѣ его окончанія практикою дѣла. Третьею категоріей дѣятельности, предстоящей воспитанникамъ высшей школы, являются спеціальныя профессіи, требующія обширной научной подготовки: врачебная, инженерная, техническая, агрономическая, горная и т. д. Здѣсь научное знаніе представляется орудіемъ для пріобрѣтенія профессіональныхъ навыковъ и потому естественно должно быть выбрано, соображаясь не только съ задачами образовательными и научными, но и со спеціальными задачами той или иной профессіи. Такимъ образомъ, въ основныхъ чертахъ своихъ высшее образованіе естественно дробится на три типа: 1) высшее образованіе въ собственномъ смыслѣ слова, соединенное съ научнымъ знаніемъ, поскольку того требуютъ именно

образовательныя задачи; 2) научное знаніе, какъ спеціальная профессія, но соединенное и съ высшимъ образованіемъ, необходимымъ для истинно просвѣтительной дѣятельности ученаго и учащаго; и 3) спеціальныя профессіональные навыки высшаго порядка, соединенные и съ научнымъ знаніемъ, требуемымъ спеціальностью, и съ высшимъ образованіемъ, безъ котораго общество не получитъ отъ спеціалиста всего того вклада и просвѣщеннаго труда, которыхъ вправѣ ожидать отъ воспитанника высшей школы. Не надо много проницательности, чтобы понять, что первые два типа, нами теоретически другъ отъ друга отграниченные, практически очень близки другъ другу и отличаются скорѣе оттѣнкомъ, степенью, нежели родомъ курса. Третій типъ, съ другой стороны, обобщаетъ очень много отдѣльныхъ родовъ курса, имѣющихъ существенное различіе. Логически же мы должны отличать всѣ три рода курса, соображенныя съ тремя родами предстоящей практической дѣятельности. Высшее образованіе въ собственномъ смыслѣ слова составляетъ или должно составлять основной элементъ, общій всякому высшеучебному заведенію. Къ нему всюду присоединяется, практически даже заслоняя его, научное знаніе, или какъ фундаментъ всякаго высшаго образованія, или какъ непосредственная спеціальная цѣль, или какъ орудіе для профессіи. Наконецъ, профессіональные навыки тоже всюду сопровождаютъ высше-учебные курсы, или какъ нераздѣльная составная часть образовательнаго курса (преимущественно въ первомъ и отчасти во второмъ случаѣ), или какъ самостоятельная задача курса (преимущественно въ третьемъ случаѣ).

Никто никогда не думалъ, даже въ эпоху сравнительно слабаго развитія научнаго и спеціальнаго знанія, чтобы высшая школа могла стремиться дать учащемуся поколѣнію все разнообразіе этого знанія. Искони поэтому явилась идея дробленія университетскаго курса на факультеты. Тѣмъ очевиднѣе необходимость такого дробленія въ настоящее время, когда и научное теоретическое, и профессіональное прикладное знаніе получили такое могучее

развитіе и такое широкое развѣтвленіе. Указанное нами естественное распаденіе курса высшей школы на три основныхъ типа по тремъ задачамъ жизни можетъ послужить намъ исходною точкою для раціональнаго обоснованія такого же развѣтвленія и факультетовъ. Для лучшаго уясненія этой основной проблеммы всякаго высше-образовательнаго курса бросимъ сначала бѣглый историческій взглядъ на возникновеніе факультетовъ и на ихъ современное состояніе, развитіе, развѣтвленіе и взаимныя отношенія.

II.

Исторически первые христіанскіе университеты въ Европѣ—испанскій въ Саламанкѣ и французскій въ Парижѣ (Сорбонна [1]). Имъ предшествовалъ мавританскій мусульманскій университетъ въ Кордуанскомъ калифатѣ, затѣмъ перенесенный въ Марокко, гдѣ и существуетъ до сего

---

[1]) Парижскій университетъ основанъ въ 1160 году; Саламанкскій Оксфордскій и Пражскій вскорѣ послѣ Парижскаго. Нѣсколько раньше Парижскаго университета основана школа римскаго права въ Болоньѣ, которая поэтому считаетъ себя старѣйшимъ христіанскимъ университетомъ. Однако, первоначально (и довольно долго) это была только спеціальная школа, лишь въ XIII вѣкѣ преобразовавшаяся въ университетскую коллегію. Еще раньше Болонской школы правовѣдѣнія была основана въ Сициліи въ Салерно медицинская школа, но основали ее мавры, въ то время господствовавшіе въ Сициліи. Такимъ образомъ, все же Парижскій университетъ надо по праву считать старѣйшимъ въ христіанской Европѣ. Онъ сразу организовался въ четыре факультета: теологіи, права, медицины и des lettres et des arts, какъ первоначально былъ названъ четвертый факультетъ, послѣ въ другихъ университетахъ получившій названіе философскаго. Этотъ четвертый факультетъ въ Парижѣ съ самаго начала подраздѣлялся на два отдѣленія; trivium, куда входили словесныя науки (грамматика, логика, реторика), и quadrivium, гдѣ преподавались астрономія, ариѳметика, геометрія и музыка. Таковъ первоначально былъ этотъ факультетъ, которому впослѣдствіи суждено было стать основою и славою университетской жизни.

времени, являя собою набальзамированную мумію средневѣковой образованности. Это исключительно теологическая высшая школа, изучающая и истолковывающая коранъ. Особымъ отвѣтвленіемъ этой мусульманской теологіи является истолкованіе права, частнаго и публичнаго, на основаніи корана. Случайнымъ, внутренне несогласованнымъ съ главною системою образованія, дополненіемъ является передача отрывковъ положительнаго знанія, завѣщанныхъ кратковременнымъ расцвѣтомъ арабской цивилизаціи въ Багдадѣ и Кордовѣ, и практическихъ эмпирическихъ совѣтовъ медицинскаго характера. Является-ли этотъ мавританскій университетъ не только предшественникомъ, но и образцомъ для саламанкскаго и парижскаго, или средневѣковое католическое духовенство Испаніи и Франціи самостоятельно вырабатываетъ ту же программу, подъ вліяніемъ аналогическихъ условій дѣйствительности, но всѣ средневѣковые университеты, Саламанкъ, Сорбонна и вслѣдъ затѣмъ основываемые въ Италіи, Англіи, Германіи, Богеміи, устраиваются и организуются совершенно такъ же. Богословскій факультетъ всюду главный и основной, такъ сказать, фундаментъ и вѣнецъ высшаго образованія. Рядомъ съ нимъ, какъ и у мавровъ, основаны факультеты, юридическій и медицинскій.

Разница между христіанскимъ и мусульманскимъ ученіемъ, прежде всего, а затѣмъ разница между арабскимъ наслѣдствомъ мавровъ и кое-какими обрывками латинскаго наслѣдства, сохраненными средневѣковыми европейцами, вносятъ существенныя измѣненія, дополняютъ и развиваютъ университетскій курсъ. Коранъ даетъ отвѣтъ, точный и положительный, не оставляющій мѣста для критики и творчества, на всѣ философскіе и даже научные вопросы, на всѣ вопросы права, нравственности и гражданственности. Библія и евангеліе ограничиваютъ свое ученіе рамками религіозными и потому скорѣе открываютъ пути философскому мышленію, научному изслѣдованію, правовому и гражданскому развитію. Естественно, если въ христіанскомъ университетѣ приходится выдѣлить изъ богослов-

скаго факультета факультетъ философскій, который втягиваетъ въ себя и то, что̀ средніе вѣка сохранили изъ богатаго запаса положительнаго знанія, оставленнаго классическимъ міромъ. Это прежде всего хорошо разработанныя грамматика, логика, риторика, стилистика, піитика; Аристотель, неисчерпаемый кладезь средневѣковой мудрости; Эвклидъ, Птоломей и арабскіе математики дополняютъ этотъ скудный списокъ источниковъ средневѣковаго знанія. Ихъ, однако, надо согласовать съ ученіемъ католической церкви. Это самостоятельная задача философіи. Попытка извлечь изъ священнаго писанія такой же точный, положительный и вѣчно неизмѣнный отвѣтъ на всѣ вопросы познанія, публичнаго и частнаго права, какой мусульманамъ даетъ коранъ, является съ самаго начала второю задачею средневѣковой и схоластической философіи. Обѣ эти задачи отнюдь не богословскія въ тѣсномъ смыслѣ слова; онѣ выходятъ изъ рамокъ богословскаго факультета, оправдывая, болѣе того: обязывая обособленіе факультета философскаго. Это обособленіе и является важною поворотною точкою въ развитіи европейской школы, предрѣшающее появленіе свѣтскаго просвѣщенія. Сначала слуга богословскаго факультета, его отвѣтвленіе и дополненіе, философскій факультетъ пріобрѣтаетъ мало-по-малу самостоятельное значеніе и въ наступившую затѣмъ эпоху возрожденія является готовою организаціей для проведенія новаго просвѣщенія и новой системы образованія.

Иначе, нежели въ мусульманской высшей школѣ, протекаетъ въ средневѣковыхъ университетахъ католической Европы едва-ли не болѣе еще важная и вліятельная исторія и факультета юридическаго. Коранъ является единственнымъ, исчерпывающимъ источникомъ мусульманскаго права, публичнаго и частнаго, гражданскаго и уголовнаго. Юриспруденція можетъ быть только дополненіемъ теологіи, выводомъ изъ теологіи, да еще казуистикою, имѣющею неблагодарную задачу уложить на прокрустово ложе обычнаго арабскаго права (затвердѣвшаго въ предписаніяхъ корана) явленія жизни, неизвѣстные времени пророка и

патріархальной средѣ пастушескаго и разбойничьяго народа. Совсѣмъ въ иномъ положеніи оказываются съ самаго начала юридическіе факультеты католической Европы. Правда, и тутъ римскіе первосвященники и могущественныя общественныя теченія, находившіе свой интересъ въ союзѣ съ Римомъ искать опоры противъ императоровъ и королей, тоже стараются правовѣдѣніе превратить какъ бы въ отвѣтвленіе теологіи, обязанное оправдать теократическія притязанія куріи и гвельфовъ. Христіанское вѣроученіе, даже въ строго католической редакціи, не даетъ однако, достаточнаго основанія для такихъ притязаній, ни для такой разработки правовѣдѣнія, а не совсѣмъ забытая, импонирующая практика христіанскаго императорскаго Рима, западнаго и восточнаго, даже прямо противорѣчитъ и подчиненію свѣтской власти, и поглощенію свѣтскаго публичнаго и частнаго права правомъ каноническимъ. Между тѣмъ, могущественные интересы императоровъ, королей, свѣтскихъ властителей, свѣтскихъ итальянскихъ республикъ покровительствуютъ этому вторженію римскихъ правовыхъ преданій. Юридическіе факультеты, преимущественно французскіе, и воспитанные ими юристы, засѣдавшіе въ высшихъ свѣтскихъ судилищахъ, преимущественно во французскихъ судебныхъ парламентахъ, и являются авторитетнымъ и вліятельнымъ проводникомъ этого обособленія свѣтскаго права, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обособленія юридическихъ факультетовъ, какъ носителей науки, по существу своему свѣтской и отъ теологіи независимой. Эта эмансипація юридическихъ факультетовъ отъ руководительства теологами завершается лишь къ концу среднихъ вѣковъ, когда фактически эмансипируются и факультеты философскіе. Знаменитый споръ между двумя философскими школами, реалистовъ и номиналистовъ, наполняющій собой всю вторую половину среднихъ вѣковъ и много содѣйствовавшій подготовленію мыслящихъ слоевъ къ воспріятію идей классической философіи, представляется уже чистою метафизикою, свободною отъ теологіи, какъ метафизикою, конечно, являются и ученія юристовъ того

времени. Метафизика замѣняетъ собою теологію на факультетахъ юридическомъ и философскомъ, но это уже свѣтская метафизика, свѣтское ученіе, свѣтская образованность, если позволительно примѣнять это выраженіе къ lettrés et savants того времени. Медицинскіе факультеты все это время влачатъ столь жалкое существованіе, что объ ихъ развитіи можно говорить, лишь переходя къ университетской исторіи въ новыя времена, послѣ XIV—XV вв.

Оглядываясь на это бѣглое обозрѣніе средневѣковой университетской науки и припоминая сказанное нами въ прошедшей статьѣ о схоластической школѣ, ея системѣ, судьбѣ и заслугѣ, мы легко убѣдимся, что для своего времени, для общественнаго и умственнаго состоянія, носящаго названіе средневѣковаго, курсъ и организація средневѣковаго университета вполнѣ цѣлесообразны, отвѣчаютъ потребностямъ эпохи, соотвѣтствуютъ уровню культуры. Къ половинѣ среднихъ вѣковъ германскій и славянскій дикарь уже настолько преобразовался духовно, что духовное развитіе становится и возможно, и необходимо. Для удовлетворенія этой проснувшейся духовной жажды и основываются университеты. Является новая потребность; университеты должны дать ей удовлетвореніе. Но потребность сначала преимущественно религіозная, совершенно соотвѣтствующая тому первому періоду средневѣковья, который вовсе не зналъ свѣтскаго просвѣщенія и въ исходѣ котораго и возникаютъ первые университеты. Естественно, если для удовлетворенія этой потребности въ духовномъ просвѣщеніи и новорожденная высшая школа пріобрѣтаетъ сначала преимущественно теологическій характеръ, гдѣ философія и юриспруденція призваны служить теологіи, направляемыя и руководимыя указаніями и потребностями теологіи. Въ тѣ времена, когда католическое человѣчество думало построить и всю гражданственность, и все міропониманіе на теологической основѣ, такое главенствующее значеніе теологіи совершенно естественно, логично и цѣлесообразно. Только теологія давала тогда то, что можно сравнить съ нашимъ понятіемъ объ образованіи; она ста-

ралась объяснить мѣсто человѣка въ природѣ и обществѣ, его права и обязанности, его отвѣтственность и его достоинство. Никакая другая отрасль человѣческаго вѣдѣнія на это не дерзала, да и дерзать собственныхъ средствъ не имѣла. Если мы были правы, когда поставили задачею университета давать своимъ питомцамъ прежде всего высшее образованіе, а затѣмъ уже научное знаніе и профессіональные навыки, то именно этой задачѣ, въ рамкахъ мѣста и времени, и отвѣчаютъ средневѣковые университеты, какъ они первоначально складываются. Теологія, въ то время единственный образовательный предметъ, является основою университетскаго курса всѣхъ факультетовъ, которые каждый затѣмъ прибавляютъ научное знаніе и профессіональные навыки, необходимые разнымъ спеціалистамъ умственнаго труда, священникамъ (богословскій факультетъ), профессорамъ (философскій), юристамъ и медикамъ. Общее высшее образованіе (исключительно духовное, правда, но другого тогда не было) даютъ всѣ факультеты, прибавляющіе затѣмъ спеціализацію, необходимую для предстоящей дѣятельности. Такимъ образомъ, тѣ требованія, которыя выше мы предъявили современнымъ университетамъ, не вводятъ ничего новаго. Они рекомендуютъ только привести современные университетскіе курсы въ соотвѣтствіе идеямъ, положеннымъ въ основу университетскаго образованія при самомъ его зарожденіи, но при этомъ привести ихъ и къ уровню современной цивилизаціи и современнаго знанія.

Мы уже указали выше, что эта цѣльность и законченность университетскаго образованія нарушается къ концу среднихъ вѣковъ эмансипаціей юридическаго и отчасти философскаго факультета изъ подъ теологическаго руководительства. Съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ общее всѣмъ высшее образованіе, и факультеты становятся какъ бы самостоятельными высшими школами, лишь помѣщающимися въ одномъ зданіи и управляемыми одной учебною организаціей. Нѣчто подобное замѣчаемъ мы и въ настоящее время, но между періодами современной несогласованности

факультетскихъ курсовъ и такой же ихъ розни въ концѣ среднихъ вѣковъ исторія знаетъ блестящій періодъ университетской жизни, когда высшее образованіе снова становится фундаментомъ и вѣнцомъ курса и когда факультеты интимно и тѣсно объединены на плодородной почвѣ классическаго просвѣщенія. Исторія возстановленія этого внутренняго единства университетскаго курса, при сильно возросшемъ запасѣ знанія, уже потребовавшемъ спеціализаціи, для насъ особенно поучительна, такъ какъ именно передъ такою самой проблеммою стоитъ и современная высшая школа. Сохранивъ возникшую къ концу среднихъ вѣковъ спеціализацію теоретическаго и прикладного знанія, возстановить нарушенное этой спеціализаціей и борьбою свѣтскаго и духовнаго просвѣщенія единство образовательнаго курса,—такова задача, которая предстала высшей школѣ около XIV—XV вв. Она была разрѣшена успѣшно и всесторонне эпохою возрожденія чрезъ введеніе классицизма, какъ объединяющаго и примиряющаго общеобразовательнаго основанія [1]).

III.

Классическое просвѣщеніе настолько выше, всесторонѣе и выработаннѣе средневѣкового теологическаго, что, однажды открывшееся мыслящимъ поколѣніямъ Европы, оно сразу и во всемъ объемѣ входитъ въ высшую школу и становится хозяиномъ дѣла, его руководящею и организующею силою. Классическое просвѣщеніе приноситъ многостороннюю свѣтскую философію; науки, невѣдомыя средневѣковью, очень несовершенныя, правда, но уже вполнѣ опредѣлившіяся и взаимно отграниченныя; методъ и технику изслѣдованія, мышленія, изложенія, устной и пись-

[1]) Надо, впрочемъ, замѣтить, что возрожденіе проникло въ университеты позже, нежели въ литературу. Школьная средневѣковая рутина держалась до XVI, порою даже до XVII вѣка.

менной передачи; законченную систему права; дотолѣ совершенно невѣдомыя стороны интеллектуальной и моральной жизни, эстетическіе и этическіе идеалы, высокіе образцы, могучіе импульсы. Богословскіе католическіе факультеты, потрясенные протестантизмомъ, сектантствомъ, борьбою іезуитизма съ янсенизмомъ, церковнымъ націонализмомъ, церковными расколами, совершенно отодвигаются отъ общаго курса и замыкаются въ спеціальную сферу вопросовъ вѣры, уже не пытаясь вмѣшиваться въ вопросы знанія. Они обособляются, какъ бы выбываютъ изъ университетовъ. Перенесенные въ Россію, университеты основываются безъ богословскихъ факультетовъ. Обособленіе богословскаго образованія этимъ завершаетъ свое естественное движеніе. Классическое просвѣщеніе, вмѣсто теологіи, становится основою всего университетскаго курса. Оно такъ многосторонне и значительно, что уже не вмѣщается въ рамки средневѣковыхъ факультетовъ. Зачатки литературнаго искусства и гуманитарнаго образованія такъ же, какъ и зачатки научнаго знанія входили въ составъ средневѣкового философскаго факультета. Эти зачатки не обременяли своимъ объемомъ философа XII—XIII вв. и служили матеріаломъ и орудіемъ его схоластическаго остроумія. Теперь же, когда, вмѣсто зачатковъ того и другого, властно вошла въ университетъ богатая научная, философская, историческая и изящная литература, на философскомъ факультетѣ становится тѣсно, и онъ естественно распадается на два отдѣленія: историко-филологическое и физико-математическое. Это распаденіе такъ важно и фундаментально, что при перенесеніи въ Россію отдѣленія превращаются въ факультеты подобно тому, какъ отпадаютъ при этомъ перенесеніи факультеты богословскіе [1]).

[1]) Въ Россіи высшее духовное образованіе было организовано до основанія университетовъ учрежденіемъ Кіевской духовной академіи въ XVI в. и Московской—въ XVII в. На этихъ началахъ оно продолжало и продолжаетъ развиваться и до сего времени. За Кіевскою и Московскою были основаны духовныя академіи Петербургская и Казанская. Въ настоящее время въ Испаніи высшее

Такое распаденіе, потребованное ростомъ и расширеніемъ области университетскаго вѣдѣнія, совершенно отвѣчаетъ и внутреннему дифференцованію цивилизаціи, не нарушая единства образовательныхъ основъ.

Если изученіе теологіи, мусульманской или католической, является общею основою образовательнаго курса типическаго средневѣковаго университета, какъ онъ первоначально организованъ маврами и ихъ католическими сосѣдями, причемъ къ этой общей, одинаковой для всѣхъ, основѣ присоединяется, смотря по факультету, болѣе подробное изученіе того или другого теологическаго отдѣла и на его основаніи вспомогательныхъ и прикладныхъ курсовъ, философіи, медицины, юриспруденціи, то совершенно такъ же и новые университеты, усвоившіе классическое просвѣщеніе, организуютъ прежде всего такую же общую основу образовательнаго курса всѣхъ факультетовъ (кромѣ богословскаго, конечно) и находятъ ее именно въ изученіи классическаго просвѣщенія, присоединяя къ этой общей одинаковой для всѣхъ основѣ болѣе подробное изученіе того или другого отдѣла классической литературы, смотря по факультету. Платона, Геродота, Тацита — на одномъ, Птоломея, Эратосѳена, Плинія—на другомъ, институціи и пандекты—на третьемъ. Усвоеніе этихъ главныхъ источниковъ знанія и образованности невозможно безъ одинаково широкаго пониманія и проникновенія всей совокупностью классическаго просвѣщенія въ его цѣломъ. Это же пониманіе и проникновеніе классической цивилизаціи — является въ это время и единственнымъ дѣйствительно высшимъ образованіемъ, достойнымъ этого имени. Классическое просвѣщеніе смѣняетъ собою средневѣковую схоластическую теологію католицизма въ качествѣ основы и средняго, и высшаго образованія, и въ качествѣ элемента, объединяющаго университетскій курсъ, несмотря на болѣе широкую свободу его факультетскаго дробленія. Съ введеніемъ классицизма одновременно происходитъ и это болѣе

духовное образованіе то-же выдѣлено изъ университета и вмѣсто богословскихъ факультетовъ основаны отдѣльныя высшія духовныя школы.

широкое и глубокое дифференцованіе университетскаго курса по факультетамъ и отдѣленіямъ, и объединеніе уже разъединившихся было курсовъ на одной для всѣхъ образовательной основѣ. Снова, какъ въ первое время существованія университетовъ, образовательныя задачи входятъ въ составъ курса всѣхъ факультетовъ, сохраняющихъ, однако, и свою спеціальность, научную и профессіональную. Высшее образованіе — единое для всѣхъ; научное знаніе и профессіональные навыки дифференцуются по факультетамъ. Этотъ принципъ, положенный въ основу схоластической высшей школы и распатанный въ періодъ ея разложенія, съ новою силою, съ новымъ блескомъ и въ полной послѣдовательности возрождается въ высшей школѣ классическаго типа, невозбранно господствующей въ Европѣ въ теченіе безъ малаго четырехъ столѣтій, XV—XVIII вв. Мы знаемъ уже, что это и есть единственно правильный принципъ, единственно способный давать не узкихъ спеціалистовъ, а по истинѣ просвѣщенныхъ дѣятелей, не менѣе того подготовленныхъ и для своихъ спеціальностей, потому что образованіе облегчаетъ и спеціализацію, не лишая спеціалиста облика человѣческаго.

Мы уже упомянули о дробленіи философскаго факультета на два отдѣленія, историко-филологическое и физико-математическое, и замѣтили, что дробленіе это опиралось на очень серьезное и существенное основаніе, на основное распаденіе самого вѣдѣнія того времени на двѣ вѣтви, объединенныя только общею образовательною основою. Образованное общество того времени даже отличило эти вѣтви современнаго вѣдѣнія вполнѣ самостоятельными названіями. Одна была—lettres, другая—sciences; занимающіеся одною были lettrés, другою—savants. Въ самомъ дѣлѣ, предметы историко-филологическаго факультета въ то время было бы затруднительно и совершенно незаслуженно именовать науками. Математика, механика, астрономія, физика уже совершенно сложились въ законченныя и научно разработанныя системы знанія; химія, физіологія, естественная

исторія тоже твердо стали на тотъ же путь, хотя еще и не достигли той же обработанности Ничего подобнаго нельзя сказать объ исторіи, филологіи, психологіи, политической экономіи, лингвистикѣ, эстетикѣ и другихъ предметахъ, въ своей совокупности носившихъ наименованіе lettres и составлявшихъ спеціальность историко-филологическихъ факультетовъ. Эти предметы представляли собою либо громадное скопленіе эмпирическихъ данныхъ, не прокритикованныхъ, не систематизированныхъ и не объединенныхъ научнымъ истолкованіемъ; либо чисто метафизическія абстракціи; либо литературные навыки изящной и логической рѣчи. За послѣднее качество филологи и получили названіе lettrès, тогда какъ названіе savants примѣнять и къ нимъ было бы несправедливо. Вся обширная область вѣдѣнія, сосредоточенная на историко-филологическихъ факультетахъ, до самаго XIX вѣка не имѣла научной обработки и представляла законченную систему высшаго образованія, отнюдь, однако, не знанія научнаго.

Судьбу историко-филологическаго факультета въ этомъ отношеніи раздѣляли и факультеты юридическіе, тоже до самаго XIX вѣка не дававшіе научной обработки своимъ предметамъ и дополнявшіе то высшее литературное образованіе, которое давали факультеты филологическіе, преподаніемъ профессіональныхъ навыковъ, необходимыхъ юристу. Юридическіе факультеты были какъ бы профессіональными отдѣленіями факультетовъ филологическихъ, какъ медицинскіе—физико-математическихъ. Юристы были тоже lettrès; медики—тоже savants. Факультеты филологическіе и юридическіе давали высшее образованіе и профессію, факультеты физико-математическіе и медицинскіе давали, сверхъ того, научное знаніе. Это существенное отличіе между lettres и sciences было основою дробленія университетскаго курса по факультетамъ.

Было бы неблагодарною задачею поддерживать мнѣніе, что и въ настоящее время эта основа существуетъ, и это существенное отличіе факультетскихъ курсовъ сохраняетъ свою силу. Совершенно напротивъ даже. Всякій легко со-

гласится, что въ настоящее время предметы историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ тоже вступили въ научный фазисъ развитія, получили болѣе или менѣе систематическую научную обработку, стали такими же sciences, какъ и предметы физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ. Съ другой стороны, предметы всѣхъ факультетовъ такъ развились, что ни классическая наука, ни классическая философія, литература, юриспруденція не могутъ быть основою преподаванія. Классическое просвѣщеніе потеряло въ университетахъ свое былое значеніе объединяющаго общеобразовательнаго элемента. Эти-то два первостепенной важности факта и расшатали въ полной мѣрѣ прежнюю систему высшаго образованія. Вторженіе научности на современные факультеты филологическіе и юридическіе и вытѣсненіе классическаго просвѣщенія, какъ общей всѣмъ основы, совершенно соотвѣтствуютъ въ этомъ отношеніи вторженію свѣтскости на средневѣковые факультеты философскіе и юридическіе и вытѣсненію теологіи, какъ общей всѣмъ факультетамъ основы. Есть много аналогичнаго въ этихъ двухъ кризисахъ университетскаго образованія, но есть и существенное отличіе. Мы не имѣемъ готовой системы всесторонняго образованія, которую намъ оставалось бы только пересадить и усвоить, какъ это сдѣлали университеты XV—XVI вв. съ классическимъ просвѣщеніемъ. За то мы имѣемъ позади себя этотъ опытъ всесторонней университетской реформы, который можетъ служить примѣромъ и руководствомъ при проведеніи и новой реформы, становящейся все болѣе и болѣе настоятельною и неотложною. Свобода университетскаго преподаванія, дозволяющая уже упомянутые выше обходы устарѣлой системы, можетъ только отчасти и временно замѣнять преобразованіе системы, которая должна быть соображена и съ новымъ развитіемъ знанія, и съ новыми основами образованія.

IV.

Въ настоящее время курсъ историко-филологическаго факультета раздѣляется, у насъ въ Россіи, между слѣдующими научными дисциплинами:

Греческая филологія, включающая въ себѣ курсы языка, древностей (культуры) и литературы;

латинская филологія (въ томъ же составѣ);

славянская филологія (тоже);

исторія русской литературы;

сравнительное языкознаніе;

всеобщая исторія;

русская исторія;

теорія и исторія искусства;

исторія церкви;

философія (включающая курсы психологіи, логики и исторіи философіи);

географія, недавно учрежденная каѳедра, введенная еще не во всѣхъ университетахъ и съ курсомъ, еще не вполнѣ установившимся.

Кромѣ этихъ одиннадцати каѳедръ, въ одномъ петербургскомъ университетѣ учреждена еще каѳедра романо-германской филологіи, включающая курсы новыхъ европейскихъ языковъ, ихъ средневѣковой литературы и народной словесности. Древности (культура) и новѣйшія литературы въ нее не включены.

Практическое знаніе одного новаго европейскаго языка обязательно и на филологическомъ факультетѣ, какъ и на всѣхъ прочихъ. Это такъ называемый общій предметъ, какъ и богословіе, догматическое и нравственное.

Напоминаемъ этотъ общеизвѣстный составъ филологическаго факультета, чтобы удобнѣе сличить его съ современнымъ состояніемъ гуманитарнаго знанія, составляющаго искони спеціальность факультета. Въ иностранныхъ университетахъ приблизительно аналогическій составъ каѳедръ съ замѣною каѳедръ славянской филологіи, русской ли-

тературы и русской исторіи соотвѣтственными національными. Въ курсы философіи входитъ тамъ не только исторія, но и сама система философіи. Всюду очень распространено выдѣленіе разныхъ спеціальныхъ курсовъ, а также курсовъ метода. Все это имѣетъ значеніе, даетъ больше простора для частныхъ поправокъ и дополненій, но въ существенномъ не измѣняетъ системы, которая остается покуда одинаковою во всѣхъ университетахъ Европы. Наши университеты повторяютъ эту систему, только тверже ее фиксируя. Сличимъ же ее съ современнымъ состояніемъ гуманитарнаго знанія [1]).

Гуманныя науки, т.-е. науки о человѣкѣ, практически совпадаютъ съ науками общественными. Человѣкъ всегда живетъ въ обществѣ, а потому и изучается почти всегда именно, какъ членъ общества, какъ его составная часть. Область обществовѣдѣнія очень обширна. Большая часть юридическихъ дисциплинъ и педагогика во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ составляютъ обширный отдѣлъ прикладного обществовѣдѣнія. Всѣ предметы историко-филологическаго факультета и нѣкоторые юридическаго образуютъ отдѣлъ теоретическаго обществовѣдѣнія. Оставляя покуда въ сторонѣ прикладное обществовѣдѣніе, прослѣдимъ въ общихъ чертахъ многостороннее расчлененіе и развитіе теоретической гуманной науки (или общественной, что одно и то же). Установленное Контомъ дѣленіе всего теоретическаго знанія на конкретное и абстрактное можно считать общепризнаннымъ и положить въ основу нашего обзора. Конкретныя науки изучаютъ факты и предметы во всей ихъ реальной совокупности, какъ они существуютъ въ природѣ. Абстрактныя или отвлеченныя науки выдѣляютъ (отвлекаютъ) общіе многимъ конкретнымъ фактамъ признаки и явленія, стараясь раскрыть законы ихъ происхожденія, существованія и развитія. Такъ, конкретныя науки изучаютъ льва, слона, страуса, ящерицу, пчелу, устрицу, а соотвѣтственныя

[1]) Объ этомъ состояніи см. подробнѣе въ моей статьѣ объ изученіи соціологіи (Русское Богатство, 1895 г. № 11).

абстрактныя занимаются дыханіемъ, кровообращеніемъ, питаніемъ, ощущеніемъ, сознаніемъ, рожденіемъ и т. д. Законы, управляющіе явленіями, — предметъ абстрактнаго знанія; сами предметы, въ которыхъ совершаются эти явленія, изучаются науками конкретными. Человѣка, какъ индивида; его разновидности по расамъ и племенамъ; составляемыя имъ реально существовавшія и существующія общества и ихъ составныя части; созданную имъ культуру во всемъ ея многообразіи—изучаетъ конкретное обществовѣдѣніе, почти цѣликомъ составляющее спеціальность филологическихъ факультетовъ [1]). Съ другой стороны, общество вообще и законы его строенія, отправленій и развитія представляются задачею абстрактнаго обществовѣдѣнія. Какъ вовсе не существовавшее въ эпоху, когда вырабатывалась университетская система, абстрактное обществовѣдѣніе не получило и надлежащаго помѣщенія въ университетскомъ курсѣ. Въ вышеприведенномъ перечнѣ историко-филологическихъ каѳедръ абстрактными предметами являются только сравнительное языкознаніе (лингвистика) и теорія искусства, обѣ представляя приэтомъ изученіе законовъ двухъ логически обособленныхъ сторонъ культуры. Такое же логически-обособленное абстрактное изученіе экономической стороны культуры представляетъ политическая экономія, которая, однако, читается на юридическомъ факультетѣ. Тамъ же въ общихъ отдѣлахъ разныхъ правъ можно встрѣтить попытки такихъ же абстрактныхъ отдѣловъ, посвященныхъ той или другой спеціальной сторонѣ общественной жизни и культуры. Все это далеко отстало отъ современнаго развитія абстрактнаго обществовѣдѣнія. Сначала, однако, мы займемся конкретными общественными науками и ихъ развитіемъ въ университетскомъ курсѣ.

---

[1]) Антропологія, читаемая на физико-математическомъ факультетѣ, исторія права и статистика (на юридическомъ) однѣ только не входятъ въ составъ филологическихъ курсовъ, но обыкновенно частью вводятся уже указаннымъ обходнымъ путемъ.

Въ конкретномъ обществовѣдѣніи мы замѣчаемъ прежде всего раздѣленіе на науки филологическія, которыя, изучая памятники, стремятся изобразить и обслѣдовать общественныя состоянія, и на науки историческія въ тѣсномъ смыслѣ слова, которыя, опираясь на источники, изучаютъ событія (дѣянія). Филологія вовсе не есть только языкознаніе, но является изученіемъ культуръ историческихъ обществъ во всемъ ихъ объемѣ, въ томъ числѣ и языковъ, которые, кромѣ того, служатъ и могучимъ методомъ филологическихъ изысканій. Съ познанія языка по необходимости начинается изученіе каждой филологіи (потому что филологія не одна, а ровно столько, сколько историческихъ обществъ). Начало всѣмъ виднѣе, и потому нерѣдко смѣшиваютъ филологію съ грамматикой или даже съ лингвистикой, наукой абстрактной о законахъ строенія и развитія языка. Филологія же есть наука конкретная о культурахъ историческихъ обществъ. Есть филологія греческая, латинская, новороманская, германская, славянская, санскритская, иранская, египетская, семитическая, туранская, монгольская. Въ составъ каждой филологіи входятъ курсы языка, литературы и древностей, подъ именемъ которыхъ изучаются религія, государственное устройство, право, искусство, техника, внѣшній бытъ, нравы, обычаи, экономическое состояніе, торговля, организація семьи, сословія, воинское дѣло, словомъ вся культура (включая и отдѣльно отъ древностей изучаемые, но обязательно входящіе въ составъ филологіи, языкъ и литературу). Сообразно съ только что набросаннымъ расчлененіемъ культуры естественно расчленяется и филологія. Языки суть древнѣйшіе памятники духовной культуры историческихъ обществъ. Затѣмъ изъ смутнаго мышленія глубокой древности, запечатлѣннаго языкомъ, первымъ выдѣляется миѳъ; далѣе изъ миѳа съ одной стороны выдѣляются пѣсня и сказаніе, первыя литературныя произведенія, а съ другой правовыя понятія, сначала слитыя съ миѳомъ, какъ исходящія изъ религіозной санкціи. Искусство, первоначально служившее цѣлямъ культа, вызывая развитіе эстетическаго

чувства, тоже выдѣляется въ особое самостоятельное культурное явленіе. Развитіе общественности по необходимости вызываетъ выработку общественныхъ навыковъ (обычаи и нравы) и установленіе опредѣленнаго нравственнаго кодекса. Такъ развиваются и постепенно обособляются основные элементы культуры, которымъ и посвящены отдѣльныя филологическія науки, грамматика, миѳологія, словесность, исторія искусства, исторія права (всегда входитъ въ «древности», но съ большею подробностью выдѣлена въ отдѣльную научную дисциплину для юридическаго факультета), этнографія, какъ она понимается въ филологическихъ наукахъ, т.-е. наука о нравахъ и бытѣ, причемъ сюда же входитъ и матеріальная культура. Этотъ составъ филологіи, указуемый составомъ культуры, надо дополнить исторической археологіей, которая занимается собираніемъ, изученіемъ и группировкой матеріальныхъ памятниковъ культуры, подвергаетъ ихъ предварительной критикѣ и въ этомъ выясненномъ и удостовѣренномъ видѣ передаетъ въ руки соотвѣтственныхъ отдѣловъ филологіи. Изъ состава исторической археологіи нѣкоторые отдѣлы выдѣляются въ особыя науки, нумизматика, дипломатика, геральдика и др. Все это обширная подготовительная работа, черный трудъ гуманитарнаго знанія, опираясь на который, лишь медленно сложилось конкретное обществовѣдѣніе, послѣ чего только явилась возможность заложить основы и абстрактному. Этотъ болѣе чѣмъ бѣглый обзоръ филологическихъ наукъ уже выясняетъ и громадность матеріала, и широту задачъ, и трудность научной работы, и невозможность въ одномъ курсѣ обнять всю совокупность филологическаго вѣдѣнія.

Мы выше перечислили одиннадцать главнѣйшихъ филологій, изъ которыхъ каждая необходимо расчленяется на шесть наукъ по основнымъ подраздѣленіямъ культуры. Сверхъ того, мы имѣемъ еще историческую археологію съ ея отвѣтвленіями. Имѣя въ виду, что филологическія науки составляютъ только какъ бы половину историко-филологическаго курса и что, сверхъ того, необходимо принять въ

разсчетъ и предстоящее развитіе курса абстрактныхъ наукъ, нельзя не признать, что развитіе филологическихъ наукъ далеко вышло изъ предѣловъ возможнаго и цѣлесообразнаго университетскаго курса. Это принято во вниманіе и настоящею системою. Филологіи семитическая, санскритская, иранская, туранская и монгольская выдѣлены въ особый восточный факультетъ (въ Петербургскомъ университетѣ). Каѳедры египетской филологіи у насъ вовсе нигдѣ не учреждено, а филологія новороманская и германская соединены въ одну каѳедру съ сильно урѣзаннымъ составомъ, да и учреждена эта каѳедра, какъ уже сказано, только въ одномъ университетѣ. Такимъ способомъ современный университетскій курсъ старается справиться съ совершенно непосильнымъ развитіемъ филологическаго вѣдѣнія. Едва-ли можно признать вполнѣ раціональнымъ этотъ способъ парировать быстрый ростъ науки, способъ, чисто внѣшній, не соображенный съ относительнымъ значеніемъ разныхъ сторонъ этого роста.

Нельзя не обратить, прежде всего, вниманія на внутренній составъ филологическихъ каѳедръ. Такъ какъ первоначально филологія сложилась на изученіи классической древности, то совершенно естественно было назвать изученіе древней культуры «древностями», названіе, затѣмъ, однако, удержанное и для другихъ, позднѣе возникшихъ и сложившихся филологій. Не въ названіи, конечно, дѣло, но въ данномъ случаѣ названіе сыграло плохую шутку съ новѣйшими филологіями. Возьмемъ для примѣра славянскую филологію, какъ она читается въ нашихъ университетахъ. Какъ и филологія эллинская или латинская, и филологія славянская включаетъ курсы языковъ, литературы и древностей. Тамъ, однако, въ классической филологіи древности являются изображеніемъ и обслѣдованіемъ всей совокупности эллинской и латинской культуры въ ея наиболѣе развитомъ и совершенномъ видѣ. Ничего подобнаго славянскія древности не даютъ. Изученіе культуры славянскихъ народовъ въ ея развитомъ видѣ они не представляютъ; это—изученіе единственно первобытной славян-

ской культуры, языческой миѳологіи, первоначальнаго разселенія, древнихъ миграцій, древнихъ торговыхъ сношеній, древнихъ обычаевъ и т. д. Словомъ, въ филологіи классической мы, подъ именемъ «древностей», изучаемъ историческую культуру; въ филологіи же славянской—культуру доисторическую, совершенно игнорируя развитіе и формы исторической культуры. Этотъ пробѣлъ, очевидно, подсказанъ названіемъ, безъ критики перенесеннымъ изъ классической филологіи. Вѣроятно, не безъ участія того же неудачнаго названія культура оказалась совершенно исключенной изъ состава каѳедры романо-германской филологіи. Въ самомъ дѣлѣ, германская доисторическая культура ничѣмъ не интереснѣе и важнѣе всякой другой доисторической культуры, если ее изучать безъ связи съ выросшею изъ нея культурою историческою. Доисторической же новороманской культуры и совсѣмъ не существуетъ (если не считать за таковую кельтическихъ древностей). Другое дѣло историческія культуры, романскія и германскія. Онѣ представляютъ и глубокій интересъ, и громадный научный матеріалъ, и широкую основу высше-образовательную. Такимъ образомъ, сказавъ, что каждая филологія естественно слагается изъ курсовъ языка, литературы и культуры (вмѣсто «древностей»), мы тѣмъ самымъ укажемъ и тѣ необходимыя дополненія курса, въ которыхъ нуждаются каѳедры славянской и романо-германской филологіи.

Мы уже сказали, что каѳедра романо-германской филологіи страдаетъ и другимъ важнымъ пробѣломъ, именно, не включаетъ въ составъ своихъ курсовъ изученія новѣйшихъ литературъ, ограничиваясь народной словесностью и болѣе отдаленными періодами литературы. Этотъ пробѣлъ естественно вытекаетъ изъ факта чрезвычайнаго богатства новѣйшихъ литературъ, изученіе которыхъ совершенно невозможно вмѣстить въ одну каѳедру. Возстановленіе упраздненной каѳедры исторіи всеобщей литературы только отчасти восполнило бы этотъ пробѣлъ, и потому, прежде всего, что и эта каѳедра могла бы удѣлить немного мѣста и времени новѣйшимъ литературамъ, и потому также, что

изученіе исторіи литературы не совсѣмъ то же самое, что изученіе самой литературы. Очевидно, невозможно сохранить объединенную романо германскую филологію. Включеніе курса культуры дѣлаетъ это объединеніе тоже совершенно невозможнымъ. Расчлененіе каѳедры оказывается безусловно необходимымъ. Того же требуетъ и намѣченная нами въ прошлой статьѣ гимназическая реформа Чтобы дать гимназіямъ хорошо подготовленныхъ преподавателей новыхъ языковъ, очевидно, необходимо выдѣлить, какъ отдѣльныя научныя дисциплины, филологіи нѣмецкую, французскую и англійскую. Спеціалисты должны рѣшить, необходимо-ли при этомъ сохранить и каѳедру средневѣковой романо-германской филологіи, какъ общей основы тремъ новѣйшимъ культурамъ и имъ соотвѣтственнымъ филологіямъ.

Нельзя обойти молчаніемъ и того особаго положенія, которое отведено теперь восточному факультету. Если бы назначеніе этого факультета исчерпывалось задачею приготовлять персоналъ для дипломатической службы на Востокѣ, то и тогда не было бы излишнимъ подумать о необходимости и этимъ восточнымъ дипломатамъ дать дѣйствительно высшее образованіе, что, конечно, сдѣлало бы ихъ дѣятельность и болѣе просвѣщенною, и болѣе авторитетною. Обширныя азіятскія владѣнія Россіи съ многочисленными народностями иранской, туранской и монгольской расы выдвигаютъ задачу ихъ управленія и развитія; воспитанники восточныхъ факультетовъ, которые, собственно говоря, должны бы призываться для дѣятельности на этихъ окраинахъ, еще болѣе нуждаются въ серьезномъ высшемъ образованіи. Наконецъ, восточные факультеты должны и наукой заниматься, ее двигать и разрабатывать. Поэтому совершенное обособленіе восточныхъ факультетовъ отъ историко-филологическихъ съ лишеніемъ ихъ того общаго гуманитарнаго образованія, которое дается филологамъ, не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ.

Конечно, обязывая восточниковъ общимъ историко-филологическимъ курсомъ, мы не можемъ требовать отъ

нихъ усвоенія всѣхъ пяти филологій, читаемыхъ на восточныхъ факультетахъ. Но зачѣмъ всѣхъ пяти? Зачѣмъ туранисту изучать арабскій языкъ, или санскритологу — китайскій? И въ настоящее время историко-филологическіе факультеты уже заключаютъ обособленныя на высшихъ курсахъ отдѣленія филологіи, классической, романо-германской и славянской. Отчего не прибавить къ нимъ (въ нѣкоторыхъ университетахъ) еще отдѣленій филологій семитической, восточно-арійской (санскрито-иранской) и тураномонгольской? Въ семитическомъ отдѣленіи можно бы было, гдѣ нибудь въ одномъ университетѣ, основать и каѳедру египетской филологіи, какъ культуры наиболѣе родственной семитическимъ.

Такимъ образомъ, шесть филологическихъ отдѣленій (включая и три съ восточнаго факультета) вполнѣ разрѣшаютъ задачу поставить филологическое преподаваніе въ уровень разросшагося знанія. Основаніе трехъ новыхъ каѳедръ филологіи, нѣмецкой, французской и англійской; дополненіе славянской филологіи курсомъ исторической культуры; дополненіе романо-германской филологіи курсомъ первобытной и средневѣковой культуры; присоединеніе восточнаго факультета въ видѣ трехъ спеціальныхъ отдѣленій съ общимъ филологическимъ курсомъ, — таковы тѣ реформы филологическаго отдѣла историко-филологическаго факультета, которыя по нашему мнѣнію вызываются современнымъ состояніемъ гуманитарнаго знанія и современными потребностями высшаго образованія. Не надо забывать, что въ наше время высшее образованіе немыслимо безъ знанія новѣйшихъ языковъ. Поэтому высше-образовательныя столько же, сколько и научныя задачи обязываютъ сдѣлать новѣйшія филологіи предметами, общими не только всѣмъ отдѣленіямъ историко-филологическаго факультета, но и всѣмъ факультетамъ. При этомъ курсы всѣхъ трехъ языковъ должны быть обязательны для всѣхъ. Что касается курсовъ литературы и культуры, то не трудно отдѣлить общіе курсы для всѣхъ и спеціальные для филологовъ романо-германскаго отдѣленія.

V.

Отъ наукъ филологическихъ обратимся теперь къ наукамъ историческимъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ обширномъ смыслѣ слова въ понятіе науки исторической входятъ и большая часть филологическихъ научныхъ дисциплинъ и нѣкоторыя юридическія, но кромѣ тѣхъ и другихъ, еще цѣлый отдѣлъ наукъ, собственно историческихъ.

Мы уже знаемъ, что историческія науки имѣютъ своей задачей изученіе событій, изображеніе дѣяній членовъ историческихъ обществъ. Какъ ни сложна и затруднительна задача филологическихъ наукъ (по фрагментамъ и обломкамъ, сохраняемымъ для насъ временемъ въ памятникахъ, возсоздать картину общественныхъ состояній), задача историка правдиво и въ должной перспективѣ возсоздать дѣянія и событія еще сложнѣе и затруднительнѣе. Одинъ и тотъ же документъ можетъ быть изучаемъ филологами, какъ памятникъ, а историками, какъ источникъ. Самый бѣглый взглядъ на отношеніе къ документу историка и филолога сразу выясняетъ эту возростающую сложность и увеличивающіяся трудности изслѣдованія. Положимъ, дѣло идетъ о сказаніи современника, изображающемъ какое-нибудь событіе или историческую личность. Филологу нѣтъ дѣла, правдиво-ли сказаніе, и съ этой точки зрѣнія онъ имъ не интересуется. Правдиво, или фантастично, оно важно филологу само по себѣ въ его совокупности, какъ отражающее въ себѣ міровоззрѣніе эпохи, умственное и нравственное состоянія, идеалы, нравы, литературный стиль времени и т. д. Онъ изучаетъ его съ этихъ сторонъ, изслѣдуетъ языкъ, старается раскрыть литературное и философское родство съ другими памятниками. Все это вопросы, отвѣты на которые приходится искать преимущественно въ самомъ же памятникѣ, который и является предметомъ изученія для филолога. Для историка же онъ есть только источникъ, а предметъ изученія—событія или личность, имъ изображаемыя. Правдивость разсказа стоитъ на первомъ планѣ;

опредѣленіе степени этой правдивости является первою задачею, затѣмъ точное опредѣленіе мѣста и времени, точное опредѣленіе личности автора и его общественнаго положенія и многое другое, что́ или вовсе не интересуетъ филолога или составляетъ для него вопросъ второстепенный. Цѣлый разрядъ наукъ занятъ этою подготовительною разработкою источниковъ прежде, нежели историкъ можетъ начать свое историческое изложеніе. Если источникомъ служитъ рукопись, то необходимо опредѣлить ея подлинность, время и мѣсто ея составленія, время и мѣсто дошедшаго до насъ списка, вѣроятныя погрѣшности списка, вѣроятныя вставки и т. д. Вся эта предварительная внѣшняя критика рукописей составляетъ предметъ науки палеографіи. Если источникомъ является не рукопись, а печатное произведеніе, то тотъ же подготовительный трудъ беретъ на себя библіографія, причемъ изъ нея выдѣлилась исторіографія, или библіографія историческихъ сочиненій. Когда окончена эта внѣшняя критика источника и его текста, наступаетъ очередь внутренней критики его содержанія и повѣствованія. Подлинность источника уже установлена; точно опредѣлено время, мѣсто и авторство составленія; время и мѣсто дошедшихъ списковъ; накипь времени снята искусною рукою спеціалиста и текстъ очищенъ отъ погрѣшностей и вставокъ, но остается вопросъ, правдиво-ли повѣствованіе, насколько правдиво? Начинается то, что́ обыкновенно называется исторической критикою, являющеюся безусловно необходимою и одною изъ труднѣйшихъ задачъ историческаго вѣдѣнія. Методы исторической критики все совершенствуются и усложняются. Астрономія, геологія, физіологія, психіатрія, филологія, археологія, лингвистика и многое другое по очереди призывается историческою критикою для допроса, съ цѣлью опредѣлить степень достовѣрности источника. Этимъ, однако, еще не завершается предварительная подготовительная разработка источника. Подобно тому, какъ эта предварительная разработка по необходимости началась опредѣленіемъ мѣста и времени источника, она завершается опредѣленіемъ мѣста

и времени самого событія, изображеннаго источникомъ. Двѣ особыхъ науки, историческая географія и хронологія выполняютъ эту задачу.

Пройдя черезъ горнило изслѣдованій палеографическихъ, библіографическихъ, историко-критическихъ, историко-географическихъ и хронологическихъ, источникъ, наконецъ, поступаетъ въ руки историка и вмѣстѣ съ массою другихъ источниковъ, прошедшихъ тотъ же искусъ, служитъ, наконецъ, для прагматическаго изложенія дѣяній и событій, для біографіи и исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Эта громадная работа предварительной критики и затѣмъ систематическаго свода источниковъ (историческаго анализа и историческаго синтеза) завершается (въ предѣлахъ конкретно-научнаго обществовѣдѣнія) сводомъ исторической и филологической разработки матеріала, сводомъ дѣяній и состояній, дѣятельности и культуры въ одну общую исторію въ обширномъ смыслѣ слова, которая и является заключительнымъ синтезомъ конкретно-научнаго изученія историческихъ обществъ. Послѣдней надстройкой надъ этимъ обширнымъ зданіемъ является философія исторіи, т.-е. объясненіе исторіи на основаніи законовъ, раскрываемыхъ обществовѣдѣніемъ абстрактнымъ.

Если мы теперь сличимъ это развѣтвленіе историческаго вѣдѣнія съ наличностью историческихъ дисциплинъ, въ современныхъ университетахъ, то увидимъ, что въ этомъ отношеніи существующая система довольно удовлетворительно отвѣчаетъ потребностямъ, вызываемымъ уровнемъ знанія. Дѣло въ томъ, что хотя нѣтъ отдѣльныхъ каѳедръ исторической методологіи (куда должна войти теорія выше набросанной предварительной разработки источниковъ) и философіи исторіи, но то и другое очень удобно включается въ историческіе курсы. Можно пожелать только, чтобы каѳедра исторіи имѣла побольше ординатуръ и экстраординатуръ для возможно широкаго историческаго обзора разныхъ эпохъ и народовъ. Желательно также, чтобы были обдуманно выдѣлены общій курсъ для всѣхъ отдѣленій и рядъ спеціальныхъ для разныхъ отдѣленій. Хотя невоз-

можно себѣ представить историка безъ филологическаго образованія, тѣмъ не менѣе выдѣленіе историческаго отдѣленія имѣетъ свой смыслъ. Если на филологическихъ отдѣленіяхъ можно требовать спеціальнаго изученія, по крайней мѣрѣ, трехъ филологій, то на историческомъ довольно было бы двухъ или даже одной (напоминаемъ, что общій курсъ трехъ новѣйшихъ филологій мы предполагаемъ для всѣхъ обязательнымъ), замѣняя очищающееся мѣсто историческими изученіями и методомъ.

Мы обозрѣли всѣ конкретныя науки гуманитарнаго знанія, входящія нынѣ въ составъ историко-филологическихъ факультетовъ. Однако, такая важная конкретная общественная наука, какъ статистика, въ это число не входитъ. Научно сложилась она лишь въ XIX в., даже во второй половинѣ его. Это не помѣшало ей пріобрѣсти громадное значеніе, теоретическое и практическое. Если исторія по прежнему играетъ главную роль, когда рѣчь идетъ о развитіи общества, то въ вопросахъ строенія статистика пріобрѣла несомнѣнно первенство. Та отчетливость, съ которою выясняется общественное строеніе изъ внимательно собраннаго и научно разработаннаго статистическаго матеріала, еще недавно представлялась чѣмъ-то абсолютно недосягаемымъ для обществовѣдѣнія. Статистика еще и теперь находится въ процессѣ развитія. Она еще не охватила въ должной и одинаковой степени всѣхъ общественныхъ явленій. Наиболѣе развиты, разработаны и опредѣлены два отдѣла статистики, демографія и хозяйственная статистика. Съ перваго же взгляда видно, что демографія въ предѣлахъ статистической науки занимаетъ мѣсто, соотвѣтствующее исторіи въ тѣсномъ смыслѣ (т.-е. имѣетъ дѣло съ личностями), а хозяйственная статистика соотвѣтствуетъ отчасти филологическимъ наукамъ (занимаясь культурою). Другіе отдѣлы статистики также могутъ быть распредѣлены между этими двумя родами. Они менѣе разработаны. Впрочемъ, статистическая наука такъ быстро и плодотворно расширяетъ свою компетенцію, захватывая все новыя и новыя области и достигая все болѣе значи-

тельныхъ и затруднительныхъ задачъ, что нельзя сомнѣваться въ успѣхахъ. Она съумѣетъ дать учетъ и всей остальной культурѣ, и всей остальной дѣятельности населенія. На этомъ плодотворномъ пути много содѣйствія можетъ оказать совсѣмъ недавно сложившаяся новая наука: теорія статистики. Указаніе метода и предварительной подготовительной разработки матеріала, его критика и общее руководство статистическою работою, входятъ въ составъ этой новорожденной научной дисциплины.

Статистика имѣетъ громадное практическое значеніе, сказали мы. Теперь мы можемъ прибавить, что это практическое значеніе послужило основаніемъ помѣстить ее на факультетѣ прикладного обществовѣдѣнія (на юридическомъ), а то обстоятельство, что хозяйственная статистика оказалась первымъ по времени разработаннымъ отдѣломъ, явилось поводомъ соединить статистику въ одной каѳедрѣ съ политическою экономіей. Статистика, однако, имѣетъ въ виду учесть далеко не одну экономическую сторону общественной жизни, а насильственное соединеніе ея съ политической экономіей искусственно спеціализуетъ ее на экономической сторонѣ. Поэтому, прежде всего желательно ея обособленіе отъ политической экономіи и выдѣленіе въ самостоятельную каѳедру. Статистика имѣетъ практическое значеніе, но не менѣе велико и ея значеніе теоретическое. Поэтому, не выключая изъ числа каѳедръ факультета прикладного обществовѣдѣнія, надлежитъ включить ее въ число каѳедръ и факультета теоретическаго обществовѣдѣнія (историко-филологическаго). Историческое и филологическое образованіе дѣятелей статистической науки откроетъ совершенно новые, обширные горизонты передъ этою юною, но уже много совершившей и еще болѣе того обѣщающей наукою. Едва ли есть надобность теорію статистики выдѣлять въ особую каѳедру, но она должна быть упомянута, какъ интегральная часть курса. Частныя статистики главнѣйшихъ націй удобно нашли бы себѣ мѣсто въ курсахъ культуры на каѳедрахъ новыхъ филологій. На долю самой ка-

ѳедры статистической осталась бы сравнительная статистика и теорія.

Статистическая наука такъ же, какъ разсмотрѣнныя выше историко-филологическія, всѣ имѣютъ дѣло съ обществами историческими. Но и за предѣлами исторіи существовало и существуетъ не мало человѣческихъ обществъ. Конкретное обществовѣдѣніе должно и ихъ включать въ предметъ своего изученія. Оно ихъ и включило, но подошло къ нимъ со стороны естествознанія, которое первое заинтересовалось этими обществами и начало ихъ изученіе. Геологія и палеонтологія наткнулись на остатки первобытнаго человѣка, остатки скелета такъ же, какъ и остатки культуры. Отсюда выросла доисторическая археологія, наука, отличная отъ соименной ей археологіи исторической, но въ послѣднее время все болѣе съ нею сближающаяся. Отсюда же выросла и краніологія, наука о человѣческихъ черепахъ, сначала первобытнаго ископаемаго человѣка, а затѣмъ и вообще всѣхъ расъ и племенъ, живущихъ и вымершихъ. Съ краніологіи началось выдѣленіе естественно-научнаго изученія человѣка изъ зоологіи и постепенно сложилась самостоятельная наука, антропологія, или зоологія человѣка, куда краніологія входитъ отдѣломъ. Другимъ, тоже выдѣлившимся отвѣтвленіемъ антропологіи является антропометрія, имѣющая очень серьезное значеніе для изученія расъ и племенъ. Вопросъ о расахъ человѣческихъ тоже выдѣлился и составилъ предметъ этнологіи, которая рѣшаетъ вопросъ о расахъ по методу зоологическому, не всегда совпадающему въ своихъ выводахъ съ методомъ филологическимъ. Антропологія съ ея отвѣтвленіями изучаетъ одну сторону строенія и жизни неисторическихъ обществъ, дѣятельную единицу общежитія, человѣка. Но и самыя первобытныя доисторическія и неисторическія общежитія имѣютъ уже свою культуру. Слѣды доисторической культуры изслѣдуетъ, какъ только что упомянуто, доисторическая или геологическая археологія. Культуру неисторическихъ народовъ изучаетъ этнографія неисторическая, все болѣе и болѣе сближающаяся съ этно-

графіей исторической. Это сближеніе ведетъ мало-по-малу къ общему сближенію антропологическихъ и филологическихъ наукъ въ понятіи общей этнографіи, имѣющей объединить и обобщить изображеніе и изученіе человѣческихъ культуръ во всемъ ихъ историческомъ, доисторическомъ и неисторическомъ многообразіи. Эту общую объединяющую этнографію можно было бы такъ же назвать — общею филологіей.

Антропологія отчасти получила академическое признаніе учрежденіемъ соотвѣтственныхъ каѳедръ во многихъ иностранныхъ университетахъ, и у насъ въ московскомъ университетѣ. Каѳедры эти учреждаются, однако, на факультетѣ физико-математическомъ. Не отрицая, что тѣсная зависимость антропологическихъ наукъ отъ естествознанія вполнѣ объясняетъ и оправдываетъ такое причисленіе этихъ наукъ къ естественно-научнымъ дисциплинамъ, нельзя не видѣть сразу, что ихъ отсутствіе представляетъ очень существенный и важный пробѣлъ на факультетѣ историко-филологическомъ. Какъ статистика должна одновременно быть юридическою и историко-филологическою каѳедрою, такъ точно антропологія можетъ и должна входить одновременно въ составъ курса физико-математическаго и историко-филологическаго факультета. Краніологія, антропометрія и этнологія, какъ отвѣтвленія антропологіи, могутъ и не обособляться въ отдѣльныя каѳедры, но должны быть упомянуты, какъ составныя части курса. Что касается доисторической археологіи, то она могла бы остаться въ составѣ антропологіи или быть соединена съ археологіей исторической въ одну дисциплину научной археологіи. Мы имѣемъ цѣлое высшее учебное заведеніе, археологическій институтъ, но не подумали основать, хотя бы въ одномъ университетѣ для начала, каѳедры археологіи. Общая этнографія, какъ сводъ фактическихъ данныхъ о первобытной и ранней исторической культурѣ, тоже требуетъ особаго вниманія и отдѣльной каѳедры. Быть можетъ, на первое время ее можно было бы соединить съ археологіей.

Введеніе антропологіи, доисторической археологіи и этно-

логіи въ составъ историко-филологическаго факультета ставитъ этому факультету новыя задачи. Сознательное усвоеніе этихъ наукъ, какъ и ихъ разработка, невозможны безъ извѣстнаго знакомства съ основами естествознанія. Однако, бытъ неисторическихъ народовъ отличается отъ быта историческихъ народовъ во многихъ отношеніяхъ, но только никакъ не въ этой необходимости естественно-научнаго освѣщенія для пониманія одного и ненужности этого освѣщенія для другого. Естествознаніе подошло первоначально къ быту неисторическихъ народовъ, и здѣсь впервые обнаружилось все значеніе для гуманныхъ наукъ этого могущественнаго содѣйствія со стороны наукъ естественныхъ. Конечно, оно одинаково необходимо и для исторической этнографіи, археологіи, филологіи. Оно необходимо, какъ мы видѣли, и для исторической критики. Оно составляетъ основу и для абстрактнаго обществовѣдѣнія, вслѣдствіе чего мы и вернемся къ этому настоятельному вопросу о естествознаніи на историко-филологическомъ факультетѣ послѣ обзора предстоящаго развитія абстрактно-научныхъ дисциплинъ, столь слабо и односторонне нынѣ представленныхъ на обоихъ гуманитарныхъ факультетахъ.

VI.

Бѣглый обзоръ конкретныхъ гуманныхъ наукъ, какъ онѣ развились и развѣтвились къ настоящему времени, показалъ намъ, какой громадный трудъ понесенъ въ теченіе не одного тысячелѣтія многими тысячами научныхъ работниковъ, постепенно воздвигшихъ это исполинское зданіе конкретнаго обществовѣдѣнія, дозволившее въ XIX вѣкѣ приступить и къ сооруженію обществовѣдѣнія абстрактнаго. Ранѣе, именно несовершенное состояніе конкретныхъ общественныхъ наукъ не дозволяло абстрактно-научную обработку явленій общественныхъ по обще-научнымъ методамъ. Поэтому долго абстрактное обществовѣдѣніе замѣнялось метафизическою философіею, изъ догматовъ которой

выводились и нравственность, и право, и начала государственности, и эстетическіе принципы. Затѣмъ нѣкоторое движеніе научной мысли, высвободившейся отъ метафизической опеки, привело къ изобрѣтенію для абстрактнаго изученія общественныхъ явленій особаго метода изолирующей гипотезы, который довольно долго и замѣнялъ собою общенаучные методы, не примѣнявшіеся по несовершенству матеріала, предлагавшагося конкретными науками. Первыя подверглись такой обработкѣ по гипотетическому методу явленія экономическія, и возникшая отсюда политическая экономія въ рукахъ ея основателей и наиболѣе выдающихся продолжателей всегда держалась и держится этого метода. Затѣмъ примѣненіе гипотическаго метода было распространено на явленіе права, нравственности, языка, искусства. Гипотетически изолируя мотивъ обогащенія отъ всѣхъ другихъ мотивовъ и ставя дѣйствіе человѣка, руководимаго только этимъ мотивомъ, въ условія однажды опредѣленнаго общественнаго состоянія, политическая экономія всѣ свои положенія и теоремы выводитъ дедуктивно. Гипотетически изолируя другіе мотивы человѣческой дѣятельности, можно построить и другіе абстрактно-общественныя науки: правовѣдѣніе, этику, эстетику, лингвистику. По скольку онѣ высвободились изъ-подъ метафизическихъ преданій и по скольку не увлечены потокомъ быстро выросшей абстрактной науки общаго метода, обыкновенно называемой соціологіей, дѣйствительно правовѣдѣніе, этика, эстетика и отчасти лингвистика воспользовались методомъ изолирующей гипотезы и добыли этимъ путемъ не мало цѣнныхъ выводовъ. Онѣ, однако, какъ и политическая экономія, не даютъ, строго говоря, объясненія явленіямъ и не раскрываютъ законовъ, ими управляющихъ, а лишь раскрываютъ тѣ закономѣрныя тяготѣнія и склонности, которыя существуютъ въ обществѣ. Надо это всегда помнить и не слѣдуетъ забывать, что конкретная общественная дѣятельность хотя и испытываетъ эти тяготѣнія, раскрытыя для насъ науками изолирующей гипотезы, но направляется всею сложною совокупностью окружающей

среды, всею сложною совокупностью человѣческой активности. Раскрытіе этихъ общихъ законовъ общественнаго сочетанія, распаденія и развитія составляетъ задачу соціологіи, которая стала возможна лишь послѣ того, какъ съ одной стороны сдѣлана громадная работа конкретнаго обществовѣдѣнія, доставившая матеріалъ для соціологической обработки, а съ другой стороны гипотетическія абстрактныя науки выяснили основныя тяготѣнія общественной жизни и освѣтили такимъ образомъ то, что можно бы назвать пружинами общественнаго механизма.

Соціологія не введена ни на одномъ изъ нашихъ факультетовъ, но то, что нынѣ читается подъ именемъ философіи исторіи или подъ именемъ общихъ отдѣловъ нѣкоторыхъ правъ, весьма часто бываетъ курсомъ того или другого отдѣла соціологіи. Въ университетахъ берлинскомъ, брюссельскомъ и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ основаны оффиціально каѳедры соціологіи. Несомнѣнно наступило время ея академическаго признанія. Ей должна быть предоставлена отдѣльная каѳедра, которая должна входить въ составъ курса обоихъ гуманитарныхъ факультетовъ. Абстрактное знаніе является вѣнцомъ конкретнаго и фундаментомъ прикладного. Поэтому-то соціологія должна какъ бы завершать собою курсъ факультета теоретическаго обществовѣдѣнія (историко-филологическаго) и должна быть преподана и на факультетѣ обществовѣдѣнія прикладного (юридическомъ) для лучшаго освѣщенія его задачъ. То же, что сказано здѣсь о соціологіи, примѣнимо, хотя и въ меньшей степени, и къ политической экономіи, которая должна быть сохранена на юридическомъ факультетѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлена на историко-филологическомъ, гдѣ первоначально и находилась (какъ и доселѣ находится во многихъ иностранныхъ университетахъ). Что касается остальныхъ абстрактныхъ частныхъ наукъ, то лингвистика и эстетика, нынѣ входящія въ составъ филологическаго факультета слишкомъ спеціальны, чтобы юридическій факультетъ нуждался въ ихъ усвоеніи. Этика, кажется мнѣ, могла бы быть присоединена къ каѳедрѣ соціологіи, такъ какъ все болѣе

обнаруживаетъ наклонность оставить методъ изолирующей дедукціи и воспользоваться соціологіей для фундаментальной перестройки всего плана науки.

Конкретное обществовѣдѣніе могло долго развиваться совершенно независимо отъ естествознанія, но и оно, какъ мы видѣли уже, почувствовало потребность опереться на естественныя науки. Тѣмъ это необходимѣе обществовѣдѣнію абстрактному. Законы общественной жизни, составляющіе проблемму соціологіи, являются только частнымъ случаемъ законовъ жизни вообще. Соціологія съ первыхъ же шаговъ своихъ должна была опереться на науки біологическія. Не самостоятельное ихъ изученіе, но обстоятельное знакомство съ этими науками представляется обязательнымъ для соціолога, а слѣдовательно, и приспособленное преподованіе этихъ наукъ должно быть введено на гуманитарныхъ факультетахъ. Курсъ общей біологіи, какъ эта наука выяснилась въ трудахъ Спенсера, Дарвина, Гексли, Геккеля и другихъ, долженъ являться какъ бы соціологической пропедевтикой и легко могъ бы быть включенъ въ курсъ соціологической каѳедры. Этотъ общій курсъ долженъ, однако, опираться на нѣкоторыя, хотя и элементарныя, но систематическія познанія естественно-научныя. Частью они могутъ быть дополнительно даны и должны быть даны географіей (познанія геологическія, палеонтологическія, естественно историческія), частью же необходимо должны предшествовать университетскому курсу. Иначе говоря, эти элементарныя основы естествознанія должны быть преподаны въ гимназіяхъ. Въ прошлой статьѣ я старался показать, что съ преобразованіемъ гимназій на предложенныхъ основаніяхъ останется достаточно гимназическаго времени для введенія элементарнаго естествознанія (физика и теперь преподается въ гимназіяхъ). Тогда же я указалъ, что основою средняго образованія должны остаться гуманитарные предметы, но образованіе, ими даваемое, только выиграетъ, прибавя нѣкоторое необходимое познаніе природы и мірозданія. Мы теперь видимъ, что это введеніе, желательное съ точки зрѣнія образованія и совершенно до-

пустимое безъ обремененія учащихся, является вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ и въ смыслѣ подготовленія къ университетскому курсу даже на филологическомъ и юридическомъ факультетахъ. Вмѣстѣ съ хорошимъ преподаваніемъ новыхъ языковъ введеніе элементарнаго естествознанія и представляется тѣмъ приспособленіемъ гимназическаго курса къ потребностямъ высшей школы, о которомъ мы говорили въ началѣ этой статьи.

Психологія въ настоящее время входитъ въ составъ философской каѳедры. Психологія, по крайней мѣрѣ экспериментальная съ ея отвѣтвленіемъ психофизикой, составляетъ въ настоящее время самостоятельную естественно-научную дисциплину. Въ иностранныхъ университетахъ почти повсемѣстно учреждена каѳедра психологіи. Очевидно, она должна быть усвоена и физико-математическому, и обоимъ гуманитарнымъ факультетамъ. Первому, потому что туда принадлежитъ по своему научному составу; вторымъ же, какъ наука вспомогательная.

Изъ историко-филологическихъ научныхъ дисциплинъ намъ остается сказать нѣсколько словъ о философіи. Мы уже исключили изъ нея психологію и этику. Исторія философіи, конечно, должна остаться въ составѣ каѳедры, но ея курсъ долженъ быть помѣщенъ на историческомъ отдѣленіи и не долженъ быть смѣшиваемъ съ курсомъ философіи, естественно являющимся не только общефилологическимъ предметомъ, не только общимъ для обоихъ гуманитарныхъ факультетовъ, но и для всего университета. Въ очищенную выше указаннымъ способомъ каѳедру философіи должны входить слѣдующія составныя части: теорія познанія (Erkentnisslehre) и классификація наукъ, логика, философія природы (высшія обобщенія природовѣдѣнія). Все это, конечно, одинаково важно для всѣхъ факультетовъ.

Хотя мы разсмотрѣли только филологическіе факультеты, но этимъ разсмотрѣніемъ рѣшили и общее направленіе всей университетской реформы. Именно отъ преобра-

зованія филологическихъ факультетовъ зависитъ и возможность возстановить, рядомъ съ научнымъ и профессіональнымъ, и образовательный элементъ высшей школы, и возможность той реформы средней школы, о которой давно мечтаетъ образованное общество всего міра. Послѣднее очевидно изъ предъидущаго. Что касается перваго, то ясно, что объявленіе философіи и общихъ курсовъ французской, англійской и нѣмецкой филологіи общими предметами всѣхъ факультетовъ способно, дѣйствительно, возвысить образовательное значеніе университетской науки, не понижая ея научнаго и прикладного значенія. Для факультетовъ, физико-математическихъ и медицинскихъ, это введеніе общихъ предметовъ вмѣстѣ съ новою, болѣе раціональною подготовкою въ гимназіяхъ, и составляетъ все наиболѣе существенное въ необходимой реформѣ. Для юридическихъ факультетовъ къ этому прибавляется введеніе соціологіи и вообще болѣе систематическое преподаваніе абстрактной науки. Центръ тяжести реформы—въ факультетахъ филологическихъ, гдѣ надо возстановить три каѳедры (всеобщая литература, статистика, политическая экономія) и основать новыхъ шесть: филологіи французской, англійской, нѣмецкой, антропологіи и этнологіи, этнографіи и археологіи, соціологіи. Такое развитіе курса факультетскаго естественно вызываетъ необходимость дробленія на отдѣленія. Четыре отдѣленія уже и теперь существуютъ въ Петербургскомъ университетѣ, именно, отдѣленія классической филологіи, романо-германской, славянской и историческое. Не невозможно, что романо-германское отдѣленіе пришлось бы скоро разбить на два. Вѣроятно, было бы полезно образовать соціологическое отдѣленіе съ сосредоточеніемъ тамъ абстрактныхъ научныхъ дисциплинъ. О восточныхъ отдѣленіяхъ я уже говорилъ.

Я, конечно, не пишу исполнительнаго проекта и не опредѣляю детально состава отдѣленій и распредѣленія между ними предметовъ. Весьма возможно, что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось бы затруднительно размѣстить факультетскіе курсы между отдѣленіями такъ,

чтобы не обременить учащихся и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить желательное основное единство факультетскаго образованія. Въ такомъ случаѣ излишней спеціализаціи слѣдовало бы предпочесть удлиненіе курса на годъ. Вѣдь медики, технологи, инженеры учатся же по пяти лѣтъ! Почему филологамъ надо держаться, во что бы то ни стало, четырехлѣтняго курса? Впрочемъ, повторяю, детали не входятъ въ задачу этихъ очерковъ. Я хотѣлъ только намѣтить принципы и указать на возможность ихъ осуществленія.

1896 г.

ВОПРОСЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦІИ.

5 декабря 1896 года появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» правительственное сообщеніе о студенческихъ безпорядкахъ въ Московскомъ университетѣ, отразившихся волненіями студентовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ университетахъ. Читатели, конечно, не забыли этого въ высшей степени интереснаго сообщенія, обратившаго на себя по справедливости самое серьезное вниманіе нашего общества. Очень интересно также и печатное обсужденіе, вызванное сообщеніемъ.

Начало этому любопытному обсужденію въ печати положилъ профессоръ философіи Московскаго университета кн. Трубецкой, помѣстившій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1896 г., № 354) статью «По поводу правительственнаго сообщенія о студенческихъ безпорядкахъ». Остановимся сначала на этой статьѣ почтеннаго профессора. «Мы не можемъ», начинаетъ свою статью кн. Трубецкой, «мы не можемъ достаточно выразить нашу радость по поводу появленія подробнаго правительственнаго сообщенія о студенческихъ безпорядкахъ въ Московскомъ университетѣ». Необходимость гласности въ этихъ дѣлахъ авторъ защищаетъ убѣжденно столько же, сколько убѣдительно.

«О безпорядкахъ знали рѣшительно всѣ: знали многія тысячи воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, знала уличная толпа, для которой войска и полиція, оцѣ-

пляющія университетъ, сдѣлались привычнымъ зрѣлищемъ. О нихъ знало все русское общество, хотя, разумѣется, не могло составить себѣ яснаго понятія объ ихъ характерѣ и происхожденіи. Оно не имѣло возможности судить о нихъ иначе, какъ по слухамъ, нерѣдко нелѣпымъ и всегда не точнымъ, которыхъ нельзя было ни провѣрить, ни опровергнуть. Полнымъ молчаніемъ печати создавалось исключительное положеніе для литературы подпольной, распространявшей свои «сообщенія» въ цѣляхъ агитаціи; порождались цѣлыя легенды, распространялись ложныя сенсаціонныя извѣстія, которыя проникали и въ заграничную печать и волновали наше общество, разростаясь и расширяясь въ немъ какъ круги отъ камня, брошеннаго въ стоячую воду. Еще за нѣсколько дней до правительственнаго сообщенія приходилось отвѣчать на запросы о томъ, «сколько университетовъ закрыто», «сколько тысячъ студентовъ арестовано и сколько убитыхъ и раненыхъ въ столкновеніи съ войсками...» Чѣмъ у́же сфера, доступная гласности, тѣмъ шире сфера, составляющая исключительное достояніе сплетни, вымысла, агитаціи и подпольной литературы. Изъять изъ печати вопросъ, волнующій общество и касающійся самыхъ жизненныхъ его интересовъ, не значитъ прекратить его обсужденіе: это значитъ лишь обострить его и обречь на обсужденіе, завѣдомо пристрастное, одностороннее и невѣрное. Чистый воздухъ необходимъ для оздоровленія не только физической, но и нравственной атмосферы».

Затѣмъ, строго осуждая агитацію, которая вмѣшиваетъ политику въ академическую жизнь, кн. Трубецкой замѣчаетъ:

«Но одни ли студенты заслуживаютъ упрека въ ложномъ отношеніи къ задачамъ университета? Они ли одни вмѣшиваютъ политическія страсти и политическую агитацію въ его внутреннюю жизнь? Они ли одни искажаютъ всю постановку университетскаго дѣла въ Россіи? Мы нисколько не думаемъ снимать съ нихъ отвѣтственность за ихъ поступки и принципы, но полагаемъ, что, кромѣ нихъ,

такая отвѣтственность падаетъ и на другихъ. Я не говорю объ отдѣльныхъ агитаторахъ, а обо всемъ нашемъ обществѣ».

Какъ видно изъ послѣдующаго, авторъ въ этихъ строкахъ имѣетъ въ виду тѣ политическіе мотивы, которые заставляли нѣкоторую часть печати настойчиво требовать стѣсненія самостоятельности университетской корпораціи. «Ничего не можетъ быть пагубнѣе и фальшивѣе того постояннаго вмѣшательства политическихъ принциповъ и соображеній, которыя мы обыкновенно допускаемъ въ обсужденіи вопросовъ, чисто педагогическихъ». Только въ университетскомъ самоуправленіи видитъ авторъ средство упорядочить университетскую жизнь, въ томъ числѣ и ослабить причины и силу студенческихъ безпорядковъ:

Университетъ есть разсадникъ высшаго научнаго образованія, который, въ отличіе отъ другихъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, преслѣдующихъ спеціальныя цѣли, обнимаетъ въ себѣ преподаваніе всѣхъ наукъ: онъ есть университетъ всѣхъ отраслей знанія,—Universitasscieniarum. Поэтому, допуская въ предѣлахъ своихъ факультетовъ лишь извѣстную спеціализацію, онъ преслѣдуетъ прежде всего общеобразовательную цѣль, стремится, насколько возможно, дать общую научную подготовку по главнѣйшимъ отраслямъ человѣческихъ знаній, въ области которыхъ студентъ можетъ вполнѣ специализироваться лишь по успѣшномъ окончаніи обще-университетскаго курса. Эта общеобразовательная „университетская“ цѣль никогда не должна теряться изъ вида: университетъ долженъ достойнымъ образомъ представлять собою всю науку или всѣ науки въ ихъ общей связи. Этимъ объясняется взаимная связь факультетовъ, и опредѣляется характеръ университета, какъ организованнаго союза факультетовъ или какъ организованнаго академическаго союза, состоящаго изъ корпораціи ученыхъ — представителей отдѣльныхъ наукъ—и изъ учащихся. Учащіе имѣютъ ученый цензъ, учащіеся—цензъ образовательный, т.-е. цензъ средней гуманистической школы, подготовляющей ихъ къ общему научному образованію. Лица, не имѣющія такого образовательнаго ценза, могутъ быть допускаемы въ университетъ лишь въ качествѣ вольныхъ слушателей. Что касается ученаго ценза, то онъ, естественно, можетъ устанавливаться только спеціалистами и факультетами, которые судятъ о томъ, насколько данное лицо по своимъ спеціальнымъ и общимъ знаніямъ и по своимъ научнымъ достоинствамъ заслуживаетъ званія учителя или ученаго. Въ этомъ смыслѣ ученое сословіе всегда было и останется самопополняющимся. Но и какъ сословіе или корпорація уча-

щая, университетъ всѣхъ компетентнѣе можетъ судить о своихъ научныхъ интересахъ, пользахъ и нуждахъ въ дѣлѣ распредѣленія и разработки плана занятій и въ дѣлѣ преподаванія.

Кажется, дѣло совершенно ясно: университетъ можетъ и долженъ преслѣдовать одну свою чисто-академическую цѣль высшаго научнаго образованія. И если у него есть какая-нибудь великая, истинная общественная цѣль, такъ это та, чтобы дать государству наибольшее количество людей съ дѣйствительнымъ высшимъ образованіемъ, какимъ бы спеціальностямъ они себя ни посвящали. Если намъ нужны только спеціалисты, только техники въ различныхъ сферахъ общественной или практической дѣятельности, мы можемъ закрыть университеты, уничтожить факультеты и оставить одни спеціальные институты. Если же мы признаемъ, что для самого процвѣтанія такихъ спеціальныхъ школъ, для развитія спеціальныхъ и даже чисто техническихъ дѣятельностей необходимо большое число дѣятелей съ общей теоретической подготовкой, мы сохранимъ наши университеты. Если мы не хотимъ имѣть однихъ болѣе или менѣе искусныхъ фельдшеровъ, канцеляристовъ, машинистовъ, если мы хотимъ, чтобы самыя спеціальныя высшія школы давали намъ образованныхъ врачей, юристовъ и технологовъ, не говоря уже о филологахъ, мы должны стремиться къ тому, чтобы университетъ оставался университетомъ.

Далѣе, снова возвращаясь къ вопросу, послужившему первоначальнымъ поводомъ статьи, авторъ замѣчаетъ: «для того, чтобы студенчество могло имѣть какое нибудь упорядоченное правильное академическое устройство, органически связанное съ университетомъ, чтобы общеніе между студентами укладывалось въ рамки университетской жизни и подчинялось его строю, нужно, чтобы самъ университетъ былъ самимъ собою, чтобы онъ былъ связнымъ цѣлымъ, которое могло бы нравственно и умственно руководить студенческою жизнью. Ибо, дезорганизуя профессорскую корпорацію и лишая ее самостоятельной жизни, мы вносимъ разобщеніе не только между факультетами и профессорами, но—между профессорами и студентами, которые теряютъ всякую связь между собою — помимо лекцій и занятій».

Что же разумѣетъ кн. Трубецкой, подъ требованіемъ, чтобы «университетъ былъ самимъ собой», видно изъ слѣдующихъ заключительныхъ строкъ статьи: «Истинная уни-

верситетская автономія не та, которой могутъ желать агитаторы, а только та, которая вытекаетъ изъ внутреннихъ требованій университетскаго дѣла, преслѣдующаго автономную, чисто академическую цѣль—высшаго научнаго образованія. Ясно, что тутъ не можетъ быть рѣчи о какой-либо политической автономіи, о какихъ-либо политическихъ привилегіяхъ профессоровъ или студентовъ. Мы хотимъ только, чтобы университетъ пересталъ служить внѣшнимъ и случайнымъ цѣлямъ, ибо если наука имѣетъ свои автономныя требованія, то и организація ея преподаванія не можетъ опредѣляться требованіями внѣшними и случайными. И мы думаемъ, что интересы и цѣли спеціально университетскія съ наибольшимъ успѣхомъ и компетентностью можетъ вѣдать самъ университетъ, который одинъ имѣетъ фактическую возможность организовать и регулировать преподаваніе. Это не умаляетъ нисколько правъ общей или спеціально-учебной администраціи по отношенію къ университету; это вноситъ внутренній порядокъ въ университетскую жизнь и въ то же время возлагаетъ на профессорскую корпорацію реальную отвѣтственность за успѣшное веденіе университетскаго дѣла».

Мы ознакомили нашихъ читателей по возможности подробно съ самыми основными положеніями статьи кн. Трубецкаго и потому, что она вполнѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія всякаго, кому дороги интересы и судьбы русскаго просвѣщенія, и потому еще, что появившись въ изданіи, еще не успѣвшемъ пріобрѣсти обширнаго круга читателей, она недостаточно извѣстна русской публикѣ. Статья, какъ читатели, конечно, уже замѣтили, далеко вышла за предѣлы своей первоначальной задачи и, выходя изъ справедливой мысли, что всѣ стороны университетскаго быта тѣсно связаны между собой, поставила университетскій вопросъ въ его полномъ объемѣ. На этой высотѣ и удержалось обсужденіе вопроса, вызванное статьей кн. Трубецкаго. Первымъ отозвался ветеранъ московскаго университета, нѣкогда знаменитый профессоръ-юристъ Б. Н. Чичеринъ. Статья его, озаглавленная «Нѣсколько словъ о со-

временномъ состояніи русскихъ университетовъ», появилась въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 14 января 1897 года (№ 13). Упомянувъ о статьѣ кн. Трубецкаго, г. Чичеринъ продолжаетъ: «Нельзя не быть глубоко благодарнымъ автору за то, что онъ такъ смѣло и рѣшительно поднялъ вопросъ, составляющій самое больное мѣсто нашихъ высшихъ учебныхъ учрежденій. Пора было наконецъ сказать, что университетъ—не канцелярія, что профессора — не чиновники, исполняющіе приказаніе начальства, а люди, самостоятельно изучающіе науку и преподающіе стекающемуся въ университеты юношеству результаты своей собственной умственной работы».

Всецѣло становясь на точку зрѣнія кн. Трубецкаго, маститый авторъ даетъ любопытную историческую справку, ярко освѣщающую дебатируемый вопросъ:

Не только уставъ 1863 года, но и уставы 1804 и 1835 года предоставляли имъ (университетамъ) широкія корпоративныя права. Уставъ 1863 года не ввелъ въ этомъ отношеніи ничего новаго. Даже въ самыя темныя времена университетской жизни, когда, вслѣдствіе волненій на Западѣ, русскіе университеты подверглись подозрѣнію и число студентовъ, за исключеніемъ медицинскаго факультета, было ограничено тремя стами, у университетовъ отнято было лишь право избирать ректора: все остальное осталось по старому. Только уставъ 1884 года лишилъ ихъ всякихъ корпоративныхъ правъ и, повидимому безъ всякаго повода, ибо на должности ректоровъ и декановъ назначены были тѣ самыя лица, которыя передъ тѣмъ были выбраны университетскими совѣтами, чѣмъ самымъ доказывалось, что университеты пользовались своими правами согласно съ видами правительства и выбирали людей, достойныхъ его довѣрія. За что же было лишать ихъ правъ, принадлежавшихъ имъ и по высокому ихъ призванію и въ силу утвержденныхъ вѣковою практикой постановленій русскаго закона?

Касаясь затѣмъ больного вопроса о студенческихъ безпорядкахъ, г. Чичеринъ указываетъ, что послѣ введенія устава 1863 года, они надолго прекратились. «Если они и возобновились впослѣдствіи, замѣчаетъ авторъ,

то виною въ томъ были не уставъ 1863 года и даже не внутреннее распаденіе университетской корпораціи, а постороннія университету теченія, главнымъ образомъ, тлетворное дѣйствіе газеты, которая,

пользуясь своимъ вліяніемъ на общество и на правительство, хотѣла безгранично властвовать и въ университетѣ. На первыхъ порахъ это ей и удалось. Она поселила раздоръ среди профессоровъ, благодаря поддержкѣ правительственной власти, она успѣла вытѣснить непріятныхъ ей лицъ, которыя не хотѣли поддаваться ея владычеству. Скоро однако университетская корпорація почувствовала всю тяжесть газетнаго ига и взбунтовалась противъ него. Одинъ изъ редакторовъ, состоявшій членомъ университета, забаллотированъ при выборѣ на новое пятилѣтіе; ректоромъ былъ выбранъ не угодный редакціи, знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ. Тогда противъ всѣхъ университетовъ, а равно и противъ устава 1863 года, ограждавшаго ихъ самостоятельность, начался самый безсовѣстный походъ. Почтенный С. М. Соловьевъ, самый умѣренный изъ людей, принужденъ былъ покинуть не только ректорство, но и каѳедру. Причиненныя ему непріятности ускорили его кончину. Наконецъ, въ 1884 г., этотъ походъ увѣнчался успѣхомъ. Со введеніемъ новаго университетскаго устава, университеты лишились всякихъ корпоративныхъ правъ.

Результаты у насъ на глазахъ: университетская жизнь заглохла; всякая внутренняя связь была порвана, общій, нравственный духъ исчезъ. Высшее образованіе въ Россіи было, можно сказать, стѣснено. Оно поднимется снова только съ возстановленіемъ нормальнаго порядка, то-есть, съ возвращеніемъ къ уставу 1863 года. Если это вполнѣ справедливое и разумное требованіе составляетъ нынѣ предлогъ для студенческихъ волненій, то этотъ предлогъ надобно у нихъ отнять. Конечно, этимъ университетъ не будетъ застрахованъ отъ безпорядковъ; они всегда возможны среди увлекающейся молодежи. Но при нормальныхъ условіяхъ легче съ ними справиться. Во всякомъ случаѣ, этимъ будетъ положено начало лучшему будущему. Высшее образованіе въ нашемъ отечествѣ снова вступитъ на правильный путь, отъ котораго никогда не слѣдовало уклоняться. Оно, по преимуществу, принадлежитъ къ разряду вещей, которыя разрушаются легко, а созидаются трудно. Бережное отношеніе къ нему составляетъ первое условіе успѣха.

Этими строками заключаетъ свою краснорѣчивую статью г. Чичеринъ, еще шире и глубже захватившій и раскрывшій внутреннее значеніе и смыслъ университетскаго вопроса, того вопроса, съ которымъ тѣсно связана наша будущность, какъ культурной и цивилизованной страны, всѣ наши надежды на лучшее будущее, на развитіе гуманности и просвѣщенія. Вслѣдъ за статьями кн. Трубецкаго и г. Чичерина появилось много статей въ разныхъ повре-

менныхъ изданіяхъ. Всѣ онѣ болѣе или менѣе соглашались съ необходимостью возстановить университетскую автономію. Нѣкоторые возражали противъ того, чтобы университетская корпорація завѣдывала администраціею и хозяйствомъ университетовъ, но всѣ они сходились въ признаніи принципа избранія профессоровъ университетскими корпораціями, такъ же избранія ректоровъ и деканов. Независимость собственно ученой дѣятельности университетской корпораціи признавалась всѣми писавшими въ послѣднее время по этому вопросу. Обсужденіе перешло и на страницы спеціальныхъ оффиціальныхъ изданій «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 15, 1897 г.) цитируютъ статью «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», высказывающуюся за университетское самоуправленіе и указывающую на примѣръ Германіи въ слѣдующихъ вполнѣ убѣдительныхъ и краснорѣчивыхъ строкахъ: «Полная свобода академическаго преподаванія, замѣщеніе каѳедръ лицами по выбору профессорской коллегіи, свобода студентовъ избирать любой университетъ, любого профессора и любой предметъ, а равно соединяться въ кружки или общества для всякаго рода цѣлей на почвѣ существующихъ государственныхъ учрежденій и установленныхъ законовъ— вотъ главнѣйшія особенности германскихъ университетовъ, внутренняя жизнь которыхъ характеризуется еще тѣснымъ общеніемъ между профессорами и студентами, общеніемъ, которое содѣйствуетъ усиленію нравственнаго вліянія профессуры на учащихся».

Нельзя не привѣтствовать этого мнѣнія органа нашего Министерства Народнаго Просвѣщенія, и нельзя не видѣть въ немъ симптома возможнаго въ скоромъ времени пересмотра устава 1884 года.

Указываемыя журналомъ министерства основы организаціи германскихъ университетовъ, оправданныя долговременною удачною практикою и принесшія такіе крупные плоды въ видѣ расцвѣта германской науки, конечно, были бы наилучшими и для Россіи. Дѣло не въ точной копіи, а въ признаніи основного принципа. Форма же осу-

ществленія можетъ быть та или другая, примѣнительно къ условіямъ, потребностямъ и естественному развитію основного принципа въ пространствѣ и во времени.

Основной принципъ германской университетской организаціи, цитируемый «Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», да и не одной германской, а и англійской, французской, итальянской, до 1884 года въ томъ числѣ и русской, заключается въ томъ, что только само ученое сословіе признается компетентнымъ судить ученыя заслуги претендентовъ на каѳедры. Поэтому, только собраніе самого ученаго сословія и можетъ даровать каѳедру тому или другому претенденту. Не можетъ быть такого человѣка, хотя бы самаго образованнаго и ученаго, который былъ бы одинаково компетентенъ судить о степени ученой и учебной пригодности претендентовъ на каѳедры небесной механики, женскихъ болѣзней, санскритскаго языка, римскаго права. Компетентна можетъ быть только ученая корпорація, заключающая въ своей средѣ спеціалистовъ по всѣмъ предметамъ и отдѣламъ, цѣлыя группы спеціалистовъ. Обыкновенно возражаютъ противъ университетской автономіи, указывая на возможное развитіе въ отдѣльныхъ университетахъ узкой корпоративности и замкнутости, которые могутъ привести къ непотизму при замѣщеніи каѳедръ. Nomina sunt odiosa, но сторонники этого мнѣнія могли бы даже сослаться на практику одного русскаго университета, являвшаго собою примѣръ такой партійной замкнутости и непотизма. Изъ этого университета вышли самые убѣжденные противники устава 1863 года въ частности, университетскаго самоуправленія вообще.

Мнѣ кажется, въ этомъ обобщеніи одного случая кроется крупная ошибка уже потому, напримѣръ, что пристрастіе одной университетской корпораціи легко исправляется другою университетскою корпораціей. Гласность же университетской дѣятельности могла бы быть гарантіей противъ непотизма или, по крайней мѣрѣ, противъ его широкаго развитія. Если же бы пристрастіе и непотизмъ свили себѣ гнѣздо, въ канцеляріи директора департамента, предста-

вляющаго профессоровъ къ назначенію, то противъ нихъ нѣтъ поправки ни въ другихъ корпораціяхъ, ни въ давленіи общественнаго мнѣнія. Невозможность полной компетентности и естественная безконтрольность системы назначенія заставили бы предпочесть систему корпоративнаго избранія даже въ томъ случаѣ, еслибы эта система была фатально прикована къ порядкамъ, установленнымъ уставомъ 1863 года, и не могла бы быть измѣнена и усовершенствована. Мы думаемъ, однако, что такое усовершенствованіе системы самопополненія ученаго сословія и возможно, и безъ особеннаго труда осуществимо.

Напримѣръ, что можно было бы возразить противъ такой системы самопополненія ученаго сословія: ученыя степени, необходимыя для замѣщенія каѳедръ, даруются совершенно свободно и независимо соотвѣтственными факультетами каждаго университета; изъ числа лицъ, обладающихъ учеными степенями, профессора избираются академіей наукъ во всѣ университеты; зато академики избираются съѣздами профессоровъ соотвѣтственныхъ факультетовъ (конечно, въ томъ числѣ и академиками). Способъ пополненія академіи исключаетъ всякую идею о замкнутости, пристрастіи и непотизмѣ. Академія же, такъ пополняемая, конечно, также не можетъ оказаться замкнутою корпораціей, въ которой могли бы развиться пристрастіе и непотизмъ. Такое тѣсное единеніе академіи и университетовъ могло бы влить новую жизнь и энергію во все ученое сословіе, которое было бы автономно безъ всякой опасности развитія узкой и нетерпимой корпоративности или партійности и непотизма.

1897 г.

ПЕРЕХОДНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Въ 1896 году, по случаю коронаціонныхъ торжествъ, всѣ учащіеся были освобождены отъ переводныхъ экзаменовъ и перешли въ слѣдующіе классы по годовымъ отмѣткамъ. Имѣвшимъ отмѣтки неудовлетворительныя было предоставлено держать осенью экзаменъ изъ тѣхъ предметовъ, по которымъ ими были получены эти непереводныя отмѣтки. Сотни тысячъ учащихся не подверглись въ 1896 году провѣрочному испытанію посредствомъ экзаменовъ, мѣсяцемъ раньше начали вакаціонный отдыхъ, мѣсяцемъ больше его имѣли, лучше отдохнули и поправили здоровье, съ лучшими силами осенью приступили къ ученію, которое отъ такой отмѣны экзаменовъ нисколько не пострадало. По крайней мѣрѣ, среди непрекращавшихся весь академическій 1896—1897 годъ толковъ объ отмѣнѣ экзаменовъ не раздалось ни откуда ни одного голоса о какихъ-либо затрудненіяхъ или неуспѣхахъ, вызванныхъ отмѣною экзаменовъ въ 1896 году. Этотъ фактъ является очень сильнымъ доводомъ въ пользу окончательной и повсемѣстной отмѣны переводныхъ экзаменовъ, которые давно компетентными лицами признаются ненужными. Между прочимъ, г. попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, въ своемъ циркулярѣ [1]) по поводу освобожденія отъ экзаменовъ въ

[1]) См. *Недѣля*, 1896 г., № 13.

1896 году, совершенно категорически высказалъ мысль, что годовыя отмѣтки объ успѣхахъ учащихся имѣютъ гораздо большее значеніе для оцѣнки этихъ успѣховъ, нежели экзаменаціонныя отмѣтки, нерѣдко случайныя, и что поэтому переводные экзамены являются излишнимъ и вреднымъ обремененіемъ учащихся. Эти мысли, высказанныя авторитетнымъ представителемъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, и притомъ въ оффиціальномъ документѣ, подали обществу надежду, что временная мѣра, принятая по случаю коронаціонныхъ празднествъ, обратится въ постоянную, а «излишнее и вредное обремененіе учащихся» будетъ прекращено. Успѣхъ опыта 1896 года еще болѣе поддерживалъ эту надежду на осуществленіе давно желанной реформы.

Реформа эта не явилась бы чѣмъ-то новымъ и небывалымъ. Многія женскія гимназіи давно практикуютъ эту мѣру въ видѣ освобожденія отъ переводныхъ экзаменовъ наиболѣе успѣвающихъ ученицъ. Позже то же самое начали примѣнять и въ мужскихъ гимназіяхъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ, напримѣръ, въ петербургскомъ, гдѣ отъ экзамена освобождаются ученики перваго разряда, т.-е. тѣ, которые, вовсе не имѣя неудовлетворительныхъ годовыхъ отмѣтокъ, имѣютъ въ среднемъ выводѣ около четырехъ. Извѣстно, что это освобожденіе учениковъ перваго разряда отъ экзаменовъ ни мало не вліяетъ на успѣшность ихъ занятій и они, большею частью, сохраняютъ свой разрядъ, не смотря на отсутствіе экзаменаціоннаго Дамоклова меча и соединеннаго съ нимъ весенняго повторенія пройденнаго курса. Съ другой стороны, это повтореніе нисколько не содѣйствуетъ ученикамъ второго и третьяго разрядовъ повышаться разрядомъ и они, по большей части, остаются вѣрны однажды пріобрѣтенному рангу. Словомъ, вмѣсто того, чтобы говорить, что наиболѣе успѣвающіе ученики освобождаются отъ переводныхъ экзаменовъ, можно съ такимъ же правомъ сказать, что не экзаменуемые ученики наиболѣе успѣваютъ въ ученіи. Въ самомъ дѣлѣ, кто не научился въ теченіе года, тотъ не научится и въ теченіе

экзаменаціоннаго мѣсяца, а кто научился, тому не зачѣмъ снова учиться. Это ясно до очевидности. Экзамены, какъ мѣра для провѣрки учениковъ, не имѣютъ никакого значенія, кромѣ совершенно напраснаго и зачастую очень вреднаго обремененія молодого поколѣнія, и безъ того къ концу учебнаго года утомленнаго и переутомленнаго. На экзамены можно смотрѣть лишь, какъ на мѣру для провѣрки учащихъ. Чему они научили и какъ научили въ теченіе учебнаго года, это видно на экзаменахъ, и средняя успѣшность экзаменаціонныхъ отвѣтовъ является свидѣтельствомъ знанія, умѣнія и труда преподавателей и руководителей учебнаго заведенія. Это понятно, но нельзя ли достичь этой провѣрки не въ ущербъ учащимся, а даже напротивъ съ пользою для нихъ? Вѣдь въ концѣ концовъ, учебныя заведенія существуютъ не для кого другого, какъ для учащихся въ нихъ дѣтей.

Начать съ того, что и въ настоящее время для провѣрки учащихъ служатъ, главнымъ образомъ, не переводные, а выпускные экзамены, такъ какъ изъ округа и университетовъ контролирующіе представители командируются именно на выпускные экзамены. Если же переводные экзамены только могли бы служить для контроля надъ учащими, а въ дѣйствительности и теперь этому не служатъ, то безполезность этихъ экзаменовъ даже съ этой, единственно допустимой, точки зрѣнія становится очевидною. Правда, мы сказали, что они могли бы служить для контроля надъ учащими. Въ виду же желательности такого контроля, можно бы, пожалуй, сдѣлать выводъ не о безполезности экзаменовъ, а о необходимости присутствія на нихъ представителей округа и университетовъ. Можно утверждать, и не безъ основанія, что контроль на выпускныхъ экзаменахъ недостаточенъ, да и нѣсколько запоздалый. Такимъ образомъ, оказалось бы желательною не отмѣна, а реорганизація экзаменовъ. Не ясно ли, однако, что болѣе частое посѣщеніе представителями округа и университетовъ уроковъ въ теченіе года, вмѣстѣ съ знакомствомъ съ текущими ученическими письменными работами,

лучше всякихъ экзаменовъ установили бы контроль надъ преподаваніемъ? Если же, такимъ образомъ, возможно замѣнить экзамены другою системою контроля, то замѣна эта становится настоятельною. Переутомленіе учащихся въ современныхъ школахъ давно признано всѣми компетентными судьями. Экзаменъ же является самымъ утомительнымъ эпизодомъ каждаго академическаго года. Болѣе ранній отдыхъ и болѣе раннее отправленіе изъ города на вольный деревенскій воздухъ сохранили бы много здоровья и силы въ молодомъ поколѣніи, тѣмъ самымъ обезпечивая и большую успѣшность его учебныхъ занятій. Понятно, поэтому, то напряженное вниманіе, съ которымъ русское общество прислушивалось къ толкамъ и газетнымъ слухамъ о возможности и вѣроятности совершенной отмѣны переходныхъ экзаменовъ.

Кое-что въ этихъ толкахъ и слухахъ не было только отраженіемъ общаго желанія. Такъ министерство государственныхъ имуществъ и земледѣлія издало распоряженіе, по которому въ учебныхъ заведеніяхъ его вѣдомства переходные экзамены отмѣняются въ видѣ опыта на три года. Въ этомъ распоряженіи министерство ссылалось, между прочимъ, на полную успѣшность опыта 1896 года. Военное министерство тоже обратило вниманіе на этотъ важный вопросъ и, съ цѣлью всесторонне выяснить возможность предположенной реформы, адресовалось въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбою сообщить свѣдѣнія, насколько успѣшенъ былъ опытъ 1896 года и насколько оправдано практикою усвоенное нѣкоторыми учебными округами правило объ освобожденіи отъ переводныхъ экзаменовъ наиболѣе успѣвающихъ учениковъ. Это обращеніе военнаго министерства побудило министерство народнаго просвѣщенія разослать по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ своего вѣдомства циркуляръ съ предложеніемъ обсудить указанный выше вопросъ военнаго министерства въ педагогическихъ совѣтахъ и сообщить необходимые отвѣты съ заключеніями совѣтовъ и учебнаго начальства. Такимъ образомъ, иниціатива министерствъ государственныхъ иму-

ществъ и военнаго, привела и министерство народнаго просвѣщенія къ необходимости всесторонне обсудить этотъ вопросъ, давно настоятельно требующій къ себѣ вниманія, какъ тѣсно связанный съ здоровьемъ и правильнымъ развитіемъ молодого поколѣнія. Будемъ надѣяться, что обсужденіе экзаменаціоннаго вопроса послужитъ лишь первымъ шагомъ, за которымъ послѣдуетъ и второй, рѣшеніе объ окончательной отмѣнѣ этой устарѣлой системы, являющейся, по справедливому замѣчанію г. попечителя петербургскаго учебнаго округа, излишнимъ и вреднымъ обремененіемъ учащихся.

Успѣшное примѣненіе временной мѣры объ отмѣнѣ экзаменовъ въ 1896 году, продолженіе этой мѣры еще на три года министерствомъ земледѣлія и повсемѣстное ея обсужденіе педагогическими совѣтами давало русскому обществу много основаній надѣяться, что и министерство народнаго просвѣщенія откажется отъ рутины переводныхъ экзаменовъ. Для 1897 года эти надежды не осуществились. Отложенное, однако, не есть еще потерянное. Обсужденіе продолжается. Будемъ надѣяться, что дѣло отложено не въ долгій ящикъ. Интэресы молодого поколѣнія, его здоровья, жизненности и его образованія суть настоятельнѣйшіе національные интересы, предрѣшающіе на многіе годы народную будущность.

Для того, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ, требуется въ настоящее время очень много. Для того, чтобы имѣть возможность сознательно и всесторонне усвоить какую бы то ни было спеціальность, необходима въ настоящее время основательная подготовка, хорошее общее образованіе. Все это возлагаетъ тяжелую и отвѣтственную задачу на среднюю школу, задачу, очень обширную и разностороннюю. Чтобы удовлетворительно отвѣтить этой задачѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сберечь душевныя и тѣлесныя силы молодого поколѣнія, его здоровье и жизнеспособность, необходима строго обдуманная система, въ которой не было бы ни единаго излишняго и напраснаго часа труда и утомленія и въ которой было бы отведено широкое мѣсто воз-

становленію силъ, истраченныхъ въ теченіе, по необходимости, обременительнаго трудового академическаго года. Зима—умственному труду, лѣто—возстановленію истраченныхъ силъ. Если бы считать, что для возстановленія силъ достаточно отдыха, то для этого было бы довольно и такого срока, какъ двѣ недѣли рождественскихъ вакацій. Отдохнуть въ двѣ недѣли можно въ полной мѣрѣ. Раздѣливъ весь годъ даже на пять семестровъ, отдѣленныхъ двухнедѣльными вакаціями, мы получили бы десять недѣль вакацій и сорокъ двѣ недѣли ученія. Въ настоящее же время ученіе продолжается 35—36 недѣль и дѣти имѣютъ не пять, а два перерыва для отдыха. Нигдѣ, однако, никто не помышляетъ о такой реформѣ и тому имѣются самыя основательныя и серьезныя причины. Дѣло въ томъ, что одного отдыха недостаточно для возстановленія силъ, истраченныхъ при напряженномъ умственномъ трудѣ академическаго года. Необходимо упражненіе другихъ органовъ, кромѣ мозга и нервовъ. Необходимъ тотъ дѣятельный обмѣнъ вещества въ организмѣ, который только и можетъ обезпечить здоровый ростъ и развитіе молодого поколѣнія и который, однако, задерживается сидячею жизнью учебнаго сезона. Иначе говоря, послѣ періода умственнаго труда зимою, необходимъ періодъ физическаго труда или физическихъ упражненій лѣтомъ. Послѣ періода сидячей жизни—періодъ движенія. Послѣ комнатной и классной атмосферы—воздухъ лѣсовъ и полей. И необходимо это на срокъ, настолько значительный, чтобы организмъ могъ въ полной мѣрѣ пополнить задержку зимняго роста и развитія. Экзамены, отнимая свыше мѣсяца отъ этого періода возстановленія силъ учащагося поколѣнія, и съ этой стороны представляются системою вредною. Правда, у насъ недостаточно и неумѣло пользуются вакаціями, но это уже другой вопросъ. Къ тому же экзамены, сокращая на половину вакаціи, значительно затрудняютъ разумную организацію лѣтняго вакаціоннаго отдыха.

1897 г.

НАШИ ГИМНАЗИЧЕСКІЕ УЧЕБНИКИ

(ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ, ГЕОГРАФІИ И ИСТОРІИ).

I.

Мы упомянули въ прошлой статьѣ о трудной и разносторонней задачѣ, возлагаемой въ настоящее время на среднюю школу. Необходима строго обдуманная система, сказали мы, въ которой не было бы ни единаго и излишняго часа труда и утомленія. Экзамены и являются съ этой точки зрѣнія «излишнимъ и вреднымъ обремененіемъ учащихся». Однако, едва ли не сугубо излишнимъ и сугубо вреднымъ обремененіемъ учащихся представляются неудовлетворительные учебники. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы наша средняя школа могла похвастать своими учебниками. Еще къ большему сожалѣнію, приходится констатировать, что въ этомъ отношеніи вовсе не замѣчается прогресса, и учебники скорѣе ухудшаются. Они не только до нельзя неясны и сбивчивы, затрудняя усвоеніе предмета и не дозволяя разумнаго распоряженія и пользованія усвоеннымъ матеріаломъ, но изобилуютъ прямо ошибками и невѣрностями, порою просто въ изумленіе приводящими. Это столь серьезно, что стоитъ подольше и пообстоятельнѣе остановиться на этомъ печальномъ фактѣ. Сначала займемся учебниками русскаго языка.

Я пересмотрѣлъ этихъ учебниковъ свыше десятка, но

болѣе подробно остановлюсь на трехъ, получившихъ особенно широкое распространеніе. Въ первомъ ряду стоитъ учебникъ, составленный гг. *Кирпичниковымъ и Гиляровымъ*: «Этимологія русскаго языка». Книга «*рекомендована*, какъ учебное руководство, Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія». Фраза эта, напечатанная на заглавномъ листѣ книги, конечно, не можетъ служить образцомъ хорошей русской рѣчи. Это само по себѣ интересно. Не менѣе интересны и другія свѣдѣнія на томъ же заглавномъ листѣ. Передо мною лежитъ *двадцать пятое* изданіе, помѣченное, однако, 1890 годомъ. На обложкѣ бросается въ глаза строка: «73-й десятокъ тысячъ». *Семьсотъ тридцать тысячъ учениковъ* семь лѣтъ тому назадъ были уже обучены русской грамматикѣ по творенію гг. Кирпичникова и Гилярова... Твореніе это и теперь также распространено, такъ что не мудрено, если за семь лѣтъ, истекшихъ послѣ выхода моего экземпляра, число распущенныхъ экземпляровъ достигло милліона! Это очень много, дорогіе читатели, и если твореніе гг. Кирпичникова и Гилярова неудовлетворительно научаетъ русской рѣчи и грамотѣ, то не удивляйтесь, встрѣчая много безграмотности въ современной прессѣ.

«*Краткая русская грамматика.* Часть Первая. Этимологія. Составилъ *А. Преображенскій.* Изданіе *десятое.* Москва. 1896 г.». Учебникъ г. Преображенскаго одобренъ Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Если 25 изданій книги гг. Кирпичникова и Гилярова дали свыше 730 тысячъ экземпляровъ, то десять изданій г. Преображенскаго должны были распространить около 300 тысячъ экземпляровъ.

«*П. Смирновскій. Учебникъ русской грамматики.* Часть I. Этимологія. *Изданіе двѣнадцатое.* Москва, 1896 г.». Конечно, учебникъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. По тому же разсчету книга разошлась въ числѣ около 350 тыс. экземпляровъ. Всѣ три учебника, вмѣстѣ взятые, распущены въ числѣ около милліона

шести сотъ тысячъ экземпляровъ и должны были научить свыше двухъ милліоновъ учениковъ «правильно говорить и писать по-русски». Рядомъ съ этими цифрами блѣднѣетъ значеніе прочихъ современныхъ учебниковъ, получившихъ сравнительно незначительное распространеніе. Тѣмъ не менѣе, я останавливаюсь и на нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно изъ болѣе новыхъ, т.-е. такихъ, которые, подобно уже указаннымъ тремъ, приспособлены къ современнымъ учебнымъ планамъ средней школы министерства народнаго просвѣщенія. Извѣстно, что эти учебные планы сильно сократили преподаваніе русскаго языка и словесности (чтобы освободить мѣсто классическимъ языкамъ), а преподаваніе русской грамматики ограничили первыми тремя классами. Прежніе учебники, разсчитанные и на другую продолжительность преподаванія, и на другой возрастъ учащихся, оказались негодными. Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ первые удовлетворили этому новому урѣзанному объему преподаванія. Этимъ и объясняется колоссальный успѣхъ ихъ произведенія. Вслѣдъ явились съ своими учебниками гг. Смирновскій и Преображенскій, втроемъ съ учебникомъ гг. Кирпичникова и Гилярова, занимая въ настоящее время почти все поле средне-учебнаго преподаванія русской грамматики. Приходили вслѣдъ и другіе. Имъ не такъ посчастливилось. Тѣмъ не менѣе и они внесли свою лепту въ дѣло обученія молодыхъ поколѣній «правильно говорить и писать по-русски». Руководясь выше указаннымъ соображеніемъ, мы остановимся еще на слѣдующихъ учебникахъ русской этимологіи: *П. И. Богдановъ. Русская грамматика.* Этимологія и Синтаксисъ.

Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Составилъ *Конст. Ѳедор. Петровъ* 1882 г. [1]).

---

[1]) Есть позднѣйшія изданія. Въ нихъ кое-какія улучшенія. Напр.: число и названіе видовъ и залоговъ приведено къ согласію съ Буслаевымъ. Вообще же что либо утѣшительное объ учебникѣ г. Петрова и въ новомъ видѣ сказать нельзя.

Русская грамматика М. Рыбакова. Этимологія, синтаксисъ, стихосложеніе и орѳографическій указатель.

Итакъ, мы будемъ имѣть дѣло съ шестью современными учебниками русскаго языка, изъ нихъ преимущественно съ тремя господствующими, распространенными въ числѣ болѣе полутора милліона экземпляровъ. Вполнѣ сознавая явную невозможность весь необходимый грамматическій матеріалъ вмѣстить въ курсъ трехъ низшихъ классовъ гимназіи, мы постараемся быть болѣе чѣмъ снисходительными къ неполнотѣ и пропускамъ. *Чему* долженъ научить учебникъ предрѣшено гимназическою программою, и въ этомъ отношеніи съ автора взыскивать затруднительно. Другое дѣло, *какъ* учитъ учебникъ. Ясенъ ли? И правиленъ ли? Преимущественно этимъ мы и займемся на нижеслѣдующихъ страницахъ. Начнемъ съ ученія о глаголѣ.

Мы выбираемъ ученіе о глаголѣ не только для начала нашего анализа, но и для болѣе полнаго и обстоятельнаго разбора, потому что считаемъ это ученіе пробнымъ отдѣломъ всякаго учебника русскаго языка. Строеніе именъ и мѣстоименій, а тѣмъ болѣе неизмѣняемыхъ частей рѣчи, въ существенномъ и важнѣйшемъ, имѣетъ въ русскомъ языкѣ много общаго и сходнаго съ ихъ строеніемъ въ другихъ родственныхъ индо-европейскихъ языкахъ, классическихъ и новыхъ. Поэтому, и ученіе объ именахъ, мѣстоименіяхъ и неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи гораздо легче изложить удовлетворительно, а ученикъ къ тому же имѣетъ постоянно подспорье въ параллельномъ изученіи грамматикъ иностранныхъ языковъ. Недопонятое въ учебникѣ русскаго языка онъ объяснитъ себѣ изъ болѣе толковаго изложенія того же ученія въ латинскомъ учебникѣ. Недосказанное русскимъ учебникомъ, онъ найдетъ въ греческомъ или нѣмецкомъ. Это нисколько не оправдываетъ автора, если онъ допустилъ въ свой учебникъ неясность и непонятность, но это облегчаетъ исправленіе этихъ дефектовъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится ученіе о русскомъ глаголѣ. Строеніе глагола въ русскомъ языкѣ очень оригинально. Оно значительно отличается отъ строенія глагола

языковъ классическихъ и ново-европейскихъ. При этомъ, однако, русскій глаголъ, хотя и другими способами и средствами, но вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ задачамъ, которыя преслѣдуются самыми богатыми по строенію классическими глаголами. Изложить кратко и вразумительно ученіе о глаголѣ въ русскомъ языкѣ и научить вполнѣ сознательно и разумно распоряжаться богатыми средствами его строенія является задачею, которую нельзя списать съ латинскихъ и нѣмецкихъ учебниковъ. Ее надо обработать самостоятельно, съ знаніемъ дѣла, съ тонкимъ умѣніемъ изложенія. Вотъ почему мы и назвали ученіе о глаголѣ пробнымъ отдѣломъ всякой русской грамматики. При этомъ, дефектному изложенію этого отдѣла поправки не внесутъ наилучшія грамматики классическихъ и новыхъ языковъ.

Для выраженія оттѣнковъ дѣйствія и состоянія классическіе, ново-романскіе и германскіе языки пользуются съ одной стороны тѣми же залогами и наклоненіями, которыми пользуется и русскій глаголъ, а съ другой стороны многочисленными формами временъ прошедшихъ и будущихъ, формами, отсутствующими у русскаго глагола. Онъ замѣняетъ эти формы *видами*. Иначе говоря, русскій языкъ, вмѣсто развитія многочисленныхъ формъ одного глагола, создаетъ два и больше глаголовъ, самостоятельныхъ по формѣ, а по смыслу составляющихъ одно спряженіе. Эти полусамостоятельные глаголы и называются видами. Ученіе о видахъ русскаго глагола впервые научно установлено и развито было Востоковымъ въ его пространной (научной) грамматикѣ русскаго языка. Востоковъ опредѣлилъ четыре вида: несовершенный или неокончательный, совершенный, однократный и многократный. Послѣ Востокова и до нашихъ дней русская грамматика только однажды снова подверглась полной научной обработкѣ, именно, въ классическомъ трудѣ Ѳ. И. Буслаева «Историческая грамматика русскаго языка», въ двухъ томахъ. Буслаевъ, значительно и серьезно переработавъ ученіе объ *образованіи* видовъ, ихъ дѣленіе и опредѣленіе оставилъ, какъ оно было установлено работами Востокова. «Историческая грамматика»

знаетъ тѣ же четыре вида съ тѣми же названіями [1]). Названные труды Востокова и Буслаева представляютъ до сего времени единственныя *научныя* грамматики русскаго языка, написанныя знаменитыми учеными и глубокими знатоками языка [2]). Естественно полагать, что въ чемъ они согласны, въ томъ не могутъ быть съ ними не согласны гг. Кирпичниковъ, Преображенскій, Смирновскій. Кажется, что такъ... Посмотримъ.

Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ находятъ *три* вида. Г. Смирновскій указываетъ *два* вида и два подвида. Г. Преображенскій считаетъ всѣ *четыре* вида самостоятельными, причемъ совершенный видъ раздѣляется на два подвида, окончательный и зачинательный. Г. Рыбаковъ указываетъ *три* вида (продолжительный, однократный и многократный). Г. Петровъ (Константинъ Ѳедоровичъ) находитъ *шесть* видовъ (несовершенный многократный; несовершенный неопредѣленный; несовершенный опредѣленный; совершенный однократный; совершенный начинательный и совершенный окончательный). Г. Богдановъ, наконецъ, поучаетъ насъ *пяти* видамъ (несовершенный, совершенный, многократный, одно-

---

[1]) „*Историческая Грамматика*“, изд. 5-е, 1881 г., I, § 53, стр. 105—107, а также § 89, 215. Въ своемъ краткомъ „Учебникѣ“ Буслаевъ однократный видъ сближаетъ съ совершеннымъ, считая его какъ бы подвидомъ, но все-таки не смѣшиваетъ и не отожествляетъ. См. § 37, стр. 41—42, по изданію 1896 г. И впредь ниже всѣ ссылки на Буслаева будутъ относиться къ указаннымъ изданіямъ, при чемъ ссылки на „*Историч. Грам.*“, для краткости обозначены просто: *Буслаевъ*, а на краткій учебникъ: *Буслаевъ, Уч.* Для сокращенія же обозначаются въ ссылкахъ: учебникъ гг. Кирпичникова и Гилярова — *Крпч.*, г. Смирновскаго — *Смрн.*, г. Преображенскаго — *Прб.*, г. Богданова — *Бд.*, г. Петрова—*Птр.* и г. Рыбакова—*Рб.*

[2]) Было, конечно, не мало замѣчательныхъ монографій по русской этимологіи, значительно переработавшихъ не только ученіе Востокова, но и нѣкоторыя части ученія Буслаева. Таковы труды Павскаго, П. Лавровскаго, Потебни, гг. Некрасова, Соболевскаго и др. Сводная работа должна быть упомянута еще только одна, именно извѣстная книга Грота „Русское правописаніе“, заключающая, кромѣ чисто орѳографическаго свода, замѣчательную и оригинальную обработку всего отдѣла фонетики (ученія о звукахъ).

кратный и однократный мгновенный) [1]). Итакъ, сколько же видовъ имѣетъ русскій глаголъ: три-ли, какъ думаетъ г. Кирпичниковъ; четыре-ли, какъ учитъ г. Преображенскій; пять-ли, какъ полагаетъ г. Богдановъ, или, наконецъ, шесть, какъ извѣстно г. Петрову? Не трудно понять всякому, хотя немного знакомому съ стройностью ученія о глаголахъ другихъ индо-европейскихъ языковъ, что такое или иное дробленіе глагола по видамъ существенно измѣняетъ все представленіе о русскомъ глаголѣ, потому что въ самомъ основаніи этого представленія лежитъ ученіе о глагольномъ видѣ.

Посмотримъ теперь на опредѣленія, даваемыя учебниками. Для примѣра остановимся на опредѣленіи совершеннаго вида, именно того вида, который призванъ замѣнить въ русскомъ языкѣ недостающее разнообразіе временъ прошедшихъ и будущихъ. Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ: «Совершенный видъ показываетъ дѣйствіе оконченное, напр., *понять, прочитать, написать*». Начать съ того, что въ приведенныхъ учебникомъ примѣрахъ смѣшано производство новыхъ самостоятельныхъ глаголовъ при помощи приставокъ (префиксовъ) съ производствомъ тѣмъ же способомъ совершеннаго вида. Напр., форма *понять* никакъ не можетъ быть признана совершеннымъ видомъ отъ глагола *я-ти* (древн. глаголъ, въ смыслѣ *брать*); такимъ видомъ является глаголъ *взять*. Не говоря объ этомъ непониманіи значенія цитируемыхъ примѣровъ, само опредѣленіе никуда не годится. Напр. *онъ обозлился, она уснула, она покраснѣла*. Развѣ въ этихъ случаяхъ можно назвать дѣйствіе или состояніе (состояніе тоже пропущено въ опредѣленіи) оконченнымъ? Обозлившись, онъ, можетъ быть, злится и теперь; уснувши, покраснѣвши, она, можетъ быть, еще спитъ, еще не оправилась отъ смущенія. Дѣйствіе или состояніе *совершилось*, но не завершилось, *не окончилось*. Потому-то видъ и называется «совершеннымъ». Авторы учебника этого не знаютъ. Не узнали этого и свыше мильона учащихся, пользовав-

[1]) *Крпч.*, 32; *Смрн.*, 33; *Ирб.*, 52; *Рб.* 53; *Птр.*, 72; *Бгд.*, 63.

шихся этимъ учебникомъ и получившихъ самое превратное, неправильное и неясное понятіе о совершенномъ видѣ. Между тѣмъ это понятіе является постольку же основаніемъ для ученія о видахъ, какъ само ученіе о видахъ — для ученія о русскомъ глаголѣ.

Г. Смирновскій пишетъ: «совершенный (видъ) показываетъ дѣйствіе или состояніе или оконченное (напр. *бросить, спѣть*), или *начатое* (напр., *запѣть*)». Это какъ будто лучше. Г. Смирновскій не забываетъ о *состояніи*. Онъ знаетъ такъ же, что не только *оконченное* дѣйствіе или состояніе обозначается совершеннымъ видомъ. Однако, напр., въ предложеніи «я бѣжалъ» (видъ несовершенный); неужели дѣйствіе было не начатое? Или въ предложеніи «онъ спитъ» состояніе оказывается не начатымъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ? А вѣдь *бѣжалъ* и *спитъ* формы вида несовершеннаго!.. Да и вообще неужели г. Смирновскій полагаетъ серьезно, что дѣйствіе или состояніе, прошедшее и настоящее, можетъ быть не начатымъ?! А въ будущемъ времени и въ предложеніи «она запоетъ» (беру примѣръ г. Смирновскаго) дѣйствіе еще не начато, при чемъ именно это обстоятельство, что дѣйствіе или состояніе еще не начато, и выражается всякимъ будущимъ временемъ, совершеннымъ и несовершеннымъ. Словомъ, г. Смирновскій чувствовалъ всю негодность и неправильность опредѣленія гг. Кирпичникова и Гилярова, но въ видѣ поправки съумѣлъ ввести только сугубый сумбуръ, только абсурдъ. Отъ поправки опредѣленіе не стало правильнѣе, зато стало неяснѣе и сбивчивѣе. И сотни тысячъ учениковъ по учебнику г. Смирновскаго остались по этому основному вопросу съ превратнымъ объясненіемъ, которое надо забыть, чтобы правильно понимать и употреблять глагольные виды.

Г. Преображенскій, издавшій свою грамматику позднѣе г. Смирновскаго, повторяетъ опредѣленіе послѣдняго: «совершенный (начинательный или окончательный—verba perfectiva) показываетъ, что дѣйствіе началось или окончилось; напр., *затянуть, затяну, затянулъ; протянуть, протянулъ, протяну*». Начать съ того, что ни *затянуть* ни

протянуть вовсе не являются совершеннымъ видомъ отъ несовершеннаго вида *тянуть* (совершенный видъ въ этомъ случаѣ: *потянуть*), и представляютъ самостоятельные глаголы, образованные чрезъ приставку. Такъ же, какъ *подтянуть, растянуть, утянуть, втянуть, перетянуть, дотянуть*. Все это глаголы совершеннаго вида, но не для несовершеннаго *тянуть*. Они сами отъ себя образуютъ новые глаголы несовершеннаго вида: *затягивать, протягивать, подтягивать* и т. д. Этого различія между образованіемъ совершеннаго вида чрезъ приставку и образованіемъ чрезъ приставку же новыхъ глаголовъ, повидимому, не могутъ понять всѣ наши учебники. Неясность въ представленіи о глагольныхъ видахъ доводится этимъ обстоятельствомъ до полнаго хаоса. Приведенные г. Преображенскимъ примѣры интересны и съ другой стороны: форма *затянуть* приведена въ примѣръ дѣйствія начатаго, а форма *протянуть* — въ примѣръ оконченнаго, но неужели «я затяну» (примѣръ г. Преображенскаго) означаетъ дѣйствіе начатое, а «я протяну»—оконченное? Очевидно въ опредѣленіи есть что то очень неладное, если выходятъ такіе пассажи... Вѣдь для полученія такого абсурда надобно только понимать слова *начатое* и *оконченное* въ ихъ дѣйствительномъ точномъ значеніи и смыслѣ! А если ихъ понимать не въ точномъ смыслѣ, а въ какомъ либо иномъ, то не лучше-ли ихъ замѣнить словами, имѣющими этотъ иной смыслъ? Замѣнить, конечно, было бы не трудно, было бы только понятно авторамъ искомое значеніе... Не похоже, однако, что бы было понятно.

Г. Рыбаковъ не признаетъ совсѣмъ *совершеннаго* вида; онъ замѣняетъ его *однократнымъ*, что явствуетъ изъ примѣровъ, приводимыхъ авторомъ. Все ученіе о видахъ у г. Рыбакова изложено въ пяти строкахъ: «3 вида: продолжительный: *я сижу, мы сидѣли, ты побѣждаешь*; однократный: *я сѣлъ, мы побѣдили, я кольну, я укололъ*; многократный: *я сиживалъ, мы побѣждали*». Примѣчаніе: видъ однократный обозначаетъ или дѣйствіе оконченное: *уколоть*, или мгновенное: *кольнуть*». Безподобная путаница эта мо-

жетъ соперничать (а пожалуй и превзойти) только съ путаницей гг. Кирпичникова и Гилярова. Подобно послѣднимъ, г. Рыбаковъ знаетъ не четыре, а три вида. Слѣдуя ихъ же примѣру, онъ забываетъ о состояніяхъ и говоритъ только о дѣйствіяхъ и, подобно имъ же, отличіе совершеннаго вида (по его номенклатурѣ, однократнаго) видитъ въ оконченности дѣйствія. Онъ добавилъ мгновенность и привелъ ни съ чѣмъ несравнимые примѣры: «ты побѣждаешь»—видъ несовершенный (по его номенклатурѣ, продолжительный), а «мы побѣждали» — видъ многократный! Мы же, грѣшные, думали, что это настоящее и прошедшее времена одного и того глагола *побѣждать*... Подите-же сговоритесь съ авторами нашихъ учебниковъ. Однако, и по этому «учебнику» обучались наши дѣти.

Г. Петровъ: «Совершенный видъ показываетъ оконченность дѣйствія или что оно непремѣнно окончится». И этотъ знаетъ только *дѣйствіе* и въ опредѣленіе вводитъ только *оконченность*, хотя нѣсколько ниже тоже путаетъ о *начатомъ* дѣйствіи. Только оговорка «или что оно непремѣнно окончится» составляетъ нѣкоторое преимущество опредѣленія г. Петрова сравнительно съ вышеприведенными.

Г. Богдановъ тоже находитъ, что совершенный видъ «означаетъ дѣйствіе законченное».

Сколько потугъ, напрасныхъ и неудачныхъ, между тѣмъ Буслаевъ давно сказалъ просто и ясно, что глаголы совершеннаго вида «означаютъ *совершеніе* дѣйствія» (*Уч.* § 38, стр. 43). Просто «совершеніе», совершеніе въ прошедшемъ, совершеніе въ будущемъ, совершеніе въ возможности. «Онъ уснулъ»—состояніе совершилось, но окончилось-ли или продолжается, неизвѣстно. Есть *совершеніе*; нѣтъ *оконченности*. «Онъ уснетъ»—будетъ совершеніе, но нѣтъ не только окончанія, но даже начала. И т. д. Опредѣленіе Буслаева, конечно, не для первыхъ двухъ классовъ гимназіи (гдѣ только и проходится русская этимологія). Оно для этого слишкомъ сжато и отвлеченно. Но однажды оно понято, его не трудно развить, дать ему болѣе доступную формулу. Не вводя отвлеченнаго понятія «совершенія», довольно было бы ска-

зать напр., что глаголы совершеннаго вида означаютъ дѣйствіе (или состояніе) совершившееся или имѣющее совершиться; осуществившееся или имѣющее осуществиться; такое, которое уже сдѣлано, или такое, которое будетъ сдѣлано и т. д. Изъ трехъ намѣченныхъ редакцій послѣдняя— самая элементарная, но зато и не вполнѣ передаетъ опредѣленіе Буслаева. Первыя двѣ редакціи довольно точно его воспроизводятъ.

Буслаевъ писалъ свою книгу для людей, настолько знающихъ русскій языкъ, чтобы не смѣшивать въ одномъ спряженіи двухъ и болѣе самостоятельныхъ глаголовъ, имѣющихъ различное значеніе (напр., *править* и *направить*, *ходить* и *уходить*; *крыть* и *раскрыть*). Авторы нашихъ учебниковъ, какъ мы видѣли, не знаютъ, однако, этого различенія. Тѣмъ болѣе нужно его ввести въ учебники для учащихся, среди которыхъ не мало неприродныхъ русскихъ. Различеніе это важно и потому еще, что, только строго и внимательно проведенное, оно дозволитъ и автору учебника, и его ученику усвоить законъ *образованія* видовъ. Съ этой стороны наши учебники тоже крайне неудовлетворительны. Нѣкоторые вовсе не излагаютъ образованія видовъ, ограничиваясь примѣрами, въ которыхъ смѣшивается, какъ уже сказано, образованіе видовъ съ образованіемъ новыхъ глаголовъ. А учебники, которые считаютъ нужнымъ дать понятіе объ образованіи видовъ, говорятъ по этому поводу столь же основательно, какъ и по разобраннымъ уже нами вопросамъ раздѣленія на виды, ихъ различенія и опредѣленія.

По вопросу образованія совершеннаго вида гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ даютъ слѣдующее: «Совершенный видъ образуется 1) большею частью чрезъ приставки, 2) рѣже чрезъ измѣненіе буквъ. Примѣры: *любить*, *по-любить*; *пускать*, *пустить*» [1]). Послѣднее несправедливо. Не *пустить* произведено отъ *пускать*, а наоборотъ. Тоже въ примѣ-

---

[1]) *Крпч.*, 34.

рахъ: *направить, направлять; удивить, удивлять; увянуть, увядать; досадить, досаждать; прилетѣть, прилетать; показать, показывать.* Это ясно изъ того, что есть глаголы *править, дивить, вянуть, садить,* но нѣтъ глаголовъ: *правлять, дивлять, вядать, саждать.* Если не считать образованіе однократнаго вида, то для собственно совершеннаго вида мнѣ неизвѣстно ни одного примѣра его производства чрезъ перемѣну глагольнаго суффикса («чрезъ измѣненіе буквъ», какъ выражается учебникъ), но всегда и во всѣхъ случаяхъ чрезъ принятіе приставки (далеко не всякой). Есть совершеннаго вида глаголы безъ приставокъ, но эти прямо отъ корня произведены уже глаголами совершеннаго вида: *стать, дать, лечь, сѣсть, пасть, пустить, хватить, дѣть, бросить, купить, кануть,* и т. д. Отъ нихъ уже образуются *производные* глаголы несовершеннаго вида: *ставать, давать, лежать, сидѣть, падать, пускать, хватать, дѣвать, бросать, (по) купать.* Въ послѣднемъ случаѣ даже понадобился префиксъ (приставка) для образованія несовершеннаго вида. О такой возможности образованія несовершеннаго вида отъ совершеннаго наши учебники даже не подозрѣваютъ. Между тѣмъ, гораздо больше глаголовъ несовершеннаго вида образуются отъ глаголовъ вида совершеннаго, чѣмъ наоборотъ. Правда, только отъ глаголовъ несовершеннаго вида образуются глаголы многократнаго и однократнаго видовъ.

Утвержденія гг. Кирпичникова и Гилярова, что совершенный видъ образуется «чрезъ измѣненіе буквъ», оказывается такимъ образомъ цѣликомъ несправедливо. Утвержденіе же, что онъ образуется чрезъ приставки, неполно и неясно. Приставокъ, принимаемыхъ русскими глаголами, не считая составныхъ (*из-рас*-ходовать, *не-до*-могать и т. д.), всего 23. Изъ нихъ значительная часть простыхъ и всѣ составныя не служатъ образованію совершеннаго вида отъ даннаго несовершеннаго, но образуютъ новые глаголы. Для образованія совершеннаго вида служитъ преимущественно приставка *по*; довольно часто, но рѣже—*у*; изрѣдка нѣко-

торыя другія [1]). Эта сторона ученія о видахъ, очень важная для яснаго представленія о строеніи русскаго глагола, совершенно отсутствуетъ въ учебникахъ.

Г. Смирновскій ничего не говоритъ объ образованіи видовъ. Г. Преображенскій, напротивъ того, входитъ въ подробности (что между прочимъ доказываетъ непричастность министерскихъ программъ такому важному пробѣлу въ нѣкоторыхъ учебникахъ, какъ пропускъ образованія видовъ). Подробности г-на Преображенскаго только еще болѣе сбиваютъ и запутываютъ [2]) «Глаголы съ примѣтою *ну* суть вида однократнаго: *каннуть*, *клюнуть*, *клюкнуть*. Исключаются глаголы, означающіе переходъ изъ одного состоянія въ другое, которые суть несовершеннаго вида; напр. *вянуть*, *сохнуть*, *мерзнуть*». Справедливо здѣсь только одно, именно, что *всѣ* глаголы однократнаго вида имѣютъ суф-

---

[1]) Именно въ тѣхъ случаяхъ, когда собственное обычное значеніе префикса соотвѣтствуетъ направленію, въ которомъ развивается дѣйствіе даннаго глагола. Напр. *шить* предполагаетъ соединеніе частей матеріи, прежде разъединенныхъ; поэтому, и совершенный видъ образуется частицею *с-*, именно *сшить*. Подобно этому, для глагола обратнаго значенія, указующаго на разъединеніе частей матеріи, прежде соединенныхъ, служитъ префиксъ *раз-*. Именно, несовершенный видъ *пороть*, совершенный—*распороть* (откуда новый несов. *распарывать* одного значенія съ формою *пороть*). Иногда хорошимъ показателемъ что данная глагольная форма съ приставкою не является самостоятельнымъ глаголомъ, а составляетъ форму совершеннаго вида, можетъ служить несовершенный видъ, произведенный опять отъ этой производной формы совершеннаго вида. Этотъ, такъ сказать, *второобразный* глаголъ несовершеннаго вида долженъ по своему значенію быть тождественнымъ съ первичнымъ. Напр. *казать* (zeigen, montrer), оттуда совершенный видъ—*показать*, а отъ него снова несовершенный видъ *показывать*. Или *мереть*, *умереть*, *умирать*; *тѣшить*, *потѣшить*, *потѣшать*; *дивить*, *удивить*, *удивлять*; *зрѣть*, *созрѣть*, *созрѣвать*; и т. д. Формы: *казать* и *показывать*, *мереть* и *умирать*, *тѣшить* и *потѣшать*, *дивить* и *удивлять*, *зрѣть* и *созрѣвать*, первыя и третьи въ нашихъ примѣрахъ — совершенно однозначущи. Ср. съ формами: *наказывать*, *вымирать*, *утѣшать*, которыя имѣютъ совершенно другое значеніе являются самостоятельными глаголами.

[2]) *Прб.*, 56–57.

фиксъ *ну*. А затѣмъ, весьма возможно, что «исключеній» окажется не меньше «правильнаго» образованія. Къ тому-же есть и совершеннаго вида глаголы (неоднократнаго) съ суффиксомъ *ну*, напр. *сунуть, кануть, ринуть, вернуть*. Да и глаголы несовершеннаго вида съ суффиксомъ *ну* не всѣ означаютъ переходъ отъ одного состоянія въ другое: напр. *тянуть*. Правило г. Преображенскаго оказывается неудачно сочиненнымъ и не соотвѣтствующимъ практикѣ языка. «Примѣта *и* образуетъ глаголы только отъ именъ». Въ такой категорической формѣ несправедливо: *пустить, купить, тащить, носить, мутить и т. д., и т. д.* «Глаголы этого класса сусь несовершеннаго вида». Опять таки несправедливо. Припомнимъ: *пустить, хватить, бросить, родить, кончить, простить, купить* и т. д. всѣ — совершеннаго вида. «Глаголы этого класса (съ суффиксомъ *а*), образованные отъ корней и отъ именъ, суть вида несовершеннаго... Глаголы же, образованные отъ глаголовъ, суть большею частью вида многократнаго... Если глаголъ несовершеннаго вида принимаетъ представку, то образуется совершенный видъ. Если же глаголъ образовался отъ глагола, то принимая представку, онъ образуетъ видъ несовершенный». Въ этихъ строкахъ есть идея, но, къ сожалѣнію, изложенная такъ неясно и сбивчиво, что только затруднитъ ученика и едва-ли чему либо его научитъ. Возьмемъ напр. глаголъ *падать*. Онъ «образованъ отъ глагола» *пасть*. Слѣдовательно, по правилу г. Преображенскаго, нашъ глаголъ «принимая представку, образуетъ видъ несовершенный». Такъ-ли? Напр., *они не замѣчаютъ ямы и, пожалуй, всѣ въ нее попадаютъ*. Какого здѣсь вида «попадаютъ»? Очевидно, совершеннаго (будущее простое). Правда, *онъ попадаетъ въ цѣль*—даетъ намъ ту же форму въ качествѣ вида несовершеннаго, но это уже другой глаголъ: *попа̀дать* образуется отъ *падать*, тогда какъ *попада̀ть* (отличается удареніемъ) отъ *попасть*. Далѣе, какъ сказать о глаголѣ *бѣгать?* Отъ корня ли онъ произведенъ, отъ имени *бѣгъ* или отъ глагола *бѣжать*? Слѣдуя г. Преображенскому, пришлось бы его произвести отъ имени (онъ производитъ

грѣшить отъ имени *грѣхъ*), т. е. онъ долженъ бы быть формою вида совершеннаго, но въ такомъ случаѣ, что сдѣлать съ выраженіемъ: *онъ частенько забѣгаетъ ко мнѣ побесѣдовать*. Здѣсь *забѣгаетъ*, конечно, настоящее время и слѣдовательно является формою вида несовершеннаго. Быть можетъ, однако г. Преображенскій производитъ *бѣгать* отъ *бѣжать* (или ихъ обоихъ отъ потерянной формы *бѣчь*)? Тогда мы должны получить видъ несовершенный, но что въ этомъ случаѣ подѣлаемъ съ выраженіемъ: *онъ забѣгаетъ по саду за потерянной шляпой*, гдѣ *забѣгаетъ* — будущее время и форма совершеннаго вида. Опять оба глагола отличаются удареніемъ. Очевидно, формы глагола не укладываются въ правило г. Преображенскаго. Очевидно, дѣло не въ томъ, отъ корней, именъ или глаголовъ образована та первичная глагольная форма безъ префикса, отъ которой, чрезъ прибавленіе приставки образуются новыя формы, то въ качествѣ видовъ, то въ значеніи новыхъ самостоятельныхъ глаголовъ.

Выше я сказалъ, что въ правилѣ г. Преображенскаго есть, однако, идея. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ учебниковъ только его учебникъ знаетъ, что форму многократнаго вида нельзя отождествлять съ формою глаголовъ, принимающихъ суффиксъ *ива (ыва)*. Существуютъ глаголы съ этимъ суффиксомъ, которые представляются, однако, формами вида несовершеннаго, отнюдь не многократнаго при этомъ; напр., *доказывать, ухаживать, укладывать, испытывать*. Съ другой стороны, существуютъ глаголы вида многократнаго съ другими суффиксами, именно съ суффиксомъ *а* (*я*) напр., *бывать, ѣдать, пѣвать, сажать* и съ суффиксомъ *и*, напр., *ходить, носить, водить, бродить, возить* [1]).

---

[1]) *См. Бусл.*, I, § 50, стр. 101, гдѣ читаемъ: „Измѣненія въ составѣ глагольнаго корня бываютъ двухъ родовъ, а именно: 1) помощью усиленія звуковъ гласныхъ и плавныхъ, причемъ глагольный корень: а) переходитъ въ имя; напр., *мру, моръ*; *везу, возъ, сох* (нуть), *сухъ* и б) измѣняется, какъ въ залогѣ глагола, напр., *мру, морить*, такъ и въ видѣ, напр. *везу, возить*“. Но *везу*—вида несовершеннаго, зна-

Послѣдняго еще не знаетъ г. Преображенскій, но онъ уже знаетъ, что примѣта *а* можетъ образовать многократный видъ... Для автора учебника русской грамматики это, право, очень не мало. Другіе вполнѣ невинны... Г. Преображенскій знаетъ даже нѣсколько больше. Онъ понимаетъ, что долженъ существовать законъ, по которому одни и тѣ же суффиксы образуютъ въ одномъ случаѣ несовершенный, въ другомъ случаѣ — многократный видъ. Закона этого онъ не знаетъ, однако, и поэтому его правила очень неясны и сбивчивы, затрудняя и затемняя пониманіе строенія русскаго глагола. Между тѣмъ, надо было обратиться за истолкованіемъ не къ корнямъ и основамъ, а къ самой системѣ видовыхъ глагольныхъ формъ. Первоначальною формою, отъ которой образуются другія видовыя формы, могутъ быть только формы весовершеннаго и совершеннаго видовъ, никогда многократнаго и однократнаго. Г. Преображенскій, какъ и другіе составители учебниковъ, не знаетъ, повидимому, что и отъ совершеннаго вида могутъ происходить, какъ отъ первоначальной формы, другіе виды. Онъ не знаетъ, или забываетъ, и другой фактъ, именно, что каждый глаголъ непремѣнно долженъ имѣть по краймѣрѣ двѣ видовыя формы, виды несовершенный и совершенный [1]).

Затѣмъ, надо еще знать и помнить, что не мало глаголовъ совершеннаго вида происходитъ прямо отъ корней, именъ и мѣстоименій, являясь формою первоначальною, и что громадное число глаголовъ совершеннаго вида, произведенныхъ чрезъ приставку, являются самостоятельными новыми глаголами, нуждающимися, какъ и глаголы совершеннаго вида первоначальные, въ образованіи соотвѣтственнаго, т.-е. однозначущаго вида несовершеннаго. Зная это, мы поймемъ, что должны опредѣлить два закона: законъ

чить *вожу*, и по мнѣнію Буслаева, является формою вида многократнаго.

[1]) Исключенія очень немногочисленны и относятся къ малоупотребительнымъ глаголамъ, напр., *кануть*, *хлынуть* и др.

образованія видовъ изъ формы совершеннаго вида и законъ образованія видовъ отъ формъ вида несовершеннаго. Соображая все это, мы легко усмотримъ, что законъ образованія вида несовершеннаго отъ формъ вида совершеннаго, по существу своему, тотъ же, что и законъ образованія вида многократнаго изъ формъ вида несовершеннаго. Въ обоихъ случаяхъ для этого служатъ: 1) суффиксы *а* (*я*), *и*, *ива* (*ыва*), 2) усиленіе коренной гласной и 3) префиксъ *по*. — Послѣдніе два способа не образуютъ сами по себѣ указанныхъ формъ, но дополняютъ, содѣйствуютъ первому способу. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Отъ формъ совершеннаго вида, чрезъ принятіе суффикса или замѣну одного другимъ (вышеуказаннымъ), безъ помощи усиленія коренной гласной и префикса *по:* отъ формъ—«пусти*ть*, хвати*ть*, роди*ть*, стать, дѣть, пасть, доказа*ть*», которыя всѣ вида совершеннаго, образуются формы несовершеннаго вида: «пуска*ть*, хвата*ть*, рожда*ть*, става*ть*, дѣва*ть*, пада*ть*, доказыва*ть*». То же самое, но при помощи префикса *по*—: отъ «купи*ть*»—«*по*купа*ть*». То же съ усиленіемъ коренной гласной: *создать* (кор. *зьд*—, откуда *зодчій*), *созидать*; *зазвать* (кор. *зъв*—, откуда *зовъ*), *зазывать*; *усмотрѣть*, *усматривать*.

Отъ несовершеннаго вида видъ многократный тѣми же способами: 1) одними суффиксами—«быва*ть*, ѣда*ть*, жива*ть*, сознава*ть*, кучива*ть*»; 2) то же съ префиксомъ *по*—«*по*свиста*ть*, *по*крика*ть*, *по*гулива*ть*, *по*гремлива*ть*» и 3) тоже съ усиленіемъ коренной гласной—«нести, но*с*и*ть*; брести, бро*д*и*ть*; зве*н*е*ть*, *по*зва*н*ива*ть*; гово*р*и*ть*, гова*р*ива*ть*».

Параллелизмъ полный. Если же еще помнить, что не всякій глаголъ, произведенный чрезъ приставку, образуетъ форму совершеннаго вида, соотвѣтствующую формѣ, отъ которой производится; что большая часть такихъ новообразованій представляютъ новые самостоятельные глаголы, и что даже въ совершенно однозвучныхъ формахъ (попадать, забѣгать, поносить, походить) нерѣдко скрываются по два разнозначущихъ глагола (одинъ самостоятельный и другой видовой), — если все это знать (а гг. составителямъ

несовершенный; напр. *приписывать, отталкивать, спрашивать*». Стоитъ только перемѣнить приставку въ собственныхъ примѣрахъ г. Преображенскаго, чтобы получить видъ многократный съ приставкою: *попысывать, поталкивать*, какъ и *помахивать, покрикивать, попрыгивать*. И опять нельзя было г. Преображенскому не сочинить фантастическаго правила, какъ и не привести фантастическаго примѣра (любливать? что сіе означать можетъ?). Выше мы говорили довольно о значеніи суффикса *ива* для образованія несовершеннаго вида отъ совершеннаго и многократнаго отъ несовершеннаго. Конечно, г. Преображенскому это неизвѣстно. Самъ г. Преображенскій находитъ (см. предисловіе), что у него «наиболѣе разработана статья о глаголѣ». Мы уже достаточно ознакомились съ этою разработкою. Итоги сами собою видны.

Объ образованіи видовъ г. Рыбаковъ ограничивается слѣдующею строкою: «суффиксы *ов, ев, ыв, ив* выражаютъ многократный видъ» [1]). Коротко и ясно, но невѣрно. Поясненія выше.

Г. Петровъ, въ свою очередь, сообщаетъ намъ: «Примѣты многократнаго вида слога *ыв, ив* (чит*ывалъ*, хажи*вал*ъ). Въ нѣкоторыхъ же глаголахъ многократный видъ образуется посредствомъ подъема гласныхъ (т*е*реть, раст*и*рать; х*о*дить, зах*а*живать). — Примѣта его (однократнаго вида) слогъ *ну;* надо отличать ее отъ примѣты средняго залога также *ну* (сохнуть, вянуть)» [2]). Читатель самъ оцѣнитъ великолѣпіе этихъ правилъ, которыми составитель и ограничивается по поводу образованія видовъ. Отмѣчу элементарное непониманіе смысла видовъ, выразившееся въ примѣрѣ *растирать*, формѣ несовершеннаго вида, а не многократнаго. Переходъ *е* въ *и* отнюдь не есть подъемъ, а былъ бы даже ослабленіемъ, еслибы только имѣлъ мѣсто. Первоначальная форма глагола была *трѣти*, при корнѣ *тър*— (откуда *заторъ*). Отъ *трѣти* и образовались и форма *тереть*,

---

[1]) *Рбк.*, 71.
[2]) *Птр.*, 72.

и форма *растирать*, какъ отъ *зрѣть — озирать*, отъ *брать — собирать* и т. д, Наконецъ, не всѣ глаголы несовершеннаго вида съ примѣтою *ну* суть средняго залога; напр. *тянуть*, *гнуть*. Такимъ образомъ, кромѣ общей и совершенной несостоятельности г. Петрова въ вопросѣ образованія видовъ, мы отмѣтили въ нѣсколькихъ его строкахъ нѣсколько грубѣйшихъ ошибокъ изъ самыхъ элементарныхъ. А вѣдь одобренъ и рекомендованъ...

Наконецъ, г. Богдановъ: «Многократный видъ означаетъ прошлое дѣйствіе, совершавшееся въ нѣсколько пріемовъ. Онъ развивается изъ несовершеннаго вида и имѣетъ суффиксы *ыва*, *ова*. Однократный и однократный мгновенный виды развиваются изъ совершеннаго вида» [1]). Полная несостоятельность правила очевидна послѣ всего вышеизложеннаго. Отмѣчу только, что однократный никогда не образуется изъ совершеннаго, а всегда изъ несовершеннаго. Напр. *толкать*, *толкнуть*; *копать*, *копнуть*; *мигать*, *мигнуть*, и т. д. Г. Богдановъ кромѣ того утверждаетъ, что многократный видъ означаетъ *прошлое* дѣйствіе. Эту ошибку повторяютъ и нѣкоторые другіе изъ разбираемыхъ учебниковъ. Она происходитъ отъ предположенія, будто многократный видъ образуется единственно суффиксомъ *ива* и не принимаетъ префиксовъ. Между тѣмъ несомнѣнно многократныя формы имѣютъ настоящее время (если отрѣшиться отъ указаннаго только что неосновательнаго предположенія); напр. *посвистываю*, *позваниваю*, *помахиваю*, *летаю* (несов. *лечу*), *сажаю* (несоверш. *сажу*), *ношу* (несоверш. *несу*), *брожу* (несоверш. *бреду*) и т. д.

Мы съ нѣкоторою подробностью обозрѣли ученіе о видахъ русскаго глагола и ихъ образованіи. Мы это сдѣлали въ виду того, что ученіе о видахъ является основою всего ученія о русскомъ глаголѣ. Мы можемъ теперь съ полнымъ основаніемъ сказать, что ученіе это излагается во всѣхъ учебникахъ русскаго языка, нами разобранныхъ и господствующихъ въ нашей средней школѣ, неясно, сбивчиво и

---

[1]) *Бд.*, 63.

невѣрно, изобилуя порою самыми элементарными ошибками. Еслибы ученики вполнѣ усвоили предписанія своихъ грамматикъ, они не научились бы, а разучились бы употреблять правильно виды нашихъ глаголовъ. Хотя семья и литература и ограничиваютъ это пагубное вліяніе школы, тѣмъ не менѣе даже природнымъ русскимъ школа значительно портитъ ихъ языкъ. Инородцевъ же она, конечно, ничему не научаетъ.

Посвятивъ больше мѣста первому вопросу въ ученіи о глаголахъ, мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ остальной этимологіи.

II.

Залоговъ, гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ насчитываютъ въ русскомъ языкѣ *шесть*. Г. Смирновскій перечисляетъ *пять*. Тоже и г. Преображенскій. У г. Рыбакова находимъ *четыре*, у г. Петрова снова *пять* и, наконецъ, у г. Богданова опять *четыре* [1]). Сколько же, въ самомъ дѣлѣ, залоговъ въ русскомъ языкѣ? Не сообщитъ ли это ученый комитетъ, одобрившій и шесть, и пять, и четыре? Ученіе о залогахъ — общее всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ, но и это не затруднило нашихъ авторовъ. Они съумѣли самобытно напутать и внести неясность и сбивчивость въ ученіе, вполнѣ установленное и разработанное.

Залогъ выражаетъ, *какъ* направляется дѣйствіе. Подлежащее предложенія можетъ направлять дѣйствіе на что-нибудь или на кого-нибудь (залогъ *дѣйствительный*); можетъ быть предметомъ дѣйствія кого-либо (залогъ *страдательный*); можетъ производить дѣйствіе, ни на что спеціально не направленное, или испытывать состояніе (залогъ *средній*). Собственно говоря, основныхъ различеній другихъ нѣтъ и быть не можетъ, такъ что и залоговъ въ русскомъ языкѣ, какъ и въ иностранныхъ, всего *три*, причемъ въ ихъ составѣ могутъ быть подгруппы. Такъ и излагаетъ

[1]) *Крпч.*, 32; *Смрн.*, 28; *Прб.*, 51; *Рб.*, 52; *Птр.*, 62; и *Бгд.*, 62.

Буслаевъ ученіе о залогѣ русскаго глагола [1]). Составители учебниковъ его изложеніемъ не удовлетворены.

Гг. составители учебниковъ въ этомъ отношеніи очень послѣдовательны. Они съумѣли внести путаницу даже въ ученіе о *наклоненіяхъ*. Древніе языки по всѣмъ временамъ проводили различіе двухъ наклоненій, *изъявительнаго* (утверждающаго наличность дѣйствія и состоянія) и *сослагательнаго* (лишь предполагающаго дѣйствіе или состояніе). Это, такъ сказать, «предположительное» наклоненіе можетъ равно относиться ко *всѣмъ* предположеніямъ, какъ въ латинскомъ языкѣ, но можетъ и выдѣлять *нѣкоторыя* группы предполагаемыхъ дѣйствій и состояній и производить для нихъ новыя особыя формы. Напр. можетъ быть выдѣлена изъ общей группы предполагаемыхъ дѣйствій и состояній группа, при этомъ желаемая. Такъ поступилъ греческій языкъ, создавъ *желательное* наклоненіе (optativus). Можно выдѣлить также группу, гдѣ предположенная возможность даннаго дѣйствія и состоянія находится въ зависимости, обусловлена другимъ или другими дѣйствіями и состояніями. Новороманскіе языки выдѣлили эту группу и образовали наклоненіе *условное* (conditionalis). Не надо никогда забывать, однако, что эти выдѣленныя наклоненія, желательное и условное, являются какъ бы подвидами, которые имѣютъ дѣло съ нѣкоторою только частью явленій, подлежащихъ наклоненію сослагательному, и потому не въ состояніи его замѣнить. Поэтому, эти наклоненія могутъ существовать при сослагательномъ, но замѣнить его не могутъ. Съ другой стороны, сослагательное наклоненіе можетъ вполнѣ замѣнить и желательное, и условное. Кромѣ латинскаго языка тому примѣромъ могутъ служить языки германскіе. Все это довольно элементарно. Однако, не всѣ гг. составители учебниковъ это знаютъ. Такъ г Преображенскій, которымъ, по собственному скромному мнѣнію, «наиболѣе разработана статья о глаголѣ», называетъ сослагательное наклоненіе условнымъ, т.-е. дѣлаетъ фокусъ,

[1]) *Буслаевъ*, I, § 52, 103—105; *Буслаевъ*. Уч., § 36, 40—41.

покрывая цѣлое его частью. Правда, онъ ссылается на Миклошича, но дѣло не въ *происхожденіи* формъ нашего «предположительнаго» наклоненія. Буслаевъ тоже выводитъ его отъ древнихъ формъ условнаго наклоненія. Дѣло въ томъ *употребленіи*, которое нынѣ усвоено этой формѣ. Конечно, никто не станетъ отрицать, что условное наклоненіе романскихъ языковъ надо переводить нашимъ сослагательнымъ. Однако и conjunctivus переводится всегда и непремѣнно тою же формою.

Г. Богдановъ тоже замѣняетъ сослагательное наклоненіе условнымъ. Тоже и г. Петровъ, который, однако, ставитъ въ скобкахъ «сослагательное», но напрасно думаетъ, что это одно и то же. Съ другой стороны учебникъ гг. Кирпичникова и Гилярова, а также и г. Смирновскій и г. Рыбаковъ называютъ тѣ же формы сослагательнымъ наклоненіемъ, такъ что голоса раздѣляются какъ разъ поровну. Однако, съ кѣмъ же согласенъ ученый комитетъ? Вѣдь это изъ элементарныхъ правилъ и двухъ мнѣній тутъ быть не можетъ [1]).

Съ сослагательнымъ наклоненіемъ неблагополучно и въ другомъ отношеніи. Такъ гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ дѣлаютъ замѣчательное открытіе, что «сослагательное наклоненіе имѣетъ только одно время: прошедшее». Право, это напечатано слово въ слово, какъ цитировано! Сами прочтите на стр. 34. По счастію, открытіе гг. Кирпичникова и Гилярова не усвоено другими учебниками, которые знаютъ, что сослагательное (или условное, по мнѣнію другихъ) наклоненіе имѣетъ всѣ три времени, но для всѣхъ временъ—одну форму. То обстоятельство, что эта форма образуется при помощи того же несклоняемаго причастія (съ окончаніемъ — *лъ*), что и прошедшее время изъявительнаго наклоненія, и ввело гг. Кирпичникова и Гилярова въ заблужденіе, печальное для учениковъ, комичное для

---

[1]) О наклоненіахъ см. *Крпч.*, 34; *Смрн.*, 27; *Прб.*, 53; *Рб.*, 53; *Птр.*, 65: *Бд.* 64.

составителей. Такъ у насъ пишутся, одобряются и распространяются учебники родного языка!

Съ причастными формами тоже не совсѣмъ ладно. Не всѣ учебники знаютъ дѣепричастія настоящаго времени на —*учи*, —*ючи* [1]). Напр. формы *ѣдучи*, *крадучись*, *ищучи* употребительнѣе даже, чѣмъ *ѣдя*, *крадясь*, *ища*. Съ другой стороны четыре изъ шести разбираемыхъ учебниковъ не имѣютъ никакого представленія о дѣепричастіи, страдательнаго залога прош. вр. въ формѣ: *будучи понятъ*, *будучи узнанъ*, *будучи освѣдомленъ*. Эти учебники для дѣепричастія прошедшаго времени страдательнаго залога знаютъ только форму: *бывъ понятъ*, *бывъ узнанъ*, *бывъ освѣдомленъ*, т.-е. форму, менѣе употребительную, тоже пропуская и форму: *бывъ понимаемъ*, *узнаваемъ*, *освѣдомляемъ*. Между тѣмъ всѣ три формы имѣютъ свое особое мѣсто въ строеніи русскаго глагола. Напр., *будучи освѣдомленъ*, *онъ бѣетъ навѣрняка*. Въ этомъ предложеніи было бы неправильно сказать «бывъ освѣдомленъ». Зато: *онъ билъ навѣрняка*, *бывъ освѣдомленъ*, хотя не будетъ ошибкой сказать и такъ: *онъ билъ навѣрняка*, *будучи освѣдомленъ*. Послѣдній способъ даже употребительнѣе, хотя первый правильнѣе. *Бывъ постоянно освѣдомляемъ*, *онъ выжидалъ удобный моментъ* — является предложеніемъ, въ которомъ форму «бывъ освѣдомляемъ» нельзя замѣнить ни формою «будучи освѣдомленъ», ни формою «бывъ освѣдомленъ», но можно формою настоящаго времени «будучи освѣдомляемъ». Эта послѣдняя форма даже употребительнѣе, хотя первая правильнѣе. Не поучительно ли и вмѣстѣ съ тѣмъ не печально ли, что большинство господствующихъ учебниковъ не даетъ полной картины этихъ дѣепричастныхъ формъ, вносящихъ столько гибкости и тонкаго изящества въ русскую рѣчь?

---

[1]) Эта форма неизвѣстна: *Крпч.*, 35; *Рб.*, 53. Остальные четыре учебника приводятъ и форму съ окончаніемъ—*учи*,—*ючи*, но г. Смирновскій почему-то ее считаетъ только народною.

Изъ четырехъ дѣепричастій страдательнаго залога эти учебники знаютъ и называютъ только два [1]):

Та же путаница всѣми учебниками переносится и въ изложеніе всего спряженія страдательнаго залога. Дѣло въ томъ, что глаголы несовершеннаго вида, единственные, имѣющіе оба причастія страдательнаго залога (настоящаго и прошедшаго времени), нерѣдко не пользуются этою возможностью образовать обѣ формы, ограничиваясь одною, то только настоящаго времени, иногда только прошедшаго. Напр. *понимаемый*, но нѣтъ формы *пониманный; водимый*, но не *воженный; любимый*, но не *люблennый*. Въ этихъ примѣрахъ глаголы не образуютъ причастій прошедшаго времени страдательнаго залога. Другіе наоборотъ: *битый, питый, пѣтый, дутый, дранный*, но нѣтъ формъ: *біемый, піемый, поемый, дуемый, деромый*. Эти глаголы образуютъ только причастіе прошедшаго времени. Однако, рядомъ съ этимъ существуетъ не мало глаголовъ, образующихъ обѣ формы: 1) *несомый, носимый, садимый, гасимый, зовомый, слушаемый, дѣлаемый, читаемый, дѣлимый, катаемый* и 2) *несенный, ношенный, саженный, гашенный, званный, слушанный, дѣланный, читанный, дѣленный, катанный* и т. д. Совершенно понятно и, кажется, не требуетъ большой ученности или тонкой сообразительности то простое соображеніе, что, при изложеніи спряженія страдательнаго залога, надо, прежде всего, предложить обозрѣніе полнаго спряженія, пользующагося всѣми формами, а затѣмъ уже указать неполноспрягаемыя группы глаголовъ и тѣ отличія, которыми выдѣляются эти группы. Къ сожалѣнію, это простое и безусловно обязательное соображеніе неизвѣстно авторамъ учебниковъ. Такъ гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ примѣромъ спряженія страдательнаго залога несовершеннаго вида выбираютъ глаголъ *понимать*, не образующій причастія прош. вр. стр. залога. Спряженіе поэтому знаетъ только

---

[1]) *Крпч.*, 35; *Смрн.*, 37; *Преоб.*, 55; *Рб.*, 53; *Птр.*, 79; *Бд.*, 68. Освѣдомлены о всѣхъ четырехъ дѣепричастныхъ формахъ страдательнаго залога только гг. Смирновскій и Рыбаковъ.

одно прошедшее и одно будущее. Такъ же поступаетъ и г. Смирновскій, избравъ глаголъ *обучать* (тоже безъ причастія прош. вр. стр. зал.), а г. Петровъ ограничивается только замѣчаніемъ, что «причастія страдательныя (не залога ли страдательнаго?) съ краткимъ окончаніемъ и съ глаголомъ *быть* называются страдательными глаголами». «Страдательные глаголы» это, пожалуй, еще лучше, чѣмъ «страдательныя причастія»! Г. Рыбаковъ беретъ нѣсколько примѣровъ, въ томъ числѣ одинъ съ обоими причастіями; онъ все-таки знаетъ только слѣдующія формы: *я несомъ; я былъ несенъ; я буду несомъ; я былъ бы несомъ; будь несомъ; быть несому.* Такимъ образомъ, даже натолкнувшись на полное спряженіе, нашъ авторъ его не замѣчаетъ и пропускаетъ формы: *я несенъ, я былъ несомъ, я буду несенъ, я былъ бы несенъ, быть несену.* Изъ одиннадцати формъ полнаго спряженія страдательнаго залога г. Рыбаковъ, подобно гг. Кирпичникову, Гилярову и Смирновскому, знаетъ всего шесть и пропускаетъ пять! Г. Преображенскій знаетъ больше. Онъ приводитъ: *быть хвалиму, быть хвалену; я хвалимъ, я былъ хвалимъ, я былъ хваленъ; я буду хвалимъ, я буду хваленъ; будь хвалимъ* и т. д. Тѣмъ не менѣе самой употребительной формы *я хваленъ* не знаетъ и не приводитъ и г. Преображенскій. Въ точности слѣдуетъ г. Преображенскому и г. Богдановъ [1]). Что̀ это такое, однако? Дерзкая небрежность или круглое невѣжество?

Итакъ и ученіе о залогахъ, наклоненіяхъ и причастіяхъ излагается всѣми учебниками, нынѣ господствующими въ нашей средней школѣ, такъ же взаимно противорѣчиво, неясно, сбивчиво и невѣрно, какъ и ученіе о видахъ. На примѣрѣ спряженія страдательнаго залога мы показали, что даже съ числомъ формъ спряженія не знакомы составители учебниковъ! Съ такими-то знаніями строенія русскаго глагола выпускаетъ средняя школа своихъ воспитанниковъ и выдаетъ имъ «аттестатъ зрѣлости»...

---

[1]) *Крпч.*, 39; *Смрн.*, 37; *Прб.*, 61; *Рб.*, 59; *Итр.*, 76; *Бд.*, 72.

III.

Ученіе объ именахъ такъ просто, такъ одинаково во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ и такъ давно наукою установлено, что можно было бы ожидать здѣсь и больше единства въ нашихъ учебникахъ, и больше ясности, и менѣе явныхъ промаховъ и ошибокъ. Посмотримъ. Сначала объ именахъ существительныхъ.

Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ сообщаютъ намъ свѣдѣнія о *трехъ* склоненіяхъ именъ существительныхъ. *Столько же* склоненій знаетъ и г. Смирновскій. Однако, уже г. Преображенскій съ ними не согласенъ и перечисляетъ *пять* склоненій. Г. Рыбаковъ никакихъ склоненій не признаетъ, а просто различаетъ склоненіе по родамъ. Выходитъ, стало быть, *три* склоненія, но совершенно *иныхъ*, чѣмъ у гг. Кирпичникова и Смирновскаго. У г. Петрова мы находимъ *четыре* склоненія и у г. Богданова — тоже [1]). Сколько же въ самомъ дѣлѣ склоненій въ русскомъ языкѣ: три, четыре или пять? Учебники въ этомъ отношеніи вполнѣ не согласны между собою.

Эта разноголосица и путаница учебниковъ становится даже комичною и забавною, если бы не была столь печальною. Вѣдь всѣмъ этимъ собственнымъ измышленіямъ составителей обучается наше молодое поколѣніе и всею этою чепухою портится русская рѣчь! Все это достаточно серьезно и важно.

Мы ознакомились съ противорѣчіями учебниковъ въ ученіи объ именахъ существительныхъ. Обратимся теперь къ вопросу о вѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній. Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ, сообщивъ, что нѣкоторыя имена существительныя, кромѣ обыкновеннаго окончанія множественнаго числа на *ы*, имѣютъ еще окончаніе на *а*, прибавляютъ: «при этомъ самое (не *само*-ли?) значеніе слова

---

[1]) *Крпч.*, 12; *Смрн.*, 11; *Прб.*, 23; *Рб.*, 15; *Птр.*, 28; *Бд.*, 31.

измѣняется». Приведены примѣры: *хльбы и хльба, цвѣты и цвѣта, мѣхи и мѣха.* Правило преподано совершенно категорически. Между тѣмъ оно есть чистая фантазія гг. Кирпичникова и Гиляровa и значеніе большею частью не измѣняется. Напр. верхи и верха; волосы и волоса; годы и года; домы и дома; жолобы и жолоба; жорновы и жорнова; мѣсяцы и мѣсяца; округи и округа; поѣзды и поѣзда; хлѣвы и хлѣва, и т. д. и т. д. Такое же изобрѣтеніе несуществующаго правила находимъ и далѣе, гдѣ указывается, что нѣкоторыя имена имѣютъ двѣ формы множественныхъ чиселъ: «простую, напр. *листы, корни,* и со вставкою суффикса ь (*i*), напр., *листья, коренья;* при суффиксѣ ь (*i*) твердое склоненіе превращается въ мягкое, *при чемъ обѣ формы различаются по значенію*». Опять совершенно категорически и опять совершенно невѣрно. Большая часть такихъ существительныхъ съ двумя формами множ. числа не различаютъ значенія по формамъ. Напр. брусы и брусья; волоса и волосья; други и друзья; дяди и дядья; зяти и зятья; кнуты и кнутья; колы и колья; пруты и прутья; суки и сучья; хомуты и хомутья, и т. д. Рядомъ съ этими же фантастическими правилами находимъ склоненіе существительнаго *сынъ*, гдѣ изображено: сыновья, *сыновьевъ*, сыновьямъ, *сыновьевъ*, и т. д. Эти изумительныя формы найдете на стр. 15!! Тамъ же и на предъидущей вымышленныя правила, выше цитированныя.

Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ недостижимы въ своемъ неприступномъ и непоколебимомъ незнакомствѣ съ русскимъ языкомъ. Другіе составители тщетно стараются ихъ превзойти. Не могутъ, однако, даже догнать. Все-таки стараются, и мы не должны пренебрегать ихъ стараніями. Такъ г. Смирновскій изобрѣтаетъ форму *зятевья* (стр. 15), а на слѣдующей страницѣ читаемъ: «по образцу *путь* склоняется и слово *пламень*» (—16). Право, написано *пламень!* Замѣчательно, что при этомъ г. Смирновскій говоритъ о *десяти* именахъ, оканчивающихся на—*мя*. Значитъ, онъ считаетъ и *пламя*. Зато г. Преображенскій знаетъ, только *девять* именъ на—*мя* (стр. 31). Онъ ихъ всѣ приводитъ и

пропускаетъ *племя*. Вообще г. Преображенскій любитъ перечислять исключенія и уклоненія. Это было бы хорошо, еслибы онъ настолько зналъ русскій языкъ, чтобы могъ перечислить *всѣ* уклоняющіяся формы. Этого онъ никогда не достигаетъ. Такъ, на стр. 25 онъ перечисляетъ имена муж. рода, принимающія въ имен. пад. мн. числа окончаніе *а* (вмѣсто *ы*, иногда вмѣстѣ съ ы). Ему извѣстно 19 такихъ словъ; остались неизвѣстными 16. Изъ числа ему извѣстныхъ онъ отмѣчаетъ четыре, имѣющихъ обѣ формы, но пропускаетъ другія четыре. Перечисляя существительныя муж. р., имѣющія въ род. пад. мн. числа окончаніе—*ъ* (вмѣсто—*овъ*), онъ тоже пропускаетъ четыре; забываетъ упомянуть объ именахъ, принимающихъ въ единственномъ числѣ суффиксъ—*инъ*, которые всѣ обязательно принимаютъ въ род. п. мн. числа окончаніе—*ъ*; и не отмѣчаетъ, что многіе изъ числа имъ приведенныхъ могутъ принимать оба окончанія (изъ пятнадцати перечисленныхъ въ учебникѣ девять могутъ имѣть и правильное окончаніе, а учебникъ знаетъ это только о трехъ). «Существительныя *теленокъ*, *ребенокъ*, *цыпленокъ*, и т. д. образуютъ множественное число такъ же по первому склоненію: *теленки*, *ребенки цыпленки*. Впрочемъ, эти формы мало употребительны. *Онъ неправильны*» (ст. 32). Напротивъ, онѣ совершенно правильны. Формы же *телята*, *ребята*, *цыплята* суть множ. числа отъ именъ *теля*, *ребя*, *цыпля*, въ книжномъ языкѣ въ един. числѣ вышедшихъ изъ употребленія. Какъ-то странно это объяснять преподавателямъ русскаго языка!

Путаясь въ склоненіяхъ именъ существительныхъ, г. Преображенскій путается не менѣе въ ученіи объ ихъ образованіи; приведемъ два-три примѣра. *Страсть* онъ производитъ отъ *страхъ*. Слѣдуетъ же отъ *страд*—. «Страсти Господни» значитъ «страданія Господни». *Д* передъ *т* обыкновенно смягчается въ *с*. Форма *страсть* есть неопредѣленное наклоненіе полупотеряннаго первообразнаго глагола, отъ котораго сохранились формы: *страждy*, *страждущій*. Остальныя формы потеряны. Неопредѣленное на-

клоненіе нерѣдко превращается въ существительное имя: *впсть, печь, течь, честь*, и пр. Производить *страсть* отъ *страхъ* представляется элементарною ошибкою, за которую ученику поставили бы единицу. Такая же нелѣпость производить, какъ это дѣлаетъ г. Преображенскій, слово *зданіе* отъ корня *да-ть*, черезъ форму *сдать, съдать* (стр. 13). Корень имени *зданіе*, какъ и глаголовъ *создать, созидать*, совершенно самостоятельный, именно *з ъ д*—, откуда полупотерянный первообразный глаголъ *здать*, сохранившій доселѣ формы: *зижду, зиждущій* (у Жуковскаго: «грады *зиждущей* Палладѣ и губящей онъ воззвалъ»), откуда имена *зиждитель, зиждительный*, а отъ формы *здать*—имена сущ. *зданіе, созданіе* (ср. *созданный*). Эту азбуку слѣдовало бы знать учителямъ русскаго языка и составителямъ русской грамматики! Нѣсколько ниже слово *впсть* г. Преображенскій производитъ при помощи именного суффикса — *сть*. Я уже упомянулъ выше, что это неопредѣленное наклоненіе забытаго глагола, память о которомъ сохранилась еще въ формѣ *свѣдущій*. Остальныя формы уже отзвучали. Ошибка г. Преображенскаго произошла отъ того, что суффиксъ онъ неправильно пишетъ: *жало-сть, мудро-сть*. Слѣдуетъ писать: *жал-ость, мудр-ость*. Суффиксомъ служитъ частица—*сть*, но *всегда* и *непремѣнно* предшествуемая гласными *о* или *е* [1]), такъ что произведенное съ этимъ суффиксомъ наше слово звучало бы *вѣдость*, или *вѣжесть* (какъ *свѣжесть*). Такую же путаницу находимъ и по поводу суффиксовъ—*та*,—*ба*,—*чъ*, и др.

Гг. Рыбакова, Петрова и Богданова отпускаю на покаяніе безъ исповѣди во грѣхахъ ученія объ именахъ существительныхъ. Нашъ разборъ нѣсколько затянулся, и я спѣшу сказать еще нѣсколько словъ объ имени прилагательномъ.

«Качественныя неопредѣленныя (краткія) не склоняются и составляютъ въ предложеніи сказуемое, а качественныя опредѣленныя (полныя) склоняются и составляютъ въ

---

[1]) *Буслаев.*, I, § 59, стр. 130.

предложеніи опредѣленіе». Это гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ повѣствуютъ [1]). По обыкновенію, категорически и, по обыкновенію же, невѣрно. Итакъ, краткія качественныя имена прилагательныя не бываютъ опредѣленіями. Посмотримъ у классическихъ авторовъ. У *Пушкина:* «На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ онъ, думъ великихъ *полнъ*», «Задумчивъ, *тихъ*, сидѣлъ межъ нами Грозный», «Явился мужъ, необычайно *свѣтелъ*», «Вдругъ межъ нихъ, *свирѣпъ*, отъ злости *блѣденъ* является Іуда Битяговскій», «Да *русы* кудри золотыя», «На третій, *блѣденъ*, какъ мертвецъ, приходитъ онъ домой», «Но между дѣвами одна молчитъ, *уныла* и *блѣдна*», «И умеръ, *знатенъ* и *богатъ*», «На балконъ, *печаленъ*, *смутенъ*, вышелъ онъ», «Ужасныхъ думъ безмолвно *полонъ*, онъ скитался» и др. У *Лермонтова:* «На встрѣчу его *молода* жена», «Вотъ у ногъ Іерусалима Богомъ сожжена, *безплодьна*, недвижима, мертвая страна», «Идутъ всѣ полки, *могучи*, *шумны*, какъ потокъ, страшно *медленны*, какъ тучи, прямо на Востокъ», «Въ той башнѣ, высокой и тѣсной царица Тамара жила, *прекрасна*, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ, *коварна* и *зла*» и др. У *Кольцова:* «Когда друга я жду, вся *блѣдна*, *холодна*, замираю, дрожу». У *Некрасова:* «*Теменъ* вернулся съ кладбища Трофимъ», «*Покоенъ*, *прочень* и *легокъ* катится городомъ возокъ; вся въ черномъ, мертвенно *блѣдна*, княгиня ѣдетъ въ немъ одна», «*Далекъ* княгинѣ путь лежалъ», «Сидишь, по часу *нѣмъ*», «Невиннымъ ужасомъ *полна*, она не ѣстъ, не спитъ», «Онъ долго, *важенъ*, *молчаливъ*, по комнатѣ ходилъ» и т. д. Довольно, однако. *Курсивомъ* напечатанныя слова, всѣ — опредѣленія и всѣ—прилагательныя качественныя въ краткой (неопредѣленной) формѣ. Притомъ, примѣры эти такъ правильно и такъ общеупотребительно пользуются этими прилагательными, что licentia poetica тутъ ни при чемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, краткую форму можно замѣнить полною, не нарушая размѣра: «На третій, *блѣдный*, какъ мертвецъ». «На балконъ, *печальный*, *смутный*, вышелъ онъ», «*Тем-*

[1]) *Крпч.*, 20.

ный вернулся съ кладбища Трофимъ» и пр. Народная поэзія тоже широко пользуется краткою формою, какъ опредѣленіемъ: *красна* дѣвица, *красно* солнышко, *молода* жена, *лиха* жена, *честна* вдова, *ретиво* сердце, *лиха* бѣда, *златъ* перстень, *бѣль-горючъ* камень, *сѣра* утица, *быстра* рѣченька, *круты* бережки, *желты* кудри, *русы* кудри, мать *зелена* дубравушка, *ясны* очи соколиныя, и т. д., и т. д. — все общеизвѣстныя выраженія народной поэзіи. Первыя заглавныя строки двухъ извѣстныхъ народныхъ пѣсенъ: «не *бѣлы* снѣги», «палъ туманъ на *сине* море». Но гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ непоколебимы и правило даютъ категорическое. Конечно, они правы, а не правы Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Некрасовъ, да и народная поэзія съ ними...

Гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ, кромѣ того, утверждаютъ, какъ мы видѣли, что краткія качественныя не склоняются. У *Кольцова:* «ты не пой, косарь, про *широку* степь», «*золоту* жизнь дѣвичью силой укоротала». У *Пушкина:* «Народъ отвыкъ въ насъ видѣть *древню* отрасль», «Въ *чугунну* доску сторожъ бьетъ», «Ты съ жизни взялъ *возможну* дань», «и пиръ, на коемъ чести чашу тебѣ я *полну* наливалъ» и др. Правда, однако, въ томъ, что косвенные падежи качественныхъ краткихъ, дѣйствительно, мало употребительны. Но это вѣдь совсѣмъ не то, что отрицать ихъ склоненіе, какъ дѣлаютъ гг. Кирпичниковъ и Гиляровъ. Бумага и ученый комитетъ все стерпятъ.

Полная форма, по вышецитированному правилу, употребляется только, какъ опредѣленіе. Посмотримъ. У *Пушкина*: «Глаза и брови — *темные*, какъ ночь; сама — бѣла, нѣжна, какъ голубица». «Если большею частью наши писатели дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворяне наши (не въ примѣръ прочимъ)—*грамотные*» (V, 82, цитирую по изданію литературнаго фонда). У *Салтыкова* («Пестрыя письма»): «Мѣсто это и сейчасъ довольно *дикое*». «Положеніе по-истинѣ *унизительное*, хотя, по обстоятельствамъ вполнѣ *понятное*» (—33), и т. д. Не буду умножать примѣровъ. Употребленіе это такъ обычно даже и въ раз-

говорной рѣчи, что не рѣже, чѣмъ употребленіе краткой формы. Есть цѣлая обширная группа качественныхъ прилагательныхъ, которыя и въ сказуемомъ пользуются преимущественно (а иногда и единственно) полною формою: большой, стыдный, почтенный, маститый, долгій, синій, прѣлый, затхлый, сырой, мокрый, кудрявый, заслуженный, дѣльный, отдаленный, пронзительный, существенный, насущный, чудный, явный, тайный, забубенный, буйный, посредственный, унизительный и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ употребленіемъ краткой или полной формы въ качествѣ сказуемаго связано различіе по смыслу или по нѣкоторому оттѣнку смысла: *онъ достоинъ* (чего-нибудь), *онъ — достойный* (безотносительно); *она хороша* — (нравственныя качества); *она хороша* (наружностью); *эта страна великая* (въ смыслѣ величія), *эта страна велика* (протяженіемъ); *онъ славенъ* (имѣетъ славу), *онъ — славный* (хорошій); *онъ вѣренъ* (чему нибудь), *онъ вѣрный* (вообще); *онъ дуренъ* (собою), *онъ дурной* (въ нравственномъ отношеніи) и т. д. Ничего этого наши учебники не понимаютъ, а между тѣмъ уяснить эти оттѣнки рѣчи, научить ими пользоваться и сознательно распоряжаться богатыми средствами русскаго языка и есть главная задача преподаванія русскаго языка русскимъ. Наши авторы предпочли вышецитированное правило цѣликомъ переписать изъ нѣмецкихъ учебниковъ, гдѣ оно вѣрно и справедливо въ такой же мѣрѣ, въ какой невѣрно и несправедливо для русскаго языка.

Можно бы еще поговорить о степеняхъ сравненія, въ ученіи о которыхъ наши учебники отличаются особою разногласицей и сбивчивостью. Слѣдовало бы остановиться и на фонетикѣ, гдѣ неясность изложенія доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ и даже до сѣвернаго полюса. Однако, я боюсь утомить читателя. Кажется, приведенныхъ примѣровъ болѣе, чѣмъ достаточно для подтвержденія нашего мнѣнія о совершенной непригодности учебниковъ русскаго языка, общепринятыхъ въ нашей средней школѣ. Благодаря этому, школа разучиваетъ русскихъ дѣтей родному

языку и отучаетъ ихъ отъ правильнаго пользованія богатыми и разнообразными средствами родной рѣчи. По тому языку, которымъ пишутся многія произведенія прессы, читатели уже могутъ судить объ упадкѣ знанія русскаго языка. Но то, что̀ доходитъ до читателя, уже процѣжено въ редакціяхъ и, по возможности, исправлено. Люди, причастные редакціонному дѣлу, знаютъ, что дѣло обстоитъ гораздо хуже, чѣмъ то можно судить по печатнымъ образцамъ (какъ ни печальны и эти образцы). Школа положительно разучиваетъ писать, и давно пора обратить на это самое серьезное вниманіе.

IV.

Между гимназическими предметами нельзя не обратить вниманія на одинъ, имѣющій особое значеніе, какъ связующее звено между гуманитарными и реальными предметами, заключающее въ себѣ и познаніе природы, и познаніе человѣка. Я говорю о географіи. Для средней гуманитарной школы землевѣдѣніе есть преимущественный и наиболѣе удобный проводникъ реальныхъ знаній и связаннаго съ ними пониманія мѣста человѣка въ природѣ и мѣста его обиталища, земли, во вселенной. Безъ такого пониманія самое широкое гуманитарное образованіе будетъ неполно. Болѣе того, оно будетъ немощно принести требуемые отъ него плоды, дать пониманіе мѣста человѣка въ человѣчествѣ, въ отечествѣ и въ великомъ мірѣ человѣческихъ идей, идеаловъ и задачъ. Съ другой стороны, та же географія является въ средней реальной школѣ проводникомъ гуманитарнаго знанія, исправляя односторонность реальной школы, знакомя человѣка съ человѣкомъ и человѣчествомъ. Покамѣсть мы не выработали еще типа школы, призванной замѣнить обѣ существующія системы, обѣ устарѣлыя и обѣ давно нуждающіяся въ замѣнѣ, до тѣхъ поръ преподаваніе географіи *можетъ* явиться однимъ изъ немногихъ коррективовъ обѣихъ системъ, дополняя ихъ односторонность и исключительность, давая представленіе о мірозданіи

говорной рѣчи, что не рѣже, чѣмъ употребленіе краткой формы. Есть цѣлая обширная группа качественныхъ прилагательныхъ, которыя и въ сказуемомъ пользуются преимущественно (а иногда и единственно) полною формою: большой, стыдный, почтенный, маститый, долгій, синій, прѣлый, затхлый, сырой, мокрый, кудрявый, заслуженный, дѣльный, отдаленный, пронзительный, существенный, насущный, чудный, явный, тайный, забубенный, буйный, посредственный, унизительный и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ употребленіемъ краткой или полной формы въ качествѣ сказуемаго связано различіе по смыслу или по нѣкоторому оттѣнку смысла: *онъ достоинъ* (чего-нибудь), *онъ — достойный* (безотносительно); *она хороша* — (нравственныя качества); *она хороша* (наружностью); *эта страна великая* (въ смыслѣ величія), *эта страна велика* (протяженіемъ); *онъ славенъ* (имѣетъ славу), *онъ — славный* (хорошій); *онъ вѣренъ* (чему нибудь), *онъ вѣрный* (вообще); *онъ дуренъ* (собою), *онъ дурной* (въ нравственномъ отношеніи) и т. д. Ничего этого наши учебники не понимаютъ, а между тѣмъ уяснить эти оттѣнки рѣчи, научить ими пользоваться и сознательно распоряжаться богатыми средствами русскаго языка и есть главная задача преподаванія русскаго языка русскимъ. Наши авторы предпочли вышецитированное правило цѣликомъ переписать изъ нѣмецкихъ учебниковъ, гдѣ оно вѣрно и справедливо въ такой же мѣрѣ, въ какой невѣрно и несправедливо для русскаго языка.

Можно бы еще поговорить о степеняхъ сравненія, въ ученіи о которыхъ наши учебники отличаются особою разногласицей и сбивчивостью. Слѣдовало бы остановиться и на фонетикѣ, гдѣ неясность изложенія доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ и даже до сѣвернаго полюса. Однако, я боюсь утомить читателя. Кажется, приведенныхъ примѣровъ болѣе, чѣмъ достаточно для подтвержденія нашего мнѣнія о совершенной непригодности учебниковъ русскаго языка, общепринятыхъ въ нашей средней школѣ. Благодаря этому, школа разучиваетъ русскихъ дѣтей родному

языку и отучаетъ ихъ отъ правильнаго пользованія богатыми и разнообразными средствами родной рѣчи. По тому языку, которымъ пишутся многія произведенія прессы, читатели уже могутъ судить объ упадкѣ знанія русскаго языка. Но то, что̀ доходитъ до читателя, уже процѣжено въ редакціяхъ и, по возможности, исправлено. Люди, причастные редакціонному дѣлу, знаютъ, что дѣло обстоитъ гораздо хуже, чѣмъ то можно судить по печатнымъ образцамъ (какъ ни печальны и эти образцы). Школа положительно разучиваетъ писать, и давно пора обратить на это самое серьезное вниманіе.

IV.

Между гимназическими предметами нельзя не обратить вниманія на одинъ, имѣющій особое значеніе, какъ связующее звено между гуманитарными и реальными предметами, заключающее въ себѣ и познаніе природы, и познаніе человѣка. Я говорю о географіи. Для средней гуманитарной школы землевѣдѣніе есть преимущественный и наиболѣе удобный проводникъ реальныхъ знаній и связаннаго съ ними пониманія мѣста человѣка въ природѣ и мѣста его обиталища, земли, во вселенной. Безъ такого пониманія самое широкое гуманитарное образованіе будетъ неполно. Болѣе того, оно будетъ немощно принести требуемые отъ него плоды, дать пониманіе мѣста человѣка въ человѣчествѣ, въ отечествѣ и въ великомъ мірѣ человѣческихъ идей, идеаловъ и задачъ. Съ другой стороны, та же географія является въ средней реальной школѣ проводникомъ гуманитарнаго знанія, исправляя односторонность реальной школы, знакомя человѣка съ человѣкомъ и человѣчествомъ. Покамѣсть мы не выработали еще типа школы, призванной замѣнить обѣ существующія системы, обѣ устарѣлыя и обѣ давно нуждающіяся въ замѣнѣ, до тѣхъ поръ преподаваніе географіи *можетъ* явиться однимъ изъ немногихъ коррективовъ обѣихъ системъ, дополняя ихъ односторонность и исключительность, давая представленіе о мірозданіи

ученику гуманитарной школы, о человѣкѣ и его культурѣ— реалисту. Поэтому-то значеніе географіи въ нашей средней школѣ можно смѣло поставить на ряду съ самыми важными предметами, съ самимъ преподаваніемъ родного языка (этого необходимаго предварительно усвояемаго орудія всякаго образованія).

Землевѣдѣніе и связанное съ нимъ народовѣдѣніе сдѣлали въ наше время колоссальные успѣхи и представляютъ собою теперь одну изъ самыхъ разработанныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самыхъ увлекательныхъ отраслей знанія. Давно ли наши свѣдѣнія о внутренней Азіи, о центральной Африкѣ, о внутренности Австраліи были самыя скудныя? Давно ли карты этихъ обширныхъ территорій представляли пустоту, наполненную гадательными, малодостовѣрными столько же, сколько малочисленными данными и отмѣтками? Немногое, что здѣсь отмѣчалось, было извлекаемо изъ Птоломея и Страбона, изъ Массуди, Ибн-Батуты и Марка Поло. Данныя о населеніи и государствахъ, скудныя и ничтожныя, относились при этомъ къ самымъ отдаленнымъ другъ отъ друга эпохамъ, насильственно и противуестественно соединяемымъ на одной фантастической картѣ. Столь же фантастичны были и карты строенія территоріи. Стоитъ только вспомнить о знаменитомъ меридіональномъ среднеазіатскомъ хребтѣ Белуртагѣ, будто бы отдѣлявшемъ среднеазіатскую плоскую возвышенность (какъ тогда называли внутреннюю нагорную Азію) на востокѣ отъ Туранской низменности на западѣ. Этотъ несуществующій хребетъ (признававшійся изъ самыхъ высокихъ на земномъ шарѣ) фантазія географовъ населила особымъ голубоглазымъ свѣтловолосымъ племенемъ *белуровъ* или *болоровъ*, послѣднимъ обломкомъ индо-европейской расы, вышедшей будто бы изъ ущелій этого Белуръ-тага. Я привелъ крупный, рѣжущій глаза примѣръ, но вся географія этихъ громадныхъ внутриматериковыхъ территорій мало отличалась отъ фантастической географіи Белуръ-тага. Въ настоящее время все измѣнилось. Наука прорѣзала по всѣмъ направленіямъ громадные малодоступные материки, ознакомилась съ стро-

еніемъ и геологіей, флорой и фауной, населеніемъ и культурой. Проникла на высочайшіе пики, спустилась на дно океановъ, проложила пути въ полярныя страны, открыла новые материки и земли. Нельзя еще сказать, чтобы земной шаръ былъ вполнѣ изученъ, но уже можно и должно сказать, что наука землевѣдѣнія съ нимъ основательно ознакомилась вообще, а въ частности подробно и обстоятельно изучила многія очень обширныя его части, притомъ всѣхъ типовъ и поясовъ. Все это не только преобразовало содержаніе науки, до неузнаваемости измѣнило изложеніе предмета, но вмѣстѣ съ тѣмъ преобразило и всю физіономію науки, ея составъ, методъ, задачи, выводы. Землевѣдѣніе теперь удовлетворяетъ уже не только любознательности человѣческой и нѣкоторымъ практическимъ запросамъ. Оно призывается удовлетворить высшей умственной пытливости, раскрывая законы строенія и жизни нашей планеты, законы возникновенія и многообразнаго развѣтвленія человѣческой жизни и культуры, законы взаимодѣйствія между природою и культурою. И знакомитъ насъ географія съ этими законами и данными не въ отвлеченныхъ формулахъ, еще непригодныхъ для усвоенія учениками средней школы, а въ конкретныхъ образахъ, занимательныхъ и увлекательныхъ, живо запечатлѣвающихся въ молодыхъ мозгахъ и постепенно мало по малу вводящихъ эти мозги въ пониманіе законовъ, которыхъ воплощеніемъ и выраженіемъ и служатъ эти живые, полные красокъ и движенія образы. Нѣтъ науки поэтому болѣе пригодной для введенія молодого ума въ область точнаго знанія, чѣмъ географія, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ науки, которая могла бы соперничать съ географіей въ легкости усвоенія. Конечно и то, и другое подъ условіемъ, чтобы преподаваніе стояло на высотѣ современнаго научнаго уровня, и давало бы въ самомъ дѣлѣ живые образы, полные красокъ и движенія, хотя отчасти отражающіе чудеса природы и культуры, чудеса жизни и развитія. Удовлетворяютъ ли, въ какомъ либо, хотя бы въ самомъ скромномъ, масштабѣ этому требованію географическіе

учебники и руководства, господствующіе въ нашей средней школѣ? На этотъ вопросъ мы и поищемъ теперь отвѣта.

Говорить о многихъ учебникахъ мы не будемъ. Ихъ и немного имѣется, да къ тому же и эти немногіе имѣютъ нерѣдко очень скромную свою спеціальную сферу распространенія. За исключеніемъ одного, конечно, именно за исключеніемъ учебника г. Смирнова, господствующаго рѣшительно повсемѣстно въ среднихъ школахъ, классическихъ и реальныхъ, мужскихъ и женскихъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Передо мною лежитъ «XXXV изданіе» этой «Учебной книги географіи», вышедшее въ 1896 году. Первое изданіе вышло въ 1861 году и сейчасъ же вытѣснило устарѣлый учебникъ Ободовскаго, который до того времени такъ же исключительно царствовалъ въ среднихъ школахъ, какъ съ тѣхъ поръ руководство г. К. Смирнова. Милліоны учениковъ выучились по книгѣ г. Смирнова, сотни тысячъ учатся въ настоящее время и, вѣроятно, еще будутъ не малое время учиться. Естественно, если мы займемся именно этимъ руководствомъ, которому нельзя назвать даже соперниковъ. До такой степени учебникъ этотъ составляетъ общепризнанное и общепринятое руководство въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣсколько поколѣній обучались по этому руководству и нынѣ учащіяся молодыя поколѣнія знакомятся съ землею и ея обитателями все по тому же учебнику. Моя задача не въ томъ, чтобы найти удовлетворительный или болѣе удовлетворительный учебникъ. Это дѣло спеціалистовъ. Моя задача оцѣнить только то, что уже пріобрѣло *общественное* значеніе. Такое, и при томъ, громадное значеніе и имѣетъ книга г. Смирнова. И между учебниками *Всеобщей географіи*—только она *одна*.

V.

Если мы остановимся на выборѣ части свѣта, описаніе которой насъ лучше всего познакомило бы съ достоинствами

и недостатками любого учебника географіи, то нетрудно замѣтить, что такою частью свѣта можетъ быть скорѣе всего Азія, благодаря своему громадному, прямо исчерпывающему разнообразію физическаго строенія, обширности распространенія, сосредоточенію всевозможныхъ расъ, многообразію культуръ и цивилизацій. Европа и Америка суть части свѣта, состоящія по преимуществу изъ обширныхъ низменностей, перерѣзанныхъ въ опредѣленныхъ направленіяхъ горными цѣпями. Плоскогорія здѣсь рѣдкость и не типичны. Странъ уступовъ вовсе нѣтъ. Горные узлы не характерны. Явленія дивергенціи и конвергенціи горныхъ цѣпей выражены сравнительно слабо, не типично, не характерно. Климатическія особенности, хотя и разнообразны въ Европѣ, но диктуются и въ Европѣ и въ Америкѣ сравнительно немногочисленными факторами. Еще болѣе, чѣмъ къ Европѣ и Америкѣ, эти замѣчанія о климатологіи надо отнести къ Африкѣ и Австраліи, отличающимся особымъ единообразіемъ климатическихъ факторовъ, учетъ которыхъ незатруднителенъ. Сходясь въ этомъ отношеніи съ двумя вышеназванными частями свѣта, Африка и Австралія въ остальномъ отношеніи составляютъ прямую ихъ противоположность, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касается ихъ строенія и природы. Не низменности и горныя цѣпи, а плоскогорія и страны уступовъ, окаймленныя такъ называемыми окраинными хребтами, составляютъ основную черту строенія этихъ материковъ. Явленія конвергенціи и дивергенціи и горные узлы слабо и не типично выражены. Развитіе береговъ роскошно выражено въ Европѣ, слабо выражено въ Америкѣ и, можно сказать, отсутствуетъ въ Африкѣ и Австраліи. Европа вся лежитъ въ умѣренномъ поясѣ, Африка и Австралія цѣликомъ въ жаркомъ. Европа неселена одною бѣлою расою, создательницею одной общей европейской цивилизаціи. Америка, населенная двумя расами, восприняла европейскую цивилизацію на всемъ протяженіи. Также Австралія. Африка большею частью погружена въ первобытное варварство, на окраинахъ воспринимая европейскую цивилизацію. Та-

ковы характернѣйшія черты каждой изъ перечисленныхъ четырехъ частей свѣта. При всемъ внутреннемъ разнообразіи каждой части свѣта изъ числа названныхъ, всякая, пріобрѣтая *свой* преимущественный характеръ и типъ, тѣмъ самымъ не можетъ служить представителемъ *всѣхъ* характеровъ и типовъ. Азія служитъ именно такимъ представителемъ всѣхъ характеровъ и типовъ.

Страна самыхъ обширныхъ, самыхъ высокихъ и самыхъ типичныхъ плоскогорій, Азія является вмѣстѣ съ тѣмъ страною самыхъ обширныхъ, самыхъ типичныхъ и самыхъ низкихъ низменностей (не мало даже отрицательныхъ). Изобилуя горными цѣпями европейскаго и американскаго типа, Азія не менѣе того богата и окраинными хребтами африканскаго типа. Страны уступовъ, характерно выраженныя уже въ Африкѣ, но ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, на материкѣ Азіи выражены еще полнѣе, характернѣе и разнообразнѣе. Горные узлы, явленіе дивергенціи и конвергенціи могутъ быть изучаемы съ достаточною ясностью только въ Азіи... Факторы климатическіе такъ разнообразны, какъ нигдѣ больше. Поясы азіатскаго материка простираются черезъ всѣ зоны, отъ экватора (м. Буру, одинъ градусъ с. ш.) до самаго сѣвернаго пункта какого либо материка (мысъ Челюскинъ, $77^1/_2$ с. ш.). Изъ расъ Азію населяютъ бѣлая, черная и малайская, населяющія и другія части, и желтая, составляющая исключительную особенность Азіи. Изъ цивилизацій Азія распредѣлена между европейскою и мусульманскою, свойственными и другимъ частямъ свѣта, а такъ же буддійскою и индо-браминскою, свойственными исключительно Азіи. Представительница всѣхъ типовъ строенія, родина всѣхъ расъ, колыбель и поприще всѣхъ цивилизацій, простирающаяся во всѣхъ поясахъ и климатахъ, сосѣдняя всѣмъ остальнымъ четыремъ частямъ свѣта, Азія представляется для географа самою благодарною частью свѣта, гдѣ легче всего показать тайны строенія и развитія природы, человѣка и культуры. [По нашимъ гимназическимъ программамъ съ Азіи начинается обученіе частямъ свѣта. Это раціонально,

такъ какъ, ознакомившись съ Азіей, ученикъ далѣе будетъ находить по частямъ то въ болѣе развитомъ, то въ рудиментарномъ видѣ лишь то (но не все то), что уже усвоилъ въ Азіи. Надо только, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ усвоилъ. Это вообще. Въ частности же для насъ, русскихъ, Азія имѣетъ особый интересъ, какъ въ значительной части входящая въ сферу нашей исторіи, нашихъ матеріальныхъ, политическихъ и моральныхъ интересовъ. Поэтому, не желая утомлять читателя разборомъ всего курса г. Смирнова, я выбираю для этого преимущественно отдѣлъ объ Азіи. Богатство географическаго матеріала и сравнительная легкость изложенія, общая важность азіатской географіи для познанія всѣхъ остальныхъ частей свѣта и спеціальная важность ея для русскихъ дѣлаютъ изъ этого отдѣла наиболѣе достовѣрный показатель достоинствъ и недостатковъ учебника.

Еще Карлъ Риттеръ научилъ начинать изученіе страны общимъ взглядомъ на ея строеніе, «на горизонтальное и вертикальное развитіе территоріи», какъ назвалъ этотъ отдѣлъ великій основатель научной географіи, самимъ названіемъ указывая два существенныхъ момента въ строеніи поверхности страны. *Горизонтальное развитіе* — это очертаніе береговъ материка, количественно выражаемое численнымъ отношеніемъ между площадью страны и длиною береговой линіи и находящее качественное выраженіе въ конфигураціи этой линіи и въ свойствахъ окружающихъ водъ. Горизонтальное развитіе имѣетъ громадное значеніе и для природы, и для культуры изучаемой территоріи. Отъ обилія соприкосновенія омывающихъ материкъ водъ съ его сушею, отъ глубины ихъ проникновенія въ континентъ въ видѣ заливовъ и проливовъ зависитъ, прежде всего, климатъ, этотъ нервъ и природы, и культуры страны. Отъ теченій, господствующихъ въ омывающихъ страну моряхъ, отъ близости другихъ странъ, отъ обилія острововъ, сближающихъ материкъ съ другими, зависитъ естественный обмѣнъ флоры и фауны. За этимъ естественнымъ обмѣномъ слѣдуетъ искусственный обмѣнъ человѣческихъ

произведеній, культуръ, идей. Въ общемъ установлено неоспоримо, что богатое горизонтальное развитіе благопріятно и естественному развитію страны, и особенно развитію историческому, общенію идей и культуръ, составляющему одинъ изъ самыхъ могучихъ импульсовъ человѣческаго прогресса. Это вообще, но въ частности значеніе горизонтальнаго развитія очень видоизмѣняется и колеблется въ прямой зависимости отъ характера омывающихъ водъ. Холодныя, надолго замерзающія воды представляютъ далеко меньшее значеніе, нежели теплыя. Бурныя моря, или изобилующія опасными мелями, менѣе, нежели спокойныя и безопасныя. Лишенныя бахромы острововъ менѣе, нежели ими изобилующія. Обширные бассейны позже пріобрѣтаютъ то же культурное значеніе, нежели умѣренные. Океаны позже морей. Такимъ образомъ, съ перваго шага, при изученіи страны, съ самаго начала знакомства съ ея границами и очертаніями, геніальныя обобщенія Риттера и глубокія изслѣдованія цѣлаго ряда послѣдующихъ географовъ даютъ возможность вводить обучающагося въ пониманіе типа страны, подготовлять его къ усвоенію основной сущности ея строенія, природы и культуры и къ ясному разграниченію ея отъ другихъ странъ и территорій. Посмотримъ, что даетъ намъ объ Азіи въ этомъ отношеніи учебникъ г. Смирнова.

„Самая сѣверная оконечность материка, мысъ *Челюскинъ* касается $77^1/_2{}^0$ с. ш.; самая южная, *Буру*—1°; самая западная, *Баба*—$43^3/_4$ в. д. отъ Ферро; самая восточная, мысъ *Дежневъ*—$208^1/_4$ в. д.

„*Морскую* границу составляютъ океаны — Сѣверный, Великій, Индійскій и моря—Средиземное, Архипелагъ, Мраморное и Черное; *континентальную* границу съ Европою—Кавказскія горы, р. Уралъ и Уральскія горы: съ Африкою—Суэзскій перешеекъ (около 100 вер.).

„*Полуострова*: Малоазійскій, Аравійскій, Индостанъ, Индокитай съ Малаккою, Корея и Камчатка; *острова*: Кипръ, Цейлонъ, Зондскіе (Суматра, Ява, Борнео), Молукскіе, Филиппинскіе, Формоза, Японскіе (Хондо), Сахалинъ и Курильскіе; *моря и заливы*: Черное, Мраморное, Архипелагъ, Средиземное; заливы: Аравійскій, Персидскій и Бенгальскій, моря: Южно-Китайское съ заливами Сіамскимъ и Тонкинскимъ, Восточно-Китайское, Желтое съ заливомъ Чжилійскимъ, Японское, Охотское и Берингово; *проливы*: Константинополь-

скій, Дарданелльскій, Бабъ-эль-Мандебскій, Малакскій, Зондскій и Беринговъ.

„*Моря* представляютъ слѣдующія неудобства: одни наполнены *коралловыми рифами* (Красное и Японское); другія представляютъ *мели*, какъ напр., Бенгальскій заливъ, у Коромандельскаго берега, и Желтое. Рифы и мели становятся тѣмъ опаснѣе, что въ этихъ моряхъ бываютъ бури; въ Бенгальскомъ заливѣ даже ураганы; ураганы господствуютъ, кромѣ того, въ моряхъ Восточно- и Южно-Китайскомъ. Нѣкоторыя моря замерзаютъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Охотское бываетъ покрыто льдомъ столько же времени, сколько наше Балтійское; Берингово — большую часть года; Сѣверный океанъ почти круглый годъ: иногда, въ іюлѣ и августѣ, ледяныя глыбы относятся отъ береговъ, но не надолго".

Мы привели все, отъ строки до строки. Далѣе уже «устройство поверхности», т. е. вертикальное развитіе Азіи. О горизонтальномъ больше ни слова. Не упомянуто даже этого выраженія «горизонтальное развитіе», которое обязало бы хотя бы намекнуть на значеніе азіатскаго берегового очертанія. Простая номенклатура, списокъ ничего не говорящихъ уму именъ и названій, и вы напрасно будете искать во всемъ учебникѣ чего-нибудь объ этой сторонѣ азіатской географіи, чего-нибудь кромѣ этой полустранички мертвыхъ названій, подъ которыми, однако, скрывается подъ каждымъ живая индивидуальность, имѣющая свой смыслъ и значеніе для географіи Азіи, для ея климата, флоры, фауны, населенія, культуры.

Азія по горизонтальному развитію, измѣряемому количественно, занимаетъ между частями свѣта второе мѣсто. Естественно, если она и въ исторіи человѣчества оспариваетъ первенство у самой Европы, далеко превосходя всѣ остальныя части свѣта. Но особыя свойства омывающихъ Азію морей значительно понижаютъ значеніе богатаго горизонтальнаго развитія Азіи. Нѣкоторыя изъ нихъ перечислены г. Смирновымъ, но, взятыя безъ причинной и логической связи между собою и характеромъ азіатской исторіи и природы, эти свѣдѣнія являются непонятнымъ балластомъ, дополняющимъ своими некоординованными отрывочными данными такую же несогласованную, неодухотворенную номенклатуру морей, заливовъ, проливовъ, полуострововъ и

острововъ. Къ тому же не всѣ свѣдѣнія вѣрны. Охотское море замерзаетъ на срокъ болѣе долгій, нежели Балтійское (почему «наше» Балтійское? Вѣдь не всѣ учащіеся живутъ въ Петербургѣ, а русскимъ моремъ Охотское является въ большей степени, нежели Балтійское). Берингово же море въ своей южной наиболѣе важной части замерзаетъ на болѣе короткій срокъ. Одно время даже считали Авачинскую губу (гавань въ Камчаткѣ на берегу Берингова моря) незамерзающимъ портомъ. Японское море неудобно не столько рифами, сколько лѣтомъ—туманами, зимою—замерзаніемъ, особенно во всей своей западной половинѣ (приблизительно на срокъ Балтійскаго). Главное неудобство Краснаго моря опять-таки не рифы, а безвѣтріе, до изобрѣтенія парового двигателя, имѣвшее такое важное значеніе для мореплаванія. Мели и бури Бенгальскаго залива имѣютъ, конечно, большое значеніе, но еще болѣе того отсутствіе архипелага и обширность этого воднаго бассейна, который здѣсь отъ береговъ Индіи не знаетъ материка до полярныхъ странъ антарктическаго пояса. То же значеніе имѣетъ и Аравійское море (пропущенное г. Смирновымъ) съ южнымъ продолженіемъ, тѣмъ же Индійскимъ океаномъ, что примыкаетъ и къ Бенгальскому и также отсюда волнующимся на безконечное пространство до льдовъ южнаго полюса.

Такимъ образомъ, перечисленіе неудобствъ водъ, омывающихъ Азію невѣрно, неполно и вовсе не истолковано. Съ другей стороны, рядомъ съ неудобствами не перечислены удобства. Напр. архипелагъ Эгейскаго моря и относительная безопасность плаванія по Средиземному морю, послужившія столь быстрому, раннему и богатому развитію культурнаго общенія западныхъ азіатскихъ окраинъ (Финикія, Малоазійскія греческія колоніи). Цѣлая бахрома архипелаговъ, окаймляющая восточный берегъ Азіи, послужила и здѣсь для значительнаго историческаго развитія, даже вопреки негостепріимству омывающихъ эти берега морей. Здѣсь рядомъ съ континентальной китайской цивилизаціей выросла островная японская, зародились и ихъ отвѣтвленія и разновидности въ Кореѣ, на Ликейскихъ островахъ

(пропущенныхъ въ учебникѣ), въ Индо-Китаѣ. Отсюда же благодаря опять той же бахромѣ архипелаговъ, культура, еще задолго до появленія европейцевъ, проникла на малайскіе острова. Муссоны аравійскаго моря и сѣверо-западной части Индійскаго океана должны быть тоже упомянуты при перечисленіи удобствъ азіатскихъ водъ. Благодаря этимъ муссонамъ уже давно человѣчество побѣдило пространство, и арабы издревле проложили дорогу къ восточнымъ берегамъ Африки и къ западнымъ Индіи.

Теперь можно считать весьма вѣроятнымъ, что первоначальною родиною негритянской расы является Индія, тогда какъ аборигенами Африки была малорослая раса, обломки которой встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Африки вкрапленными между неграми (болѣе извѣстны бушмены). Негры проникли въ Африку не черезъ Аравію, Сирію и сѣверную Африку. Это путь расы Хамитской (Эѳіопской). Только муссоны могли прямо перенести ихъ отъ Малабара и Цейлона къ Занзибару и Мозамбику. Тѣснимая наступленіемъ монгольской и туранской расы (которыя смѣшались съ черною туземною и образовали нынѣшнія протодравидійскія и дравидійскія темнокожія племена Декана), черная раса, въ незапамятныя времена, когда еще индоевропейская раса не появлялась на полуостровѣ (потому что она уже застала дравидовъ готовыми), воспользовалась муссонами для своихъ миграцій на африканскій континентъ, ставшій постепенно настоящимъ ея отечествомъ. Безъ муссоновъ, Африка могла бы остаться и безъ негровъ.

Читатель видитъ, что даже вовсе не излагая прагматически сюжетъ, а только критикуя и дополняя г. Смирнова, уже можно оживить его номенклатуру, дать смыслъ этимъ именамъ, поставить ихъ во взаимную логическую связь. Не говоря даже о томъ, что только въ такомъ *пониманіи* строенія земли и заключается землевѣдѣніе, слѣдуетъ не забывать, что истолкованіе очертанія материка и его составныхъ частей является лучшимъ средствомъ для запоминанія именъ. Зубреніе не имѣющихъ смысла названій

и труднѣе, и менѣе прочно. Осмысленное усвоеніе не требуетъ зубренія, запоминается легко и надолго.

При простой номенклатурѣ и указаннаго г. Смирновымъ списка именъ много. При осмысленномъ преподаваніи легко усвоилось бы гораздо больше. И въ самомъ дѣлѣ пропущено очень много. Изъ *морей* совершенно пропущено Аравійское и не упомянуто въ перечисленіи границъ Азіи кромѣ того Красное. Изъ *заливовъ* не упомянуты губы Обская, Енисейская, Тазовая, Ленская, заливы Анадырскій, Акабскій (между Синайскимъ полуостровомъ и Аравіей), Синайскій (между тѣмъ же полуостровомъ и Африкой), Аденскій и др. Изъ *проливовъ*—Карскія ворота, Югорскій шаръ, Маточкинъ шаръ, Ормуздскій, Цейлонскій, Формозскій, Корейскій, Татарскій, Лаперузовъ, Босфоръ Восточный и другіе, менѣе важные. Изъ *острововъ*—всѣ азіатскіе острова Мраморнаго и Эгейскаго морей, Перимъ, Бахрейнскіе, Хуріанъ-Муріанскіе (оба эти архипелага пріобрѣли въ послѣднее время очень серьезное значеніе), Лакедивскіе, Маледивскіе, Андаманскіе, Никобарскіе, Целебесъ, всѣ Малые Зондскіе, Пескадорскіе, Бонинъ-Сима, Ликейскіе, Чусанскіе, Корейскіе, Командорскіе, Ново-Сибирскіе и др. Изъ *полуострововъ* пропущены Измидскій, Синайскій, Катарскій и др.

Я перечислилъ только тѣ мѣстности, которыя или по величинѣ, или по географическому строенію, или по культурно-политической роли имѣютъ значеніе, не меньшее перечисленныхъ г. Смирновымъ. Изъ острововъ, пропущенныхъ въ вышеприведенномъ обзорѣ, нѣкоторые позже приведены при политическомъ обозрѣніи (далеко не всѣ и не важнѣйшіе); остальныя же мѣстности пропущены совсѣмъ. *Мысы*, кромѣ четырехъ, совсѣмъ не упомянуты, такъ что даже такіе, какъ Чукотскій Носъ и Коморинъ, остаются неизвѣстными даже по имени. *Бухты* совершенно пропущены (позднѣе очень неполно названы въ политическомъ обозрѣніи). Эта неполнота является, пожалуй, даже заслугою учебника, потому что, въ самомъ дѣлѣ, заучивать массу не имѣющихъ смысла названій, все равно фатально обре-

ченныхъ на забвеніе, было бы безполезно и обременительно. Осмысленное, истолкованное изложеніе позволило бы ввести эту полноту, которая при этомъ нисколько не обременила бы памяти и безъ которой все очертаніе и горизонтальное развитіе изучаемаго материка является въ неполномъ и ложномъ свѣтѣ.

VI.

Обратимся къ вертикальному развитію Азіи или «устройству поверхности», какъ предпочитаетъ выражаться г. Смирновъ (почему «устройство», а не строеніе? Или, кромѣ невѣрности и неполноты, и неточность, и ненаучность выраженій тоже требуются отъ учебника?). Сначала разберемъ по частямъ изложеніе г. Смирнова, а затѣмъ посмотримъ, насколько нарисованная имъ картина въ ея цѣломъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

„Азія — самая возвышенная часть свѣта; возвышенности ея занимаютъ около $^2/_2$ ея поверхности и состоятъ главнымъ образомъ изъ плоскогорій; горныя цѣпи представляются или разбросанными по плоскогоріямъ, или расположенными по краямъ ихъ; или простирающимися отъ нихъ, въ видѣ отраслей. Азіатскія возвышенности занимаютъ средину материка; низменности только по краямъ“ (стр. 3—4).

«Только» слишкомъ сильно сказано. Отрицательная Турфанская низменность находится въ самомъ центрѣ материка, да и громадную Туранскую низменность, частью тоже отрицательную, едва-ли справедливо назвать окраиною. Это, впрочемъ, сравнительно небольшія неточности. Вообще вѣрно, хотя очень тускло.

„*Возвышенности.* Средне-азіятское плоскогоріе почти въ $1^1/_2$ раза болѣе Европы и самая высокая часть на Югѣ называется Тибетомъ ($3^3/_4$—$4^3/_4$ вер.); часть къ З. отъ Тибета—плато-Памиръ (крыша свѣта) еще выше; это самая высокая на земномъ шарѣ мѣстность; горныя вершины на ней 5—7 слишкомъ верстъ. Отъ Памира, по южному краю плоскогорія, къ ю.-в. тянутся высочайшія на земномъ шарѣ *Гималаи* съ высочайшею горою на свѣтѣ *Эверестомъ*, выше 8 вер.; параллельно съ Гималаями по плоскогорію *Кара-Корумъ*; прямо къ в.—*Куэнь-Лунъ*; къ с.-в.—*Тянь-Шань*. Сѣверо-западная часть средне-

азіатскаго плоскогорія прорѣзывается *Алтайскими* горами, сѣверный край сопровождаютъ его *Саянскія* и *Даурскія* (?), сѣверо-восточный—*Татарскія* (отъ устья Амура до Кореи), юго-восточный—рядъ параллельныхъ цѣпей. Отъ плоскогорія простираются *Становыя*, *Индо-Китайскія* и *Гинду-Кушъ*. Горы *Хинганъ*, на сѣверо-восточной части плоскогорія, и *Китайскія* (?Сюэ-Шань?) на восточной, служатъ какъ бы продолженіемъ, первыя—Становыхъ, вторыя—Куэнь-Луня" (стр. 4).

Таково описаніе «средне-азіатскаго плоскогорія». Какое-нибудь представленіе составить себѣ по этому описанію, конечно, невозможно, по его крайней неясности и дурному языку. Пожалуй, это и хорошо. Иначе, представленіе было бы ложное. «*Параллельно* съ Гималаями по плоскогорію—Каракорумъ; *прямо къ востоку*—Куэнь-Лунь; къ *сѣверо-востоку*—Тянь-Шань». *Откуда* къ востоку и сѣверо-востоку? По точному смыслу предложенія, отъ Гималаевъ. Однако, отъ Гималаевъ оба хребта лежатъ прямо къ сѣверу. Если, же пренебрегая русскимъ языкомъ, будемъ оріентироваться отъ Каракорума, то все же съ Тянь-Шанемъ будетъ не ладно. Далѣе, что за сонъ такой Даурскія горы, составляющія будто бы сѣверную окраину плоскогорія? *Дауссе-Алинь* (Даурскія горы)—имя, дѣйствительно небезъизвѣстное въ географіи, именно какъ другое названіе хребта, болѣе извѣстное подъ именемъ *Малаго Хингана*. Это невысокій и лѣсистый меридіональный хребетъ, отдѣляющійся отъ Станового и направляющійся прямо на югъ, раздѣляя болѣе возвышенную западную террасу Даурскую отъ болѣе восточной Уссурійской. Его прорываетъ Амуръ ниже Благовѣщенска, а Сунгари нѣсколько выше впаденія въ Амуръ. Плоскогорія онъ нигдѣ не касается, тѣмъ менѣе съ сѣвера (такъ какъ лежитъ на значительномъ разстояніи къ востоку отъ самаго восточнаго его края). Г. Смирновъ, даже при своемъ феноменальномъ невниманіи къ излагаемому имъ предмету, не могъ этотъ хребетъ помѣстить, какъ *сѣверную* окраину плоскогорія. Судя по одному мѣсту политическаго обзора, г. Смирновъ Даурскимъ хребтомъ назвалъ хребетъ *Яблоновый*, который, дѣйствительно, составляетъ окраину плоскогорія на сѣверо-востокѣ подобно тому, какъ

Алтай и Саянъ на сѣверо-западѣ. На сѣверѣ же, на наибольшемъ протяженіи, отъ Енисея до Селенги на разстояніи $1^1/_2$ тысячи верстъ, окрайнымъ хребтомъ является могучій вѣчно-снѣжный кряжъ *Кентей*, совсѣмъ забытый г. Смирновымъ. Нельзя похвалить его и за произвольное переименованіе Яблоноваго хребта въ Даурскій, какъ и за такое-же переименованіе хребта *Сихота-Алинь*—въ Татарскій, который вдобавокъ оказывается окраиной среднеазіатскаго плоскогорья, между тѣмъ какъ пролегаетъ отъ него къ востоку свыше, чѣмъ на тысячу верстъ. Окраиной плоскогорія съ востока служитъ Большой Хинганъ, который отнюдь не есть продолженіе Станового. Нельзя учебнику поставить въ заслугу и незнаніе, какъ называются «параллельныя цѣпи», окаймляющія юго-востокъ плоскогорія. Въ виду того, что г. Смирнову не вполнѣ ясно само представленіе объ описываемомъ плоскогоріи и его очертаніе, и я не могу помочь ему припомнить названіе этихъ миѳическихъ «параллельныхъ цѣпей», потому что не могу сообразить гдѣ надо искать указываемый г. Смирновымъ «юго востокъ». Если разумѣть *Монгольское* плоскогоріе, то южная окраина его окаймляется *Калганскимъ* кряжемъ, *Инъ-Шанемъ*, *Ала-Шанемъ*. Если же разумѣть плоскогоріе *Тибето-туркестанское*, то вѣдь южной (и юго-восточной) окраиной будутъ сами Гиммалаи.

Пора сказать, что великое средне-азіатское вздутіе коры земной явственно раздѣляется на два плоскогорія, соединенныя между собою лишь однимъ изъ угловъ своихъ. На сѣверо-востокѣ это плоскогоріе Монгольское, на юго-западѣ—Тибето-туркестанское. Сѣверною окраиною послѣдняго является хребетъ Тянь-Шань. Прямое его продолженіе (послѣ нѣкотораго пониженія) Ала-Шань, Инь-Шань и Калганскій кряжъ, простирающіеся въ тѣхъ же широтахъ, служатъ, какъ мы уже упомянули, южною окраиною Монгольскаго плоскогорія, которое своимъ юго-западнымъ угломъ лишь соприкасается съ сѣверо-восточнымъ угломъ Тибето-туркестанскаго. Куэнь-Лунь разрѣзываетъ это послѣднее на два плато, Тибетское, очень высокое, и Восточно-туркестан-

ское, не выше Монгольскаго и соединенное съ нимъ, какъ уже сказано, на сѣверо-востокѣ посредствомъ такой же высоты небольшого плато *Ордосъ*. Плато Памира составляетъ такое же, только очень высокое, узловое плато, соединяющее Средне-азіатское плоскогоріе съ плоскогоріемъ Иранскимъ, которое лежитъ такъ же на юго-западъ отъ Тибето-туркестанскаго, какъ это послѣднее отъ Монгольскаго. Г. Смирновъ, конечно, ничего этого не отмѣчаетъ. Это раздѣленіе средне-азіатскаго плоскогорія на двѣ самостоятельныя части, сцѣпляющіяся между собою, по тому же плану, какъ и съ плоскогоріемъ Ирана, совершенно мѣняютъ сбивчивую картину невнимательно, не всегда вѣрно и грубо наляпанную г. Смирновымъ. Впрочемъ, г. Смирновъ дополняетъ ее нѣсколькими замѣчаніями о хребтахъ описываемаго плоскогорія.

«Куэнь-Лунь и особенно Кара-Корумъ замѣчательны первыми въ свѣтѣ, по средней высотѣ, хребтами и горными проходами» (—4). Что́ это могло бы означать эта первая въ свѣтѣ *средняя* высота? Если первая, то не средняя; если средняя, то далеко не первая. «Тянь-Шань (небесныя горы) такой же высоты, какъ и Куэнь-Лунь» (*ibidem*). Гдѣ же, однако, «первыя въ свѣтѣ»? Кажется, лучше бы безъ дополнительныхъ замѣчаній. Достаточно напутано и въ основномъ описаніи.

«Иранское плоскогоріе значительно ниже Средне-азіатскаго. Изъ горныхъ цѣпей, ограничивающихъ его, примѣчательны: *Гинду-Кушъ*, *Индо-Персидскія* (Солимановы) и *Эльбурсъ*» (—4). Не указано, что восточная часть Эльбурса носитъ названіе *Копетъ-Дага* (хребетъ, ограничивающій нашу Закаспійскую область). Важнѣе пропускъ *Загроса*, длиннаго снѣжнаго хребта, окаймляющаго Иранъ съ юга и юга-запада.

«Наиболѣе извѣстны проходы *Баміанскій* черезъ Гинду-Кушъ, изъ Индостана въ Туранъ, и *Кабульскій* (Хайберскій), черезъ Индо-Персидскія изъ Индостана въ Иранъ» (— 5). Эти строки столь фантастичны и столь нелѣпы, что могли бы доставить минуту неподдѣльно веселаго смѣха,

если бы только не соображеніе, что вѣдь эту ерунду заучиваютъ наши дѣти. Представьте только себѣ, что Хайберскій проходъ (почему то называемый у г. Смирнова Кабульскимъ) ведетъ отъ Пешавера въ Кабулъ, а Баміанскій (правильнѣе: Хаджи-Хакскій) — изъ Кабула же въ Баміанъ. Конечно, Пешаверъ можетъ быть отнесенъ къ Индіи, а Баміанъ можетъ считаться преддверіемъ Туркестана, но что же въ такомъ случаѣ Кабулъ? Если г. Смирновъ правъ, утверждая, что Хайберскій проходъ ведетъ изъ Индостана въ Иранъ, то Кабулъ выходитъ Ираномъ но тогда Баміанскій будетъ вести изъ Ирана въ Туркестанъ (собственно говоря, въ Иранъ же, такъ какъ Баміанъ еще на плоскогоріи, хотя въ настоящее время и населенъ тюркскимъ народомъ хезарейцевъ). Если же г. Смирновъ, напротивъ того, правъ, сообщая, что Баміанскій проходъ ведетъ изъ Индостана въ Туркестанъ, то Хайберскій ведетъ изъ Индостана въ Индостанъ и Кабулъ оказывается частью Индостана! Подите же, разберитесь въ этомъ тонкомъ знаніи географіи!..

Надо замѣтить еще, что отъ Пешавера въ Кабулъ дорога пролегаетъ черезъ два ущелья, отдѣленныя другъ отъ друга широкою террасою Джелалабада: первое—Хайберское нынѣ находящееся въ рукахъ англичанъ; затѣмъ упомянутая терраса, принадлежащая афганцамъ, за которою на слѣдующую болѣе высокую террасу, Кабульскую, выводитъ второй проходъ, *Хурдъ-Кабульскій*, въ которомъ въ 1842 году афганское племя Гильдзаи истребили англо-индійскую армію. Называя Хайберскій проходъ Кабульскимъ, не смѣшалъ-ли его г. Смирновъ съ Хурдъ-Кабульскимъ? Весьма возможно, хотя они отдѣлены другъ отъ друга сотнями верстъ и прорѣзываютъ два различныхъ хребта. Кстати о прорѣзываемыхъ хребтахъ. Сообщеніе г. Смирнова, что Баміанскій проходъ ведетъ черезъ Гинду-Кушъ правильно, но чтобы Хайберскій (или хотя бы Хурдъ-Кабульскій) велъ черезъ Солимановъ хребетъ (произвольно называемый у г. Смирнова Индо-Персидскимъ) — это новая фантазія г. Смирнова. Солимановъ хребетъ кончается значительно

южнѣе, на нѣсколько сотъ верстъ, у Корумскаго прохода, который отдѣляетъ сѣверныя оконечности Солимановыхъ горъ (меридіональнаго хребта) отъ южныхъ склоновъ *Сефидъ-Куга* (хребта широтнаго, перпендикулярнаго Солимановымъ цѣпямъ). Черезъ отроги этого-то Сефидъ-Куга (входящаго въ систему Гинду-Куша) и пролегаютъ оба прохода, Хайберскій и Хурдъ-Кабульскій.

Почему, однако, г. Смирновъ вообще счелъ необходимымъ упомянуть о проходахъ Хайберскомъ и Баміанскомъ? Мы выше привели полностью описаніе средне-азіатскаго плоскогорія и не встрѣтили ни одного указанія на проходы и перевалы черезъ окружающія и прорѣзывающія цѣпи. Между этими перевалами есть въ высшей степени интересные въ физико-географическомъ отношеніи и другіе, еще болѣе важные, въ культурномъ и политическомъ. Указаніе на проходы и перевалы такъ же необходимо, какъ и указаніе на проливы, но относительно другихъ плоскогорій г. Смирновъ умалчиваетъ. Наконецъ, между проходами, ведущими на Иранское плоскогоріе, почему г. Смирнова особенно заинтересовали только Хайберскій и Баміанскій? Изъ нихъ Хайберскій имѣетъ нѣкоторое коммерческое значеніе для сравнительно незначительной торговли между Индіей и Кабулистаномъ (другія части Афганистана пользуются лучшими и кратчайшими путями); Баміанскій же проходъ, очень неудобный, лежащій выше снѣжной линіи, не имѣетъ и этого значенія. Когда то этимъ путемъ Тамерланъ водилъ свои орды на Индію, но трудно сказать, почему этотъ «мірокрушитель» предпочелъ Хаджи-Хакскіе снѣжные перевалы (потому что ихъ не одинъ, а три) другимъ, болѣе удобнымъ. Изъ Герата, откуда онъ направлялъ свои орды, было ближе, а знаменитый «бичъ божій» не очень щадилъ и своихъ. Александръ Македонскій спустился на Кабульскую террасу черезъ нынѣшній Логарскій проходъ, широкія ворота между Гинду-Кушемъ и Сефидъ-Кугомъ. Баберъ, завоеватель Индіи и основатель имперіи моголовъ (потомокъ Тамерлана) предпочиталъ пользоваться проходами Горбендскимъ, Перванскимъ и Пенд-

ширскимъ, лежащими на сѣверо-востокъ отъ Хаджи-Хакскаго и выводящими изъ Кабула прямо на дорогу въ Балхъ (древняя Бактра), который лежитъ уже на окраинѣ туранской низменности. Баміанскій проходъ ничѣмъ не замѣчательнѣе полдюжины другихъ черезъ тотъ же Гинду-Кушъ. Хайберскій же имѣетъ меньше значенія, чѣмъ вышеупомянутый Корумскій, выводящій прямо изъ Индійской низменности на Иранское плоскогоріе, и еще гораздо меньше, чѣмъ лежащій южнѣе, *Боланскій*, ведущій изъ Шикарпура на берегу Инда въ Кветту, въ Белуджистанѣ, на Иранскомъ плоскогоріи. Черезъ Боланскій проходъ англичане проложили желѣзную дорогу въ Кветту, занятую англійскимъ гарнизономъ, и далѣе на сѣверо-западъ до Пишина, на границахъ Афганистана, въ двухъ переходахъ отъ Кандагара, второй афганской столицы. Коммерческое, культурное и политическое значеніе Боланскаго прохода отъ этого стало первостепеннымъ, но именно объ немъ-то и умалчиваетъ географія г. Смирнова (вышедшая, однако, въ 1896 г.). Большое культурное и политическое значеніе имѣютъ и проходы съ Иранскаго плоскогорія черезъ мало доступный, вѣчно снѣжный Загросъ (забытый г. Смирновымъ) къ берегу моря. Здѣсь извѣстно два прохода: изъ Шираза къ Бендеръ-Буширу на берегу Персидскаго залива и изъ Мекрана къ Бендеръ-Абассу, на берегу Ормуздскаго пролива (тоже забытаго г. Смирновымъ). Это — пути англійской торговли съ Персіей; пути англійскаго наступленія въ бывшія двѣ англо-персидскія войны; и вѣроятные пути проектируемой желѣзной дороги изъ Россіи къ Индійскому океану. Забытый Богомъ и людьми Баміанскій проходъ кажется г. Смирнову важнѣе. Не упоминаетъ онъ и о проходѣ по долинѣ Теджента (рѣка, тоже пропущенная г. Смирновымъ) изъ Туранской низменности (русской Закаспійской области, въ данномъ случаѣ) къ Герату, на Иранскомъ плоскогоріи. Этотъ пропускъ г. Смирновъ отчасти исправляетъ при политическомъ обзорѣ, но всѣ остальные забыты основательно, какъ и всѣ сообщенія двухъ средне-азіатскихъ плоскогорій съ окрестными территоріями.

Выше цитированныя восемь строкъ — все, что̀ счелъ нужнымъ сообщить г. Смирновъ объ иранскомъ плоскогоріи. Неясно, невѣрно, неполно и неосмысленно, — это самая снисходительная характеристика свѣдѣній, сообщаемыхъ этимъ учебникомъ.

„*Мало-азійское плоскогоріе* ниже Иранскаго. Горныя цѣпи, ограничивающія плоскогоріе на югѣ, называются *Тавромъ*, на югѣ-востокѣ—*Анти-Тавромъ*. Къ сѣверо-востоку отъ плоскогорія возвышается знаменитая въ Св. Исторіи гора *Араратъ*, въ $4^1/_2$ версты. „Таврскія горы, простираясь почти по самому берегу Мало-азійскаго полуострова, въ направленіи своемъ отъ востока къ западу становятся постепенно ниже; въ восточной части средняя высота ихъ доходитъ до трехъ верстъ; наружу отвѣсны, къ плоскогорію отлоги“ (—5).

Трудно было бы преднамѣренно написать болѣе невѣрную картину строенія Мало-азіатской поверхности. Малая Азія, вмѣстѣ съ Арменіей, лежащей къ В. отъ нея и соединяющей ее съ Иранскимъ плоскогоріемъ, отнюдь не представляетъ одного плоскогорія, какъ иранское или монгольское, но рядъ сравнительно небольшихъ плато, раздѣленныхъ и окаймленныхъ горными цѣпями и понижающихся уступами съ востока къ западу. Это характерная *страна уступовъ*, заключенная, какъ между стѣнами, между горною цѣпью Анти-Тавра и Тавра съ юга и такого же характера горною цѣпью *Понтійскихъ горъ* съ сѣвера (цѣпь эта забыта составителемъ учебника). Обѣ цѣпи, какъ всегда въ странахъ уступовъ (если при этомъ не окаймляютъ сосѣднихъ плоскогорій), понижаются по мѣрѣ пониженія окаймленныхъ террасъ (въ данномъ случаѣ отъ востока къ западу). Самая восточная терраса, *Велико-Армянская*, примыкаетъ къ Иранскому плоскогорію. Она самая обширная и самая возвышенная. Въ сѣверо-восточномъ углу ея, а не къ сѣверо-востоку отъ нея, какъ ошибочно полагаетъ г. Смирновъ, возвышаются вершины двухъ Араратовъ. Къ юго-западу отъ Велико-армянскаго плато расположена терраса *Каппадокійская* (нынѣ вилайетъ *Конія*), замкнутая со всѣхъ сторонъ высокими горами и

не имѣющая стоковъ. Она ниже велико-армянской, но выше остальныхъ. Сосѣдняя съ нею съ сѣвера (а отъ Велико-армянской лежащая къ западу и сѣверо-западу) *Пафлагонская* (нынѣ *Сивасъ*) обширнѣе, но ниже. Наконецъ, къ западу отъ Каппадокійской и Пафлагонской расположена невысокая, изобилующая лугами, отличающаяся плодородіемъ и благословеннымъ климатомъ терраса *Фригійская* (нынѣ вилайетъ *Ангора*), постепенно переходящая на сѣверо-западѣ въ холмистую низменность *Виѳинію* и *Мизію* (нынѣ вилайетъ *Бруса*), а на западѣ и юго-западѣ— въ такую же низменность *Іонію* и *Карію* (нынѣ вилайетъ *Смирна*).

Назвать всю эту систему террасъ однимъ Мало-азіатскимъ плоскогоріемъ и упомянуть всего лишь о южномъ окраинномъ хребтѣ — значитъ не дать никакого понятія объ описываемой странѣ. Вообще г. Смирновъ совершенно не знаетъ того типа страны, который, вслѣдъ за Риттеромъ, принято называть *странами уступовъ*. Въ Азіи—это очень распространенный типъ, нерѣдко являющійся методомъ, коимъ природа пользуется для перехода отъ нагорія къ пониженію. Монгольское плоскогоріе имѣетъ такія страны уступовъ: на востокѣ — Дауро-Манджурію, на западѣ — Чжунгарію. Иранское плоскогоріе: на сѣверо-востокѣ—Кабулистанъ, на сѣверо-западѣ—Малую Азію. Этотъ же типъ территоріи, столь распространенный въ Азіи, обусловливаетъ уже упомянутое явленіе дивергенціи и конвергенціи (расхожденія и схожденія) горныхъ кряжей. Въ Азіи вообще замѣчается дивергенція къ востоку и конвергенція къ западу. Выше констатированное явленіе горныхъ узловъ въ юго-западныхъ углахъ азіатскихъ плоскогорій тоже связано съ этимъ любопытнымъ явленіемъ. Въ культурно-историческомъ отношеніи законъ конвергенціи имѣетъ то значеніе, что, благодаря, ему, Азія распадается на рядъ обширныхъ территорій, въ себѣ замкнутыхъ, по своей обширности способныхъ создать свой особый культурный міръ, мало, однако, доступный общенію съ другими такими же мірами.

„*Сирійское плоскогоріе* глубочайшею въ свѣтѣ долиною (мѣстами даже на 1/4 версты ниже уровня океана) раздѣляется на двѣ части— восточную и западную. На западной горная цѣпь *Ливанъ*; на восточной *Анти-Ливанъ* (противъ Ливана), вдвое ниже Тавра. Ливанъ и Анти-Ливанъ, соединяясь на югѣ образуютъ горный узелъ *Гермонъ*, высотою около 3 верстъ“ (—5).

Конечно, всякій пойметъ это описаніе такъ, что «глубочайшая долина въ свѣтѣ» (долина Іордана и Мертвое Море) лежитъ между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ, а Гермономъ замыкается съ юга. Иначе понять невозможно, а между тѣмъ совершенно наоборотъ: Гермонъ лежитъ сѣвернѣе истоковъ Іордана, текущаго на югъ отнюдь не между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ. Ливанъ и Анти-Ливанъ ограничиваютъ Кэйлосирію, которая составляетъ сѣверную, а Палестина южную половину Сиріи. Если къ этому прибавить неизвѣстное г. Смирнову обстоятельство, что Сирія (какъ и Аравія), хотя и расположены на азіатскомъ материкѣ, но принадлежитъ уже къ системѣ Африканскихъ плоскогорій, то какъ должны мы назвать характеристику Сиріи, данную учебникомъ?

„*Аравійское плоскогоріе* большею частью съ крутыми склонами, на югѣ отвѣсными своими скалами падаетъ прямо въ море. Средняя высота такая же, какъ и Иранскаго“ (—5).

Составитель учебника, вѣроятно, позабылъ, что онъ не сообщилъ средней высоты Иранскаго плоскогорія... А остальное? Развѣ это характеристика? Къ тому же и Аравія — не единое плоскогоріе, а система по типу столообразныхъ плато, свойственныхъ Африкѣ.

„*Деканское плоскогоріе* наполняетъ собою почти весь (?) полуостровъ Индостанъ съ незначительнымъ наклономъ къ востоку, нѣсколько ниже Иранскаго. Съ востока и запада ограничивается невысокими горами *Гатъ*, изъ которыхъ западный выше восточнаго“(—5).

Не «почти весь полуостровъ», а около половины (если считать сѣверною границею прямую линію между устьями Инда и Брамапутры). Остальное вѣрно, но ничего не говоритъ уму. Этотъ предполагаемый обломокъ исчезнувшаго міра, Деканъ, очень оригиналенъ по строенію, но генети-

чески не связанъ съ остальнымъ азіатскимъ нагорьемъ. Поэтому, съ прискорбіемъ отмѣчая пустословіе учебника, за недосугомъ не останавливаемся дольше.

„*Низменности. Сибирская*—обширнѣйшая въ свѣтѣ; въ сѣверной части—тундры, въ юго-западной—степи съ солончаками.

„*Туранская.* На сѣверѣ — луговыя степи, а на югѣ песчаныя пустыни съ оазами.

„*Индостанская.* На западѣ—большею частью песчаныя и глинистыя равнины, которыя только во время дождя покрываются травою, на востокѣ плодороднѣйшія пространства земного шара.

„*Китайская.* Въ сѣверной части ровна, какъ столъ, въ южной холмиста, весьма плодородна.

„*Месопотамская*—однообразная песчаная пустыня“ (5—6).

Есть невѣрности: характеристика западнаго Индостана относится только къ меньшей его части. Для Пенджаба, Раджпутаны или бассейна Нербуды (кстати, вовсе пропущенной учебникомъ) она не годится. Характеристика Сибирской низменности какъ бы раздѣляетъ ее на тундру и степь, между тѣмъ большая часть Сибири лѣсистая равнина. Забыты многочисленныя горы, прорѣзывающія Сибирь, а равно и невысокое, но обширное плато Якутское. Горы, и очень замѣчательныя, забыты и на Туранской низменности. И Месопотамія не вездѣ пустыня, а «песчаная» даже весьма мало. Хотя эти ошибки и невѣрности почти цѣликомъ покрываютъ собою все это коротенькое сообщеніе объ Азіатскихъ низменностяхъ, тѣмъ не менѣе главный дефектъ даже не въ этомъ, а въ полномъ неумѣніи оріентироваться въ замѣчательно закономѣрномъ и поучительномъ расположеніи этихъ низменностей.

Мы уже знаемъ, что средину материка составляютъ три обширнѣйшія и высочайшія плоскогорія, Монгольское, Тибето-туркестанское и Иранское, окруженныя высочайшими горами, спускающіяся въ разныя стороны четырьмя характерными странами уступовъ (Даурскою, Чжунгарскою, Кабульскою и Мало-азійскою) и посылающія отъ себя многочисленные отроги въ видѣ горныхъ цѣпей и кряжей. Эти плоскогорія соединяются между собою своими сѣверо-восточными и юго-западными углами, такъ что тотъ

возвышенный гребень материка, который можно было бы назвать осью его строенія, простирается съ сѣверо-востока на юго-западъ. Внимательный взглядъ на карту покажетъ, что эта ось продолжается и на сѣверо-востокъ, и на юго-западъ. Съ сѣверо-востока къ монгольскому плоскогорію примыкаетъ уже упомянутое невысокое плато Якутское, окаймленное хребтомъ, спускающееся уступами къ Берингову проливу, гдѣ у Чукотскаго Носа и заканчивается одинъ конецъ этой нагорной оси Азіи. Съ юго запада Аравійское плоскогоріе, хотя и отдѣленное отъ Ирана Персидскимъ заливомъ съ Месопотамскою низменностью, лежитъ, однако, на продолженіи той же оси, какъ въ томъ же направленіи, на той же оси, къ юго-западу отъ Аравійскаго плоскогорія лежитъ уже въ Африкѣ Абиссинское, далѣе плоскогоріе великихъ озеръ, далѣе — южно-африканскою, характерною страною уступовъ спускающееся къ Южному океану и завершающееся Мысомъ Доброй Надежды. Персидскій заливъ, отдѣляющій Иранское плоскогоріе отъ Аравійскаго, раздѣляетъ двѣ системы плоскогорій, весьма отличающихся по геологическому и тектоническому строенію, по характеру поверхности, по флорѣ, фаунѣ и пр., но лежащія обѣ на одной оси поднятія, общей всему соединенному материку Стараго Свѣта. На сѣверовостокѣ Чукотскій Носъ, на югозападѣ Мысъ Доброй Надежды составляютъ крайніе концы этой оси.

Если мы теперь посмотримъ на расположеніе низменностей относительно этой нагорной оси Стараго Свѣта, то къ сѣверо-западу отъ нея увидимъ всѣ африканскія низменности, обширнѣйшія азіатскія (сибирскую, туранскую и месопотамскую) и всю Европу (низменность, только перерѣзанная хребтами), тогда какъ на югѣ-востокѣ океанъ почти повсемѣстно плещетъ свои волны непосредственно у подножія нагорья. Отъ Мыса Доброй Надежды до устья Инда всюду плоскогорія непосредственно оступаются въ море. Только индостанская низменность, заключенная между тибетскимъ, иранскимъ и деканскимъ плоскогоріями, да китайская, также оберегаемая монгольскимъ и тибетскимъ

плоскогоріями и альпійскою стороною Индо-Китая (отвѣтвленіемъ Тибета), и представляютъ съ юго-востока довольно значительныя низменности, совершенно теряющіяся, однако, передъ необозримыми низменностями сѣверо-запада.

Если при этомъ не забыть, что этотъ сѣверо-западъ, по геологическому составу, является относительно новообразованіемъ, а юго-востокъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ сушамъ земного шара, то прямо упремся въ фактъ первокласснаго значенія, безъ котораго непонятно строеніе Стараго Свѣта вообще, Азіи въ частности, въ фактъ секулярнаго перегибанія всего материка Стараго Свѣта съ сѣверо-запада на юго-востокъ (подобно такому же перегибанію Новаго Свѣта съ запада на востокъ). Секулярное поднятіе сѣверо-запада (продолжающееся и понынѣ) выдвинуло изъ водъ обширнѣйшія низменности Судана, Сахары, Европы, Сибири, Турана. Секулярное опусканіе юго-востока погрузило цѣлые міры въ воды океана и привело его къ подножію нагорья. Бахрома архипелаговъ, именно съ юго-востока обрамляющая и Азію, и Африку, свидѣтельствуетъ о горныхъ цѣпяхъ, изрѣзывавшихъ исчезнувшую подъ волнами сушу. Въ свѣтѣ этихъ данныхъ законъ расположенія низменностей въ Азіи (и законъ расположенія острововъ) становится яснымъ, доступнымъ, осмысленнымъ.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ объ орографіи Азіи укажу, что разбираемый учебникъ совершенно пропустилъ всѣ низменности, образованныя наносами большихъ рѣкъ Азіи. Между ними есть довольно значительныя, въ устьяхъ Амура, Иравади, Меконга, но особенно Сіамская, по берегамъ Селуэна и Менама. Эти низменности тѣмъ болѣе достойны отмѣтки, что расположены на юго-востокѣ нагорной оси, понемногу возвращая сушѣ отнятое океаномъ.

VII.

Сдѣланный нами подробный разборъ горизонтальнаго и вертикальнаго развитія Азіи, какъ онъ излагается учеб-

никомъ г. Смирнова, выяснилъ намъ достаточно характеръ учебника. Крайняя неполнота, масса непростительныхъ невѣрностей и неточностей и совершенная неосмысленность, неистолкованность, крайняя безсвязность сообщаемыхъ данныхъ,—таковы свойства учебника, какъ они положительно выясняются изъ вышеизложеннаго. Я полагаю, что мы можемъ поэтому не слѣдить далѣе, шагъ за шагомъ, за изложеніемъ г. Смирнова и можемъ ограничиться отмѣткою наиболѣе достойнаго вниманія. Безсвязность и неосмысленность изложенія составляютъ, какъ видно изъ приведеннаго, основной методъ учебника и новыхъ иллюстрацій не требуютъ. Неполнота и невѣрность, прямыя ошибки—вотъ что мы собираемся еще отмѣтить.

Говоря о районѣ муссоновъ, юго-восточныхъ лѣтомъ и сѣверо-западныхъ зимою, г. Смирновъ распространяетъ эту область на «юго-восточныя стороны острововъ Остъ-Индскаго Архипелага (?Малайскаго?), Индо-Китая и Средне-азіатскаго плоскогорія» (стр. 6). Область этихъ муссоновъ гораздо обширнѣе: въ нее входятъ весь Китай, Корея, Японія, Пріамурскій и Уссурійскій край, Манджурія, Даурія и даже частью Монголія. Это болѣе, чѣмъ удвоиваетъ, площадь области муссоновъ, вводя въ нее старо-культурныя страны, гдѣ сама культура въ значительной степени подчинена этому факту.

«Необыкновенно сильное испареніе воды въ этомъ морѣ (Мертвомъ) производитъ сильное сгущеніе раствора соли, такъ что въ немъ плаваютъ иногда довольно тяжелыя асфальтовыя глыбы, отчего оно называется также Асфальтовымъ» (стр. 7). Если признать, что это мѣсто написано по-русски, то, пожалуй, окажется, что сильное сгущеніе раствора соли производитъ асфальтовыя глыбы... На какомъ бы нарѣчіи здѣсь писалъ г. Смирновъ?

На страницѣ 8 оказывается, что р. Кабулъ прорѣзываетъ Индо-Персидскія горы. Мы видѣли, что Индо-Персидскими горами нашъ учебникъ называетъ Солимановъ хребетъ, который, однако, лежитъ нѣсколько сотъ верстъ въ сторонѣ отъ р. Кабула.

На той же стр. *Си-цзянь* оказывается впадающимъ въ Индійскій океанъ. На этой рѣкѣ стоитъ Кантонъ, и она впадаетъ въ Тихій океанъ (собственно говоря, въ Южно-Китайское море, составляющее однако часть не Индійскаго, а Тихаго океана). Эта ошибка непростительна и для ученика и заслужила бы ему единицу.

Характерная особенность большихъ азіатскихъ рѣкъ, указанная Риттеромъ, ихъ парность, совершенно не отмѣчена учебникомъ. Такими парами являются: Тигръ и Евфратъ, Гангъ и Брамапутра, Гоанго и Янтсекіангъ, Аму-Дарья и Сыръ-Дарья, Обь и Иртышъ. Начинаясь приблизительно въ однихъ мѣстахъ, эти «рѣки-близнецы» затѣмъ далеко расходятся, но въ устьяхъ опять сближаются, нѣкоторыя же даже сливаются. Это опять крупное физико-географическое и культурно-историческое значеніе. Исходя изъ одной страны, эти воды несутъ и сѣмена растеній, и постепенно спускающуюся культуру одной расы сначала въ совершенно различныя условія (рѣки сначала далеко расходятся) и это создаетъ различія, которыя, достигши низовья, опять стекаются. Гомологичныя, эти культуры способны къ общенію; испытавшія различныя вліянія, долго разлученныя, онѣ, снова сливаясь, даруютъ разнообразіе и разносторонность развитія, иначе не такъ легко достижимую. Конечно, г. Смирнова ничто подобное не интересуетъ.

Объясняя континентальность климата Азіи, г. Смирновъ, между прочимъ, указываетъ причину, «что $^2/_3$ ея состоятъ изъ высокихъ плоскогорій, на которыхъ воздухъ не столь плотенъ, какъ на низменности, и земная поверхность быстро теряетъ собранную ею днемъ солнечную теплоту» (стр. 9). Что разумѣетъ г. Смирновъ подъ плотностью воздуха? Если то же, что всѣ люди, то кому же неизвѣстно, что именно азіатскія плоскогорія суть область высокихъ атмосферныхъ давленій, а низменности наоборотъ. Быстрое лучеиспусканіе почвою Средней Азіи пріобрѣтенной теплоты—фактъ, но объясняется онъ не меньшей плотностью (которая, наоборотъ, здѣсь больше), а отсутствіемъ растительнаго покрова, су-

хостью почвы и атмосферы, безоблачностью. Цитированныя строки не только явная невѣрность, но и явное невѣжество.

«Наиболѣе цѣнное богатство Сибири—ея хвойные лѣса. Изъ животныхъ ей свойственны преимущественно пушные звѣри и птицы» (стр. 11). Эти «птицы», свойственныя Сибири, это довольно таки прелестно. Другія страны мало знаютъ птицъ... Вѣдь если птицы особенность Сибири, то какъ же иначе понимать? Да и изъ богатствъ Сибири обиліе цѣнныхъ минераловъ и черноземной почвы чего нибудь да стоятъ же, не одни хвойные лѣса.

Довольно фантастичны представленія г. Смирнова и о расахъ, населяющихъ Азію. «Монгольское племя разселилось преимущественно по сѣверо-восточной части материка» (стр. 11). Такъ какъ Индо-Китай заселенъ монголами, а Якутское плато тюрками, то скорѣе даже юго-востокъ, а не сѣверо-востокъ Азіи заселенъ монголами. Правильнѣе всего сказать, что монголы живутъ въ восточной части материка. «Кавказское—на юго-западной» (*ib.*). Очевидно, г. Смирновъ еще не знаетъ о русской колонизаціи Сибири. «Малайское—занимаетъ полуостровъ Малакку и почти всѣ о-ва Зондскіе» (*ib.*). Надо прибавить Молукскіе о-ва, Филипинскіе, внутренность о. Гайнана (впрочемъ, совершенно забытаго г. Смирновымъ), восточныя горы Формозы. «Приблизительною границею между монгольскимъ и кавказскимъ племенемъ служатъ низовья Ганга, горы Гиммалайскія, *Гиндукушъ и сѣверная окраина Иранскаго плоскогорія*» (стр. 11). Это уже прямо безподобно. Оказывается, что вся Сибирь, Джунгарія, Восточный и Западный Туркестанъ населены монголами! Г. Смирновъ ихъ не умѣетъ отличить отъ тюрковъ, которые однако входятъ, какъ составная часть, въ великую кавказскую (бѣлую) расу, вмѣстѣ съ индо-европейцами и семитами. Забыть эту азбуку, составляя учебникъ географіи, внушать эти ложныя представленія учащемуся юношеству, какъ прикажете назвать этотъ подвигъ?

«Островъ Цейлонъ и южная часть Индостана населены чернокожимъ народомъ Дравида» (стр. 12). Я говорилъ выше

о происхожденіи Дравидійскихъ племенъ. Черная раса, покоренная монголами, образовала отъ смѣшенія съ ними прото-дравидійскую народность (которая понынѣ сохранилась въ малодоступныхъ горахъ центральнаго Индостана). Затѣмъ, покоренные тюрками, протодравидійцы, смѣшавшись съ покорителями, создали дравидійскую народность (тамиловъ, малабаровъ и др.). Они населяютъ южную Индію (въ ущельяхъ хребта Гатъ сохранились и чистые негры). Это, однако, не относится къ Цейлону, гдѣ дравидійцы— недавніе пришлецы и составляютъ меньшинство населенія. Сингалезы, составляющіе численно господствующую народность Цейлона, отнюдь не принадлежатъ къ дравидійской народности. Это метисы, происшедшіе отъ смѣшенія завоевателей арійской расы съ чернокожими туземцами. Племя Веддахи, сохранившееся въ малодоступныхъ лѣсахъ и джунгляхъ внутренняго Цейлона, признается остатками этой туземной народности. Безъ Веддаховъ можно и обойтись въ учебникѣ, но населить Цейлонъ дравидійцами— стыдная ошибка, или еще болѣе стыдное невѣжество.

«Въ Азіи получили начало всѣ важнѣйшія *религіи* земного шара, какъ полиѳеистическія — Браминская, Буддайская и пр., такъ и моноѳеистическія—Христіанская, Магометанская и Іудейская» (стр. 12). Буддизмъ причислять къ политеистическимъ религіямъ—очень стыдно. И что это такое за Будд*айская* религія? Принято говорить будд*ійская*. Вообще въ этомъ отношеніи г. Смирновъ очень либералъ. Онъ пишетъ Бомб*ай*, З*у*нгари, Нагаз*а*ки, и пр., вмѣсто общепринятаго начертанія Бомб*ей*, С*у*нгари, Нага*с*аки и т. д., какъ и полиѳеистическій вмѣсто поли*т*еистическій. Зачѣмъ это понадобилось? Только новое затрудненіе для учащихся.

Родина всѣхъ расъ, Азія, въ этомъ отношеніи представляетъ не только глубокій научный интересъ, но и сближая ихъ, сличая ихъ культуру и жизнеспособность, она можетъ служить прекраснымъ введеніемъ для ознакомленія съ расами, подготовленіемъ для ихъ изученія въ другихъ частяхъ, гдѣ онѣ, обрѣтя новое отечество, получили свое

полное опредѣленіе и выраженіе, бѣлая—въ Европѣ, черная — въ Африкѣ, малайская—въ Океаніи, красная — въ Америкѣ (аины Японіи и Сахалина, курильцы, камчадалы, коряки, чукчи нынѣ наукою все болѣе и болѣе сближаются съ американскими расами, указывая и для нихъ родину въ Азіи). Даже тѣхъ немногихъ несистематическихъ замѣтокъ, брошенныхъ нами выше мимоходомъ по разному поводу, достаточно, чтобы показать поучительность этого факта. Г. Смирнову, конечно, ни до чего подобнаго нѣтъ никакого дѣла. Все общее физико-географическое и этнографическое обозрѣніе Азіи изложено на двѣнадцати разгонисто напечатанныхъ страничкахъ!.. Правда, это почти совершенно обнаженная номенклатура... Для этого двѣнадцати страницъ много. Затѣмъ, политическое обозрѣніе занимаетъ еще 26 страницъ, всего же географія Азіи — тридцать восемь! Остановимся на кое-какихъ отмѣткахъ политическаго обозрѣнія.

Японской имперіи, пріобрѣвшей теперь такое крупное значеніе, учебникъ посвящаетъ двѣ страницы. Невѣрностей не особенно много, но пропусковъ такъ много, что не знаешь, на чемъ остановиться. Статистика отсутствуетъ. Пути сообщенія не указаны. Нѣтъ свѣдѣній о государственномъ устройствѣ, ни объ административномъ дѣленіи. О расѣ сказано, что одна и та же съ китайскою, между тѣмъ это смѣсь монгольскихъ завоевателей (не китайской, а скорѣе корейской или манджурской отрасли) съ туземцами, вѣроятно, родственными аинамъ. Раса рѣзко отличается отъ китайской. Далѣе: не упомянуты вовсе такія важныя владѣнія, какъ архипелагъ Пескадорскій и Бонинъ-Сима, островъ Чу-Сима. Не упомянутъ второй по значенію портъ Японіи, *Кобе*. О Нагасакахъ сказано только, что торгуетъ съ Китаемъ; забыта торговля съ Европою и стоянка русскаго флота. Не упомянутъ такъ же портъ *Хакодате*, имѣющій значеніе для сѣверной Японіи, и древняя резиденція *Міако*.

Индіи посвящено четыре страницы, но, если это только возможно, свѣдѣнія еще менѣе удовлетворительны, чѣмъ о

Японіи Индія — цѣлый міръ, болѣе разнообразный, чѣмъ міръ Европы. Учебникъ этого не изображаетъ. Индія населена расами: негритянскою (Веддахи, Тодды и другія племена мало доступныхъ горъ); протодравидійскою (центральныя горы); дравидійскою (Деканъ); сингалезскою (Цейлонъ); болѣе или менѣе чистою индо-европейскою (высшія касты индусовъ, брамины и кшатріи, а также народности патановъ и парсовъ); смѣсью индо-европейцевъ съ дравидійцами (низшія касты индусовъ); тюрками (джаты); монголами (племена, разбросанныя въ долинахъ Гималаевъ). Учебникъ знаетъ только индо-европейцевъ и дравидовъ; да неправильно именуетъ монголами гуркасовъ, господствующихъ въ Непалѣ. Этого слишкомъ мало.

Изъ религій въ Индіи исповѣдуется: *браминизмъ* въ двухъ своихъ развѣтвленіяхъ (*вишнуизмъ* на сѣверѣ и *сиваизмъ* на югѣ); *буддизмъ* тоже въ двухъ развѣтвленіяхъ (*ламаизмъ* на сѣверѣ и ортодоксальный буддизмъ—на югѣ, на Цейлонѣ); *исламъ*, особенно на сѣверо-западѣ; *джаинизмъ*, религія, родственная буддизму; *маздеизмъ*, древняя религія Зенд-Авесты, исповѣдуемая въ западной Индіи парсами, бѣжавшими изъ Ирана отъ арабовъ; *христіанство*, по преданію внесенное апостоломъ Ѳомою и, кромѣ того, распространенное европейскими миссіями. Изъ всѣхъ этихъ религій учебникъ упоминаетъ только о браминизмѣ! Тоже болѣе, чѣмъ мало.

Въ политическомъ отношеніи Индія распадается на области двухъ родовъ: англійскія владѣнія и вассальныя государства съ туземными правительствами. Учебникъ, кажется, даже не подозрѣваетъ о существованіи послѣднихъ. Между тѣмъ, между ними есть не мало интереснаго и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніи. Въ политическомъ очень важно могущественное мусульманское государство *Гайдерабадское* на Деканскомъ плато. Во многихъ отношеніяхъ интересно и мусульманское же владѣніе, *Кашмиръ*. Въ составѣ браминистскихъ владѣній надо отличать двѣ интересныхъ группы: *раджпутанскую* и *маратскую*, любопытныхъ по культурѣ и національному патріотизму. Между

другими владѣніями встрѣчаются нынѣ потерявшія значеніе, но славныя своимъ прошлымъ. Такъ на среднемъ Гангѣ лежитъ сохранившее лишь тѣнь автономіи владѣніе *Бенарское*. Здѣсь, однако, царевичемъ родился Будда. Отсюда же Асока управлялъ Индіей. Тутъ же расположенъ и Бенаресъ. Все это не интересуетъ г. Смирнова, и учащіеся даже и подозрѣвать не будутъ о существованіи всѣхъ этихъ владѣній и добросовѣстно будутъ считать всю Индію просто англійской провинціей.

По поводу Индіи г. Смирновъ пускается въ кое-какія соображенія: «Чрезмѣрное богатство страны изнѣжило ихъ (индусовъ) до того, что они время отъ времени легко были покоряемы иноземными завоевателями; ихъ безъ труда (?) покорилъ Александръ Македонскій. Лѣтъ 500 назадъ напали на Индостанъ монголы и основали тамъ магометанское государство подъ именемъ *Имперіи Великаго Могола*» (стр. 25). Чудная философія исторіи здѣсь соперничаетъ съ такимъ же чуднымъ невѣдѣніемъ, истинно блаженнымъ. Александръ Македонскій Индіи не покорилъ, а только два небольшихъ княжества въ Пенджабѣ, и покорилъ ихъ съ трудомъ, встрѣтивъ никакъ не изнѣженное, но очень воинственное населеніе, которое по уходѣ великаго македонскаго авантюриста немедленно прогнало греко-македонянъ, а затѣмъ отняло у нихъ и значительную часть нынѣшняго Кабулистана. Монголы напали на Индію не 500 лѣтъ тому назадъ, а 700, на порогѣ XIII вѣка, раньше вторженія въ Россію. Они опустошили Индію и ушли. Никакого государства не основывали, а тѣмъ менѣе магометанскаго, потому что и сами не были магометанами. Г. Смирнова ввело въ заблужденіе созвучіе словъ *Монголъ* и *Великій Моголъ*. Имперію Великаго Могола основалъ, какъ уже упомянуто, султанъ Баберъ. Его войско состояло изъ тюрковъ и иранцевъ. И это было не 500, а около 300 лѣтъ тому назадъ! И скучно, и грустно, и поучительно отмѣчать всю эту чепуху, выдаваемую за географію.

И свѣдѣнія объ индійскихъ городахъ у г. Смирнова очень устарѣли. Теперь не Мадрасъ, а *Коконадо* — главный

портъ Коромандельскаго берега; не Лагоръ, а *Симла* — важнѣйшій городъ Пенджаба. Г. Смирновъ забываетъ такъ же о французскихъ и португальскихъ владѣніяхъ въ Индіи (Пондишери, Гоа, Діу). Устарѣли свѣдѣнія и о мѣстныхъ произведеніяхъ. Нѣкогда въ самомъ дѣлѣ Цейлонъ славился кофейными плантаціями. Теперь онѣ тамъ рѣдкость, ихъ замѣнилъ чай. Андаманскіе острова, по мнѣнію г. Смирнова, служатъ мѣстомъ ссылки преступниковъ. Это было когда-то, но вслѣдствіе нездороваго климата они оставлены. Ихъ замѣнили острова Никобарскіе, тоже расположенные въ Бенгальскомъ заливѣ. Все это было бы даже забавно, еслибы не было грустно.

Обозрѣвая Малайскій архипелагъ, учебникъ ничего не знаетъ объ англійскихъ владѣніяхъ (Лабуанъ, сѣверный Борнео, Бали, часть Тимора и др.), имѣющихъ и для англичанъ, и для всемірной торговли очень большое значеніе. Едва ли не курьезнѣе еще, что при этомъ обозрѣніи совершенно пропущены Молукскіе острова, этотъ перлъ голландскихъ колоній, цѣлые вѣка ихъ обогащавшій своими пряностями, мускатомъ, гвоздикой и др. Долго торговля пряностями была монополіей голландцевъ и только въ самое послѣднее время эти драгоцѣнныя растенія разведены и въ другихъ мѣстахъ тропическаго пояса, но и до сихъ поръ вывозятся главнымъ образомъ съ Молукъ. О Филиппинскихъ островахъ упомянуто только, что они испанскіе. Хоть бы о сигарахъ не забыли. Въ 1896 году они были театромъ возстанія христіанскаго испано-малайскаго населенія.

Двѣ странички, посвященныя Ирану, тоже достаточно чепуховаты. Кабулъ и Гератъ, оказывается, лежатъ на двухъ концахъ дороги изъ Индіи въ Туранъ и *потому* имѣютъ важное коммерческое значеніе. Пройти изъ Индіи въ Гератъ черезъ Кабулъ—можно (ходилъ такъ Тимуръ), но это очень неудобно и въ коммерческихъ видахъ никто этимъ путемъ не пользуется. Обычный путь изъ Индіи въ Гератъ черезъ Боланское ущеліе и Кандагаръ (выше уже упомянутъ). Составъ населенія Иранскаго плоскогорія изображенъ поверхностно и невѣрно; пропущены цѣлыя важ-

ныя группы населенія: таджики, галчасы, хезарейцы, аймаки, туркмены, брагуи и др. Послѣдніе — дравидійцы, три предъидущихъ — тюрки. На западѣ пропущены — армяне, іезиды, арабы. Изложеніе болѣе, чѣмъ небрежное. Изъ городовъ Персіи не названъ самый важный — *Тавризъ*, не названа недавняя столица *Испаганъ*, ни одного порта въ Персидскомъ заливѣ (Бендеръ-Абасъ, Бендеръ-Буширъ, Мохамерай). Статистика по обыкновенію вполнѣ отсутствуетъ.

Съ Аравіей еще менѣе благополучно. Учебникъ знаетъ, что существуетъ какая-то независимая Аравія, но что это такое, надо полагать, не очень освѣдомленъ. По крайней мѣрѣ ни слова больше, кромѣ факта существованія. Можно подумать, что это одно государство, а ихъ пять (Шамаръ, Неджедъ, Неджранъ, Гадрамаутъ и Джауфъ). Если бы г. Смирновъ зналъ что нибудь о независимой Аравіи, онъ, вѣроятно, не удержался бы хоть нѣсколько строкъ дать о ней. Вѣдь эта страна *Вэхабитовъ*, особаго, въ высшей степени оригинальнаго вѣроисповѣданія, отложившагося отъ ислама и возникшаго на соціально-политической почвѣ. Въ турецкой Аравіи г. Смирновъ не отличаетъ Геджаса отъ Іемени, двухъ совершенно отличающихся областей, по природѣ и культурѣ. Онъ не называетъ ни одной гавани (Джедда въ Геджасѣ, Ходейда и Мокка для Іемени). И англійскія владѣнія въ Аравіи не вполнѣ извѣстны учебнику. Пропущенъ очень важный по жемчужнымъ ловлямъ *Караманъ* и политически важные острова *Хуріанъ-Муріанъ*.

Лежащая у нашихъ европейскихъ границъ, имѣющая такое большое значеніе для Европы, Азіятская Турція изображена такъ же неудовлетворительно. Начать съ того, что цѣлыя значительныя группы племенъ и народностей совершенно пропущены: Лазы, Іезиды, Зейбеки, Мароніты, Несторіане и др., въ совокупности составляющіе очень значительный элементъ. Распредѣленіе остальныхъ народностей дано поверхностное и невѣрное. «Турки-Османы — господствующій классъ населенія, преимущественно по городамъ» (стр. 35). Именно, не по городамъ, гдѣ больше сосредоточиваются греки, армяне, арабы. Турки сплошь

занимаютъ террасы Каппадокіи, Пафлагоніи и Фригіи; въ значительномъ числѣ великоармянскую; распространяются слабѣе къ берегамъ морей; въ Сирію и Месопотамію почти не проникли. «Курды—по склонамъ армянскаго нагорья». Надо бы сказать: «преимущественно по южному склону армянскаго нагорья, частью по самому нагорью», потому что сѣверный склонъ занятъ лазами, восточный — грузинами, а западный — турками и армянами. «Армяне — на армянскомъ нагорьѣ». Опять таки «преимущественно», а частью по всей Малой Азіи. «Друзы—въ Сиріи, въ Ливанскихъ горахъ» (*ib.*). До шестидесятыхъ годовъ друзы жили въ горахъ Антиливана, но послѣ ихъ усмиренія французами выселились на востокъ въ горы Гауранскія, гдѣ не дальше 1896 года произвели возмущеніе, лишь съ трудомъ подавленное турками.

Статистика, конечно, тоже отсутствуетъ. Государственное устройство, пути сообщенія, административное дѣленіе тоже не интересуютъ г. Смирнова и по отношенію къ Турціи. Изъ городовъ забыты очень крупные и важные— Алеппо, Антіохія, Александретта, Адана, Конія, Ангора и др. Попадаются курьезныя свѣдѣнія: «Родосъ—станція турецкаго флота»! Увы, нѣкогда была... Это на 38 страницѣ, т.-е. на послѣдней, посвященной Азіи. Да будетъ это и нашимъ послѣднимъ замѣчаніемъ объ этой части свѣта.

Не менѣе невѣжества обнаруживаетъ учебникъ и по отношенію къ другимъ частямъ свѣта. Суэцкій каналъ въ отдѣлѣ объ Азіи длиною 100 верстъ, а въ отдѣлѣ объ Африкѣ уже 150 верстъ (стр. 50). Въ Гвинеѣ учебникъ не знаетъ Дагомеевъ, Ашантіевъ, ни германскихъ владѣній въ Камерунѣ. Бушмены для г. Смирнова негры. Мадагаскаръ до сихъ поръ самостоятельное государство говасовъ. Республика Оранжевой рѣки названа полусамостоятельной, а Трансвааль—самостоятельнымъ. Слѣдовало бы наоборотъ. Абиссинія (которая почему-то пишется Абессинія, Abyssinia) почитается итальянскою колоніей, и т. д., и т. д. Если бы мы послѣдовали за г. Смирновымъ черезъ Атлантическій океанъ въ Америку, то мы тамъ нашли бы, пожалуй, еще

больше курьезовъ, невѣрностей, пропусковъ, прямого невѣжества. Однако, съ насъ довольно. Итоги ясны до очевидности. Основной, ничѣмъ непоправимый дефектъ учебника — это полная и совершенная неосмысленность, неистолкованность и безсвязность сообщаемыхъ свѣдѣній. Это не географія, а географическая номенклатура, одно обременительное упражненіе памяти, не дающее представленія о земномъ шарѣ. Къ этому основному недостатку надо прибавить чрезвычайное обиліе невѣрностей, порою изумляющихъ по своему безпросвѣтному невѣжеству. Пора, давно пора этотъ старый хламъ выбросить за бортъ и позаботиться, чтобы такой важный образовательный предметъ, какъ географія, получилъ подобающее мѣсто въ системѣ средней школы.

Въ заключеніе, укажу на слѣдующій поистинѣ замѣчательный фактъ. Я сличалъ разобранное выше тридцать пятое изданіе учебника г. Смирнова со вторымъ, вышедшимъ тридцать три года назадъ, въ 1864 году. Сличеніе это во всѣхъ отношеніяхъ не въ пользу изданія 1896 года. Учебникъ значительно ухудшился. Въ первыхъ изданіяхъ г. Смирновъ тоже не отличается дарованіемъ, но онъ пробуетъ найти хотя какую-нибудь аріаднину нить для странствія по этому лабиринту именъ. Онъ старается ихъ оживить и осмыслить, дѣлаетъ сравненія и сближенія, указываетъ связь и вліяніе. Видно вліяніе географовъ-мыслителей, изъ которыхъ кое-что заимствовано. Все это тщательно и окончательно истреблено въ рядѣ изданій до тридцать пятаго включительно. Общее пониженіе уровня нашей средней школы сказалось и въ этомъ самоискаженіи г. Смирнова. Не велики были достоинства его учебника и въ первыхъ изданіяхъ, потому что не велики таланты автора. Но тамъ былъ методъ, была идея, былъ осмысленно выбранный путь. Была, словомъ, попытка къ чему-то лучшему. А теперь? Пожалуй, и о старикѣ Ободовскомъ пожалѣть можно. Если назначить премію за худшій учебникъ географіи, то едва ли нашелся бы другой, болѣе достойный преміи, нежели учебникъ г. Смирнова.

Я хотѣлъ поговорить еще объ учебникахъ русской географіи. Полагаю, однако, что бесѣда моя о географическихъ учебникахъ и такъ затянулась. Мимоходомъ замѣчу только, что и съ наиболѣе распространеннымъ учебникомъ географіи Россіи г. Бѣлоха произошло нѣчто вродѣ метаморфозы учебника г. Смирнова. И учебникъ г. Бѣлоха въ теченіе тридцати лѣтъ все сокращали, покуда не сократили до сухой, ничего не говорящей уму, трудно заучиваемой, легко забываемой, номенклатуры... По этому пути порчи учебниковъ намъ, кажется, дальше идти некуда. Не пора ли остановиться и образумиться? Впрочемъ, прежде, чѣмъ заняться этими общими вопросами, мы еще заглянемъ въ учебники исторіи, не принесутъ ли хоть они намъ нѣкотораго утѣшенія?

VIII.

За нѣсколько вѣковъ до Р. Х., китайскія лѣтописи отмѣчаютъ впервые въ исторіи имя Гунновъ, которые изъ сѣверной Монголіи сдѣлали опустошительный набѣгъ въ предѣлы Китая. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе многихъ столѣтій эти набѣги и вторженія все усиливались и учащались, превращаясь, наконецъ, въ подлинныя нашествія. Въ началѣ II вѣка до Р. Х. Гунны производятъ особо тягостное и опустошительное нашествіе, причемъ послѣ вторженія уже не удаляются въ степи Монголіи, а основываются въ Западномъ Китаѣ, именно, въ тепершнихъ китайскихъ провинціяхъ Шензи и Гансу. Провинціи эти, лежащія въ горной странѣ на верховьяхъ великихъ китайскихъ рѣкъ, были первоначальною родиною китайскаго народа и китайской цивилизаціи. Китайцы отсюда спустились внизъ по теченію Гоанго и Янцекіанга, сначала долгое время распадаясь на два государства и двѣ народности (не вполнѣ слившіяся и по настоящее время). Отсюда же, изъ этихъ горныхъ твердынь, было удобно дѣлать вторженія въ оба китайскія государства, внизъ по теченію обѣихъ водныхъ артерій Китая. Здѣсь-то и устроились Гунны, въ 175 г.

до Р. Хр., продолжая другою частью своихъ ордъ кочевать по Монголіи. Свыше столѣтія это царство Гунновъ составляло постоянный бичъ Китая, истязуя и разоряя его непрекращающимися набѣгами, а отъ времени до времени и массовыми нашествіями, пока въ половинѣ I вѣка до Р. Х. не возникли въ ихъ собственной средѣ династическія междоусобія, приведшія къ распаденію имперіи Гунновъ на два царства: Сѣверное—въ Монголіи и Южное—въ Западномъ Китаѣ (послѣднее, обыкновенно, отличаютъ въ исторіи подъ именемъ царства Гунновъ-Эфталитовъ). Въ это самое время Китай, напротивъ того, объединился въ одну имперію и могъ противопоставить уже разрозненнымъ силамъ Гунновъ свои соединенныя силы. Первый ударъ направили китайцы противъ сѣверныхъ Гунновъ и рядомъ войнъ успѣли оградить свою сѣверную границу. Это усиленіе Китая и затруднительность обычныхъ вторженій заставили сѣверныхъ Гунновъ искать на западѣ болѣе привольныхъ, менѣе защищенныхъ странъ. Около времени Р. Х. произошла эта громадная миграція дикой монгольской орды на западъ. Въ началѣ нашей эры, разрушивъ нѣсколько тюркскихъ владѣній и вытѣснивъ Алановъ съ береговъ Иртыша, Гунны основали свою имперію въ Западной Азіи на территоріи между Уральскими и Алтайскими горами на сѣверѣ, Аральскимъ моремъ и Яксартомъ (Сыръ-Дарьей) на югѣ и р. Ураломъ на западѣ; Западная Сибирь, Киргизскія степи и значительная часть Чжунгаріи входили въ это грозное царство, поглотившее массу мелкихъ тюркотатарскихъ народцевъ, которые, слившись съ монголами-пришельцами, должны были скоро получить этническое преобладаніе, благодаря своей численности. Около этого времени появляются первыя извѣстія о Гуннахъ и въ памятникахъ западныхъ культурныхъ народовъ. Между прочимъ они отмѣчены и Птоломеемъ подъ именемъ Χοσνοι. Вытѣсненные ими Аланы производятъ опустошительныя вторженія въ страны Передней Азіи и заставляютъ говорить о страшныхъ ордахъ, стоящихъ за ихъ спиною. Въ III в.

по Р. Х. армянскій царь Тиридатъ уже обращается къ нимъ за помощью.

Между тѣмъ, раздѣлавшись съ сѣверными Гуннами, китайцы обращаютъ оружіе противъ южныхъ. Съ перемѣннымъ счастьемъ борьба продолжается около двухъ столѣтій, но въ началѣ III вѣка по Р. Х. и южная орда предпочитаетъ переселиться на западъ. Она покоряетъ тепершнюю Кашгарію и вторгается въ нынѣшній русскій Туркестанъ, раздѣленный въ то время на множество мелкихъ, частью иранскихъ, частью тюркскихъ владѣній. Послѣ упорной борьбы, Гунны-Эфталиты одерживаютъ рѣшительный успѣхъ и основываютъ могущественную имперію, включавшую весь нынѣшній Туркестанъ и Кашгарію, отъ верховьевъ великихъ китайскихъ рѣкъ до Каспійскаго моря. На сѣверѣ царство Южныхъ Гунновъ граничило съ царствомъ Гунновъ Сѣверныхъ; на югѣ были Индія и Персія, богатыя культурныя страны, на которыя и обратили вниманіе цари Гунновъ. Однако, грозная слава этой орды была такъ ужасна и такъ далеко распространена, что общая неминуемая опасность сплотила на этотъ разъ Индусовъ и Персовъ. Въ первый и послѣдній разъ въ исторіи многочисленныя индусскія ополченія взошли на иранское плоскогоріе не врагами, а союзниками. Здѣсь они соединились съ всенароднымъ ополченіемъ иранцевъ и вмѣстѣ направили свои силы на отраженіе страшнаго врага. Гунны были разбиты. Побѣдители послѣдовали за ними и послѣ упорной борьбы, при содѣйствіи возставшаго населенія, вытѣснили изъ Туркестана за Яксартъ на территорію Сѣверныхъ Гунновъ. Такимъ образомъ, разставшіяся три съ половиною вѣка тому назадъ двѣ отрасли Гунновъ снова слились въ одинъ народъ. Это произошло въ началѣ IV вѣка по Р. Х., а во второй половинѣ того же вѣка Гунны переходятъ Уралъ; разрушаютъ королевство Алановъ между Ураломъ и Дономъ; въ 375 году аттакуютъ королевство Остъ-готовъ (между Дономъ и Днѣстромъ); покоряютъ его и продолжаютъ наступленіе, вынуждающее Вестъ-готовъ (королевство между Днѣстромъ и Дунаемъ) перейти Дунай

въ предѣлы Византіи и этимъ открыть эпоху великаго переселенія народовъ. Покоривъ на среднемъ Дунаѣ Гепидовъ, Гунны здѣсь основываютъ средоточіе своей имперіи и отсюда начинаютъ свою миссію «мірокрушенія». Печальная миссія эта хорошо извѣстна. Стали хорошо извѣстны и сами Гунны представителямъ западнаго культурнаго міра. Въ войскахъ Гунновъ, кромѣ нихъ самихъ, было много и другихъ народовъ,—германцевъ (остъ-готы, гепиды), вѣроятно и славянъ, и особенно тюрко-татаръ, поглощенныхъ монгольскими ордами въ ихъ движеніи съ востока на западъ черезъ всю внутреннюю Азію. Тѣмъ не менѣе ядро составляли орды, хорошо сохранившія монгольскій типъ. Амміанъ Марцеллинъ, Іорнандъ и другіе источники того времени согласно описываютъ Гунновъ, какъ народъ сравнительно низкаго роста (сравнительно съ высокорослыми германцами и славянами), съ плоскими круглыми лицами, маленькими глазами, съ смуглою кожею и безъ бороды.

Читатель, быть можетъ, недоумѣваетъ, зачѣмъ я всю эту исторію о Гуннахъ разсказываю? Кто не знаетъ происхожденія Гунновъ, ихъ печальной антикультурной роли въ исторіи? Кто не знаетъ всего этого, спрашиваете вы: не знаетъ г. Иловайскій и его учебники исторіи, по которымъ поучаются уже нѣсколько десятковъ поколѣній и русской и всеобщей исторіи!.. Т.-е. рѣшительно ничего не знаетъ...

Судите сами. На стр. 253 *Древней Исторіи* г. Иловайскаго вы прочтете слѣдующее: «Около того времени въ Европу пришли изъ-за Волги дикіе Гунны, *восточно славянское племя*, которое тѣснили германцевъ и другихъ славянъ». Гунны — восточные славяне: коротко и ясно! Въ своей *Средней Исторіи* г. Иловайскій сначала выражается не столь рѣшительно и категорически, именно: «Въ точности неизвѣстно, къ какому племени принадлежали Гунны. Вѣроятнѣе всего, къ *Славянскому*» (стр. 12). Но этой похвальной нерѣшительности хватаетъ у г. Иловайскаго ненадолго. Уже на стр. 16 той же *Средней Исторіи* читаемъ: «Около половины V столѣтія одинъ изъ гуннскихъ князей, Аттила, истребивъ другихъ предводителей, соединилъ подъ своею

властью всѣ *Славяногунскія орды*», а на стр. 19: «Царство Гуннское раздѣлилось между сыновьями Аттилы. Подчиненные германскіе и западно-славянскіе народы возстали и свергли владычество *Гунновъ или Восточныхъ Славянъ*». Разсказывая въ другомъ мѣстѣ о древнихъ славянахъ, Иловайскій замѣчаетъ: «Но, любя мирную дѣятельность, Славяне умѣли мужественно сражаться, когда того требовала нужда, т.-е. опасность отъ внѣшнихъ враговъ, *а во время Аттилы они, подъ именемъ Гунновъ, потрясли почти всю континентальную Европу*» (стр. 91—92). Здѣсь же вы можете узнать, что и Сарматы были Славяне, а также и Болгаре (стр. 107).

Извѣстно, что г. Иловайскій издалъ цѣлое «изслѣдованіе», въ которомъ доказывалъ, что Гунны были Славянами. Это изслѣдованіе вызвало только улыбку и не удостоилось даже серьезнаго опроверженія. Въ самомъ дѣлѣ, надобно феноменальное невѣжество, чтобы изобрѣсти эту теорію и не нужно много учености, чтобы ясно видѣть ея полную несостоятельность. Въ теченіе болѣе тысячелѣтія китайскія и персидскія лѣтописи даютъ намъ исторію Гунновъ, полный списокъ ихъ царей, распаденіе и возсоединеніе, нашествія и переселенія, полную характеристику, постепенное движеніе съ Востока на Западъ. Можно спорить, монголы-ли они, или тюрки, но индо-европейцами они быть не могутъ, ни по мѣсту первоначальнаго жительства, ни по физическому типу, ни по характеристикѣ ихъ быта. Надобно ничего не знать и вовсе не понимать исторіи, чтобы измыслить это мнѣніе о славянскомъ происхожденіи Гунновъ. Болѣе яркаго примѣра историческаго невѣжества и придумать было бы трудно!

Г. Иловайскому естественно заблуждаться на счетъ своихъ познаній и на счетъ цѣнности измышленной имъ теоріи. Онъ, конечно, считаетъ ее истиной. Каждый имѣетъ право имѣть свое мнѣніе. Г. Иловайскій въ томъ числѣ, конечно. Каждый имѣетъ право высказывать и защищать свое мнѣніе. Нельзя отрицать это право и за г. Иловайскимъ. Но вотъ что можно за нимъ отрицать: это право

вводить непризнанное ученымъ міромъ мнѣніе въ учебникъ. Спорному не должно быть мѣста въ учебникѣ, и г. Иловайскій не имѣетъ права свои измышленія предлагать учащимся, какъ нѣчто установленное и общепризнанное. Онъ могъ написать, что Гунны неизвѣстнаго происхожденія, или что о происхожденіи Гунновъ существуютъ разныя мнѣнія, но догматически сообщать объ ихъ, якобы, славянскомъ происхожденіи онъ не могъ и права не имѣлъ. Можно только удивляться, какъ могъ разрѣшить въ учебникѣ подобное утвержденіе ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія. Вѣдь для чего-нибудь да разсматриваются имъ учебники...

IX.

Учебники г. Иловайскаго, въ теченіе болѣе, нежели тридцати лѣтъ, господствуютъ въ нашей средней школѣ, классической и реальной, мужской и женской, всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій. Они замѣнили собою учебники *Всеобщей Исторіи* В. Шульгина и *Русской Исторіи* С. Соловьева. Мильоны учениковъ выучились по учебникамъ г. Иловайскаго, усвоивъ отъ него представленіе объ историческомъ движеніи человѣчества. Яркій примѣръ, выше приведенный, обнаруживаетъ, что самъ г. Иловайскій имѣетъ очень недостаточное и довольно таки сбивчивое представленіе объ исторіи, а, слѣдовательно, едва-ли въ состояніи дать надлежащее представленіе и тѣмъ молодымъ поколѣніямъ, которыя обречены пользоваться его учебниками. Мы сейчасъ увидимъ, что приведенный примѣръ о Гуннахъ только болѣе яркій, но далеко не единственный примѣръ феноменальнаго невѣжества г. Иловайскаго.

Далѣе въ ссылкахъ своихъ я имѣю въ виду слѣдующія изданія г. Иловайскаго:

Сокращенное руководство ко всеобщей и русской исторіи. Курсъ младшаго возраста, изложенный преимущественно въ чертахъ эпизодическихъ и біографическихъ. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе двадцать второе. Москва. 1896 г.

Древняя исторія. Курсъ старшаго возраста. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе двадцать первое. Москва. 1895 г.

Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Часть вторая. Средніе вѣка. Изданіе двадцать первое. Москва. 1896 г.

Тоже. Часть третья. Новая Исторія. Изданіе двадцать первое. Москва. 1891 г.

Краткіе очерки русской исторіи. Курсъ старшаго возраста. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе тридцатое. Москва. 1895 г.

Эти пять книжекъ уже десятки лѣтъ обязательно усвоиваются мильонами учащихся, которые обязательно несутъ свою дань г. Иловайскому (за всѣ пять руководствъ — 3 р. 75 к., довольно много, если принять во вниманіе малую величину книжекъ и ихъ громадное распространеніе). Мы вправѣ спросить г. Иловайскаго, чему же онъ научаетъ наши молодыя поколѣнія? И позаботился ли онъ, хотя нѣсколько, ознакомиться съ предметомъ, которому поучаетъ столько времени, почти безъ конкуррентовъ?

„Исторія занимается собственно народами Кавказскаго или бѣлаго поколѣнія: одаренные превосходными духовными силами сравнительно съ другими народами, они одни достигли высшихъ степеней культуры. Монгольское или желтое поколѣніе только отчасти входитъ въ исторію, именно въ лицѣ Китайскаго (и Японскаго) народа, который имѣлъ свое самостоятельное развитіе, но замкнутое и одностороннее. Другая часть Монголовъ является въ исторіи съ характеромъ разрушительнымъ (монголо-татары). Народы Негрскаго или Чернаго поколѣнія остаются внѣ исторической жизни во все продолженіе древнихъ и среднихъ вѣковъ, потому что коснѣютъ на первоначальной ступени духовнаго развитія. Внѣ общей исторической жизни въ эти вѣка остаются такъ же поколѣнія Американское и Малайское; первое считается переходнымъ отъ Кавказскаго къ Монгольскому, а второе отъ Кавказскаго къ Негрскому". (*Др. Ист.*, 3).

Кѣмъ, однако, считается? Просто, собственное, довольно неудачное соображеніе г. Иловайскаго. Такъ начинаетъ г. Иловайскій свой «курсъ старшаго возраста». Это довольно сбивчивое и весьма неполное представленіе о расахъ можетъ конкуррировать по своей негодности съ самимъ учеб-

никомъ географіи г. Смирнова, гдѣ тоже царствуетъ полная путаница относительно человѣческихъ расъ. Г. Иловайскій, впрочемъ, еще продолжаетъ излагать о расахъ:

„Изъ Кавказскаго поколѣнія на поприщѣ исторической дѣятельности выступаютъ преимущественно двѣ главныя семьи народовъ: 1) *Индо-европійская* (не опечатка-ли?) или собственно *Арійская* и 2) *Семитическая*. Арійскую семью, имѣющую въ своихъ языкахъ общіе корни, составляютъ: Индусы, Персы, Греки, Латины, Кельты, Германцы, Литва и Славяне; а Семитическую—Финикіяне и Карѳагеняне, Евреи и Арабы. Къ Семитамъ по нѣкоторымъ признакамъ принадлежали Египтяне и Ассиро-Вавилоняне; первые съ примѣсью Кушитовъ или Эѳіоповъ, а вторые съ примѣсью Кушитовъ, Арійцевъ и Туранцевъ. Туранцы въ свою очередь представляли смѣсь бѣлой и желтой расы“ (*Ibidem*, 3).

Это замѣчательное «введеніе» вводитъ насъ никакъ не въ исторію Древняго Міра, а только въ невѣжество г. Иловайскаго. Въ этихъ двѣнадцати строкахъ столько ошибокъ, что право не знаешь, съ чего и начинать исправлять. Начнемъ съ начала. «Изъ Кавказскаго поколѣнія на поприщѣ исторической дѣятельности выступаютъ» не двѣ только семьи, но всѣ четыре: Индо-Европейская, Семитическая, Кушитская и Туранская. Индо-европейская раса въ настоящее время не называется уже арійскою, а это послѣднее имя присвоено только ея азіатской вѣтви, индо-иранцамъ. Въ перечисленіи индо-европейскихъ народовъ пропущены: иллирійцы, ѳракійцы, армяне, курды, филистимляне, мало-азійскія мелкія народности (фригійцы, ликіяне, карійцы и др.). Египтяне и Вавилоняне отнесены къ Семитамъ совершенно неосновательно, а Туранцы напрасно сдѣланы смѣсью Кавказской и Монгольской расъ. Есть на Востокѣ племена туранскія, представляющія такую смѣсь, но сама Туранская раса составляетъ одну изъ вѣтвей кавказской. Оказывается, такимъ образомъ, что *всѣ* свѣдѣнія, сообщаемыя г. Иловайскимъ въ приведенной цитатѣ, ошибочны и невѣрны.

Сдѣлавши Египтянъ семито-кушитами, г. Иловайскій измышляетъ цѣлую исторію ихъ происхожденія, излагая ее слѣдующимъ образомъ (*ibidem*, 9):

„Жители древняго Египта дѣлились на разныя касты или, скорѣе, на разныя сословія. Два изъ нихъ, жрецы и воины, были высшими господствующими сословіями, а остальные, т.-е. ремесленники, земледѣльцы, пастухи и пр., были низшими или подчиненными. Эти подчиненныя касты отличались отъ высшихъ болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи и толстыми губами, на подобіе Негровъ. Новѣйшіе ученые называютъ ихъ Кушиты или Хамиты; Кушъ—сынъ Хама. Они распространились съ юга изъ Эѳіопіи, и встрѣтились съ Семитическимъ племенемъ, пришедшимъ изъ Сиріи и имѣвшимъ болѣе бѣлый цвѣтъ кожи. Въ происшедшей борьбѣ послѣднее одержало верхъ и составило господствующія касты".

Какъ все хорошо, доподлинно извѣстно г. Иловайскому! «Новѣйшіе ученые», однако, ничего этого не знаютъ. «Новѣйшіе ученые» считаютъ Египтянъ чистыми кушитами, пришедшими при томъ же не съ юга (какъ прежде полагали), а съ сѣвера и распространившимися не внизъ по теченію Нила, а вверхъ. Египетскій языкъ, на которомъ написаны многочисленные памятники и на которомъ писали жрецы, былъ не семитическій, а кушитскій. Всѣ семитическіе языки, какъ и индо-европейскіе—флексическіе. Египетскій же языкъ—аглютинативный, какъ всѣ кушитскіе и туранскіе.

Нѣсколько страничекъ, посвященныхъ Египту, вообще, изобилуютъ курьезами. На стр. 6 сообщается, что «каждое лѣто отъ сильныхъ дождей, падающихъ на верховьяхъ Нила, *въ Абиссиніи*, рѣка выступаетъ изъ береговъ». Не въ Абиссиніи, а въ области великихъ озеръ, много южнѣе. Это элементарно.

«Вообще многіе законы и обычаи Египтянъ показываютъ, что они были умный, серьезный народъ. Такъ, во время пиршествъ, обыкновенно, приносили въ залу деревянное подобіе муміи, чтобъ напомнить пирующимъ о смерти» (—9). Очень умно и серьезно, не правда-ли?

«Вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря, тамъ, гдѣ возвышается хребетъ Ливанскихъ горъ, лежала страна, извѣстная въ Библіи подъ именемъ Ханаана» (—15). Несправедливо. Ханаанъ, или Палестина лежитъ южнѣе Ливана. «Ее населяли два родственныхъ народа: въ сѣверной

части *Финикіяне*, а въ южной *Евреи*» (*ibid.*). Опять не точно: Финикіане въ западной части, Евреи на юго-востокѣ. На стр. 19 Іерихонъ оказывается въ Іудеѣ, тогда какъ онъ лежалъ въ Ефремовомъ колѣнѣ, въ царствѣ Израильскомъ. Это, конечно, мелочи, но не характерно-ли, что ихъ не знаетъ составитель учебниковъ исторіи? Всѣ эти мелочи очень элементарны. Путаница съ происхожденіемъ Египтянъ, однако, вовсе не мелочь. Не мелочь такая же путаница и съ происхожденіемъ Вавилонянъ.

Мы уже видѣли, что въ введеніи г. Иловайскій назвалъ ассиро-вавилонянъ—семитами съ примѣсью кушитовъ, арійцевъ и туранцевъ. Самъ г. Иловайскій, однако, въ своей исторіи Ассиро-Вавилоніи не совсѣмъ согласенъ съ своимъ введеніемъ. Составъ и происхожденіе Ассиро-Вавилонскаго народа онъ такъ излагаетъ въ исторіи этого народа (стр. 21—22):

„Къ востоку отъ Ханаана, за Сирійскими степями, лежала Месопотамія (т.-е. междурѣчье) по рѣкамъ Евфрату и Тигру. Въ сѣверной части, около Арменіи, Месопотамія возвышенна и холмиста, а въ южной представляетъ ровную низменность. Эту низменность занималъ народъ *Вавилоняне*, названный такъ отъ своей столицы Вавилона. Сами себя жители Южной Месопотаміи называли Аккадійцами... Къ сѣверу отъ Вавилоніи, на лѣвомъ берегу Тигра, лежала гористая *Ассирія*, съ главнымъ городомъ Ниневіей. Въ Ассирійской народности преобладалъ элементъ Семитическій, а въ Вавилонской—Кушитскій. Въ сосѣдствѣ съ Вавилоніей, къ востоку отъ нея, въ Сузіанѣ, лежало древнее царство *Эламское*, гдѣ такъ же замѣтны сильные слѣды кушитской гражданственности или культуры“.

Здѣсь *все* несправедливо. Вавилоняне себя аккадійцами не называли, потому что вели свое происхожденіе отъ сліянія двухъ народовъ, *Сумиръ* и *Аккадъ*. Языкъ Сумирійскій до насъ дошелъ, какъ священный языкъ ассиро-вавилонской религіи. Это языкъ тюркскій. Объ этомъ никто давно не споритъ, и всѣ сходятся во мнѣніи, что однимъ изъ составныхъ элементовъ Вавилонскаго народа были туранцы. Точно не установлено еще, кто были аккадійцы? Большинство ученыхъ склоняется ихъ считать кушитами. Нѣкоторые же (Оппертъ) относятъ ихъ къ семитамъ, род-

ственнымъ ассирійцамъ. Такимъ образомъ, вавилоняне, по мнѣнію большинства, — турко-кушиты; по мнѣнію другихъ—турко-семиты. Никоимъ образомъ, только не семито-кушиты, какъ откуда-то взялъ г. Иловайскій. Что касается ассиріянъ, то ихъ рѣшительно всѣ считаютъ чистыми семитами и г. Иловайскій очень неудачно фантазируетъ, относя ихъ къ семито-кушитамъ, хотя и съ преобладаніемъ семитическаго элемента. Не менѣе фантастичны и свѣдѣнія г. Иловайскаго объ Эламѣ. Въ этой горной странѣ жили всяческія племена, кушитскія въ томъ числѣ, но царство Эламское было основано туранцами. Послѣ разрушенія этого царства Персами, получилъ преобладаніе элементъ индо-европейскій (иранскій), такъ что и слѣды культуры здѣсь находятъ либо туранской, либо иранской. Одинъ г. Иловайскій розыскалъ «сильные слѣды кушитской гражданственности или культуры».

Признаться, какъ то странно себя чувствуешь, отмѣчая эти элементарныя ошибки, свидѣтельствующія о глубокомъ невѣжествѣ составителя учебниковъ исторіи. Не менѣе странно читать въ изданіи, вышедшемъ въ 1895 году, басни о Нинѣ, Семирамидѣ, Сарданапалѣ не въ главѣ о легендахъ. Правда, изложивъ эти басни, какъ исторію Ассиріи, г. Иловайскій замѣчаетъ, что «самое (*само*) существованіе Нина и Семирамиды подвержено сомнѣнію» (стр. 22). Это слишкомъ мягко: не подвержено сомнѣнію, а просто отвергается это существованіе. Впрочемъ, не надо бы и сомнительное излагать.

Не менѣе замѣчательно представленіе г. Иловайскаго о буддизмѣ (стр. 41):

„За шесть вѣковъ до Р. Х. въ Индіи явился мудрецъ, прозванный Будда. Онъ былъ сынъ одного царя и готовился наслѣдовать престолъ; но вдругъ, оставивъ свои дворцы, снялъ дорогія одежды и, питаясь милостынею, отправился къ браминамъ пустынникамъ. Изучивъ ихъ мудрость, онъ нѣсколько лѣтъ предавался размышленію, подвергая себя въ то же время строгому посту и жестокимъ биченіямъ. Потомъ онъ началъ проповѣдывать народу терпѣніе, милосердіе, равенство людей, взаимную любовь и другія добродѣтели. Ученіе его нашло многихъ приверженцевъ и распространилось по

цѣлой Индіи. Но такъ какъ оно подрывало раздѣленіе на касты, то жрецы, не желая потерять свою власть, вооружали народъ противъ буддистовъ: произошли жестокія междоусобныя войны, и буддисты были изгнаны изъ Индіи. Они ушли въ другія страны и утвердили свое ученіе преимущественно въ Тибетѣ и Китаѣ: но тамъ съ теченіемъ времени эта религія измѣнилась и наполнилась грубыми суевѣріями. Она извѣстна подъ именемъ ламаизма. Отличительною чертою буддійскихъ мудрецовъ служитъ неподвижное, созерцательное состояніе, *нирвана*".

Учащіеся едва-ли вынесутъ какое-либо опредѣленное представленіе объ этомъ огромномъ историческомъ событіи, которое даже не изложено, хотя бы вкратцѣ. Что это за царство, изъ котораго произошелъ великій учитель? Какъ его имя даже? Въ чемъ главныя черты ученія? Какова исторія его распространенія? Ничего не сообщаетъ г. Иловайскій. Не упомянуто хотя бы однимъ словомъ обширное, могущественное буддійское государство, почти объединившее всю Индію. Знаменитый царь Асока былъ славенъ далеко за предѣлами Индіи. Нѣсколько столѣтій буддизмъ господствовалъ въ Индіи (Асока царствовалъ въ III в. до Р. Х., т.-е. черезъ 300 лѣтъ послѣ Будды) и только послѣ этого здѣсь началось возрожденіе національной брамаистской религіи, успѣвшей вытѣснить общечеловѣческую религію Будды. Первая по времени міровая религія, поднявшаяся надъ національными миѳологіями, прежде исключительно господствовавшими въ религіозномъ сознаніи человѣчества; первая признавшая *человѣка*, а не индуса, перса, китайца или грека, не жреца, воина или земледѣльца, не царя, вельможу или раба, признавшая и призвавшая человѣка, покорившая сердца сотенъ милліоновъ и нынѣ еще исповѣдуемая свыше полумилльярдомъ людей, этотъ буддизмъ заслужилъ лишь эти сбивчивыя, какъ-то вульгарно набросанныя строки, выше процитированныя отъ слова до слова! Къ тому же и въ этихъ немногихъ словахъ много невѣрнаго. Я уже указалъ, что совершенно пропущено время господства буддизма въ Индіи. Не сказано ничего о томъ, что и въ настоящее время существуетъ буддизмъ не только въ ламаитской формѣ. Нѣ-

сколько милліоновъ сингалезовъ исповѣдуютъ буддизмъ въ его чистой ортодоксальной формѣ. Наконецъ, на счетъ нирваны—объясненіе прямо курьезно. Нирвана — значитъ небытіе, отнюдь не созерцательное состояніе мудреца!

X.

Мы обозрѣли исторію Востока, какъ она изложена у г. Иловайскаго. Она изложена очень неполно и неясно, изобилуя массою ошибокъ, порою самыхъ элементарныхъ и непростительныхъ. Главный дефектъ ея, однако, даже не въ этомъ, а въ совершенномъ отсутствіи какой-либо связи и смысла въ этихъ неумѣлою и неискусною рукою собранныхъ данныхъ.

Исторія Востока есть первая глава великой книги человѣческой исторіи. Она пріуготовила классическую исторію, отъ которой непосредственно идетъ и современная европейская. Она же, исторія Востока, дала міру и всѣ три всемірныя религіи, покорившія весь родъ человѣческій своему авторитету. Начавшись на берегахъ Нила, Евфрата, Іордана, Окса, Инда и Гоанго шестью самостоятельно возникшими культурными центрами, она потомъ нѣсколько объединилась въ финикійскихъ сношеніяхъ и персидскихъ завоеваніяхъ и тѣми же финикійскими сношеніями и персидскими войнами передана на западъ греко-римскому міру. Ѳивы стовратыя и Вавилонъ—два главныхъ культурныхъ центра древняго восточнаго міра — впервые на землѣ создали науку и искусство. Греко-римляне были сначала только учениками вавилонской и египетской образованности. Въ не очень давнія времена свѣдѣнія наши объ исторіи Востока были очень скудны, заимствуемыя почти исключительно изъ отрывочныхъ мало достовѣрныхъ описаній древнихъ писателей классическаго міра, частью изъ Библіи. Въ настоящее время физіономія науки въ этомъ отношеніи измѣнилась до неузнаваемости. Прочтены древнія письмена, разобраны многочисленные памятники, изучено искусство,

языки, матеріальная и умственная культура. Цѣлые новые міры открылись наукѣ, раскрывая передъ нами тайну первыхъ шаговъ исторической жизни человѣчества. Все это, однако, не для г. Иловайскаго. Его изложеніе мало воспользовалось этими научными успѣхами, даже въ отношеніи фактовъ политической исторіи, мало отличаясь отъ блаженной памяти Кайданова и Смарагдова и положительно отставая, въ смыслѣ характеристики, отъ учебника Шульгина, написаннаго безъ малаго сорокъ лѣтъ тому назадъ. Характеристикъ восточныхъ культуръ, религій, міровоззрѣній, можно сказать, вовсе нѣтъ, такъ что даже недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось обременять память учениковъ всѣми этими Рамзесами, Навуходоносорами, Астіагами? Наборъ именъ безъ жизни и смысла...

Первыя цивилизаціи начались на берегахъ Нила, Евфрата и Гоанго, но прежде, чѣмъ стать цивилизованнымъ, этотъ древній человѣкъ былъ дикаремъ, проходилъ стадіи быта родового, общиннаго, племенного и лишь постепенно достигъ состоянія, при которомъ могъ заложить первыя основы исторической жизни. Не очень давно объ этихъ первобытныхъ стадіяхъ человѣчества извѣстно было очень немного, притомъ, данныхъ мало достовѣрныхъ и гадательныхъ. Теперь же наука раскрыла эти первобытныя судьбы человѣка и для насъ болѣе не тайна доисторическая жизнь человѣка, его бытъ, его радости и горести, его труды и успѣхи, его мнѣнія и воззрѣнія. Для г. Иловайскаго, во всякомъ случаѣ, это еще тайна и нѣсколькихъ вышеприведенныхъ нелѣпостей и несообразностей о расахъ для него достаточно, чтобы исчерпать введеніе въ исторію. Историческій человѣкъ для него является уже совершенно готовымъ и сразу начинаетъ строить пирамиды... Почему, однако, онъ началъ свою историческую миссію съ такихъ странныхъ экспериментовъ, какъ пирамиды или вавилонская башня? Если насъ, по мнѣнію г. Иловайскаго, не должно интересовать, какими путями человѣкъ подошелъ къ цивилизаціи, то, быть можетъ, онъ намъ позволитъ заинтересоваться, почему же этотъ человѣкъ первыми шагами своей

культурной жизни обнаружилъ это странное пристрастіе къ уродливымъ и для него же самаго тягостнымъ формамъ? Г. Иловайскій, однако, строгъ и послѣдователенъ. Онъ ничего не щадитъ и ничего понимать не желаетъ. Жилъ себѣ Хеопсъ, приказалъ выстроить пирамиду, Египтяне выстроили, и пирамида оная по сіе время стоитъ на своемъ мѣстѣ: чего же вамъ еще нужно, какого такого еще смысла и понманія? Или: былъ у Финикіянъ богъ именемъ Молохъ; ставя ему кумиры, Финикіяне дѣлали ему металлическія руки, которыя во время богослуженія накаливались и на эти раскаленныя руки страшнаго идола благочестивыя Финикіянки клали своихъ младенцевъ, принося ихъ въ жертву своему немилосердному божеству; младенцы погибали въ страшныхъ мукахъ, а ихъ родители считали себя великими самоотверженными подвижниками, исполнившими ужасный печальный долгъ! Какъ могла зародиться въ человѣческомъ мозгу такая чудовищная идея? Какъ могла она покорить умы многочисленнаго культурнаго народа? Вы объ этомъ ходите узнать отъ г. Иловайскаго? Напрасный трудъ. Сомнѣваюсь, чтобы подобные вопросы когда-нибудь даже приходили въ голову г. Иловайскому: такъ онъ далекъ отъ всякой мысли истолковать и понять излагаемое. Естественно, если при этомъ само изложеніе является блѣдно, неясно, сбивчиво. Вы даже не можете уяснить себѣ, почему г. Иловайскій приводитъ одни факты и пропускаетъ другіе. Критерія для этого вы напрасно искали бы во всѣхъ пяти книжицахъ его издѣлія. Чистая случайность руководила въ этомъ выборѣ фактовъ, очень скудныхъ и совершенно безсвязныхъ.

Почему, напр., совершенно пропущенъ Бактрійскій періодъ Иранской исторіи, а столь же баснословный Мидійскій изложенъ чуть ли не подробнѣе достовѣрнаго историческаго періода Персидскаго? Отчего упомянуто царство Эламское и совершенно забыто Сабейское? Отчего нѣтъ хотя бы краткаго очерка Китайской и Японской исторіи? Все это, конечно, праздные вопросы, потому и самъ г. Иловайскій не знаетъ, чѣмъ онъ руководствовался, отводя

мѣсто для никогда не существовавшей Семирамиды и не упоминая о такомъ крупномъ историческомъ дѣятелѣ, какъ Асока?

Оставимъ, однако, древній Востокъ. Его сравнительно недавно изучили, и г. Иловайскій, быть можетъ, еще не успѣлъ узнать объ этомъ. Обратимся къ классическому міру. Здѣсь все такъ давно изучено, обслѣдовано, установлено. Къ тому же для классической школы это наиболѣе важный отдѣлъ. Ему, въ самомъ дѣлѣ, по программѣ министерства и по учебнику г. Иловайскаго, отведено наиболѣе мѣста. Востоку отведено сорокъ двѣ страницы, всей Средней Исторіи—двѣсти двадцать, Новой и Новѣйшей вмѣстѣ—двѣсти шестьдесятъ восемь, а греко-римской—двѣсти пятьдесятъ! Если принять во вниманіе количество данныхъ, подлежащихъ включенію въ тотъ или другой отдѣлъ, то сказавши, что классической исторіи предоставлено мѣста вдесятеро болѣе, нежели, напр., новой, мы будемъ очень умѣренны. Говорю это я вовсе не въ осужденіе. Исторія классическаго міра—книга, высоко поучительная и можно только желать, чтобы исторія эта усваивалась молодыми поколѣніями со всѣмъ неисчерпаемымъ разнообразіемъ ея идей, чувствъ, образовъ, подвиговъ... Г. Иловайскій человѣкъ очень не даровитый. Ожидать отъ него изображенія этой увлекательной картины, сколько-нибудь достойнаго этого великаго сюжета, было бы требовать невозможнаго. Совершенно безъ всякаго воображенія, безъ способности понимать взаимную связь явленій, съ удивительнымъ, даже для гимназическихъ учебниковъ, поистинѣ суконнымъ языкомъ, что можетъ онъ дать намъ и представить изъ этой чудной жизни, полной красокъ и движенія, исполненной доблести и генія? По дарованіямъ г. Иловайскаго, отъ него можно требовать одного: знанія излагаемыхъ фактовъ, вѣрности изложенія. Однако, и въ этомъ отношеніи далеко не все обстоитъ благополучно въ разбираемомъ учебникѣ, даже въ отдѣлѣ классической исторіи, гдѣ, кажется, невозможно ошибиться.

Попадаются прямо курьезы. На стр. 50 Троянцы названы единоплеменниками Грековъ... Въ какомъ смыслѣ,

однако? Если въ томъ же смыслѣ, въ какомъ это можно сказать о Ѳракійцахъ или Фригійцахъ, то пожалуй, т.-е. на почвѣ индо-европеизма. На слѣдующей страницѣ сообщается: «Окончаніе разсказовъ о Троянской войнѣ мы узнаемъ изъ другихъ поэмъ, преимущественно изъ *Энеиды*, которую написалъ римскій поэтъ Виргилій». Окончаніе Троянской войны разсказано Гомеромъ же въ Одиссеѣ. Это можно бы было не забыть. На стр. 62 читаемъ: «*Лаконика* или *Лакедемонъ* составляла юго-восточную часть Пелопонеса». Лакедемонъ? Неужели?... Историку, составителю учебниковъ и преподавателю исторіи слѣдовало бы знать, что *Лаконія* (пусть будетъ *Лаконика*, если угодно) есть, дѣйствительно, страна, а *Лакедемонъ*—только городъ, расположенный въ этой странѣ. Этотъ городъ имѣлъ и другое названіе, именно *Спарты*. Однако, *Лакедемонянами* именовались всѣ постоянные жители этого не безъизвѣстнаго въ исторіи города, а *Спартанцами* только привилегированная часть, полноправые граждане. Въ виду этого немаловажнаго различія, оба названія имѣли свой raison d'être. Если хотите, можно назвать *Спарту* историческимъ именемъ знаменитаго города, а *Лакедемонъ* — географическимъ. То и другое, однако, настолько громко и славно, что не знать точнаго смысла, какъ будто, и стыдно! На стр. 84 изображено: «Сосѣдняя съ Беотіей *Ѳокида*...» и т. д. Беру смѣлость увѣрить г. Иловайскаго, что надо писать *Фокида*... За то онъ совершенно напрасно пишетъ *Фукитидъ* (стр. 136) вмѣсто *Ѳукитидъ*... На стр. 148—149: «Онъ (Александръ Македонскій) предпринималъ походъ *на востокъ* отъ Египта по Ливійской песчаной пустынѣ въ оазисъ, на которомъ находился храмъ и оракулъ Юпитера Аммона...» Оазисъ этотъ лежитъ, однако, не къ востоку, а *къ западу* отъ Египта, къ югу отъ Киренаики... Еще подобный же примѣръ: «Между тѣмъ Аѳиняне были окончательно побѣждены Спартанцами. Лизандръ истребилъ Аѳинскій флотъ у береговъ Малой Азіи, при устьѣ рѣки Эгосъ-Потамоса...» (стр. 126). Только не въ Малой Азіи протекаетъ Эгосъ Потамосъ, г. Иловайскій, не въ Малой Азіи, а во Ѳракіи.

Быть можетъ, скажутъ, что все это мелочи. Конечно, мелочи, но столь элементарныя, что запутаться въ нихъ и наврать можно только при совершенномъ незнакомствѣ съ предметомъ изложенія. Смѣшать Лакедемонъ съ Лаконіей; отправить мѣсто знаменитой битвы, сломившей Аѳины, изъ Европы въ Азію; помѣстить оазисъ Аммона къ востоку отъ Египта; путать транскрипцію греческихъ собственныхъ именъ, что же это такое, какъ не явное обнаруженіе незнакомства съ предметомъ? Дѣло въ томъ, что человѣку грамотному не трудно скомпилировать историческій учебникъ по какому-нибудь готовому иностранному руководству, но если онъ самъ невиненъ въ знакомствѣ съ исторіей, то эта невинность и обнаружится именно на подобныхъ элементарныхъ мелочахъ... Впрочемъ, можемъ отмѣтить и не мелочи.

«Ни во что сами не вѣруя, софисты искали только славы и денегъ; отвергая положительное знаніе, они съ равнымъ искусствомъ оспаривали или защищали одинъ и тотъ же предметъ, одну и ту же мысль, смотря по обстоятельствамъ или по желанію слушателей» (стр. 131). Загляните, г. Иловайскій, въ любой учебникъ по исторіи философіи изъ вышедшихъ въ послѣдніе четверть вѣка и вы найдете, что софисты представляли философскую школу, имѣвшую опредѣленное міровоззрѣніе и только его, это міровоззрѣніе, защищавшую... Въ XVIII вѣкѣ можно было бы написать эти строки, но не на порогѣ XX вѣка!

Если уже съ отдѣломъ о Греціи обстоитъ у г. Иловайскаго не все благополучно, то съ Римомъ дѣло много хуже. Тутъ такъ много неблагополучія, что затрудняешься въ выборѣ примѣровъ. Ограничусь немногимъ, самымъ необходимымъ, но яркимъ.

Первыя девять страницъ Римской Исторіи посвящены г. Иловайскимъ эпохѣ царей и затѣмъ столько же—времени республики до Гракховъ! Т.-е. расцвѣту римской внутренней исторіи столько же, сколько баснямъ и легендамъ, нынѣ уже не вводимымъ даже въ спеціальные курсы римской исторіи. Въ многотомной знаменитой Римской Исторіи

Моммсена совсѣмъ нѣтъ періода царей. Это дѣло исторіи литературы, когда рѣчь идетъ о Титѣ Ливіѣ. Г. Иловайскій думаетъ иначе. Онъ послѣдовательно излагаетъ намъ исторіи всѣхъ этихъ Ромуловъ, Помпиліевъ, Тарквиніевъ и даже, представьте себѣ, съ нѣкоторымъ скептицизмомъ! Онъ не всему вѣритъ, что сообщаетъ легенда, и вноситъ отъ себя поправки. Напр., на стр. 168 читаемъ: «Въ Альбалонгѣ царствовалъ нѣкогда добродушный Нумиторъ; онъ былъ свергнутъ злымъ своимъ братомъ Амуліемъ. Послѣдній велѣлъ дочь Нумитора, Рею Сильвію, посвятить въ весталки, чтобы отъ нея не было никакого потомства. Но Рея Сильвія отъ Марса, бога войны, родила двухъ близнецовъ, Ромула и Рема. Амулій велѣлъ Рею Сильвію похоронить живую, какъ это дѣлали съ провинившимися весталками, а дѣтей ея бросить въ Тибръ. Разлившаяся рѣка отнесла корзину съ двумя малютками къ подошвѣ Палатинскаго холма, гдѣ нашелъ ее одинъ пастухъ, который воспиталъ ихъ вмѣсто своихъ сыновей». Однако, гдѣ же волчица, ихъ воспитавшая? Безпощадная историческая критика г. Иловайскаго ее устранила и замѣнила пастухомъ... Надо полагать, что у пастуха была и пастушка: иначе волчица была, пожалуй, незамѣнима. Устранивъ волчицу, въ качествѣ кормилицы Ромула и Рема, г. Иловайскій Марса оставилъ ихъ отцомъ: онъ строгъ, но справедливъ.

Хоть и сынъ бога, Ромулъ былъ все-таки смертенъ. Не скрываетъ этого обстоятельства отъ насъ и г. Иловайскій. Послѣ него Римляне, по свидѣтельству г. Иловайскаго, избрали царемъ Нуму Помпилія. «Преданіе описываетъ его человѣкомъ миролюбивымъ и набожнымъ (повѣствуетъ намъ г. Иловайскій, стр. 170). Онъ является устроителемъ внутренняго порядка и религіозныхъ обрядовъ. Онъ построилъ алтари и храмы, установилъ религіозныя церемоніи, празднества, жертвоприношенія и раздѣлилъ жрецовъ на разные классы для служенія главнымъ божествамъ; онъ старался также пріохотить Римлянъ къ земледѣлію, роздалъ гражданамъ земли, завоеванныя Ромуломъ, и, чтобы вну-

шить уваженіе къ собственности, посвятилъ грани полей особому божеству Термину. Миръ и тишина господствовали въ Римѣ во все долгое царствованіе Нумы Помпилія, и построенный храмъ двуликаго Януса оставался затвореннымъ. Онъ растворялся только во время войны». Все это очень хорошо и трогательно, и можно порадоваться, какъ много знаемъ объ этихъ далекихъ временахъ. Иностранные историки, всѣ эти Нибуры, Моммсены и, какъ ихъ тамъ еще называютъ, ничего этого не знаютъ... «Наши» не имъ чета. И при томъ, все-таки, и съ критикою. Чудесному окончанію правленія Нумы Помпилія не довѣрился и г. Иловайскій. Оставилъ онъ безъ упоминанія и знаменитую подругу Нумы, нимфу Эгерію. Очень мнѣ жалко прелестной нимфы, no amicus Plato sed veritas magis... Г. Иловайскій, вѣроятно, имѣетъ такія же вѣскія основанія не вѣрить въ нимфу Эгерію, какъ и въ волчицу Ромула... Ему и книги въ руки.

Все это было бы очень смѣшно и забавно, еслибы это изображено было не въ учебникѣ. Здѣсь же это очень грустно. О началѣ Рима мы имѣемъ теперь довольно опредѣленное представленіе безъ всякихъ легендъ. Можно было бы и легенды привести, но тогда и волчицу, и нимфу, и все прочее, что даетъ колоритъ сказанію, а то достовѣрной исторіи совсѣмъ нѣтъ, легенда же излагается съ поправками, въ родѣ какъ бы подлинная исторія!

Г. Иловайскій, такъ хорошо знающій другимъ ученымъ неизвѣстныя судьбы первыхъ годовъ Рима, дальнѣйшіе годы знаетъ гораздо хуже. На стр. 262: «Но впослѣдствіи съ уравненіемъ правъ, *когда въ народные трибуны избирались равно патриціи и плебеи*, трибуны сдѣлались сановниками». Въ республиканскій періодъ трибуны избирались всегда только изъ плебеевъ. Чтобы попасть въ трибуны, патриціи усыновлялись плебеями, чрезъ что пріобрѣтали права плебейства. Прямо такъ, какъ патриціи, они не могли бы попасть въ трибуны. Это очень крупное незнакомство съ основами Римскаго строя.

Неладное недоразумѣніе встрѣчаемъ мы и на стр. 215:

„Въ это время Римъ едва не сдѣлался жертвою большого заговора. Одинъ промотавшійся, обремененный долгами аристократъ, по имени Сергій Катилина, составилъ заговоръ вмѣстѣ съ подобными ему буйными людьми. Они задумали съ помощью самой низкой черни и грубыхъ жадныхъ солдатъ свергнуть республиканское правительство, перебить лучшихъ гражданъ и захватить государство въ свои руки. Но всѣ замыслы ихъ уничтожены Цицерономъ".

Такъ въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда, со словъ Цицерона, разсказывалась эта темная исторія о Катилинѣ. Но это было давно. Теперь дѣло излагается безпристрастнѣе. Катилина былъ разоренъ и обремененъ долгами, вѣроятно былъ честолюбивъ, но отсюда до гнусностей, въ которыхъ его обвинялъ Цицеронъ, очень еще далеко. Катилина съумѣлъ пасть героемъ, чего, какъ извѣстно, не съумѣлъ сдѣлать Цицеронъ. Хоть бы съ Моммсеномъ справлялся г. Иловайскій... Не написалъ бы тогда онъ этихъ строкъ, столь же мало умѣстныхъ, какъ и вышецитированныя о софистахъ. И тѣ и другія были и ко времени и къ мѣсту у старика Кайданова, но не въ 1897 году.

Попадаются и прямо курьезы. Вы знаете, почему Брутъ возсталъ противъ диктатуры Юлія Цезаря? Г. Иловайскій это хорошо знаетъ и любезно сообщаетъ: «ведя происхожденіе отъ того Брута, который прославился при учрежденіи республики, онъ хотѣлъ слѣдовать примѣру предка» (стр. 233). Такъ какъ прямыхъ свѣдѣній о подобныхъ побужденіяхъ Юнія Брута намъ исторические источники не оставили, то ясно, что г. Иловайскій прочелъ о нихъ въ сердцѣ Брута, въ давно истлѣвшемъ сердцѣ! Сердцевѣдѣніе—во всякомъ случаѣ замѣчательное, а проницательность—изъ всѣхъ рядовъ выдающаяся...

Смыслъ и значеніе классической культуры и классической исторіи—впервые въ мірѣ установить условія правильнаго поступательнаго (прогрессивнаго) развитія человѣческихъ обществъ. Всѣ восточныя цивилизаціи, несмотря на относительно высокую ступень, достигнутую нѣкоторыми, были цивилизаціями цикличными, фатально обреченными на упадокъ послѣ періода расцвѣта. Многоженство, отсутствіе свѣтскаго просвѣщенія, военный диспотизмъ,

національнизмъ въ религіи, взаимное разобщеніе и непримиримая вражда, — вотъ тѣ факторы, которые, въ большей или меньшей степени, были присущи всѣмъ культурамъ древняго Востока и которые неизбѣжно приводятъ къ вырожденію и упадку. Единоженство и отсутствіе диспотизма въ греко-римскомъ мірѣ, а въ частности свѣтское просвѣщеніе Греціи и свободная гражданская жизнь Рима явили міру первый примѣръ прогрессивнаго общества. Рабство и могучее вліяніе восточныхъ цивилизацій привели въ концѣ концовъ и классическій міръ къ вырожденію и упадку, но міръ этотъ оставилъ новоевропейскому богатѣйшее наслѣдство, обезпечившее новымъ культурамъ ихъ прогрессивное развитіе. Конечно, напрасно вы будете искать у г. Иловайскаго хотя бы малѣйшихъ слѣдовъ представленія объ этой сущности Древней Исторіи. Многочисленныя же элементарныя ошибки обнаруживаютъ, что для пониманія этой исторіи г. Иловайскому недостаетъ не только дарованій, но и прямо свѣдѣній. Конечно, еще менѣе, нежели Древнюю Исторію, способенъ нашъ авторъ уразумѣть новую, болѣе сложную и требующую побольше свѣдѣній. Взглянемъ бѣгло на «ученость» г. Иловайскаго и по этому отдѣлу его учебниковъ.

XI.

Особенно трогательна ученая невинность г. Иловайскаго по части европейскаго просвѣщенія и культуры. Здѣсь она доходитъ порою до райской безгрѣшности и, очевидно, г. Иловайскій еще не нашелъ своей Евы, которая бы искусила его на грѣхъ историческаго познанія.

На стр. 55 сообщается, что Тридентскій Соборъ, въ 1538 году, установилъ догматъ непогрѣшимости папъ! Папа Пій IX не справился съ учебникомъ г. Иловайскаго и, очевидно, только потому вздумалъ вновь проводить этотъ догматъ на Ватиканскомъ Соборѣ въ 1870 году, а неучившіеся по учебнику г. Иловайскаго Дюпанлу. Штросмайеръ и другіе католическіе богословы возражали противъ новаго

догмата! Очевидно, только по незнанію... Имъ бы заглянуть предварительно въ *Новую Исторію* г. Иловайскаго! Тридентскій Соборъ, конечно, не устанавливалъ догмата непогрѣшимости римскихъ папъ и, по своему характеру, не могъ его установить. Это былъ реформаторскій соборъ, желавшій рядомъ преобразованій ослабить справедливую критику протестантовъ. Ультрамонтанство, проведшее въ XIX в. догматъ непогрѣшимости, не имѣло силы въ Тридентѣ въ XVI вѣкѣ, такъ что сообщеніе г. Иловайскаго является не только элементарною ошибкою, но и обнаруживаетъ совершенное незнакомство автора съ исторіей и характеромъ излагаемаго событія. Это не только ошибки, но и невѣжество... Человѣкъ образованный не могъ бы ее сдѣлать.

Блестящая образованность г. Иловайскаго обнаруживается съ особенною силою, когда онъ касается литературы. Такъ, пропустивъ въ очеркѣ французской литературы XVI—XVIII вв. такія крупныя имена, какъ Монтень и Лесажъ (стр. 76—79), нашъ авторъ дѣлаетъ какъ будто попытку одинъ изъ этихъ пропусковъ исправить въ очеркѣ французской литературы XVIII в. Здѣсь, на стр. 142, читаемъ: «Испорченнымъ нравамъ высшаго французскаго общества въ XVIII вѣкѣ соотвѣтствовала и литература многочисленныхъ романовъ, которые отличались грязнымъ содержаніемъ. Напримѣръ, романъ Десада *Похожденіе Жильбласа*»!.. Что сказать объ этой удивительной тирадѣ? *Жиль-Блазъ* написанъ не *Десадомъ*, а *Лесажемъ*. Онъ, по справедливости, считается однимъ изъ выдающихся произведеній французской литературы, понынѣ читается и перечитывается всѣмъ образованнымъ міромъ и ничего грязнаго въ себѣ не заключаетъ. Есть грязное произведеніе французской литературы XVIII вѣка, озаглавленное *Фо-блазъ*: не его ли смѣшалъ г. Иловайскій съ *Жиль-Блазомъ*? Однако и «Фо-Блазъ» написанъ *Лувe*, извѣстнымъ жирондистомъ, а не Десадомъ... Послѣдній жилъ въ концѣ XVIII вѣка и написалъ не мало не только грязныхъ, но прямо порочныхъ произведеній и ничего общаго съ Лесажемъ не имѣетъ

и имѣть не можетъ. Въ концѣ-концовъ, Десадъ угодилъ въ сумасшедшій домъ, а теперь его именемъ называютъ особую душевную болѣзнь, именно эротическую жестокость. Объ этой патологической литературѣ можно и не упоминать въ учебникѣ исторіи (это дѣло учебника психіатріи), но смѣшивать Десада съ Лесажемъ, и Жиль-Блаза съ Фоблазомъ, —это такая тонкая образованность, которую, признаться, даже отъ г. Иловайскаго ожидать было не легко!

Послѣ этого, нечего удивляться, если въ обзорѣ французской образованности, кромѣ названныхъ уже лицъ, пропущены и такія крупныя фигуры, какъ Кондильякъ, Кондорсе, Биша, Ламаркъ, Лагранжъ и мн. др. Какъ понимаетъ г. Иловайскій упоминаемыхъ имъ Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Гельвеція, послѣ сказаннаго не трудно представить себѣ. Приведемъ кое-что изъ этихъ характеристикъ. Вѣдь онѣ, эти характеристики, многимъ поколѣніямъ нашего учащагося юношества, однѣ дали понятіе о великихъ умахъ XVIII вѣка.

Вотъ напр. какъ характеризуется Руссо (привожу отъ слова до слова, со стр. 141):

„Жанъ-Жакъ Руссо былъ сынъ женевскаго часовыхъ дѣлъ мастера и молодость свою провелъ въ нуждѣ и скитальчествѣ, переходя отъ одного ремесла къ другому. Наконецъ, онъ прибылъ въ Парижъ и жилъ здѣсь преимущественно перепискою нотъ. Дижонская академія въ это время объявила для сочиненія на премію слѣдующую тему: *Науки и искусство помогли-ли улучшенію нравовъ?* Руссо написалъ книгу, въ которой краснорѣчиво доказывалъ, будто бы просвѣщеніе повредило человѣчеству, потому что удалило его отъ первобытной простоты и увеличило его страданія. Академія присудила ему премію. Эта книга положила начало его извѣстности, такъ какъ она пришлась по вкусу многимъ читателямъ, недовольнымъ современнымъ состояніемъ общества. Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ (*Общественный Договоръ*, *Эмиль* и др.) онъ продолжалъ развивать ту же мысль и выставлять идеаломъ такое общество, гдѣ нѣтъ никакихъ стѣсненій, и гдѣ люди живутъ близко къ природѣ, забывая, что такой идеалъ близокъ къ состоянію дикарей. За эти сочиненія онъ подвергся гоненію: его романъ *Эмиль*, по приговору парижскаго парламента, былъ сожженъ рукою палача, а Руссо долженъ былъ бѣжать изъ Франціи. Впослѣдствіи онъ опять воротился въ Парижъ и кончилъ свою жизнь, какъ полагаютъ, самоубійствомъ (1778 г.).

Послѣднее сомнительно. Не точно и замѣчаніе, что Руссо въ молодости переходилъ отъ одного ремесла къ другому. Изъ ремеслъ онъ занимался только граверствомъ, но ему приходилось служить и прислугою, и писцомъ, и церковнымъ пѣвчимъ. Никто, однако, не называетъ этихъ занятій ремеслами... Ошибка эта не изъ важныхъ, но не характерно-ли, что г. Иловайскій не можетъ не наврать даже въ нѣсколькихъ строкахъ? За то и важности первостепенной слѣдуетъ считать ложное представленіе объ идеяхъ и міровоззрѣніи знаменитаго женевскаго мыслителя. Руссо, дѣйствительно, находилъ, что современныя культурныя условія и учрежденія портятъ человѣка. По его мнѣнію, человѣкъ рождается (не только рождался въ вѣкъ Астреи, но и теперь всегда и непремѣнно рождается) склоннымъ къ добродѣтели и благородству. Если, несмотря на это, міръ полонъ зла, порока и преступленія, горя, нужды и страданія, то въ этомъ виновны неправыя учрежденія, созданныя человѣкомъ, и неправыя недостойныя понятія, которыхъ онъ держится. Поэтому, прославленіе первобытнаго состоянія есть одна изъ иллюстрацій этого міровоззрѣнія, сущность котораго въ безпощадной критикѣ всего современнаго ему строя западно-европейскихъ учрежденій и понятій и въ проповѣди новыхъ основъ въ такъ называемыхъ *естественныхъ правахъ человѣка*, строго вытекающихъ изъ представленія объ его естественныхъ добродѣтеляхъ. Совершенное дискредитированіе современнаго государственнаго строя и провозглашеніе естественныхъ правъ человѣка,—за это воздвигнуть гоненіе и преслѣдованіе довольно понятно и натурально, но не за идиллію блаженства первыхъ людей! Эти именно идеи Жанъ-Жака были положены въ основу декларацій человѣческихъ правъ и американской, и французской революцій. За эти идеи до сихъ поръ идетъ борьба и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Смѣю увѣрить г. Иловайскаго, что не за прославленіе первобытнаго состоянія, кромѣ котораго г. Иловайскій ничего не нашелъ у Руссо. Г. Иловайскій, впрочемъ, не замѣтилъ и *Новой Элоизы*

Руссо, романа, имѣвшаго, конечно, значеніе гораздо больше цѣлаго десятка Десадовъ.

Едва-ли не легкомысленнѣе еще отнесся г. Иловайскій къ характеристикѣ Вольтера, столько десятилѣтій царившаго своей мыслью надъ всѣмъ образованнымъ человѣчествомъ. Если оставимъ біографическія данныя, столь-же однако краткія, поверхностныя и не критическія, какъ и о Руссо, то вся характеристика Вольтера-мыслителя заключается въ слѣдующихъ проницательныхъ строкахъ (стр. 140): «Вольтеръ въ своихъ произведеніяхъ преимущественно нападалъ на власть католическаго духовенства, которое снисходительно смотрѣло на народные предразсудки и суевѣрія, но въ этихъ нападеніяхъ онъ легкомысленно не щадитъ и самого христіанства». И это все, что счелъ нужнымъ намъ повѣдать г. Иловайскій! Объ этомъ-то колоссѣ, однимъ своимъ словомъ колебавшемъ въ основаніи вѣками освященныя понятія, освободившемъ французскую, а за нею и всю европейскую мысль отъ сковавшаго ее авторитета средневѣковаго міропониманія, проложившемъ новые пути во всѣхъ сферахъ человѣческой мысли и человѣческаго творчества? А г. Иловайскій полагаетъ, что онъ занимался только обличеніемъ патеровъ за ихъ терпимость (не за нетерпимость даже) къ предразсудкамъ... По истинѣ, надо считать себя достойнымъ потомкомъ Гунновъ, чтобы развязною рукою изобразить эти дерзновенныя строки!

Если г. Иловайскій столь хорошо освѣдомленъ о Вольтерѣ и Руссо, этихъ двухъ центральныхъ фигурахъ XVIII в., то чего ждать другимъ представителямъ этого «вѣка просвѣщенія». Если столь глубоки познанія г. Иловайскаго во французской литературѣ, то въ какомъ видѣ представляются ему другія литературы, менѣе популярныя? И въ самомъ дѣлѣ эти отдѣлы еще хуже. Очень поучительны познанія г. Иловайскаго въ англійской литературѣ. Такъ о Ньютонѣ онъ сообщаетъ, что «ему приписываютъ открытіе закона притяженія» (стр. 93). Только приписываютъ? Изъ англійскихъ писателей и мыслителей XVII и начала XVIII вв. г. Иловайскій поименовываетъ Мильтона, Локка,

Шефтсбюри и Болингброка. Онъ совершенно не освѣдомленъ о Гоббзѣ, Свифтѣ и Дефо! Въ слѣдующемъ періодѣ ему неизвѣстенъ Юмъ. Изъ итальянцевъ той же участи подвержены Беккаріа и Касти, изъ нѣмцевъ—самъ Лессингъ и кромѣ того Жанъ-Поль Рихтеръ, Шлегели, Леопольдъ Бухъ и др. Литература XIX вѣка еще менѣе извѣстна г. Иловайскому. Изъ французовъ онъ не знаетъ Беранже, Барбье, Мюссе, Бальзака, Доде; изъ англичанъ— Шелли, Теккерея, Элліота, изъ нѣмцевъ — Фрейлиграта, Ауэрбаха, Гуцкова... Какъ ни характерны эти пропуски, еще характернѣе свѣдѣнія, сообщаемыя о другихъ, запавшихъ на умъ г. Иловайскому. О Жоржъ-Зандъ (стр. 241) только, что «она поощряла поклоненіе грубой чувственности». О двухъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ писателяхъ второй четверти XIX вѣка: «Противуположнымъ (?) романтизму направленіемъ отличались въ Германіи нѣкоторые сатирическіе поэты, особенно Гейне и Берне» (стр. 242). Помимо безподобной глубины этой характеристики, поучительно узнать, что Берне былъ поэтомъ! По глубинѣ учености интересна и эта тирада: «Такое крайнее грубое развитіе соціализма называется коммунизмомъ. Главнѣйшіе писатели этой школы были Сенъ-Симонъ, Фурье и Прудонъ» (стр. 241). Коммунизмъ, т.-е. общность имущества проповѣдывали въ XIX вѣкѣ Робертъ Оуэнъ и отчасти Кабэ. Они же и коммунисты, слѣдовательно, Сенъ-Симонъ и Фурье были соціалистами, но на коммунизмъ сами нападали очень рѣшительно, а Прудонъ былъ завзятымъ и рѣзкимъ врагомъ всякаго соціализма, въ томъ числѣ и коммунизма. Такимъ образомъ, свѣдѣнія г. Иловайскаго болѣе, чѣмъ неполны.

Вообще съ коммунизмомъ и соціализмомъ г. Иловайскому не везетъ. Такъ на стр. 71 онъ сообщаетъ, что дворецъ Тюильри «сожженъ коммунистами въ 1871 году!» Коммунарами, г. Иловайскій, коммунарами, а не коммунистами... Это совсѣмъ не одно и тоже. Коммунисты (отъ слова commun, общій) проповѣдывали общность имущества, а коммунары (отъ слова commune, община) проектировали

политическое преобразованіе Франціи съ замѣною нынѣ господствующей системы государственной централизаціи системою федераціи автономныхъ городовъ (городскихъ общинъ). Смѣшивать коммунаровъ съ коммунистами все равно, что называть коммуникаціонную линію какой-либо арміи ея коммунистическою линіей! Не болѣе удачно поступаетъ г. Иловайскій, когда называетъ соціалистами Ледрю-Роллена (стр. 245) и Мадзини (стр. 248). Оба и около соціализма не ходили. Первый былъ радикалъ-республиканецъ, второй—итальянскій патріотъ, боровшійся за освобожденіе и объединеніе отечества.

Такъ глубоки и обширны познанія г. Иловайскаго въ ново-европейской литературѣ и въ тѣхъ идеяхъ и умственныхъ теченіяхъ, которыя волнуютъ современное человѣчество или волновали европейское человѣчество въ послѣдніе три-четыре вѣка! При такомъ феноменальномъ незнакомствѣ даже съ азбукою этихъ идей, даже съ номенклатурою этой литературы, конечно, невозможно ждать отъ г. Иловайскаго пониманія европейской исторіи, а слѣдовательно, и сколько-нибудь толковаго, связнаго изложенія ея событій. Не владѣетъ человѣкъ перспективой, не знакомъ съ относительною величиною изображаемыхъ предметовъ, не пользуется никакимъ освѣщеніемъ, — какъ можетъ дать онъ картину, а не табличку безсистемно и безъ выбора набросанныхъ арабесковъ? И дѣйствительно, если очень неудовлетворительна, невѣрна и неосмысленна и *Древняя Исторія* въ изображеніи г. Иловайскаго, то надо удесятерить силу этихъ выраженій, чтобы охарактеризовать сочиненную имъ *Новую Исторію*.

Исторія Новой Европы есть процессъ постепеннаго движенія отъ дикости и варварства къ цивилизаціи, постепеннаго развитія первобытныхъ косныхъ формъ, склонныхъ къ цикличности, въ высшія формы, обезпечивающія человѣчеству его прогрессивное состояніе. Прослѣдить, какъ изъ хаоса всеобщаго смѣшенія и катаклизма выдѣлились и окрѣпли національные организмы съ развитыми національными языками, этими необходимыми предвари-

тельными условіями всякаго развитія; какъ всевластная, всеподавляющая духовная опека, не оставлявшая мѣста даже для мерцанія свободной мысли, мало-по-малу уступала мѣсто широкому свѣтскому просвѣщенію и всесторонней критической и творческой мысли человѣка; какъ произволъ и ничѣмъ несдерживаемый деспотизмъ феодальныхъ властей отступалъ передъ новымъ строемъ гражданскихъ правъ, гражданской свободы и неприкосновенности; какъ падало рабство, и свободный трудъ впервые въ исторіи сталъ основою матеріальной культуры; какъ зашатались привилегіи и монополіи, попробовавшія замѣнить собою рабство; какъ замѣнилъ его капитализмъ и какъ свободная мысль и свободный трудъ возстали на борьбу съ этимъ новымъ властелиномъ; какъ отворились двери теремовъ и гинекеевъ, и освобожденная женщина пріобщается къ общечеловѣческой жизни труда и мысли; какія побѣды одержало положительное знаніе; какихъ успѣховъ достигло и нравственное сознаніе человѣчества; какъ оно, это человѣчество, постепенно объединяется матеріальными интересами, политическими соглашеніями, общею умственною культурою и общимъ моральнымъ чувствомъ; прослѣдить этотъ процессъ и найти его проявленіе въ каждомъ частномъ событіи каждаго частнаго періода европейской исторіи,—таковы задачи историка Новой Европы. Конечно, мы напрасно искали бы хотя бы намека на эти задачи въ учебникахъ г. Иловайскаго. Именно, ни малѣйшаго намека, ни малѣйшаго подозрѣнія, что подъ этими событіями, изъ которыхъ надо нанизать 250 страницъ текста для зубренія гимназистами, скрывается какой-нибудь смыслъ, какая-нибудь связь.

Я продолжаю думать, что только совершенное незнакомство съ историческими фактами можетъ быть объясненіемъ такого совершенно неосмысленнаго къ нимъ отношенія. Это невѣжество г. Иловайскаго обнаруживается и непосредственно многими примѣрами непростительныхъ ошибокъ, уже цитированныхъ выше. Приведу еще нѣсколько

изъ числа отмѣченныхъ мною при обзорѣ учебниковъ г. Иловайскаго.

Послѣ избранія Карла V императоромъ Германіи, «самолюбіе Франциска, сообщаетъ г. Иловайскій (стр. 28), сильно оскорбилось предпочтеніемъ Карла; *съ тѣхъ поръ возникла между ними вражда*». Неужели съ тѣхъ поръ? Какъ легко объясняются такія явленія, какъ многовѣковая борьба Габсбурговъ и Франціей, раздѣлявшая въ теченіе столѣтій всю Европу на два непримиримыхъ лагеря!

«Изъ итальянскихъ писателей эпохи Возрожденія видное мѣсто принадлежитъ также флорентійцу Маккіавели, который жилъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка и считается проповѣдникомъ вѣроломной политики» (стр. 35). Чрезвычайно тонкое и глубокое пониманіе Маккіавели! Должно быть, г. Иловайскій что-нибудь слышалъ мимоходомъ о маккіавелизмѣ... Неужели требуется больше для составителя учебника?

О Вильгельмѣ Оранскомъ на стр. 62 сообщается, что онъ «постоянно терпѣлъ пораженія отъ герцога Альбы, но не терялъ бодрости: онъ умѣлъ скоро оправляться отъ пораженія и возобновлялъ войну съ бо̀льшею силою, чѣмъ прежде». Все это было бы даже недурно сказано, если бы Вильгельмъ Оранскій, хоть однажды, сразился съ Альбой... Представьте себѣ, что ни разу! Его братъ, Людовикъ Нассаусскій, разъ разбилъ войска Альбы и дважды былъ ими разбитъ, но Вильгельмъ самъ, хотя и сдѣлалъ нѣсколько походовъ противъ Альбы, но не далъ ни одной битвы, которыхъ его знаменитый противникъ искусно избѣгалъ.

Объ избирательныхъ польскихъ собраніяхъ XVI вѣка сказано: «партіи эти набирали себѣ приверженцевъ посредствомъ подкуповъ» (стр. 102). Откуда сіе?

Въ Пруссіи «Фридриху I наслѣдовалъ его сынъ *Вильгельмъ I* (1713 — 1740)» (стр. 159). Не Вильгельмъ I, г. Иловайскій, а *Фридрихъ-Вильгельмъ I*. Васъ смущаетъ, что его дѣдъ, тоже государь Пруссіи, былъ тоже Фридрихъ-Вильгельмъ, но дѣдъ былъ курфюрстъ съ титуломъ Высо-

чества, а внукъ—король съ титуломъ Величества. Другое титулованіе, другая и нумерація. Вотъ когда г. Иловайскій воображаетъ, что, съ введеніемъ конституціи въ самодержавномъ королевствѣ, короли начинаютъ новую нумерацію, то онъ ошибается. Этимъ онъ, по крайней мѣрѣ, желаетъ объяснить, почему первый императоръ возобновленной имперіи, какъ прусскій король, принялъ имя Вильгельма I. Г. Иловайскій думаетъ (стр. 254), что потому онъ опять былъ первымъ (послѣ *перваго*, сочиненнаго самимъ г. Иловайскимъ), что былъ первымъ конституціоннымъ королемъ Пруссіи. Однако, *первымъ* конституціоннымъ государемъ Пруссіи былъ братъ и предшественникъ Вильгельма Фридрихъ-Вильгельмъ IV (и, однако, четвертый, а не первый), а сынъ и преемникъ Вильгельма назывался Фридрихъ III (а не I). Очевидно, соображенія г. Иловайскаго никуда не годятся и, если что-либо обнаруживаютъ, то развѣ совершенное незнакомство г. Иловайскаго со способомъ веденія генеалогіи! А вѣдь это даже не азбука политической исторіи, а первыя буквы азбуки... Къ тому же изъ этой путаницы даже въ *наименованіи* прусскихъ королей позволительно заключить, что г. Иловайскій даже не заглянулъ ни въ единую книгу по исторіи Пруссіи. Въ виду этого я и позволилъ себѣ нѣсколько остановиться на этой скучной исторіи. Очень ужь она характерна для учености г. Иловайскаго.

Вообще г. Иловайскій можетъ въ изумленіе привести своею тонкою образованностью и разносторонними познаніями. Такъ, на стр. 180 онъ отмѣчаетъ въ Швеціи Линнея, «которому наука ботаника обязана своею системою, т.-е. раздѣленіемъ растеній на опредѣленные роды и виды, снабженные латинскими названіями». Можно подумать, пожалуй, что систематика растеній не существовала до Линнея, или же что наука доселѣ пользуется системою, предложенною знаменитымъ шведскимъ натуралистомъ! Ни то, ни другое, однако... И до Линнея существовало «раздѣленіе растеній на опредѣленные роды и виды» (въ послѣднее время передъ Линнеемъ господствовала система,

установленная незадолго до того французскимъ натуралистомъ Турнефоромъ). И послѣ него его система была очень скоро оставлена и замѣнена гораздо болѣе совершенною и научною, установленною французомъ Жюсье (она и теперь общепринята съ нѣкоторыми поправками и дополненіями, введенными преимущественно швейцарскимъ ботаникомъ Декандолемъ). По счастью для Линнея, его права на научную славу основаны не на «системѣ» только, а на многочисленныхъ и разносторонніхъ изслѣдованіяхъ въ разныхъ отрасляхъ естествознанія. Быть можетъ, не особенно стыдно г. Иловайскому не знать научныхъ заслугъ Линнея, но несомнѣнно очень стыдно писать объ этихъ ему невѣдомыхъ заслугахъ и предлагать учащемуся юношеству невѣрныя данныя!

Для историка еще стыднѣе слѣдующее мѣсто (стр. 182):

„По смерти Августа III (въ Польшѣ) по обычаю явилось нѣсколько претендентовъ и нѣсколько партій. Изъ нихъ главныя были двѣ: одна стояла за Саксонскаго курфюрста, внука Августа III, другая хотѣла возвести на престолъ *кого-либо изъ потомковъ древней династіи Пястовъ*; главою послѣдней партіи была знатная фамилія Черторыйскихъ. Вопросъ рѣшенъ сосѣдними державами, которыя уже распоряжались въ Польшѣ по своему усмотрѣнію. Екатерина и Фридрихъ II приняли сторону Чарторыйскихъ и указали на ихъ племянника Станислава Понятовскаго; съ помощью иностраннаго золота и русскихъ войскъ онъ былъ выбранъ королемъ".

Понятовскій не былъ потомкомъ древней династіи Пястовъ. Онъ былъ потомкомъ русскихъ князей Рюрикова дома, какъ и сами Чарторыйскіе. Вообще въ это время въ Польшѣ, и нигдѣ въ мірѣ, потомковъ династіи Пястовъ не существовало. Мужская линія пресѣклась еще въ XIV вѣкѣ, а единственная представительница женской линіи королевна Ядвига тогда же вышла замужъ за литовскаго великаго князя Ягелло, благодаря чему Ягеллоны въ теченіе двухъ столѣтій и являлись польскимъ королевскимъ домомъ. Послѣдній Ягеллонъ Сигизмундъ II Августъ былъ, такимъ образомъ, и послѣднимъ представителемъ женской линіи Пястовъ. Когда въ 1764 году выбирали королемъ Понятовскаго, уже около двухъ столѣтій не существовало

ни единаго «потомка древней династіи Пястовъ», ни по мужской, ни по женской линіи. Никто, стало быть, не могъ предлагать ихъ и къ избранію въ польскіе короли. Если же на сеймѣ были сторонники избранія «Пяста», то, какъ и на предыдущихъ избирательныхъ сеймахъ, подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвалось избраніе не иностраннаго принца, а природнаго поляка, потому что и древніе Пясты были природными поляками. Это стремленіе имѣть королемъ природнаго поляка и взяло на этотъ разъ верхъ. Саксонская партія потерпѣла пораженіе, и Станиславъ Понятовскій былъ избранъ, но смѣшивать это избраніе туземца съ выборами давно уже не существовавшихъ потомковъ давно пресѣкшейся династіи какъ будто бы не подобало автору, выдающему себя, однако, за историка!

Или, напр. (стр. 194): «Людовикъ XVI былъ обвиненъ въ замыслахъ противъ общественной свободы и безопасности и осужденъ на смерть. Жирондисты желали его спасти, но не имѣли довольно мужества и малодушно уступили грознымъ крикамъ черни, наполнявшей входы и галлереи собранія». Мы уже знаемъ, что г. Иловайскій одаренъ рѣдкимъ ясновидѣніемъ и можетъ читать въ давно истлѣвшихъ сердцахъ! Быть можетъ, вслѣдъ за Брутомъ, и тѣни Верньйо, Барбару, Ролана и другихъ ихъ товарищей и единомышленниковъ сообщили г. Иловайскому что-нибудь о своихъ тайныхъ желаніяхъ спасти короля, котораго они судили. Люди же, не одаренные чудесною способностью г. Иловайскаго сноситься съ загробнымъ историческимъ міромъ, знаютъ, что жирондисты не только всѣ, въ полномъ составѣ, подали голосъ за осужденіе Людовика, но даже являлись въ конвентѣ самыми непримиримыми его обвинителями... Можно было и вовсе не тревожить по этому поводу тѣней этихъ дѣятелей, вскорѣ взошедшихъ на тотъ же эшафотъ, на который они послали Людовика, но сообщать ложныя свѣдѣнія во всякомъ случаѣ не подобаетъ.

Говоря объ австро-французской войнѣ 1809 года, г. Иловайскій не называетъ Россіи, какъ союзницы Франціи, и

не сообщаетъ, что по Шенбрунскому миру значительная часть восточной Галиціи (весь Тарнопольскій округъ) была уступлена Россіи (послѣ, взамѣнъ Царства Польскаго, Россія опять вернула ее Австріи). Къ чему это умолчаніе очень важнаго и характернаго факта? Или г. Иловайскій его просто не знаетъ? Чего добраго...

«Когда венгры (пишетъ г. Иловайскій на стр. 246—247) послѣ ряда битвъ взяли рѣшительный верхъ надъ войсками Франца-Іосифа *онъ обратился съ униженною просьбою о помощи* къ Русскому Императору». Какъ вамъ нравится, читатель, этотъ достойный и великодушный слогъ г. Иловайскаго? Патріотизмъ—хорошая вещь, г. Иловайскій, но вы его напрасно смѣшиваете со спѣсью, да еще лживою!.. Никакой «униженной» просьбы, конечно, австрійскій императоръ русскому не адрессовалъ, да и «рѣшительнаго верха» мадьяры не взяли надъ австрійцами, какъ не было и «цѣлаго ряда битвъ». Все это некрасивыя фантазіи г. Иловайскаго... Нельзя не отмѣтить также довольно курьезнаго, но и довольно некрасиваго хвастовства (стр. 257), будто бы «съ помощью Россіи была возстановлена Германская имперія». Россія не вмѣшалась съ оружіемъ въ рукахъ съ цѣлью воспрепятствовать этому возстановленію—это правда, но отъ этого до помощи еще очень далеко, да и кто могъ бы предсказать результаты такого вмѣшательства? Какъ бы то ни было, не было вмѣшательства, но не было и помощи, и едва ли полезно внушать подобныя ложныя представленія той массѣ учащихся, которая, быть можетъ, все свое историческое и политическое образованіе получаетъ отъ г. Иловайскаго! Впрочемъ, знаетъ ли самъ г. Иловайскій, что не было русской помощи при возстановленіи германскаго единства и германской имперіи? При феноменальной образованности г. Иловайскаго, возможно, что и въ самомъ дѣлѣ не знаетъ...

Вотъ еще одинъ примѣръ этой многосторонней исторической образованности нашего автора (стр. 253):

„Непосредственнымъ слѣдствіемъ пораженія при Сольферино были либеральныя реформы въ Австріи. Императоръ Францъ-Іосифъ далъ своему правительству конституціонную форму (съ двумя пала-

тами: господъ и депутатовъ) и *возвратилъ Венгріи ея прежнее отдѣльное устройство*. Такимъ образомъ, *установилась система дуализма*, т.-е. двухъ половинъ имперіи: собственно Австрійской и Венгерской; въ первой господствуютъ нѣмцы, во второй—мадьяры (тамъ и здѣсь насчетъ славянскихъ народностей)".

«Система дуализма» установилась не въ 1860 году «послѣ пораженія при Сольферино», а въ 1867 году, послѣ пораженія и разгрома Австріи при Садовой и Кениггрецѣ. Тогда же только, не раньше, «возвращено Венгріи ея прежнее отдѣльное устройство». Въ періодъ же 1859—67 гг. борьба австрійскаго правительства съ венгерскими автономистами даже обострилась и грозила открытымъ столкновеніемъ. Слѣдовало бы знать это составителю учебника, да и говорить теперь объ угнетеніи въ Австріи славянъ нѣмцами какъ-то странно и даже не умно!

Приведемъ еще нѣсколько перловъ изъ заключительныхъ страницъ учебника г. Иловайскаго, откуда можно почерпнуть интересныя свѣдѣнія о его столь же тонкомъ знаніи восточнаго вопроса, сколь и благородномъ о немъ представленіи:

«Соперничество великихъ державъ за вліяніе на турецкія дѣла выдвинуло съ того времени въ европейской политикѣ важный Восточный вопросъ. Благодаря этому соперничеству, Оттоманская имперія продолжаетъ существовать *при совершенномъ упадкѣ собственныхъ силъ*» (стр. 263). Шапками закидаемъ эту Оттоманскую имперію, г. Иловайскій, непремѣнно закидаемъ! Не начитались-ли всѣ эти бѣдняки, Дельянисы и Скулудисы, учебника г. Иловайскаго? И не от-тудали, на горе своему отечеству, почерпнули свѣдѣніе о «совершенномъ упадкѣ собственныхъ силъ» турецкаго государства?

«*Недоброжелательство* къ Россіи и вообще къ Славянамъ, открытое со стороны Англіи и Австро-Венгріи и *скрытое со стороны Пруссіи*, мѣшало всякой попыткѣ улучшить положеніе Балканскихъ христіанъ» (стр. 264). «Братъ и преемникъ Абдулъ-Меджида, султанъ Абдулъ-Азисъ, расположенный къ русскому вліянію, еще до начала сербско-турецкой войны, былъ сверженъ *по интригамъ англичанъ...*» (стр. 265). «Предсѣдатель конгресса (берлинскаго) князь Бисмаркъ *коварно* держалъ сторону Англіи и Австріи про-

тивъ Россіи..,» (стр. 267). «Въ это время Александръ Батенбергъ обнаружилъ черную неблагодарность къ Россіи и сталъ усердно возбуждать въ болгарахъ вражду противъ русскаго надъ ними протектората. 9 августа 1886 года онъ былъ изгнанъ изъ Болгаріи патріотами. Но въ слѣдующемъ 1887 году, *по интригамъ англо-австрійской и берлинской дипломатіи*, временное болгарское лжеправительство, *составленное изъ нигилистовъ и ненавистниковъ Россіи*, призвало на княжескій престолъ другого нѣмца, именно находившагося въ австрійской службѣ Фердинанда Кобургскаго...» (стр. 268). Et voilá comme on écrit l'histoire! Но если это—исторія, то что же называется неприличной и недостойной полемикой, столько же неприличной по тону, сколько недостойной по содержанію?!

Возвышенность воззрѣній г. Иловайскаго сказывается, впрочемъ, по разнымъ поводамъ и, быть можетъ, нигдѣ такъ ярко, какъ напр. въ слѣдующей характерной тирадѣ о прусской арміи временъ Фридриха II (стр. 167): «Постоянныя ученія, смотры и строжайшая дисциплина, *основанная на тѣлесныхъ наказаніяхъ*, поддерживали ея отличную выправку и пріобрѣли ей славу образцовой арміи въ цѣлой Европѣ». Тѣлесныя наказанія, пріобрѣтающія славу,— это очень нравоучительно, конечно... Славу, однако, арміи Фридриха II пріобрѣли ея побѣды, какъ многіе, быть можетъ и ошибочно, думаютъ. Только не г. Иловайскій, разумѣется.

Этимъ возвышеннымъ нравоученіемъ г. Иловайскаго мы и закончимъ нашу съ нимъ бесѣду. Пора и итоги подвести подъ этими нѣсколько затянувшимися замѣтками нашими объ учебникахъ, господствующихъ въ нашей средней школѣ.

XII.

Мы обозрѣли учебники по русскому языку, по географіи и по исторіи, при томъ именно такіе, которые почти безъ конкуррентовъ десятки лѣтъ господствуютъ въ нашей средней школѣ и успѣли научить своимъ предметамъ милліоны учащихся, свыше тридцати поколѣній нашего обра-

зованнаго общества. Это обозрѣніе привело насъ къ выводамъ прискорбнымъ, и мы затрудняемся, кому отдать пальму первенства, учебникамъ-ли русскаго языка за ихъ безграмотность, или географическимъ учебникамъ за ихъ полное незнакомство съ географіей, или, наконецъ, руководствамъ по исторіи столько же за извращеніе, сколько непониманіе исторіи? Впрочемъ, это безразлично, кто восторжествовалъ бы въ этомъ оригинальномъ состязаніи, г. Кирпичниковъ, г. Смирновъ или г. Иловайскій: не безразлично только одно—это ихъ господство въ школѣ и то пониженіе школьнаго уровня, которое знаменуетъ это прискорбное господство. Уже многія поколѣнія, благодаря этому, лишены возможности научиться правильному литературному употребленію родной рѣчи, а по общеобразовательнымъ предметамъ получаютъ какіе-то безсвязные, неосмысленные обрывки, зачастую невѣрные, элементарно ложные... Гдѣ же причина этого печальнаго явленія и какія средства борьбы съ этимъ зломъ?

Общая причина, конечно, въ общемъ пониженіи уровня нашей гражданственности и нашей образованности. Было время нѣкотораго подъема нашей умственной жизни. Тогда появились и другіе учебники. Вышелъ прекрасный учебникъ *Всеобщей Исторіи* Шульгина, теперь, конечно, устарѣлый, но для своего времени стоявшій столько же высоко по своей научности, какъ и по талантливости. Тогда же появился нѣсколько суховатый, но добросовѣстный и осмысленно составленный учебникъ *Русской Исторіи* Соловьева. Рядомъ съ нимъ издалъ и Буслаевъ свой учебникъ русскаго языка и даже, и нынѣ еще господствующій, учебникъ географіи г. Смирнова пробовалъ тогда быть и научнѣе, и полнѣе, и осмысленнѣе.

Общая причина произвела и общія послѣдствія, но есть и частныя причины, съ которыми можно было бы считаться и при большемъ еще упадкѣ умственной жизни. Достоинство и талантливость учебниковъ зависятъ отъ общихъ причинъ, и никакой самый тщательный контроль тутъ ничего не подѣлаетъ. За то дѣльный, хорошо органи-

зованный контроль всегда хорошо вооруженъ противъ безграмотности учебниковъ и противъ прямыхъ ошибокъ и невѣрностей. Надо только въ самомъ дѣлѣ внимательно контролировать. У насъ существуетъ для этого цѣлое обширное учрежденіе, именуемое Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. На его обязанности лежитъ разсматривать издаваемые и переиздаваемые учебники, и только съ его одобренія они допускаются къ обращенію въ школахъ. Учрежденіе для контроля, такимъ образомъ, есть, а контроля въ сущности вовсе не замѣтно, и, надо думать, въ самой организаціи этого контрольнаго учрежденія лежитъ причина этого прискорбнаго факта. Въ самомъ дѣлѣ, не слишкомъ-ли бюрократически организованъ Ученый Комитетъ и его дѣятельность? Чиновникъ можетъ отлично контролировать чиновника же, но составленіе книгъ не есть чиновническая дѣятельность. Это дѣятельность ученая и литературная. Надо слѣдить за наукою и литературою, надо умѣть воспользоваться общимъ движеніемъ образованности. Это не входитъ и не можетъ входить въ *служебныя* обязанности чиновника, хотя бы и имѣюшаго ученую степень. Оцѣнивать учебникъ должны поэтому не чиновники, справляющіеся съ законоположеніями и циркулярами, а ученые и писатели, освѣдомленные о движеніи науки и слѣдящіе за литературою Если это почему-либо необходимо, пусть потомъ и чиновники переоцѣниваютъ учебники на основаніи законоположеній и циркуляровъ, но первая отвѣтственная оцѣнка должна быть дана независимыми и компетентными учрежденіями, академіей наукъ или соотвѣтственными факультетами университетовъ. Если бы при этомъ на учебникѣ обязательно печаталось имя одобрившаго ученаго, а само одобреніе было публично, по конкурсу, съ обязательнымъ обнародованіемъ всѣхъ рецензій о представленныхъ на конкурсъ учебникахъ, то едва-ли бы стали возможны такіе учебники-монстры, какими мнѣ пришлось занимать моихъ читателей на этихъ страницахъ. Думается, что стали бы невозможны...

1897 г.

ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ УТОПІЯ.

Планъ всенароднаго обязательнаго средняго образованія.

I.

Никакъ не меньше этого, дорогіе читатели, безъ всякой уступки или компромисса... Полное гимназическое образованіе для всего населенія обоего пола, обязательное для всѣхъ и безъ всякихъ затратъ со стороны государства, земства и народа—такова моя огромная просвѣтительная утопія! Я имѣю смѣлость думать, что такое всенародное среднее образованіе кажется утопіей только съ перваго взгляда. Я имѣю еще большую смѣлость утверждать, что такое образованіе для всего населенія гораздо осуществимѣе всенароднаго начальнаго образованія, уже осуществленнаго однако Германіей, Франціей, Англіей, Соединенными Штатами и весьма близкаго къ осуществленію и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи. Осуществленіе всенароднаго начальнаго образованія требуетъ значительныхъ затратъ со стороны государства и земства на ученіе и со стороны народа на содержаніе, отвлеченныхъ отъ работы школьниковъ. Осуществленіе всенароднаго средняго образованія возможно безъ всякой затраты со стороны государства и земства на содержаніе школъ и съ освобожденіемъ народа отъ содержанія учащагося молодого поколѣнія Учащіеся въ начальныхъ школахъ принадлежатъ къ возрастамъ не-

рабочимъ и полурабочимъ; учащіеся въ среднихъ школахъ— къ возрастамъ полурабочимъ и рабочимъ. Всякій же человѣкъ рабочаго возраста, конечно, можетъ оплатить своимъ трудомъ и свое содержаніе и содержаніе нѣкотораго процента нерабочаго и полурабочаго населенія. Лѣто кормитъ земледѣльца цѣлый годъ, а лѣто именно и свободно у гимназистовъ. Въ настоящее время въ маѣ уже не учатся (посвящая этотъ мѣсяцъ экзаменамъ), а начинаютъ учиться съ половины августа. Если экзамены отмѣнить, замѣнивъ переводомъ по годовымъ отмѣткамъ, а для не успѣвающихъ и по репетиціямъ, и прибавить всего двѣ недѣли лѣтняго, не учебнаго сезона, начиная осенью ученіе съ сентября, то мы получимъ четыре полныхъ лѣтнихъ мѣсяца, свободныхъ для земледѣльческихъ работъ, т.-е. весь земледѣльческій сезонъ сѣверной и средней Россіи. Гимназія, которая явилась бы вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, должна лѣтнимъ трудомъ своихъ учениковъ (изъ которыхъ три старшихъ класса, т.-е. около $^3/_8$ принадлежатъ къ рабочему возрасту) обезпечить собственное существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ дать своимъ ученикамъ и среднее сельско-хозяйственное образованіе. Это принципъ, изъ котораго мы исходимъ... Для того, чтобы примѣрить его приложимость, надо предварительно разсмотрѣть нѣкоторыя данныя по рабочему и потребительному составу гимназіи. На этомъ теперь и остановимся.

Въ настоящее время въ первый классъ гимназіи принимаютъ не моложе десяти лѣтъ, но многіе поступаютъ годомъ, двумя позже, что̀ совершенно естественно и нормально. Слабость сложенія, запоздалость развитія, неуспѣхъ въ приготовительныхъ классахъ и начальныхъ школахъ, случайности заболѣванія или семейнаго положенія и многое другое обусловливаютъ и всегда по необходимости будутъ обусловливать это запаздываніе весьма значительнаго процента, особенно среди мальчиковъ. Если предположить вполнѣ успѣшное прохожденіе курса, то гимназія должна оканчиваться въ возрастѣ въ 18—20 лѣтъ, но тѣ же вышеисчисленныя причины всегда даютъ значительный про-

центъ запаздыванія чрезъ пребываніе по два года въ томъ или другомъ, а порою и не одномъ классѣ. Такимъ образомъ, только небольшой процентъ кончаетъ курсъ въ 18 лѣтъ, большинство въ возрастѣ около 20 лѣтъ, нѣкоторые даже старше. При обязательномъ обученіи, когда не будетъ такъ фильтроваться контингентъ отстающихъ ихъ исключеніемъ, запаздываніе станетъ еще распространеннѣе. Оканчивать будутъ позже, а три старшихъ класса будутъ состоять изъ возрастовъ отъ 16 до 25 лѣтъ, если именно 25 лѣтъ будетъ предѣльный возрастъ для увольненія безъ окончанія курса. Большинство контингента трехъ старшихъ классовъ будетъ состоять изъ возрастовъ 18—21, причемъ и нѣкоторый процентъ пятиклассниковъ будетъ великовозрастнымъ. Имѣя въ виду, что крестьянская дѣвушка въ 16—17 лѣтъ уже отвѣчаетъ за готовую работницу, а крестьянскій парень развѣ какимъ-нибудь годомъ позже, и принимая во вниманіе добавочный контингентъ великовозрастныхъ пятиклассниковъ, можно смѣло считать около трети учащихся въ гимназіи (при вышенабросанныхъ условіяхъ) въ возрастѣ рабочемъ. Это отношеніе менѣе благопріятное, нежели обыкновенное въ населеніи, гдѣ рабочіе возрасты составляютъ до 50%. Съ другой стороны въ гимназіи кромѣ рабочихъ возрастовъ будетъ очень мало возрастовъ нерабочихъ, а почти только полурабочіе. Это нѣсколько уравниваетъ относительныя рабочія силы типической земледѣльческой семьи и такой гимназіи-фермы, особенно при опытныхъ руководителяхъ, при высшей хозяйственной техникѣ и при повышенной производительности отъ простого и сложнаго сотрудничества такихъ большихъ земледѣльческихъ артелей, какими явились бы подобныя гимназіи. Все это такъ; но съ другой стороны такая гимназія должна отвѣчать и за начальную школу; иначе говоря, при ней должна быть начальная школа въ видѣ двухъ приготовительныхъ классовъ, куда принимались бы безграмотные восьмилѣтніе ребята для приготовленія въ гимназію. Это понизитъ процентъ рабочаго возраста съ одной трети, быть можетъ, даже до одной

четверти. Далѣе гимназія должна обезпечить содержаніемъ и весь контингентъ учащихъ, администраторовъ и хозяевъ, чтобы тѣмъ понизить ихъ денежное довольствіе. Нужно добыть средства и для этого денежнаго довольствія, и для учебныхъ пособій продажею продуктовъ хозяйства. Ниже мы обстоятельнѣе войдемъ во всѣ эти детали. Здѣсь я ихъ отмѣчаю лишь для того, чтобы согласиться съ вѣроятными возраженіями, что для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей можетъ не хватить средствъ, добытыхъ лѣтнимъ трудомъ рабочихъ и полурабочихъ возрастовъ гимназіи. Къ тому же для такого обширнаго хозяйства, какимъ по необходимости будетъ десятиклассная гимназія-ферма, необходимъ, хотя и значительно меньшій, контингентъ и зимнихъ рабочихъ. Зимою же время учащихся должно быть занято ученіемъ. Откуда же добыть этотъ постоянный контингентъ зимнихъ рабочихъ, который явился бы и дополнительнымъ лѣтнимъ контингентомъ?

Прежде всего, такое гимназическое хозяйство, руководимое опытнымъ и ученымъ хозяиномъ, снабженное всѣми усовершенствованіями и обладающее контингентомъ искусныхъ образованныхъ рабочихъ, должно быть доходнымъ хозяйствомъ и должно оправдать наемъ необходимаго контингента рабочихъ, изъ которыхъ нѣкоторые заслуженные могли бы пріобщаться къ даходамъ. Въ нѣкоторомъ числѣ, вѣроятно, и пришлось бы это практиковать, особенно относительно безземельныхъ, окончившихъ курсъ въ этой же гимназіи; но вообще мнѣ представляется логичнѣе другой выходъ.

Что́ означаетъ собою невозможность лѣтнимъ трудомъ старшихъ классовъ вполнѣ обезпечить содержаніе всей гимназіи, т.-е. младшихъ возрастовъ и ихъ ученіе? Если мы вспомнимъ, что каждый ученикъ старшихъ классовъ прежде, чѣмъ достигнуть этихъ классовъ и съ ними рабочаго возраста, пробылъ восемь-девять лѣтъ въ младшихъ классахъ, пользуясь содержаніемъ и ученіемъ, то мы легко сообразимъ, что невозможность трудомъ старшихъ классовъ содержать и младшіе классы означаетъ невозможность

ученику старшаго класса трудомъ своимъ въ этихъ классахъ уплатить сполна затраты, понесенныя на него гимназіей въ младшихъ классахъ. Если же это такъ, то не является ли его прямою обязанностью отработать эти затраты по окончаніи курса? Эта обязанность, тщательно соображенная и твердо установленная для всякаго, кто не можетъ уплатить стоимости ученія, доставитъ гимназическому хозяйству необходимый контингентъ зимнихъ рабочихъ и дополнительный контингентъ лѣтнихъ, вообще балансируя своимъ трудомъ необходимый доходъ съ расходомъ. Теоретически это очень просто, удобопонятно и вполнѣ неоспоримо. Вопросъ въ практической осуществимости, т.-е. въ томъ отработочномъ срокѣ, который понадобится для этого балансированія. Объ этомъ ниже, а теперь о другихъ основаніяхъ организаціи.

Земледѣльческій трудъ требуетъ комбинаціи мужскаго и женскаго труда. Правда въ мужскихъ гимназіяхъ за женскій трудъ могли бы быть поставлены болѣе сильные изъ полурабочихъ, но это во-первыхъ было бы все-таки не удовлетворительно, во вторыхъ, пріучало бы не къ той комбинаціи труда, которая нормальна въ жизни внѣ школы, а главное, въ третьихъ, поставило бы женскія гимназіи въ совершенно безвыходное положеніе или заставляло бы ихъ прибѣгать къ наемному мужскому труду. Все это склоняетъ къ мысли или о совмѣстномъ обученіи въ гимназіяхъ обоего пола, или о необходимости основанія въ нѣдрахъ каждаго средне-учебнаго хозяйства рядомъ двухъ гимназій, мужской и женской, которыя, будучи педагогически раздѣлены, составляли бы въ хозяйственномъ смыслѣ одно цѣлое. Опытъ Соединенныхъ Штатовъ и частью Англіи показываетъ полную цѣлесообразность, а въ нѣкоторыхъ смыслахъ даже большую выгодность совмѣстнаго обученія половъ. Такое совмѣстное обученіе возбуждаетъ больше соревнованія въ ученіи и вноситъ больше мягкости и воспитанности въ привычки учебнаго заведенія. Предубѣжденіе на контингентѣ Европы противъ совмѣстнаго обученія такъ сильно, однако, что во всѣхъ нижеслѣдую-

щихъ предположеніяхъ я буду исходить изъ системы двухъ гимназій, мужской и женской, на каждое гимназическое хозяйство. Это имѣетъ свои практическія удобства и въ томъ отношеніи, что дозволяетъ не нарушать установившіеся учебные планы мужскихъ и женскихъ гимназій, дастъ больше занятія, а слѣдовательно и вознагражденія преподавательскому персоналу, нѣсколько удешевитъ тѣмъ самымъ и бюджетъ каждой гимназіи на вознагражденіе за преподаванія; наконецъ, потребуетъ относительно менѣе многочисленнаго контингента преподавателей. Все это имѣетъ немаловажное значеніе при желаніи не ограничиться однимъ опытомъ, но достигнуть дѣйствительно всенароднаго образованія.

Полагая, что ежегодно въ начальное училище при каждой гимназіи будетъ приниматься 50 — 55 ученниковъ восьмилѣтняго возраста, ежегодно оканчивать должно 45—50 учениковъ, такъ какъ только совершенно неспособные или порочные были бы удаляемы изъ гимназіи. Малоспособные и не трудолюбивые подвигались бы медленнѣе, усиливая численность контингента среднихъ классовъ, но всетаки почти всѣ достигли бы выпускного класса, такъ что въ гимназіи, уже вполнѣ функціонирующей, а не дѣлающей лишь первые выпуски, возрастъ выходящихъ въ среднемъ повысится (какъ я уже упоминалъ), но численность ихъ будетъ больше зависѣть отъ естественной убыли отъ смерти, нежели отъ неокончанія. Словомъ въ среднемъ числѣ 50 учениковъ на классъ, или 500 на всѣ десять классовъ, или тысяча на гимназическое хозяйство (500 мальчиковъ и 500 дѣвочекъ) будетъ вполнѣ нормальнымъ составомъ, который опредѣлитъ число рабочихъ и число потребителей. Мы уже допустили выше, что надо считать около одной четвертой этого состава принадлежащимъ къ возрастамъ рабочимъ, т.-е. 125 мужчинъ и 125 женщинъ. Полагая, что приготовительные и первые два гимназическіе классы будутъ возрастомъ нерабочимъ, мы получимъ полурабочихъ приблизительно столько же. Если я къ этому замѣчу, что 125 паръ рабочихъ, при соотвѣтственномъ

числѣ полурабочихъ, обезпечиваютъ, напр., въ Малороссіи полную и не обременительную обработку 2500 десятинъ культурной полевой земли, то всякій пойметъ, какую громадную силу представляетъ трудъ гимназіи!... Будутъ однако сверхъ того при гимназіи еще и отрабатывающіе образованіе и содержаніе свое въ младшихъ классахъ. Сколько же будетъ такихъ постоянныхъ рабочихъ, отбывающихъ по окончаніи курса цѣну своего образованія?

Молодые люди будутъ кончать курсъ около 20-лѣтняго возраста и значительная часть изъ нихъ будетъ немедленно отбывать воинскую повинность. Въ настоящее время число такихъ отбывающихъ повинность составляетъ съ небольшимъ четвертую часть всего призывного возраста. При сокращеніи срока воинской повинности для населенія образованнаго и предполагая такой срокъ, по примѣру Франціи и Германіи, въ три года, государство будетъ въ состояніи, не увеличивая военнаго бюджета, призывать подъ знамена больше народа, чѣмъ значительно усилить боевую готовность имперіи. Допустимъ, что будутъ призывать до одной трети, которая будетъ на три года отвлекаться отъ своего собственнаго дѣла и заботы. Не будетъ несправедливостью поставить въ тѣ же условія и остальныя двѣ трети, т.-е. удерживать ихъ при гимназіяхъ для отработки цѣны собственнаго образованія, и также образованія товарищей, ушедшихъ подъ знамена. Всѣ дѣвушки также могутъ быть удержаны для того же. Если при этомъ будутъ разрѣшены браки между такими окончившими курсъ и оставшимися на три года при гимназіи молодыми людьми; если будутъ устроены отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ рабочихъ; и если доходы гимназіи дозволятъ ей при ихъ удаленіи изъ гимназіи выдавать хотя скромное пособіе деньгами и натурою, то такое трехлѣтнее пребываніе при гимназіи будетъ далеко менѣе обременительно воинской повинности, обезпечивая и этой послѣдней контингентъ отбывающихъ, и болѣе многочисленный (чрезъ сокращеніе срока службы), и болѣе способный. При томъ только эта система дастъ ключъ къ разрѣшенію задачи всенароднаго образованія, и

не начальнаго даже, а средняго. Достаточенъ-ли трехлѣтній срокъ отработки, мы увидимъ ниже, а теперь только отмѣтимъ, что, при 45 выпускаемыхъ ежегодно ученикахъ и столькихъ же ученицахъ и при отвлеченіи отъ учениковъ одной трети (15 человѣкъ) подъ знамена, ежегодно должны поступать въ трехлѣтніе рабочіе 30 учениковъ и 45 ученицъ, или всего ихъ будетъ состоять при гимназіи 90 молодыхъ людей м. п. и 135 ж. п. Прибавляя эти 90 паръ рабочихъ, мы увидимъ, что такое гимназическое хозяйство въ Малороссіи будетъ въ состояніи обработывать 4300 десятинъ полевой культурной земли, т.-е. 2150 д. посѣвовъ. Останется еще много другихъ отраслей, зимній трудъ 90 рабочихъ паръ и весь трудъ 45 молодыхъ женщинъ, такъ сказать сверхъкомплектныхъ... Небольшой контингентъ постоянныхъ рабочихъ, совсѣмъ оставшихся при гимназіи и къ ней пріобщившихся, дополняетъ эти рабочія силы гимназическаго хозяйства. Таковы возможныя и отнюдь не утопическія рабочія силы нашей земледѣльческой гимназіи. Подсчитаемъ теперь потребителей и ихъ нужды.

II.

Изъ вышеприведенныхъ, брошенныхъ мимоходомъ данныхъ, явствуетъ, что, даже вполнѣ оставаясь при современномъ уровнѣ сельско-хозяйственной техники, общая доходность гипотетическаго гимназическаго хозяйства можетъ, повидимому, обезпечить содержаніе, образованіе и вознагражденіе всего состава обѣихъ гимназій. Для большей убѣдительности этого соображенія не безполезно будетъ войти въ нѣкоторыя детали баланса потребностей и средствъ такихъ гимназій.

Число учащихся въ обѣихъ гимназіяхъ мы выше опредѣлили всего въ 1000 человѣкъ, изъ нихъ полныхъ рабочихъ, и значитъ полныхъ потребителей 250, а 750 полурабочихъ и нерабочихъ, т.-е. полупотребителей, равняющихся 375 полнымъ потребителямъ, всего 625. Къ нимъ

надо прибавить 225 трехлѣтнихъ рабочихъ и персоналъ педагоговъ, администраторовъ, хозяевъ и техниковъ съ семействами. Опредѣлимъ это число такъ: директоръ —1, директриса— 1, инспекторъ на обѣ школы —1, законоучитель — 1, учителей русскаго, латинскаго и одного новѣйшаго языковъ, математики съ физикой и географіи съ исторіей по 2, греческаго языка — 1, естественной исторіи — 1, чистописанія и рисованія — 1, для начальныхъ классовъ—4 и для преподаванія сельскаго хозяйства — 1. Оставляя всего одинъ новѣйшій языкъ, освобождающіеся часы могутъ быть замѣщены въ старшихъ классахъ сельскимъ хозяйствомъ, а въ младшихъ—естественной исторіей, необходимою, какъ введеніе къ сельскому хозяйству. Въ женскихъ гимназіяхъ и теперь преподается естественная исторія. Дѣлаю это замѣчаніе, чтобы показать, что планъ приспособленъ къ сохраненію въ цѣлости современной учебной программы мужскихъ и женскихъ гимназій, и вопросъ объ измѣненіи этой программы для всенароднаго средняго образованія можетъ быть дебатированъ совершенно независимо отъ вопроса осуществимости его организаціи, не мѣшая практическому осуществленію. Продолжаю перечисленіе персонала: врачъ, фельдшеръ, ученый агрономъ, 2 помощника; садоводъ, ветеринаръ, коновалъ, 2 экономa, 2 бухгалтера, 2 главныхъ повара и 2 главныхъ прачки. Дополнительный персоналъ при поварахъ и прачкахъ, а равно письмоводители легко могутъ быть выбраны изъ состава трехгодичныхъ рабочихъ, окончившихъ гимназію. Кромѣ того нужны будутъ спеціалисты, смотря по преобладающей культурѣ, напримѣръ, сыроваръ, винодѣлъ, табаководъ, хмѣлеводъ и пр. и технологъ, смотря по заведенію для зимней обработки сырья, напримѣръ, приготовленіе крахмала, солода, удобрительныхъ туковъ и пр. Наконецъ, нужно нѣсколько мастеровъ ремесленниковъ для ремонта одежды, обуви, орудій, меблировки, зданій гимназіи. Они же должны быть утилизованы для обученія учащихся ремесламъ. Портной, сапожникъ, столяръ и слесарь нужны для всякой гимназіи, другіе смотря по мѣстности.

Такимъ образомъ, считая 2 спеціалистовъ и 6 мастеровъ и памятуя возможность давать имъ помощниковъ изъ отбывающихъ трехгодичную отработку, получимъ численность всего педагогическаго, административнаго, хозяйственнаго и техническаго персонала въ 46 человѣкъ. Имѣя въ виду, что большинство взрослыхъ членовъ семей этого персонала (мужья, жены, замужнія сестры) будутъ сами входить въ его составъ и что дѣти отъ восьмилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста уже записаны въ число учениковъ, мы превзойдемъ вѣроятное число, если прибавимъ на семьи (кромѣ исчисленныхъ въ другихъ рубрикахъ) еще 104 человѣка полныхъ потребителей, а всего обѣ гимназіи съ рабочимъ и всѣмъ персоналомъ дадутъ 1000 полныхъ потребителей.

Что нужно одному полному потребителю? Обыкновенно сельскому рабочему отпускается полтора пуда муки для хлѣба въ мѣсяцъ (что съ припекомъ составляетъ 3 ф. хлѣба въ день) и полпуда крупы, затѣмъ уже въ небольшомъ количествѣ овощей, сала (или масла), постнаго масла, соли... Я не предполагаю кормить гимназію такимъ способомъ, но думаю, что превзойду всякую норму, если для довольствія мукою и крупою оставлю эти цифры. Дѣло въ томъ, что эта норма принята въ томъ случаѣ, когда мука и крупа составляютъ главную пищу, а не дополнительную, какъ при довольствіи мясомъ, молочными продуктами и овощами. Притомъ эта норма можетъ быть потреблена лишь при усиленномъ физическомъ трудѣ, котораго у большинства потребителей 8 мѣсяцевъ будетъ весьма умѣренно. Оставляя тѣмъ не менѣе эти нормы, мы опредѣлимъ потребность заведенія въ зернѣ для хлѣба — 18000 пудовъ, для крупы — 600 пудовъ ежегодно. Иначе говоря, принимая 50 пудовъ чистаго сбора съ десятины (кромѣ сѣмянъ), что даже въ трехпольномъ хозяйствѣ при хорошемъ удобреніи и средней техникѣ будетъ сборомъ низкимъ, надо всего имѣть 360 дес. озимаго посѣва и 120 десятинъ яроваго. Изъ этихъ 120 десятинъ ярового клина не всѣ были бы заняты крупою (ячменемъ, гречихой,

просомъ), но часть была бы отдѣлена подъ картофель и стручковыя (горохъ, бобы, чечевица), что, не уменьшая пищевого вещества, увеличиваетъ разнообразіе и вкусъ пищи. Кромѣ того здѣсь же могли бы помѣститься и посѣвы конопли или подсолнечника (смотря по природнымъ условіямъ), сколько нужно для обезпеченія заведенія постнымъ масломъ. Затѣмъ осталось бы въ яровомъ клину до 240 дес. для усиленія кормовыхъ средствъ скота или для продажи продукта.

Питаясь преимущественно мясною пищею и почти не употребляя другой пищи (развѣ для вкуса), состоятельные горожане съѣдаютъ около фунта мяса въ день. При обильной и разнообразной иной пищѣ будетъ вполнѣ удовлетворительно считать по полуфунту на потребителя, или 1000 фунтовъ, или 25 пудовъ, или одну голову крупнаго рогатаго скота на два дня на обѣ соединенныя гимназіи. Имѣя же въ виду мозги, внутренность, языкъ и пр., а также, что при такомъ обширномъ хозяйствѣ на однихъ отбросахъ можно воспитывать, а слѣдовательно и потреблять много мелкаго скота и птицы, принятая нами норма удовлетворитъ потребности заведенія съ избыткомъ. Отбрасывая посты, получимъ скоромныхъ 220 дней въ году, или около 110 головъ скота нужно заведенію. Считая, что въ остальные 145 дней мясо будетъ потребляться больными и слабосильными, мы прибавимъ еще десять головъ, итого 120. Для того, чтобы воспитать до трехлѣтняго возраста такое число головъ, надо имѣть не менѣе 125 хорошихъ коровъ. Общая же численность рогатаго скота сложится изъ слѣдующихъ цифръ: коровъ 125, трехлѣтокъ среднимъ числомъ 60 (вначалѣ года 120, къ концу ни одной), телятъ, годовалыхъ и двухлѣтокъ — до 350. Надо считать еще 60—100 лошадей, необходимыхъ для работы и другихъ нуждъ заведенія. Имѣя же по 360 дес. въ клину, или 1080 дес. пахатной земли, въ средней и сѣверной Россіи принято имѣть 540 дес. луговой земли, что будетъ совершенно даже съ избыткомъ достаточно для содержанія исчисленнаго количества скота, особенно принимая во вни-

маніе уже упомянутые отбросы и побочные кормовые продукты.

Сто двадцать пять коровъ должны дать около 100 ведеръ молока ежедневно. Считая на каждаго потребителя 2 стакана молока въ день натурою и столько же скопами, мы дадимъ удовлетворительное довольствіе, а это составитъ $66^2/_3$ ведеръ въ день ($666^2/_3$ штофовъ или до 4000 стакановъ). Остальныя около 35 ведеръ въ скоромные дни и до 100 въ постные—составитъ чистый доходъ заведенія. Въ подгороднихъ гимназіяхъ это доставитъ изрядный доходъ, а въ остальныхъ придется обращать продуктъ въ сыръ. Я не знакомъ съ условіями сыроваренаго дѣла, но полагаю, что, оцѣнивъ ведро въ гривенникъ, я буду непремѣнно ниже дѣйствительности. Это составитъ 3200 р., а съ доходомъ отъ 240 дес. яроваго клина и всѣхъ 9—10 тысячъ, полученныхъ попутно при заботѣ объ обезпеченіи заведенія лишь продовольствіемъ. Останется еще до 125 шкуръ крупнаго скота, шерсть отъ овецъ, мерлушка, бараньи шкуры, щетина, перья, потому что обиліе отбросовъ и побочныхъ продуктовъ даетъ средства для мелкаго скотоводства и птицеводства. Отруби, жмыхи, яровая мякина, отсѣвы мелкаго зерна, огородныя кочерыжки, сыворотка и другіе молочные отбросы, помои съ кухни, кости, жилы, требуха, кровь, всякая шелуха отъ овощей, все это составляетъ разнообразный матеріалъ для корма мелкаго скота, особенно свиней и птицы. Я не останавливаюсь на огородѣ, потому что очевидно, что хозяйство, ведущееся на нѣсколькихъ тысячахъ десятинахъ земли, найдетъ досугъ для занятія огородомъ въ достаточномъ размѣрѣ. Огородныя работы мало совпадаютъ со страдою, а въ остальное время свободныя руки всегда найдутся.

Подводя заключительные итоги, мы можемъ сказать, что, хозяйничая на 1620 десятинахъ полевой культурной земли (1050 пашенъ и 540 луговъ) и содержа соотвѣтствующій живой инвентарь, гимназическое хозяйство вполнѣ, обильно и вкусно, обезпечитъ пропитаніемъ весь составъ учащихся, весь составъ рабочихъ и весь персоналъ педа-

говъ, администраторовъ и хозяевъ, причемъ по пути получитъ около 10 тыс. рублей дохода, да не мало вышеперечисленнаго побочнаго продукта (шкуры, шерсть, щетина, перья и т. д.), который, переведенный на деньги, составилъ бы еще нѣсколько тысячъ.

Переходимъ къ одеждѣ. Расходы на одежду почти поровну слагаются изъ расходовъ на матеріалъ и на изготовленіе. Имѣя при заведеніи мастеровъ портняжнаго и сапожнаго мастерства и располагая всѣмъ зимнимъ временемъ значительнаго числа постоянныхъ трехгодичныхъ рабочихъ и нѣкоторымъ временемъ учащихся, заведеніе можетъ избѣгнуть всякихъ расходовъ на изготовленіе одежды, бѣлья и обуви и на ихъ ремонтъ. Все это можетъ быть сдѣлано собственными средствами. Даже матеріалъ для обуви можетъ быть добытъ изъ выдѣлки заведеніемъ шкуръ части убиваемаго скота, для чего нужно только имѣть мастера кожевника. Точно также валенки могутъ быть изготовляемы изъ шерсти собственныхъ овецъ. Но бумажной матеріи для бѣлья носильнаго, постельнаго и столоваго и для лѣтней одежды, болѣе плотной матеріи для зимняго платья и мѣхъ, хотя бы овечій, для верхняго зимняго платья нужно, конечно, купить. Конечно, весь персоналъ педагоговъ и служащихъ съ семействами самъ себя долженъ обезпечивать матеріаломъ, хотя и можно предоставить пользоваться мастерскими. Собственно же для учащихся и для трехгодичныхъ рабочихъ этотъ расходъ, не скупясь, можно опредѣлить рублей въ пятьдесятъ въ годъ, или около 60 тысячъ рублей на все заведеніе ежегодно. Это самый крупный денежный расходъ заведенія. Причисляя тысячъ десять на учебныя пособія, у насъ останется еще расходъ на жалованье администраторамъ, преподавателямъ и служащимъ. Отопленіе должно быть обезпечено изъ собственнаго лѣса.

Принимая во вниманіе, что всему персоналу и ихъ семьямъ обезпечивается вполнѣ квартира, отопленіе, продовольствіе и образованіе дѣтей и половина расхода на одежду и что въ городѣ на эти потребности педагоги тра-

тятъ весь или почти весь заработокъ, денежное вознагражденіе послѣ всего этого можетъ быть опредѣлено сравнительно невысокое. Директору, директриссѣ и главному агроному по 2400, инспектору добавочныхъ къ учительскому рублей 600, старшимъ учителямъ по 1200, младшимъ— по 900, начальнымъ—по 300, врачу и ветеринару по 1200, спеціалистамъ по 1200, всѣмъ остальнымъ служащимъ по 200—600, въ среднемъ выводѣ по 400 рублей, итого 37,000 руб., всего денежнаго расхода 107 тысячъ.

Этимъ однако бюджетъ расходовъ не исчерпывается. Прежде всего, такое громадное и цѣнное хозяйство должно быть застраховано отъ пожара, эпизоотій и градобитія, что потребуетъ семь-восемь тысячъ рублей ежегодно. Далѣе: на первоначальное обзаведеніе, возведеніе строеній, меблировку, хозяйственный инвентарь и пр. надо считать не менѣе 200 тысячъ рублей на обѣ соединенныя гимназіи. Если для реализаціи такого капитала выпустить земскія съ правительственною гарантіей облигаціи съ $4^1/_2\%$ платежомъ и полупроцентомъ погашенія, то, возложивъ на гимназическое хозяйство эти платежи, необходимо увеличить бюджетъ еще на 10 тысячъ. Нельзя не отчислять нѣкотораго процента дохода въ запасный капиталъ, который гарантировалъ бы гимназію отъ всякихъ случайностей: неурожая, эпидемій, наводненій и пр. Отчисленія эти должны быть дѣлаемы по мѣрѣ возможности, но конечно не менѣе 5—6 тысячъ. Итого эти накладные расходы достигнутъ цифры 20—25 тысячъ ежегодно. Надо однако имѣть въ виду и еще нѣкоторые расходы, болѣе производительные.

Мы уже упоминали, что было бы желательно выдавать пособіе ученикамъ и ученицамъ при окончаніи ими отработочнаго срока. Ежегодно такихъ оканчивающихъ свой срокъ ученія и отработки будетъ 90 молодыхъ людей обоего пола (не выключая изъ пособія и отбывающихъ военную повинность). Назначая по 250 рублей каждому (т.-е. на брачную пару по 500 р.), намъ необходимо увеличить бюджетъ на 22,500 рублей.

Отвлекая молодежь въ школы и для отработки ея обра-

зованія и возвращая ее семьямъ въ возрастѣ 23—25 лѣтъ, было бы въ высшей степени желательно облегчить семьямъ содержаніе и младшихъ дѣтей дошкольнаго возраста. Устройство на счетъ гимназіи во всѣхъ селеніяхъ района (не больше волости) дѣтскихъ садовъ и яслей, съ продовольствіемъ въ нихъ посѣщающихъ дѣтей было бы такимъ подспорьемъ семьямъ, лишеннымъ рабочей молодежи. Дѣтей дошкольнаго возраста, т.-е. начиная съ грудныхъ и кончая семилѣтними, должно быть также около 1,000 душъ. Принимая во вниманіе, что изъ нихъ свыше 250 будетъ грудныхъ, т.-е. вовсе непотребителей и что изъ остальныхъ въ возрастѣ отъ одного до трехъ лѣтъ будетъ около половины, а потреблять такіе будутъ едва-ли даже за четверть взрослаго, можно вообще дѣтей дошкольнаго возраста считать за четверть потребителя, а всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ завѣдующими учрежденіями за 250 полныхъ потребителей. Другими словами, для ихъ пропитанія нужно бы увеличить гимназическое хозяйство на одну четверть вышеисчисленной нормы, т.-е. на 90 дес. въ каждой смѣнѣ пашни и на 135 дес. сѣнокоса. Что касается того персонала, который былъ бы необходимъ для завѣдыванія яслями и дѣтскими садами, то назначивъ на каждое селеніе по одной постоянной завѣдующей яслями и садомъ, можно было бы давать ей по двѣ помощницы изъ числа дѣвушекъ, отбывающихъ срокъ отработка. Принимая во вниманіе, что по даннымъ земской переписи въ 22 губерніяхъ средняя величина селенія равняется 412 душамъ обоего пола, и что гимназическій районъ, опредѣляемый одною тысячью душъ молодежи школьнаго возраста, опредѣляется вмѣстѣ съ тѣмъ пятью тысячами душъ всѣхъ возрастовъ, окажется, что въ гимназическомъ районѣ можетъ быть 10—15 селеній, т.-е. столько же завѣдующихъ и вдвое столько же помощницъ. Полагая жалованья по 300 рублей завѣдующей на полномъ содержаніи, мы увеличимъ бюджетъ гимназій на 3,000—4,500 рублей. Не забудемъ, что въ числѣ молодыхъ людей, отрабатывающихъ цѣну ученія, будетъ всегда находиться около 45 дѣвушекъ больше, нежели мужчинъ.

Изъ этихъ-то сверхкомплектныхъ рабочихъ женскаго пола легко командировать помощницъ въ дѣтскіе сады и ясли.

Прежде, чѣмъ окончательно подводить итоги нашему бюджету, не забудемъ, что мы вовсе ничего не назначили на хозяйственный прогрессъ, на усовершенствованія и прочее подобное. Между тѣмъ эти расходы, дѣлаемые въ мѣрѣ средствъ и возможности, должно во всякомъ случаѣ имѣть въ виду при подведеніи нашихъ итоговъ.

Эти итоги являются въ слѣдующемъ видѣ: обработка участка земли въ 2,025 дес. пахотной и луговой земли при соотвѣтственной площади выпасовъ, лѣса и огорода вполнѣ обезпечиваетъ обильное, здоровое и вкусное продовольствіе всего молодого поколѣнія отъ рожденія до окончанія курса гимназіи, а также продовольствіе молодежи, отрабатывающей цѣну ученія, и всего персонала администраторовъ, преподавателей и хозяевъ. При этомъ всѣ они обезпечиваются и обувью, а также шитьемъ одежды. Къ тому же попутно получается съ указаннаго участка около 20 тысячъ рублей, именно 15 тысячъ отъ излишковъ молока и ярового хлѣба (по нашему исчисленію 10 тыс. рублей съ хозяйственной площади въ 1,620 дес., теперь увеличенной нами до 2,025 дес.), и около 5 тысячъ отъ продажи шкуръ, щетины, перьевъ и прочихъ побочныхъ продуктовъ.

Денегъ же нужно:

На одежду учащихся и рабочихъ	60,000
„ учебныя пособія	10,000
„ вознагражденіе администраторовъ и преподавателей .	37,000
„ страхованіе	8,000
„ платежи по займу для первоначальнаго обзаведенія . .	10,000
Отчисленія въ запасный капиталъ	5,000
Пособіе при выпускѣ	22,500
Дѣтскіе сады и ясли	4,500
	S = 157,000

Если къ этому прибавить еще расходы на меліорацію въ хозяйствѣ и разные непредвидѣнные, то бюджетъ де-

нежныхъ расходовъ опредѣлится въ суммѣ 160—170 тыс. рублей и за вычетомъ вышеупомянутыхъ 20 тыс. дохода, полученнаго съ продовольственной площади, нужно добыть дохода съ другихъ хозяйственныхъ площадей и отъ зимняго труда отрабатывающей молодежи всего 140—150 тысячъ рублей. Вопросъ теперь въ томъ, можетъ ли хозяйство, располагающее выше опредѣленною рабочею силою, оправдать этотъ бюджетъ?

III.

Лѣтъ десять тому назадъ, въ одной статьѣ, для совершенно другой цѣли, я вычислилъ, на основаніи подробныхъ данныхъ, рабочую силу сельскаго работника для разныхъ полосъ Россіи. Для большей доказательности дальнѣйшихъ соображеній, привожу одно вычисленіе во всей подробности, именно для украинской черноземной полосы, лежащей приблизительно между 48° и 53° с. ш. Южнымъ предѣломъ района избрана мною Подолія, сѣвернымъ—Борзна. Приводя необходимыя цитаты для характеристики хозяйства этого района (см. мою статью «Нормы народнаго землевладѣнія» въ Русской мысли, 1885 г., № 9), я дѣлаю выводъ, что половина полевыхъ угодій подъ посѣвомъ, четверть подъ паромъ и четверть подъ сѣнокосомъ,—таково нормальное распредѣленіе полевой земли на трехпольномъ черноземѣ. Принявъ это распредѣленіе за нормальное при нашихъ вычисленіяхъ, мы можемъ перейти къ опредѣленію другихъ элементовъ проблеммы. Въ Черниговѣ (на сѣверной границѣ изучаемой полосы) зима продолжается безъ малаго четыре мѣсяца, а въ Подоліи (Каменецъ) всего съ небольшимъ три; вслѣдствіе этого различія слѣдуетъ ожидать и нѣкотораго различія въ очереди и смѣнѣ главныхъ земледѣльческихъ работъ. Вотъ параллельныя свѣдѣнія для Подоліи и Борзенскаго уѣзда Черниговской губерніи.

Мѣсяцы.	*Подолія.*	*Борзенскій уѣздъ.*
Апрѣль.	Двоятъ (второй разъ пашутъ) яровое поле. Сѣютъ яровую пшеницу, овесъ, ячмень.	Двоятъ поле на раннюю ярину. Сѣютъ овесъ. Первая оранка на позднюю ярину.
Май.	Сѣютъ просо, маисъ, гречиху. Сѣютъ и сажаютъ огородину.	Двоятъ на позднюю ярину. Посѣвъ гречихи, картофеля и проч. огородъ.
Іюнь.	Сѣнокосъ. Первая оранка на озимь.	Сѣнокосъ. Первая оранка на озимь.
Іюль.	Сборъ озимаго и части ярового хлѣба. Двоеніе на озимь.	Сѣнокосъ. Сборъ озимаго и части ярового. Двоеніе озими.
Августъ.	Окончаніе жатвы. Посѣвъ озими. Возовица.	Окончаніе жатвы. Посѣвъ озими. Возовица.
Сентябрь.	Молотьба. Окончаніе озимаго посѣва.	Молотьба. Окончаніе озимаго посѣва.
Октябрь.	Молотьба. Оранка на ярину.	Молотьба. Оранка на ярину.
Ноябрь.	Молотьба. Оранка на ярину.	Молотьба. Полевыя работы прекратились.

Эта маленькая табличка показываетъ, что, хотя въ Борзенскомъ уѣздѣ весеннія и осеннія работы значительно сосредоточены сравнительно съ Подоліей, тѣмъ не менѣе, самыя тяжелыя лѣтнія работы существенно не отличаются, а стало быть, то, что можетъ осилить подолянинъ, долженъ осилить и борзнякъ. Изъ приведенной таблицы видно, что въ Подоліи (какъ и въ Борзенскомъ уѣздѣ) наибольшее количество работы выпадаетъ на іюнь и іюль, въ теченіе которыхъ одна смѣна (первая) дважды перепахивается для озими, другія двѣ смѣны (сѣнокосная и озимая) скашиваются (въ Подоліи хлѣбъ косятъ, какъ и въ Новороссіи) и, наконецъ, изъ четвертой (яровой) убирается ранній посѣвъ. Полагая этотъ послѣдній равнымъ половинѣ всего ярового посѣва, мы увидимъ, что на каждую десятину пара (за это время дважды перепаханную) приходится одна десятина снятаго сѣнокоса и полторы десятины убраннаго хлѣба.

Въ Малороссіи пашутъ плугомъ, которымъ можно поднять, среднимъ числомъ, полдесятины въ день, а хлѣбъ

какъ и сѣно, убираютъ косами, причемъ на одну десятину полагается два косаря на день. При плугѣ должны быть, кромѣ того, погонычъ (полурабочій, а за неимѣніемъ—баба), при косарѣ—баба (для сгребанія сѣна, вязанія сноповъ). Сообразно этому на четырехдесятинный участокъ (по десятинѣ въ каждой смѣнѣ) потребуется въ іюнѣ и іюлѣ слѣдующее число рабочихъ дней:

	Муж.	Жен.	Полур.
Вспахать 1 дес. на озимь	2	„	2
Сдвоить 1 дес. на озимь.	1	„	1 [1])
Скосить 1 дес. сѣна	2	2	„
Скосить $1^1/_2$ дес. хлѣба	3	3	„
Всего. .	8	5	3

Изъ 61 дня мѣсяцевъ іюня и іюля необходимо вычесть 12 нерабочихъ дней (праздники). Такимъ образомъ, на хозяйство можетъ быть затрачено 49 дней. Если принять, что всѣ эти дни могутъ быть употреблены на полеводство, и если раздѣлить все число рабочихъ дней (49) на число дней (8), необходимыхъ для обработки четырехдесятиннаго участка, то окажется, что 1 работникъ (съ бабою, а еще лучше съ бабою и подросткомъ) могъ бы осилить 6 такихъ участковъ полевой земли или 24 десятины (въ томъ числѣ 12 десятинъ посѣва, 6 толоки, 6 сѣнокоса). При этомъ потребуется мужскихъ дней 48, женскихъ 30, полурабочихъ 18. Но, конечно, этотъ разсчетъ требуетъ безсмѣнно-благопріятной погоды, полнаго здоровья, отсутствія какихъ бы то ни было другихъ работъ (домашнихъ, огородныхъ, ремонтныхъ), отсутствія всякихъ случайностей съ орудіями, скотомъ и проч. Нельзя поэтому не признать, что 24 десятины на работника были бы чрезмѣрною нормою рабочей площади, но, откинувъ на всякія случайности, домашнія и другія работы, непогоду и пр. еще 9 дней (кромѣ 12 празд-

[1]) Двоятъ обыкновенно раломъ, а не плугомъ. Рало же можетъ разрыхлить до 1 дес. въ день.

никовъ) и полагая на полевыя работы всего 40 дней изъ 61, мы, конечно, удовлетворимъ самому придирчивому требованію. Въ такомъ случаѣ на работника потребуется 20 дес. полевой земли (15 дес. пашни и 5 дес. сѣнокоса), а число рабочихъ дней (въ 2 страдные мѣсяца) окажется: мужскихъ потребуется 40, останется незанятыхъ—21; женскихъ потребуется 25, останется свободныхъ 36; полурабочихъ потребуется 15, останется 48. Конечно, такое количество работы нельзя назвать обременительнымъ.

Примѣняя тѣ же пріемы и всюду принимая во вниманіе господствующую земледѣльческую технику, я получилъ (см. упомянутую статью) слѣдующую норму полевого культурнаго участка на рабочую пару въ разныхъ полосахъ Россіи:

Сѣверное Полѣсье (сѣв. 60° с. ш.) . . .	пах.	7	сѣнок.	3,5	= 10,5
Нечерноземная средняя Россія и Литва	„	$8^2/_3$	„	$4^1/_3$	= 13
Черноземная Ср. Россія (сѣв. 53° с. ш.)	„	$9^3/_4$	„	$3^1/_4$	= 13
Малороссія (48—53° с. ш.).	„	15	„	5	= 20
Новороссія (южнѣе 48° с. ш.). . . .	„	22,5	„	7,5	= 30

Эти нормы и примѣримъ теперь къ нашему хозяйству.

Если мы сначала не введемъ въ исчисленіе ни рабочихъ паръ старшихъ классовъ (всего 125 паръ), ни полурабочихъ среднихъ классовъ, ни сверхкомплектныхъ 45 работницъ, и остановимся исключительно на 90 рабочихъ парахъ, которыми хозяйство располагаетъ круглый годъ, то выше опредѣленное количество пахотной земли съ соотвѣтственнымъ числомъ сѣнокосной, потребуетъ числа рабочихъ паръ согласно нижеслѣдующей табличкѣ, гдѣ во-второмъ столбцѣ указано сколько изъ 90 упомянутыхъ рабочихъ паръ имѣетъ наше хозяйство въ избыткѣ (+) или въ дефицитѣ (—), а въ третьемъ—сколько оно еще можетъ обработать при избыткѣ или сколько нужно передать для обработки другому, дополнительному контингенту:

	Сколько нужно рабоч. паръ для 1350 дес. пашн.	Сколько недост. (—) или превосх. (+).	Сколько дес. пахот. земли должно быть обраб. другими силами (—) или сколько избытка (+) могутъ обработать эти силы.
Сѣверное Полѣсье . .	193	(—) 103	(—) 721
Нечерноз. Ср. Россія .	156	(—) 66	(—) 571
Черноз. Средн. Россія .	138	(—) 48	(—) 468
Малороссія.	90	0	0
Новороссія.	60	(+) 30	(+) 675

Такимъ образомъ, въ 18 южныхъ губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи, не считая Закавказья, одинъ контингентъ 90 рабочихъ паръ трехгодичной отработки вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ продовольствія и прочаго натуральнаго содержанія, какъ оно вычислено въ предыдущемъ параграфѣ, а въ 9 самыхъ южныхъ можетъ занять своимъ трудомъ еще очень значительную площадь или посвятить свободное, очень значительное время спеціальнымъ культурамъ, очень возможнымъ и выгоднымъ, именно въ этомъ районѣ, гдѣ винодѣліе, шелководство, садовство, табаководство могутъ представить большіе доходы.

Оставляя покуда вопросъ о спеціальныхъ культурахъ, сосредоточимъ наше вниманіе на тѣхъ доходахъ, которые можетъ принести просто расширеніе полевого хозяйства до нормы, опредѣленной силами не только 90 паръ, но всего рабочаго состава гимназіи.

Мы опредѣлили выше размѣръ хозяйства, которое удовлетворяетъ всѣмъ тѣмъ потребностямъ гимназіи, которыя могутъ быть удовлетворены натурою. Еслибы мы всѣ эти продукты обратили въ деньги и присоединили побочные и второстепенные продукты (шкуры, шерсть, жеребятъ, топливо, огородную птицу и т. д.), то получили бы всего около 56—57 тыс. валового сбора съ площади въ 2025 дес., причемъ въ разныхъ полосахъ для добычи этого дохода потребуется разное число рабочихъ паръ, не менѣе, однако, 60 (въ Новороссіи) и не болѣе 193 (Сѣверное Полѣсье). Сообразно этому, одна рабочая пара (въ условіяхъ организованнаго хозяйства) добываетъ продукта:

въ Новороссіи	на 930	рублей.
„ Малороссіи	„ 625	„
„ Ср. черноз. Россіи .	„ 410	„
„ Ср. нечерноз. Россіи .	„ 360	„
„ Сѣв. Полѣсьѣ . . .	„ 300	„

При этомъ, однако, остается неземледѣльческаго сезона, совершенно свободнаго отъ земледѣльческихъ работъ, въ Новороссіи не болѣе 3 мѣсяцевъ, въ Малороссіи около 4 мѣс., въ Средней Россіи — 6—8 мѣсяцевъ, на сѣверѣ — 8 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, въ полосахъ сѣвернаго полѣсья, средней нечерноземной и средней черноземной на сезонъ до мая и послѣ августа вовсе или почти не выпадаетъ земледѣльческихъ работъ, и поэтому 125 рабочихъ паръ, даваемыхъ старшимъ классомъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ земледѣльческимъ работамъ; но для двухъ южныхъ полосъ, объемлющихъ 18 губерній, весеннія и осеннія земледѣльческія работы производятся въ учебный сезонъ и слѣдовательно должны быть произведены контингентомъ 90 постоянныхъ рабочихъ паръ. Вопросъ, въ состояніи ли они заготовить необходимое количество обработаннаго поля, чтобы въ страду приложить всѣ труды учащейся молодежи? Несомнѣнно, могутъ.

Въ Малороссійской полосѣ въ страдные мѣсяцы требуется отъ работника, при участкѣ полевой земли въ 20 дес., въ іюнѣ 21 день, въ іюлѣ 21 и въ августѣ 20 дней, всего 61 день изъ 74 непраздничныхъ рабочихъ дней. Между тѣмъ, для того же участка въ осенніе и весенніе мѣсяцы нужно весною (апрѣль и май) семь дней и осенью (сентябрь и октябрь) двадцать дней, всего 27 изъ 95 непраздничныхъ рабочихъ дней, причемъ часть работъ легко можетъ быть переносима съ осени на весну и обратно.

Такимъ образомъ, затративъ 27 дней осенняго и весенняго сезона на обработку участка, который сама рабочая пара и уберетъ въ страду, у нея остается въ распоряженіи еще 68 дней этого сезона. Затративъ еще 54 дня для обезпеченія во время страды работою двѣ пары лѣтнихъ

рабочихъ, такая пара еще будетъ имѣть свободными 14 дней сезона.

Между тѣмъ, для обезпеченія вполнѣ страдною работою всѣхъ 125 рабочихъ паръ учащейся молодежи, 90 постоянныхъ рабочихъ должны заготовить сверхъ своего участка не два, а меньше полутора. Тѣ же соображенія приводятъ къ аналогичному заключенію и для Новороссіи, гдѣ нужно больше заготовить обработанной площади, но гдѣ за то и сезонъ осеннихъ и весеннихъ работъ длиннѣе. Если же такъ, то значитъ всюду площадь обработываемой полевой земли можетъ быть расчисляема по полному числу рабочихъ паръ лѣтняго сезона, а слѣдовательно и доходъ хозяйства по валовой выручкѣ такой пары. Опредѣливъ выше эту выручку для разныхъ полосъ, мы теперь можемъ опредѣлить и весь возможный доходъ отъ полеводства нашихъ гипотетическихъ гимназическихъ хозяйствъ по полосамъ. Мы располагаемъ всюду, кромѣ 45 работницъ и 250 полурабочихъ, по 215 рабочихъ лѣтнихъ паръ, но изъ нихъ, какъ выше опредѣлено, отъ 60 до 193 нужно для удовлетворенія натурою нѣкоторыхъ потребностей учрежденія. Остается слѣдовательно отъ 22 до 155 рабочихъ лѣтнихъ паръ. Сообразно этому полеводство при господствующей нынѣ техникѣ дастъ дополнительнаго дохода, по полосамъ:

въ Новороссіи	144,150 р.
„ Малороссіи	78,115 „
„ Ср. Черноз. полосѣ . . .	31,570 „
„ Ср. Нечерноз. „ . . .	21,290 „
„ Сѣв. Полѣсьѣ	6,600 „

Мы знаемъ, что сверхъ натуральнаго довольствія необходимо еще 140—150 тыс. руб., такъ что въ девяти самыхъ южныхъ губерніяхъ одно полеводство при нынѣшней отсталой техникѣ все-таки удовлетворитъ запросу, въ остальныхъ полосахъ будетъ недоборъ, именно въ малороссійской до 65,000 р.; въ средней черноземной около 115,000 р.; въ средней нечерноземной до 125,000; дефицитъ сѣвернаго Полѣсья достигнетъ 140,000 р. Эти суммы должны быть

выручены или повышеніемъ земледѣльческой техники, или побочными лѣтними занятіями и зимнимъ трудомъ 90 рабочихъ паръ и 45 дѣвушекъ.

Остановимся на вопросѣ, нельзя ли, не измѣняя системы хозяйства, сбалансировать дефицитъ, увеличивъ отработочный срокъ на одинъ годъ? Считая и возвратившихся послѣ отбыванія воинской повинности, это составитъ новыхъ 45 рабочихъ паръ. Это доставитъ для разрѣшенія поставленнаго нами вопроса слѣдующія цифровыя данныя:

	Дополн. площади.	Дополн. доходъ.
Малороссія	900 дес.	28,125 р.
Средняя Россія черноз. . .	585 „	18,450 „
„ „ нечерн. . .	585 „	16,200 „
Сѣв. Полѣсье.	473 „	13,500 „

Ясно, что, даже увеличивая отработочный срокъ на годъ, мы не достигнемъ необходимаго бюджета въ итогахъ одной лѣтней выручки при нынѣ господствующей системѣ земледѣльческой техники. Но зачѣмъ же упорствовать на этой системѣ? И почему не испытать возможность поднять производительность труда до необходимаго уровня, который въ девяти южныхъ губерніяхъ (Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Донской, Кубанской, Терской, Ставропольской и Астраханской) достигается благопріятными природными условіями? Даже не увеличивая урожайности, принятой нами очень низко, можно достигнуть необходимаго намъ уровня, если, вооруживъ работника машинами, мы доставимъ возможность каждой рабочей парѣ справляться съ участкомъ полевой земли въ 30 десятинъ. Именно такой участокъ обезпечиваетъ новороссійскому хозяйству необходимую для насъ доходность.

Остановимся прежде всего на косильныхъ и жатвенныхъ машинахъ. Въ настоящее время въ Малороссіи одна рабочая пара, какъ мы видѣли, можетъ справиться съ двадцатидесятиннымъ участкомъ полевой земли, причемъ этотъ размѣръ опредѣляется количествомъ труда въ іюнѣ и іюлѣ, когда такая рабочая пара затрачиваетъ 15 дней на оранку,

15 дней на жатву и 10 дней на сѣнокосъ. Посмотримъ, сколько надо будетъ затратить дней на сѣнокосъ и жатву послѣ введенія косильно-жатвенныхъ машинъ, убирающихъ въ день по 4 десятины. Къ косилкѣ нужно пару лошадей и одного рабочаго, но для уборки сѣна на каждую косилку должно ставить конныя грабли съ лошадью и рабочимъ. Итого наша рабочая пара уберетъ свои 5 десятинъ сѣнокоса вмѣсто 10 дней въ одинъ день съ четвертью. Къ жатвенной машинѣ надо ставить двухъ рабочихъ и за ней вязать снопы еще восемь, всего десять человѣкъ или пять паръ. Эти пять паръ убрали бы обыкновеннымъ путемъ 37½ десятинъ, затративъ каждая по 15 дней. Жатвенная машина уберетъ эту площадь въ девять съ половиною дней. Такимъ образомъ на сѣнокосъ и жатву въ страду наша рабочая пара вмѣсто 25 дней затратить неполныхъ 11. При этомъ двадцатидесятинный участокъ потребуетъ въ страду не 40 дней, а всего 26, болѣе чѣмъ на треть сберегая рабочаго времени. Если же затрачивая 26 дней въ страду можно обработать 20 дес., то, затрачивая изъ освободившихся 14 дней тринадцать, можно будетъ обработать еще десять десятинъ, а всего 30 десятинъ, столько же, сколько въ девяти южныхъ губерніяхъ. Ясно, что въ девяти губерніяхъ, украинскихъ и лежащихъ съ Украйною на одной широтѣ (Волынская, Подольская, Кіевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Курская, Воронежская и Саратовская), одно введеніе косильно-жатвенныхъ машинъ вполнѣ достаточно, чтобы усилить производительность земледѣльческаго труда до необходимаго уровня и обезпечить нашему гимназическому хозяйству необходимый бюджетъ доходовъ.

Главное отличіе средней полосы отъ малороссійской заключается въ томъ, что въ то время, какъ въ Украйнѣ страда располагаетъ сорока днями, въ средней Россіи — всего 30 днями. Между тѣмъ, если бы мы пожелали и для средней полосы сохранить рабочую полевую площадь въ 30 дес. (вмѣсто нынѣшнихъ 13 дес.) на рабочую пару, то, затративъ при машинахъ на уборку 7½ дес. сѣнокоса не

полныхъ 2 дня, а на уборку 15 дес. посѣвовъ — не полныхъ 19 дней (по $^4/_5$ дес. въ день на рабочую пару), всего 20 дней, рабочая пара сохранитъ для оранки и посѣва $7^1/_2$ дес. озимаго, всего 10 дней вмѣсто необходимыхъ 22—23 дней. Эти недостающіе 12 дней можно найти не иначе, какъ съумѣвъ ихъ отнести на періодъ до страды, т. е. заблаговременно приготовляя часть озимаго поля. Перенося часть оранки подъ яровое на осень (что совершенно возможно, хотя и не практикуется), возможно будетъ найти время для болѣе ранней оранки на озимь, оставляя на страдное время двоеніе и посѣвы. Эти соображенія относятся къ средней черноземной полосѣ. Для нечерноземной цифры нѣсколько мѣняются. Здѣсь при 30-десятинномъ рабочемъ участкѣ сѣнокоса будетъ не $7^1/_2$ дес., а 10, сообразно чему пахатной окажется по $6^2/_3$ въ клину. На уборку сѣнокоса надо будетъ затратить, при машинахъ, $2^1/_2$ дня, на уборку же $13^1/_3$ дес. посѣва—$16^1/_2$ дней, всего 19 дней. Останется для обработки озимаго поля 11 дней, тогда какъ необходимо 20 дней; переносить на время до страды нужно не 12, а 9 дней. Въ результатѣ ясно одно, что, не увеличивая нимало урожайности, принятой нами очень низко, наше гимназическое хозяйство и въ средней полосѣ можетъ занять и обработать площадь, вполнѣ и даже изобильно обезпечивающую содержаніе гимназіи. Остается разсмотрѣть условія сѣвернаго Полѣсья, включающаго около 7—8 губерній, слабо населенныхъ и богатыхъ казенными лѣсными владѣніями.

Сѣверно-полѣсское хозяйство располагаетъ въ страду не болѣе 25 дней. Если бы мы нашли возможность всю оранку на озимь перенести на время до страды, оставляя на эти 25 дней сѣнокошеніе — $2^1/_2$ дня, сборъ хлѣба — $16^1/_2$ дней, двоеніе и посѣвъ озими 7 дней, то и тогда потребуется на страдное время — 26 дней. При нѣкоторой большей напряженности труда и при длинѣ лѣтняго сѣвернаго дня, такая задача конечно выполнима. Не знаю только, выполнима-ли задача перенести оранку на озимь на дострадное время. Это зависитъ отъ возможности пе-

ренести оранку на яровое на осень и отъ сроковъ, когда возможна уже вывозка весною удобренія на паровое поле. Весьма возможно, что эти два условія не дозволятъ сѣверно-полѣсскому хозяйству довести свою площадь до указанной нормы. Въ такомъ случаѣ естественнымъ выходомъ будетъ, послѣ введенія машинъ, расширеніе не столько пашни, сколько сѣнокоса. Косилка дастъ возможность той же рабочей парѣ убирать въ восемь разъ большую площадь сѣнокоса, затрачивая то же время. Въ нашемъ гипотетическомъ хозяйствѣ въ сѣверной полосѣ вся выручка скотоводства опредѣлилась въ 28 тыс. рублей, а весь дефицитъ въ 140 тыс. руб. Если мы увеличимъ площадь сѣнокоса въ шесть разъ, т. е. сѣнокосную площадь доведемъ до 4,380 дес., оставляя пашнею—1,460 дес., всего 5,840 дес. и соотвѣтственно увеличимъ и скотоводство, то покроемъ вполнѣ весь дефицитъ, затрачивая однако на сѣнокошеніе лишь три четверти рабочей силы, для того имѣющейся въ распоряженіи хозяйства. Весьма вѣроятно, что и въ средней нечерноземной полосѣ было бы выгоднѣе расширять больше сѣнокосную, нежели пахатную площадь.

Итакъ, располагая площадью удобной полевой земли отъ 6 до $6^1/_2$ тыс. дес., имѣя контингентъ постоянныхъ рабочихъ изъ 90 рабочихъ паръ и кромѣ того изъ 125 лѣтнихъ рабочихъ паръ учащейся молодежи, не считая полурабочихъ, наше гимназическое хозяйство можетъ отъ одного полеводства обезпечить вполнѣ удовлетворительное, далеко не бѣдное существованіе гимназіи и содержаніе всего учащаго, учащагося и рабочаго персонала, помогая населенію содержать и младшіе до-школьные возрасты, снабжая выходящихъ солиднымъ пособіемъ и неся значительные расходы на погашеніе первоначальнаго обзаведеденія, на страховку и на образованіе запаснаго фонда. Не надо забывать при этомъ, что остается еще въ распоряженіи гимназическаго хозяйства зимній трудъ 90 мужчинъ и 135 женщинъ, въ теченіе отъ 3 до 5 мѣсяцевъ; что было бы совершенно неестественно, еслибы это хозяйст являющееся вмѣстѣ съ тѣмъ школою сельско-хозяйстр

наго образованія, остановилось на принятыхъ нами нормахъ урожайности какъ хлѣба, такъ и травы; что мы совершенно не ввели въ наше исчисленіе ни спеціальныхъ культуръ, ни обработки добытаго сырья.

IV.

Площадь около 6 тысячъ десятинъ на соединенную гимназію, конечно, очень велика, но не надо забывать, что она призвана содержать, образовать и снабдить первоначальными средствами все молодое поколѣніе района, съ учащими и рабочими, свыше 2,500 душъ обоего пола, свыше половины всего мѣстнаго населенія... Къ тому же такая площадь необходима лишь при современной весьма низкой техникѣ, низкой даже для трехполья. Напримѣръ, лишь доведя урожайность до 80 пудовъ съ десятины (и нынѣ не рѣдкая въ среднихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ), мы сократимъ площадь пашни болѣе, нежели на одну треть. Введеніе травосѣянія съ двукратнымъ сѣнокосомъ уменьшитъ необходимую луговую площадь. То же сдѣлаетъ введеніе въ сѣвооборотъ кормовыхъ растеній. Къ тому же ведетъ и постепенное распространеніе квашеннаго сѣна и т. д. и т. д. Словомъ, не ломая установившейся трехпольной системы и лишь вводя улучшенія, уже и теперь широко практикуемыя, мы легко уменьшимъ необходимую площадь до размѣра 4—5 тысячъ десятинъ на гимназическое хозяйство. Думаю, однако, что еслибы этой мысли суждено было получить практическое испытаніе, то для опыта первыя такія земледѣльческія гимназіи должны бы были получить надѣлъ отъ 6 до 7 тыс. дес.

Гимназіи, расположенныя подъ городомъ или вблизи желѣзнодорожныхъ станцій, на линіяхъ, не удаленныхъ отъ крупныхъ центровъ, должны бы получить совершенно другой типъ. Огородничество, садоводство, молочное хозяйство и ремесла здѣсь могутъ вполнѣ замѣнить полеводство, и гимназическая хозяйственная площадь окажется

весьма незначительною. Чисто городскія гимназіи для состоятельныхъ людей, готовыхъ деньгами оплатить полную цѣну образованія, могли бы удержать нынѣшній типъ. Наконецъ, четвертый типъ надо было бы создать для учащихся, удаляемыхъ изъ обыкновенныхъ гимназій за дурное поведеніе. Обязывая все молодое поколѣніе пройти курсъ средняго образованія, было бы нераціонально освобождать отъ него за дурное поведеніе. Для старшихъ классовъ это могло бы явиться соблазномъ и поощреніемъ къ дурному поведенію. Учрежденіе особыхъ гимназій для удаленныхъ за дурное поведеніе явилось бы логическимъ дополненіемъ всей системы. Болѣе суровая дисциплина, полная раздѣльность мальчиковъ отъ дѣвочекъ, менѣе многочисленный составъ учащихся, болѣе многочисленный составъ надзирающихъ, все вело бы къ невозможности соблюсти обыкновенный типъ. Вѣроятно, пришлось бы болѣе сосредоточиться на ремесленномъ трудѣ или даже на мануфактурѣ. Весьма возможно, что такія гимназіи потребовали бы приплаты со стороны казны.

Всѣ эти соображенія и данныя показываютъ, что, однажды основанная и осуществленная, предлагаемая система могла бы совершенно правильно и удовлетворительно функціонировать, самое себя содержа и обезпечивая всему населенію полное гимназичееское образованіе. Является, однако, вопросъ, не менѣе сложный, вопросъ о способахъ и средствахъ осуществленія. Остановимся нѣкоторое время и на этомъ вопросѣ.

Прежде всего, вопросъ о землѣ. Отъ 4 до 7 тысячъ десятинъ это на трехпольномъ черноземѣ отъ 400 до 700 тысячъ рублей, а въ остальныхъ полосахъ во всякомъ случаѣ не менѣе 200,000 р. (кромѣ, быть можетъ, сѣвернаго Полѣсья). Если эту площадь купить, то пришлось бы возложить на гимназическое хозяйство еще ипотечный долгъ съ уплатою процентовъ и погашенія отъ 10 до 35 тыс. р. ежегодно. При томъ громадномъ запасѣ дарового труда, которымъ обладаетъ гимназіи, это не очень много и могло бы быть покрыто зимнимъ трудомъ 90 мужчинъ и

135 женщинъ, которыми располагаетъ гимназія, но могло бы быть взято на себя частью казною, частью земствомъ, которыя были бы освобождены отъ всѣхъ другихъ расходовъ на народное образованіе. Такимъ образомъ, когда рѣчь идетъ объ основаніи и оборудованіи одной такой гимназіи, большихъ затрудненій не представитъ и вопросъ о землѣ. Этотъ вопросъ ставится гораздо серьезнѣе, если его примѣрить ко всей проблеммѣ. Въ Европейской Россіи въ настоящее время около 100 милліоновъ жителей, такъ что школьнаго возраста (8—20 лѣтъ) должно быть до 20 милліоновъ душъ. Соотвѣтственно этому для обезпеченія гимназическимъ образованіемъ всего школьнаго возраста потребовалось бы 20 тысячъ двойныхъ гимназій (20 т. мужскихъ и 20 т. женскихъ), а считая по 5 тыс. дес. на гимназію — до 100 милліоновъ десятинъ! Впрочемъ, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ... Войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Начать съ того, что земледѣльческимъ трудомъ занимаются въ настоящее время никакъ не всѣ 100 милліоновъ русско-европейскаго населенія, а около 80%, т.-е. около 80 милліоновъ душъ. Только ихъ дѣти и должны быть проводимы чрезъ земледѣльческія гимназіи. Для остальныхъ, даже несостоятельныхъ оплатить деньгами образованіе дѣтей, будутъ пригоднѣе гимназіи второго типа, подгороднія, огородно-ремесленнаго труда. Изъ числа и сельскохозяйственныхъ населеній нѣкоторый процентъ предпочтетъ отдавать своихъ дѣтей въ платныя городскія среднія школы, а нѣкоторый другой процентъ будетъ отвлеченъ въ исправительныя гимназіи. Наконецъ, въ счисленіе населенія Европейской Россіи входятъ элементы, которые едва ли будетъ удобно съ перваго раза привлекать къ обязательному образованію. Съ одной стороны, нѣкоторыя полудикія племена сѣвера (самоѣды, зыряне, вогулы, вотяки и пр.), съ другой стороны, женское молодое поколѣніе магометанъ, съ третьей—нѣкоторыхъ сектантовъ, вѣроятно, пришлось бы временно освободить отъ обязательнаго образованія... Между тѣмъ однихъ магометанъ въ Европейской Россіи

нынѣ около 4 милліоновъ, да мелкихъ инородцевъ до полумилліона, такъ что съ нѣкоторыми сектантами общее число можетъ дойти до 5 милліоновъ. Нужно еще будетъ устранять хроническихъ и заразныхъ больныхъ. Слѣпыхъ и глухонѣмыхъ въ Западной Европѣ насчитывается около 0,2% всего населенія; идіотовъ и сумашедшихъ — 0,22%, или всего только этихъ категорій до полупроцента, а на Европейскую Россію не менѣе полумилліона. Прибавляя къ этому неизвѣстное число хроническихъ больныхъ и увѣчныхъ, а также прямо преступныхъ, мы не ошибемся, если вмѣстѣ съ иностранцами всѣ эти категоріи (состоятельныхъ, исправляемыхъ, магометанскихъ дѣвочекъ, мелкихъ инородцевъ, фанатическихъ сектантовъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идіотовъ, сумасшедшихъ, хрониковъ, заразныхъ, преступныхъ) исчислимъ около 10 милліоновъ душъ, а на долю земледѣльческаго населенія 8 милліоновъ. Останется 72 милліона, и нужно будетъ для ихъ гимназій отъ 60 до 72 милліоновъ десятинъ. И это, конечно, очень много, но все же на треть меньше первой оптовой цифры.

Другую сторону разсматриваемаго вопроса представляетъ роль, которую въ этомъ случаѣ могли бы сыграть громадные запасы государственныхъ земель, еще имѣющіеся въ Европейской Россіи. Если включать въ эту площадь и запасныя войсковыя земли Донскія, Кубанскія и Терскія, изъ которыхъ вполнѣ справедливо обезпечить образованіе молодого поколѣнія этихъ казачьихъ территорій, то Европейская Россія имѣетъ такихъ свободныхъ земель 158 милліоновъ десятинъ. Казалось бы это вполнѣ достаточно для нашей цѣли, требующей въ два съ половиною раза меньше. Къ сожалѣнію, земли эти распредѣлены очень неравномѣрно. Такъ въ сѣверномъ Полѣсьѣ ихъ расположено 127,6 мил. дес. и здѣсь, особенно усвоивъ систему обмѣна, гдѣ нужно. частныхъ и даже крестьянскихъ земель на казенныя съ цѣлью предоставить первыя школамъ, вѣроятно, было бы не трудно даромъ обезпечить землею наши земледѣльческія гимназіи. Такъ же хорошо обстоитъ дѣло въ вышеназванныхъ трехъ казачьихъ областяхъ нашего юго-востока.

Губерніи Астраханская, Оренбургская и Уфимская находятся, повидимому, въ тѣхъ же условіяхъ, а Уральская область даже навѣрное, итого 12 губерній и областей, наименѣе населенныхъ и наименѣе культурныхъ. Однако, конечно, и эти запасы составляютъ довольно крупный козырь нашего дѣла.

Остальная Россія замѣтно дѣлится на двѣ полосы, такъ называемую коренную (она-же земская), гдѣ всюду сохранилось довольно значительное государственное землевладѣніе, и западную, гдѣ казенныхъ земель очень мало. Такъ какъ земскія губерніи и представляютъ наилучшую почву для проведенія плана всенароднаго образованія, то мы ихъ и выдѣлимъ въ нашемъ обзорѣ.

Изъ 34 земскихъ губерній 4 включены выше нами въ сѣверное Полѣсье, и мы имѣемъ дѣло съ 30 губерніями съ населеніемъ въ 52 милліона. Изъ нихъ выдѣляемъ 25% на неземледѣльческое и устраняемое населеніе, остается 39 милліоновъ, т.-е. нужно земли для 7800 гимназій отъ 32 до 40 милліоновъ десятинъ, изъ коихъ около одной пятой могло бы быть найдено на государственныхъ земляхъ, примѣняя ту же систему обмѣна. Осталось бы отъ 26 до 32 милліоновъ десятинъ, которую пришлось бы купить или даже отчудить по оцѣнкѣ. При теперешнемъ хозяйственномъ кризисѣ прибѣгать къ отчужденію пришлось бы, конечно, не часто. Если мы вспомнимъ, что такая покупка на гарантированныя облигаціи есть въ сущности отлично обезпеченная ипотека; если не забудемъ тѣ милліарды, которые уже лежатъ ипотекою на десяткахъ милліонахъ десятинъ; если примемъ во вниманіе постепенность такихъ ипотечныхъ выпусковъ и возможность раскладки ихъ платежей и на гимназіи, получившія даровой надѣлъ, то, конечно, не испугаемся грандіозности финансовой операціи. Она не представляется химерою и утопіей. А рѣшивъ проблемму для земской Россіи и богатыхъ землею восточныхъ окраинъ, можно будетъ позаботиться и о западныхъ. Отсутствіе земства, которое могло бы взять на себя заботу о хозяйственной организаціи дѣла; отсутствіе свободныхъ государ-

ственныхъ земель; дороговизна частныхъ земель и многое другое соединилось на западѣ имперіи, чтобы затруднить проведеніе этого плана, сложнаго и нелегкаго и въ коренныхъ губерніяхъ. Рѣшивъ эту все же значительно упрощенную задачу для коренныхъ земель, мы будемъ имѣть опытъ и получимъ средства и для рѣшенія въ западныхъ окраинахъ.

Финансовая сторона дѣла, не смотря на всю ея грандіозность, представляется не самою затруднительною. Найти удовлетворительный контингентъ персонала учащихъ, администраторовъ и хозяевъ представитъ, конечно, больше трудности. Ограничивая покуда вопросъ однѣми земскими губерніями, приходится имѣть въ виду всѣхъ гимназій, городскихъ, подгородныхъ и земледѣльческихъ около 12 т., или вѣрнѣе по 12 тыс. мужскихъ и женскихъ. Городскія и частью подгородныя гимназіи могутъ не комбинировать въ одномъ хозяйственномъ учрежденіи мужскихъ и женскихъ гимназій. Педагогическаго персонала на каждыя 2 гимназіи нужно по 22 человѣка (въ городскихъ гимназіяхъ сельское хозяйство будетъ замѣнено по теперешнему вторымъ новымъ языкомъ, а въ подгородныхъ какимъ-нибудь техническимъ предметомъ), итого надобно 264 тысячи преподавателей, изъ которыхъ только 48 тысячъ для начальныхъ школъ, а остальныя 216 тыс. для гимназическихъ классовъ, т.-е. съ высшимъ образованіемъ. Если мы еще вычтемъ 12 тыс. законоучителей, которые на первое время могутъ быть пополняемы изъ состава приходскихъ священниковъ и діаконовъ, все же останется 204 вакансіи лицъ съ высшимъ образованіемъ. Изъ нихъ 12 тысячъ директоровъ, 12 тысячъ начальницъ и поровну преподавателей старшихъ гимназическихъ и младшихъ прогимназическихъ классовъ. Даже допуская, что начальницы будутъ выбираться на первое время съ среднимъ образованіемъ и что для преподаванія въ прогимназическихъ классахъ могутъ быть допущены по дополнительному экзамену лица съ высшимъ образованіемъ не соотвѣтствующихъ факультетовъ, все-таки останется до 90 тыс. учителей-

спеціалистовъ (филологическаго и математическаго факультетовъ) и столько же прогимназическихъ, временно съ пониженнымъ цензомъ. Женщины, окончившія высшіе курсы, могли бы быть тоже допущены въ число прогимназическихъ преподавателей. За всѣмъ тѣмъ цифры все-таки остаются очень велики и вынуждаютъ значительную постепенность при проведеніи плана.

Въ составѣ остального персонала не составятъ большого затрудненія, вѣроятно, только врачи и фельдшера. Около девяти тысячъ ветеринаровъ уже слишкомъ большая цифра для нашего ветеринарнаго сословія, а 9 тысячъ ученыхъ агрономовъ еще затруднительнѣе. На первое время, конечно, можно было бы довольствоваться хозяевами-практиками; можно было бы приглашать агрономовъ и изъ заграницы. То же можно бы практиковать и относительно спеціалистовъ, технологовъ и даже мастеровъ ремеслъ. Во всякомъ случаѣ забота о педагогическомъ и административно-хозяйственномъ персоналѣ заставила бы проводить планъ съ большою постепенностью, а съ другой стороны—обратить вниманіе на усиленіе выпуска учителей, агрономовъ и другихъ необходимыхъ спеціалистовъ. Пришлось бы, конечно, значительно увеличить высшеобразовательныя средства.

Въ настоящее время въ коренной Россіи имѣется 5 университетовъ, а присоединяя и сосѣдній кіевскій—шесть, т.-е. двѣнадцать учительскихъ факультетовъ. Присоединяя къ этому числу нѣжинскій лицей и историко-филологическій институтъ, получимъ 14 факультетовъ, изъ которыхъ 8 филологическихъ и 6 математическихъ. Доводя ежегодный выпускъ каждаго факультета даже до 200 человѣкъ, весь выпускъ можно опредѣлить въ 1600 филологовъ и 1200 математиковъ. Между тѣмъ для 12 тыс. гимназій земской Россіи надобно 72 тыс. филологовъ и 24 тыс. математиковъ. Считая же срокъ службы учителя въ 20 лѣтъ, весь учительскій персоналъ долженъ обновиться въ 20 лѣтъ, т.-е. ежегодно надо будетъ новыхъ учителей-филологовъ 3600 и математиковъ 1200. Къ этимъ цифрамъ

надо прибавить убыль отъ естественной смерти, отъ хроническихъ и неизлѣчимыхъ болѣзней, отъ личныхъ причинъ и т. д. Въ этомъ возрастѣ (25—50 лѣтъ) смертность обыкновенная не превышаетъ 1%, т.-е. будетъ уносить ежегодно около 720 филологовъ и 240 математиковъ. Не менѣе того надо считать на болѣзни, преступленія, личныя причины, всего же ежегодный контингентъ возобновленныхъ учителей-филологовъ достигнетъ 5000 человѣкъ, а математиковъ около 1700. Принимая же во вниманіе, что далеко не всѣ математики направятся на учительское поприще, мы легко убѣдимся, что настоящаго числа филологическихъ и математическихъ факультетовъ вполнѣ недостаточно не только для единовременнаго замѣщенія всѣхъ гимназическихъ каѳедръ, но не могло бы и послѣ замѣщенія отвѣчать потребности въ возобновленіи персонала. Увеличеніе числа этихъ факультетовъ и вообще университетовъ необходимо однако и независимо отъ только-что указанной потребности.

Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время число университетовъ къ численности жителей въ разныхъ странахъ слѣдующее: именно, одинъ университетъ приходится:

Въ Италіи	на	1.436,000 жителей.
„ Испаніи	„	1.756,000 „
„ Германіи	„	2.471,000 „
„ Франціи	„	2.556,000 „
„ Японіи	„	8.400,000 „
„ Россіи	„	13.000,000 „

Эти цифры приводитъ проф. Лоранъ въ книгѣ: Les Universités des deux Mondes. Почтенный авторъ для Россіи даетъ цифру болѣе благопріятную, именно 1 университетъ на 12.300,000 жителей, но къ выходу его книжки еще не были извѣстны результаты переписи. Оказалось на 130 милліоновъ всего 10 университетовъ, что и даетъ 1 унив. на 13 мил. Но такъ какъ Гельсингфорсскій университетъ существуетъ спеціально для 2 мил. финляндцевъ, Варшавскій и Юрьевскій удовлетво-

ряютъ такія-же потребности особыхъ группъ населенія (всего около 14 мил.), а Томскій имѣетъ всего одинъ факультетъ (котораго какъ разъ еще не имѣетъ Одесскій), то въ сущности отношеніе еще гораздо менѣе благопріятное, именно 1 университетъ на 19 милліоновъ жителей. Въ Западной же Европѣ среднее отношеніе оказывается 1 унив. на 2 мил. жит. Чтобы сравняться въ этомъ отношеніи съ Западною Европою, Россія должна бы имѣть 65 университетовъ, или къ имѣющимся 10 (приведеннымъ къ полному составу) прибавить еще 55! Для удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя мною выше намѣчены, потребовалось бы меньше, а вѣдь то, что уже осуществлено такими бѣдными націями, какъ Италія или Испанія, не можетъ почитаться чѣмъ-то недосягаемымъ для Россіи... Чтобы сравняться хотя бы съ Японіей, потребовалось бы основать новыхъ 6 университетовъ!

Послѣ всего сказаннаго, кажется нельзя смотрѣть на высказанную выше необходимость увеличенія числа университетовъ, какъ на новую утопію, дополняющую собою мою большую средне-учебную утопію. Увеличеніе числа университетовъ есть настоятельная существенная потребность. Оно необходимо и для моего плана всенароднаго средняго образованія. Для осуществимости этого плана было бы полезно и изысканіе средствъ къ уменьшенію числа филологическихъ каѳедръ въ гимназіи. Думается, какъ то я старался доказать выше въ статьѣ о гимназической реформѣ, что, не нанося ни малѣйшаго ущерба солидности образованія, можно было бы достигнуть такого сокращенія; но это уже выходитъ изъ рамокъ нашего вопроса, такъ какъ обсужденіе программы преподаванія мы совершенно отдѣлили отъ разрѣшенія поставленной нами проблеммы выяснить экономическую возможность всенароднаго средняго образованія. По пути мы расширили задачу; мы взяли на ту же организацію содержаніе всего дѣтскаго населенія; мы озаботились обезпечить молодыхъ людей серьезнымъ для деревни приданымъ при выходѣ; мы нашли возможнымъ опредѣлить на тѣ же средства въ каждую

гимназію, т.-е. въ каждую волость, по врачу, ветеринару, ученому агроному, ученому садовнику, технологу и по шести мастеровъ не менѣе (которые поднимутъ культуру и удовлетворятъ соотвѣтственныя потребности всей мѣстности)... И всѣ эти задачи находятъ себѣ финансовое и экономическое разрѣшеніе при осуществленіи нашего плана...

Я не скрываю отъ себя пробѣловъ въ этомъ бѣгломъ изложеніи и весьма вѣроятныхъ промаховъ и прочетовъ. Но я и не задавался цѣлью составить исполнительный проектъ. Я хотѣлъ только дать мысль, которая можетъ облечься и въ другія формы. Основная же мысль въ томъ, что, освободивъ вполнѣ лѣтній трудъ учащихся и присоединивъ къ нему ихъ же трудъ по окончаніи курса въ теченіе нѣкотораго непродолжительнаго и необременительнаго срока, мы создаемъ такой крупный фондъ, который отвѣтитъ всѣмъ вышеисчисленнымъ потребностямъ, а вѣроятно, и многимъ другимъ. Въ томъ, что эта мысль правильна, сомнѣваться едва ли возможно, и на пути осуществленія всенароднаго средняго образованія, общаго и спеціальнаго, мы встрѣтили бы препятствія не столько со стороны финансовыхъ и экономическихъ условій задачи, сколько со стороны условій культурныхъ. Но и они не непреоборимы, а проблемма во всякомъ случаѣ стоитъ нѣкотораго вниманія... Неужели, однако, не стоитъ?

1895 г.

ЖЕНЩИНА И ПРОСВѢЩЕНІЕ.

(По поводу учрежденія женскаго медицинскаго института).

I.

Не припомню теперь, гдѣ и когда мнѣ случилось прочитать или услышать характерную индійскую легенду. Когда міръ нашъ былъ созданъ, но не было еще среди его существъ человѣка, однажды божественный промыслъ Вишну посѣтилъ землю и долго любовался красотою юнаго міра, исполинскими хребтами, чудными водопадами, властною ширью морей, мирною лазурью озеръ, изумрудомъ луговъ, темною зеленью лѣсовъ, разнообразнымъ и безконечнымъ сочетаніемъ всѣхъ этихъ красокъ, линій и фигуръ...

— Чудесно и прекрасно мое созданіе,—сказалъ себѣ Вишну.—Красота разлита всюду, но всю ее я соберу теперь въ одно существо, которое сосредоточитъ красоту вселенной, не находя ничего себѣ равнаго подъ небесами!

Вишну сорвалъ нѣжно-розовый лотосъ и бросилъ его въ снѣжно-бѣлую пѣну хрустальныхъ водъ горнаго потока. Тогда совершилось чудо. Изъ пѣны вышла дѣвушка, нѣжная и граціозная, какъ лотосъ, чистая и легкая, какъ пѣна, прекрасная, какъ ничто иное подъ солнцемъ. Выйдя на берегъ, она оглянулась на свой образъ, отразившійся въ хрусталѣ водъ, и долго любовалась собою. Она была довольна, съ улыбкою торжества взглянула на своего творца

и оглядѣла окрестный міръ, который замеръ отъ восторга при ея появленіи. Міръ ей тоже понравился, она и имъ была довольна. Кокетливо улыбаясь, она начала свою первую прогулку.

Она шла лугомъ, и растенія ей на встрѣчу распускали вѣнчики и, склоняясь передъ невиданною красою, посылали ей благоуханіе. Она шла лѣсомъ, и мощные исполины растительнаго царства склоняли вершины, чтобы любоваться ею, привѣтливо махали вѣтвями, устилали путь листьями, покрывались сладкими вкусными плодами для нея, разступались и давали дорогу воплощенной красотѣ. Она вышла къ морю, и волна за волною бѣжала, чтобы облобызать ея ноги, чтобы съ покорностью склониться передъ нею, чтобы вынести въ даръ ей невѣданныя сокровища, жемчугъ, перламутръ, коралъ. Зефиръ съ любовью обвѣвалъ ея тѣло. Само небо, до тѣхъ поръ темнымъ куполомъ прикрывавшее землю, раскрыло миріады своихъ очей, чтобы въ восхищеніи смотрѣть на нее. Ея появленіе зажгло звѣзды на небѣ, вызвало благоуханіе цвѣтовъ, сладость древесныхъ плодовъ, сокровища морей... Она была довольна міромъ и собой. Довольна міромъ она была полчаса...

— Ты меня создалъ, Вишну, сказала она. — Я цвѣту красотою, и вселенная любуется мною. Я вижу ея восхищеніе, но не слышу ея восторга. Я хочу, чтобы меня славили.

Очарованный своимъ обаятельнымъ твореніемъ, Вишну исполнилъ ея желаніе. Міръ наполнился пѣвчими птицами, которыя на всѣ лады воспѣвали гимны небесной красотѣ обворожительной женщины. Она съ улыбкою слушала это славословіе и была довольна полчаса.

— Вишну!—воззвала она.—Я вижу и слышу, какъ всѣ мною восхищаются. Въ благоуханіи цвѣтовъ, въ свѣжей сладости плодовъ, я нахожу то же благоговѣніе передъ своею красотою. Зрѣніе и слухъ, обоняніе и вкусъ говорятъ мнѣ объ этихъ восторгахъ. Теперь я хочу такъ же осязать ихъ. Я хочу всѣмъ существомъ и всѣми чувствами ощущать эти восторги.

Едва произнесла она это требованіе, какъ увидѣла у ногъ своихъ чудную змѣю, блестѣвшую красотою разноцвѣтной чешуи и съ восхищеніемъ смотрѣвшую ей въ глаза своими умными горячими глазами. Змѣя нѣжно обвилась вокругъ стана женщины, то замирая отъ восхищенія и сжимая въ своихъ объятіяхъ, то нѣжно скользя по всему тѣлу съ трепетомъ восторга. Дѣвушка всѣмъ существомъ своимъ осязала эти восторги и невольно отвѣчала на нихъ нѣжнымъ волненіемъ. Кажется, теперь она была довольна. Только полчаса.

Однако, она не знала, чего желать... Она нахмурила свое прекрасное личико и попробовала задуматься. Міръ огорчился ея настроеніемъ. Солнце закрылось облакомъ. Море съ гнѣвомъ начало бить о берегъ, вѣтеръ закрутилъ и застоналъ вокругъ, лѣсъ отвѣтилъ суровымъ ропотомъ вершинъ, грозно размахивая сучьями. Дѣвушка оглянулась и испугалась.

— О, какъ страшенъ этотъ міръ, Вишну!—воскликнула она;—а я такая слабая и беззащитная. Пошли мнѣ защитника.

Эхо не успѣло еще повторить этихъ словъ, а громадный косматый левъ уже покорно лежалъ у ея ногъ, преданно смотрѣлъ въ ея прекрасныя очи и тихонько лизалъ ея руки. «Этотъ милый старикашка Вишну мнѣ очень преданъ», съ удовольствіемъ подумала она и ласково улыбнулась своему страшному защитнику. Она была довольна, и міръ снова засіялъ радостью. Море и берегъ бросили вражду и мирно цѣловались, радостные ея радостью. Лѣсъ и вѣтеръ оставили взаимныя угрозы и ласково обнимались, полные того же чувства. Солнце разсѣяло облако и любовалось юною красавицею, забавлявшеюся со своимъ косматымъ сторожемъ, тормошившею его за гриву, бѣгавшею и прыгавшею съ этимъ покорнымъ исполиномъ. Она была довольна полчаса.

— Вишну!—позвала она. Право ты очень недогадливъ. Я слаба и устала. Дай мнѣ, кто бы меня носилъ.

По слову Вишну, огромный слонъ стоялъ передъ нею,

ласково глядя своими добрыми глазами и ожидая ея приказанія. По ея знаку, слонъ сталъ на колѣна, съ нѣжною осторожностью взялъ ее хоботомъ и посадилъ себѣ на спину. По мановенію ея ручки, онъ поднялся и понесъ ее на прогулку. Левъ шелъ рядомъ, готовый грудью защитить красавицу, ожидающій покорно ея приказанія. Змѣя пріунывшая было, когда омрачилась женщина, теперь съ удвоенною нѣжностью обнимала ее, возбуждая и въ ней самой трепетъ того восторга, который испытывала. Весь міръ радовался ея радостью. Гдѣ она ни появлялась на высотѣ своего великана, всюду расцвѣтали новые невиданные цвѣты, наполняя воздухъ благоуханіемъ; новые невиданные плоды раскачивались на вѣтвяхъ, прежде безплодныхъ, а нынѣ соперничавшихъ сладостью, сочностью, ароматичностью этихъ приношеній красотѣ; море выносило все новыя богатства; небо загоралось все новыми звѣздами; птицы славили красавицу все новыми чудными гимнами. Она разъѣзжала на своемъ великанѣ, улыбалась міру съ его высоты и была довольна эти полчаса.

По немногу облачко капризнаго недовольства начало снова туманить ея личико. «Чего бы пожелать»? думала она и не знала... Не знала и досадовала...

— Вишну! — начала она, еще не зная, чего просить. Вишну! — повторила она. — Право, это скучно... Я всѣхъ понимаю, а меня никто...

Она остановилась, еще соображая свое новое желаніе.

— И при томъ, Вишну, я всѣмъ нравлюсь, а мнѣ никто. Пошли мнѣ существо, которое мнѣ нравилось бы и которое меня понимало бы.

Она оглянулась, ищучи глазами новую забаву и увидѣла маленькую собачку. Слонъ поднялъ собачку и подалъ дѣвушкѣ, которая съ интересомъ и радостью разсматривала новое созданіе всемогущаго Вишну. Это было маленькое бѣлоснѣжное существо, покрытое волнистыми шелковистыми волосами, съ красивыми шелковистыми ушами, умными благородными глазами, розовымъ носикомъ и маленькими изящными лапками. Много граціи было во всѣхъ

движеніяхъ собачки, которая понимала каждое слово дѣвушки, угадывала каждое желаніе ея, отзывалась на каждое чувство ея, нѣжностью отвѣчала на ея ласку и вниманіе. Красавица забавлялась своимъ маленькимъ другомъ и полчаса была довольна.

Солнце склонялось къ западу, когда опять тѣнь капризной досады собрала складку надъ глазками красавицы. Желать ей было нечего, гулять надоѣло, забавы прискучили. Она сошла со слона на берегу тихаго озера и наклонилась надъ его зеркаломъ, любуясь собою. Досада сошла съ лица ея, и она была довольна, пока не сѣло солнце и не померкъ ея образъ въ хрусталѣ водъ. Она разсердилась, топнула ножкой и оглядѣла своихъ друзей. Онѣ ей стали ненавистны...

— Тебѣ приказано защищать меня!—крикнула она на льва,—а ты что дѣлалъ?

Левъ оглядѣлся, ничто ей не угрожало.

— Чего озираешься, бездѣльникъ? Зачѣмъ отпустилъ ты солнце, когда мнѣ оно было нужно?

Левъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на разгнѣванную красавицу...

— А вотъ я тебя!

И сломивъ прутъ, она начала хлестать своего стража. Оскорбленный царь лѣсовъ однимъ прыжкомъ исчезъ въ чащѣ сосѣдняго лѣса. Она не ожидала этого и въ гнѣвѣ потребовала, чтобы слонъ притащилъ къ ней льва силою. Слонъ слушалъ въ недоумѣніи это невыполнимое требованіе и не двигался... Но ударъ прутомъ по хоботу и слонъ, застонавъ отъ боли, повернулся и убѣжалъ въ лѣсъ. Онъ направился не въ ту сторону, куда левъ. Ясно, не за нимъ. Ясно, и онъ покинулъ прелестную капризницу. Она сѣла на камень и слезы безсильной досады душили ее. Жалость и сочувствіе охватило сердце обвивавшей ее змѣи, которая нѣжно сжала ее, какъ бы напоминая, что не всѣ покинули ее. Но ласка змѣи не смягчила сердце раздосадованной женщины...

— Что ты путаешься и трешься, противная гадина?—

съ брезгливостью вскрикнула она и больно, до крови, ущипнула грудь преданной змѣи.

Быстро развернувъ свои кольца, змѣя зашуршала въ травѣ, скрываясь въ прибрежномъ тростникѣ. Дѣвушка хотѣла поймать змѣю, бросилась за ней, даже схватила за хвостъ, но, гладкій и скользкій, онъ выскользнулъ изъ руки и дѣвушка, потерявъ равновѣсіе, упала. Она наколола себѣ руку и, съ досады за свою неудачу, съ такою силою отшвырнула ногою собачку, что та, прихрамывая и взвизгивая, въ испугѣ бѣжала въ кусты. Женщина осталась одна во мракѣ наступившей ночи. Небо, съ неудовольствіемъ смотрѣвшее на ея поведеніе, закрыло свои очи и густыя черныя тучи покрыли весь небосклонъ. Со страхомъ озираясь кругомъ, она ничего не видѣла. Она слышала гнѣвный ропотъ морского прибоя, казалось, все приближавшагося. Она слышала суровые голоса шумѣвшаго лѣса и сердитое завываніе вѣтра, обвѣвавшаго ее холодомъ и сыростью. Она услышала и рыканіе льва, вышедшаго на охоту, и шипѣніе гада въ тростникѣ подлѣ. Она, одинокая, всѣми покинутая, сидѣла въ безпросвѣтномъ мракѣ и дрожала отъ холода и страха. Она горько плакала...

— О, Вишну, молилась она.—О, Вишну, пожалѣй свое твореніе, спаси меня, защити, пріюти, успокой!

Вишну жалѣлъ женщину, въ которую воплотилъ свою мечту о совершенствѣ, но не зналъ, кого можно послать ей... А она все плакала, замирая отъ ужаса, когда раздавалось грозное рыканіе льва, со страхомъ прислушиваясь къ шипѣнію въ тростникахъ, съ сердечнымъ трепетомъ внимая гнѣву приближающагося моря, сердито шумѣвшаго лѣса, налетавшей бури, отдаленнымъ раскатомъ начинающейся грозы...

— О, Вишну, молила она снова.—О, Вишну, внемли моей молитвѣ и создай мнѣ существо, которое, какъ левъ, меня защищало бы, какъ слонъ, носило бы, какъ собака, понимало, какъ змѣя обнимало, какъ деревья кормило бы и лакомило, какъ море, дарило бы драгоцѣнностями, какъ птицы, воспѣвало бы меня, какъ весь міръ, восхищалось бы

мною! Только пусть оно, это существо, никогда не дерзнетъ покинуть меня, пусть терпѣливо переноситъ мои капризы, исполняетъ прихоти, покоряется обидамъ отъ меня. Пусть даже почитаетъ эти обиды за счастье и за нихъ благодаритъ меня и поклоняется мнѣ!

Такъ молилась одинокая женщина и молитва ея была услышана. Вишну создалъ такое существо: онъ далъ ей мужа...

Легенда умалчиваетъ, долго ли женщина была довольна своимъ новымъ положеніемъ, этою амальгамою господства и рабства, властнаго каприза и унизительной неволи, этимъ положеніемъ, которое то для одного, то для другого, то для обоихъ супруговъ выражается формулою: «все претерпѣть днемъ, чтобы все простить ночью»?

Выше я назвалъ эту легенду очень характерною. Въ самомъ дѣлѣ, что лучше можетъ охарактеризовать жену праздныхъ классовъ полуварварскаго общества, это красивое и нѣжное, но пустое и глупое животное? И что лучше характеризуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеніе мужчины этого общества къ женщинѣ, отношеніе презрительнаго обоготворенія? Откуда, однако, явилось это милое созданіе, невольно боготворимое и сознательно презираемое? Легенда хочетъ сказать, что такою женщина вышла изъ рукъ творящей природы. Обворожительно прекрасная, неотразимо очаровательная, изящная, граціозная, нѣжная, жизнерадостная, все оживляющая своей улыбкою, все покоряющая своею прелестью, все награждающая однимъ присутствіемъ своимъ, родилась она отъ сочетанія нѣжнаго благоухающаго лотоса и прозрачной, бѣлоснѣжной, хрустально-чистой пѣны горнаго потока. Она вышла обаятельно-прелестной, но безгранично суетной, тщеславной и пустой, легкомысленной, непостоянной и вѣтряной, капризной, несправедливой, жестокой, трусливой, только собою постоянно довольной... Поэтической дымкой обоготворенной красоты прикрыла легенда это бездушное самодовольство и легкомысленный эгоизмъ прелестнаго звѣрька, прикрыла, но не скрыла. Самого мужчину, этого умнаго, дѣятельнаго, самоотверженнаго мужа,

защитника и слугу, покровителя и поклонника, Вишну вызвалъ къ жизни, чтобы охранять это столь полюбившееся ему созданіе, злое и ограниченное, но хрупкое и слабое. Такъ объясняетъ женскій характеръ легенда. Такъ или въ этомъ родѣ выражаются и многія другія легенды многихъ другихъ народовъ. Не такъ разсказываетъ исторія.

II.

Исторія знаетъ эту прелестную женщину, невѣжественную и ограниченную, суетную и бездушную, но неотразимо обаятельную жрицу праздности и любви. Впервые исторія нашла ее въ палатахъ Вавилона и Мемфиса, гдѣ жена Пентефрія соблазняла Іосифа и гдѣ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ обличалъ халдейскихъ красавицъ Іезекіиль. Его характеристика остается понынѣ изъ лучшихъ для этой породы. Далѣе исторія ее находила и въ гинекеяхъ Аѳинъ, и во дворцахъ цезарскаго Рима, и при дворахъ Антіохіи и Александріи, въ гаремахъ мусульманъ, въ замкахъ средневѣковыхъ бароновъ, въ теремахъ московскихъ бояръ, въ феодальныхъ твердыняхъ японскихъ дайміосовъ, индусскихъ раджпутовъ, всюду, гдѣ варварское или полуварварское общество обрѣтало богатство и праздность. Изъ сотрудницы мужа женщина здѣсь превращалась въ его утѣху. Изъ нея вынимали сердце, умъ, волю и давали атласную кожу, пышное тѣло, грацію движеній, чудные глаза. Ей не надо было ни думать, ни поступать, ни даже чувствовать, кромѣ специфической сферы чувствъ. Ее въ этомъ отношеніи спеціально воспитывали. На мусульманскомъ Востокѣ и теперь существуютъ заведенія, гдѣ опытные люди дрессируютъ одалисокъ. А давно-ли и въ Европѣ женскія школы перестали быть дрессировальными заведеніями для выпуска такихъ нѣжныхъ и прелестныхъ, но безпомощныхъ, ограниченныхъ и бездушныхъ созданій? Въ другомъ вкусѣ, но то же экзотическое воспитаніе, развивающее не умъ, энергію, чувство, а только чувствитель-

ность, грацію, изящество, пріятные таланты, и теперь не анахронизмъ и въ передовыхъ странахъ міра... Праздные классы полуварварскаго типа всегда спрашивали и заказывали эту породу. Не изъ творческихъ рукъ природы вышла такая женщина, а по желанію и заказу ея самовластнаго супруга.

Дикарь нуждается и въ трудѣ жены, и въ ея сообразительности, знаніи жизни, природы и общества. Нуждается въ этомъ и мужъ рабочихъ классовъ всѣхъ эпохъ и цивилизацій. Поэтому, ни первобытная женщина дикаго состоянія, ни крестьянка и работница всѣхъ временъ и народовъ никогда не походили, не могли и не могутъ походить на бездушную и неразумную куклу, нарисованную цитированною легендою. Но онѣ никогда не могутъ быть и столь обаятельными и прелестными, какъ эта кукла. Онѣ въ трудахъ и заботахъ старѣютъ, дурнѣютъ, грубѣютъ... Онѣ разумны, самостоятельны, отзывчивы, но не въ состояніи ни красотою, ни нѣжностью, ни страстью соперничать съ женщиной, вышедшей изъ лотоса и пѣны. Онѣ могутъ быть больше сотрудницами мужа, нежели утѣхою. Онѣ не годятся для празднаго варвара, проводящаго время среди смѣны кровавыхъ побоищъ, разгульныхъ пировъ и упоенія любовью. Конь и мечъ, вино и кубокъ, одалиска и спеціальная роскошь гарема—такова немногосложная программа. Праздная жизнь въ нѣгѣ и холѣ и отсутствіе характера и воли одинаково необходимы для одалиски. Это условія, безъ которыхъ она не можетъ стать исключительною жрицею любви и наслажденія, не можетъ отвѣчать требованіямъ всего положенія. Кто не вполнѣ подчиняется этимъ требованіямъ, ту безпощадно устраняютъ: «Она нѣмыми стражами гарема въ пучину водъ опущена»... Тѣмъ или инымъ способомъ, но одалиска лишается воли, а быть безъ воли, надо быть тоже безъ пониманія, безъ сердечной отзывчивости. Подавляя волю, эта вѣковая дрессировка подавляетъ и умъ, и чувство, кромѣ страсти, свойственной самкѣ. Въ этой страсти сосредоточивается весь смыслъ женской жизни и не мудрено, если ни-

какіе затворы и замки, никакіе евнухи и дуэньи, никакія строгости и жестокости не гарантируютъ властелину гарема вѣрности его женъ и одалисокъ. Опытные люди знаютъ, что гаремная женщина гораздо доступнѣе свободной женщины цивилизованнаго общества. Вѣтренность, легкомысліе и непостоянство являются неизбѣжными послѣдствіями и этого умственнаго вырожденія женщины, и этого лишенія воли, и этого спеціальнаго развитія половой страсти. Капризы, упрямство, неблагодарность, бездушный эгоизмъ, все это тоже неизбѣжныя послѣдствія ея быта, такіе же плоды его, какъ и пышное тѣло, атласная кожа, чувственныя губы, глаза съ поволокой нѣги и страсти, покорность властелину, пылкость любви, отсутствіе какихъ-либо запросовъ во всѣхъ остальныхъ сферахъ человѣческой жизни и человѣческаго разумѣнія. Tu l'a voulu, George Dandin!.. Но онъ не хочетъ признаваться, что самъ сотворилъ себѣ такую подругу и тысячелѣтіями изощряется въ обличеніяхъ, сатирахъ и проклятіяхъ этимъ милымъ вѣтреницамъ... Конечно, напрасно.

Каждая женщина имѣетъ, однако, не только мать, но и отца, отъ котораго наслѣдуетъ душевныя и тѣлесныя качества такъ же, какъ и отъ матери. Это причина, почему умственное и нравственное вырожденіе женщины праздныхъ классовъ варварскаго и полуварварскаго типа ограничено ступенью умственнаго и нравственнаго состоянія мужчины. И потому-то въ гаремахъ никогда не прекращается борьба за самостоятельность и нравственное достоинство. Искусно выдрессированная, сурово дисциплинированная, закупленная нѣгою и роскошью, суевѣрная, невѣжественная, запуганная, эта женщина все же порою гдѣ-то обрѣтаетъ въ себѣ какіе-то смутные завѣты высшихъ психическихъ явленій, твердость воли, ясность природнаго ума, отзывчивость чувства. Порою, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, такія дочери своихъ отцовъ становятся закулисными руководительницами исторіи. Большею частью онѣ гибнутъ. Выживаютъ дочери своихъ матерей,

представительницы вырожденія, изнѣженности, деморализаціи, тупой косности.

Однако, не только каждая женщина имѣетъ отца, но и каждый мужчина имѣетъ мать, отъ которой онъ такъ же наслѣдуетъ ея нравственныя и тѣлесныя качества, ея вырожденіе въ томъ числѣ. Эта наслѣдственность и есть естественная и неизбѣжная кара мужскимъ поколѣніямъ, для своего наслажденія и господства извратившимъ человѣческую природу женщины. Точная исторія не знаетъ Сарданапала Ниневіи, но она знаетъ множество сарданапаловъ, неизбѣжно завершающихъ собою цѣлый рядъ поколѣній, постепенно и естественно вырождающихся подъ вліяніемъ искусственнаго вырожденія женщины. Каждое мужское поколѣніе, подавляющее умъ, волю, чувство, дѣятельную энергію женщины, вливаетъ тѣ же прививаемыя ей качества умственной ограниченности, разслабленной воли, равнодушія, бездѣятельности и въ кровь своихъ сыновей. Продолжая ту же практику относительно своихъ женъ, эти сыновья, сами уже умственно и нравственно ослабѣвшіе, создаютъ слѣдующее поколѣніе, еще болѣе разслабленное, инертное, ограниченное и т. д. Положеніе женщины въ обществѣ предрѣшаетъ будущность народовъ.

Одалиски, гаремы, сарданапалы—это крайнее выраженіе той эволюціи, одну изъ стадій которой намъ показала индійская легенда въ образѣ красавицы, вышедшей изъ лотоса и пѣны. Эти крайнія формы возможны лишь при полигаміи, при варварскомъ политическомъ строѣ, при господствѣ суровыхъ и негуманныхъ религій полуденнаго Востока. Не говоря о христіанствѣ, уже мозаизмъ, буддизмъ, конфуціанство, классическія религіи Эллады и Рима, даже браманизмъ осудили полигамію, а этого одного уже довольно, чтобы остановить выше набросанную эволюцію на среднихъ, болѣе умѣренныхъ стадіяхъ. Моногамія вноситъ въ исторію человѣчества преобразованіе, едва-ли не самое радикальное, которое видѣла наша планета. Громадное, благотворное вліяніе этого коренного переворота еще не достаточно оцѣнено всемірной исторіей. Это признаніе

равноправности женщины и мужчины въ сферѣ отношеній, для женщины наиболѣе важныхъ, а въ тѣ времена даже единственно важныхъ, было такимъ шагомъ впередъ, котораго послѣдствія сказались немедленно и затѣмъ въ теченіи вѣковъ на всѣхъ сторонахъ человѣческой жизни и всемірной исторіи. Неизбѣжное вырожденіе женщины высшихъ классовъ перестало быть закономъ исторіи, а съ нимъ вмѣстѣ устранилась и неизбѣжная необходимость вырожденія и ея мужского потомства, вырожденія всего руководящаго, культурнаго класса, слѣдовательно, и паденія тѣхъ государствъ и державъ, высшіе классы которыхъ продѣлали всю эту эволюцію, при полигаміи и гаремномъ бытѣ безусловно неизбѣжную и естественно необходимую. Вырожденіе высшихъ культурныхъ классовъ (а слѣдовательно и самой культуры) не стало болѣе необходимостью, но это не значитъ, чтобы оно стало невозможностью. Моногомія создала одно изъ необходимѣйшихъ условій прогресса, но не могла гарантировать, что этимъ условіемъ человѣчество съумѣетъ или пожелаетъ воспользоваться.

На мѣсто гарема мужчина выстроилъ теремъ и заперъ въ него свою жену все съ тою же цѣлью наслажденія и господства. Конечно, терему далеко до гарема. Въ теремѣ исключительное право мужа на жену соотвѣтствуетъ такому же исключительному праву жены на мужа. Религія, а частью и законъ, берутъ это право жены подъ свою защиту. Никакихъ такихъ правъ не знаетъ женщина гарема. Далѣе религія и законъ признаютъ за женщиною терема и великое право матери, котораго, можно сказать, почти лишена одалиска гарема. А это право матери высоко подымаетъ значеніе женщины, открываетъ для нея сравнительно широкое поприще упражненія высшихъ человѣческихъ способностей, ума, дѣятельной воли, самоотверженія, сердечной отзывчивости. Такое же поприще для умственнаго и моральнаго развитія открывается для женщины и тѣмъ фактомъ, что, будучи единственною женою, она естественно становится хозяйкою, вторымъ лицомъ въ домѣ, имѣющимъ свой важный и отвѣтственный кругъ дѣятель-

ности. «Многія» жены гарема лишены и этого значенія. Наконецъ, у всѣхъ моногамическихъ народовъ, даже наиболѣе варварскихъ, законъ ограничиваетъ власть мужа. Религія грозитъ небесными карами, а законъ земными за убійство и увѣчье жены. Религія грозитъ небесными карами и за обиды и жестокость къ женѣ. Женщина гарема не имѣетъ и этихъ гарантій, составляющихъ серьезный прогрессъ. Все это въ сравненіи съ полигамическимъ бытомъ громадный прогрессъ, обезпечивающій за женщиною хотя нѣкоторое упражненіе ея умственныхъ и нравственныхъ способностей, а слѣдовательно и препятствующій ея вырожденію и вырожденію ея женскаго и мужского потомства. Препятствовать вырожденію еще не значитъ, однако, его устранить. Въ условіяхъ жизни гаремовъ лежитъ неизбѣжность вырожденія женщины, а за нею и ея мужского потомства. Моногамія въ условіяхъ жизни теремовъ устраняетъ многія изъ условій гарема, наиболѣе тлетворныхъ, и создаетъ условія, сравнительно благопріятныя. Это несомнѣнно, но вопросъ въ томъ, всѣ ли причины вырожденія женщины устранены моногаміей, сохранившей завѣщанное полигамическимъ бытомъ затворничество женщины? И достаточно-ли сильны нѣкоторыя новыя условія, развивающія женщину, чтобы парализовать неблагопріятныя вліянія, если такія вліянія сохранены этою формою моногаміи, имѣющею столько родственнаго съ полигамическимъ строемъ семейнаго быта? Не можетъ быть сомнѣнія, что затворничество женщинъ и при моногаміи имѣетъ очень пагубное вліяніе на составъ поколѣній, производимыхъ этими затворницами, и притомъ вліяніе того же характера, что и при полигаміи, только значительно ослабленное, колеблющееся, не представляющее болѣе того неприступнаго могущества и непобѣдимости, что исторія находитъ у полигамовъ.

Теремъ даетъ нѣкоторый просторъ для упражненія ума (материнство и хозяйство), но сравнительно ограниченный. Теремъ даетъ нѣсколько больше пищи и развитію высшихъ чувствъ, но только на почвѣ материнства, оставляя по

прежнему, какъ и въ гаремѣ, преобладающее значеніе за половою страстью. Дѣлая нѣкоторыя уступки человѣческому достоинству женщины въ сферѣ ума и чувства, теремъ не дѣлаетъ никакихъ уступокъ въ сферѣ дѣятельной воли. Быть можетъ даже, власть мужа и господина, сосредоточенная на одной женѣ, дѣлается, если не обширнѣе, то непрерывнѣе и постояннѣе. Покорность есть такое же первое требованіе отъ женщины терема, какъ и отъ женщины гарема. Подавленіе воли, очень ограниченное развитіе ума, очень одностороннее развитіе чувства, преобладающее значеніе половой жизни, безпросвѣтное невѣжество и неизмѣримое суевѣріе отличаютъ всюду затворницъ терема, отличая ихъ отъ затворницъ гарема лишь степенью развитія всѣхъ этихъ качествъ. За ними же идутъ, по необходимости, суетность, пустота, вѣтренность, непостоянство, всѣ эти столь часто обличавшіяся свойства женщины высшихъ классовъ. Болѣе медленное вырожденіе, все-таки несомнѣнное вырожденіе женщины несетъ и теремъ, т.-е. затворничество женщинъ, устраненіе ихъ отъ общественной и умственной жизни своего времени. Поэтому-то, если отмѣна полигаміи и упраздненіе гарема были первымъ громаднымъ шагомъ на пути отмѣны періодическаго вырожденія государствъ и народовъ, то отмѣна затворничества, упраздненіе гинекея и терема было такимъ вторымъ шагомъ. Рыцарскіе идеалы романскихъ, преимущественно провансальскихъ среднихъ вѣковъ, сослужили эту великую службу человѣчеству. Они выпустили романскую женщину изъ ея раззолоченной тюрьмы и пріобщили, хотя отчасти, хотя далеко не вполнѣ, далеко недостаточно, къ общественной жизни и къ умственнымъ интересамъ человѣчества. Завоеваніе Англіи романизованными норманнами перенесло эти новыя высшія формы быта и на острова Альбіона. Франко-итальянское вліяніе сдѣлало то же въ Германіи, а германское — въ Богеміи и Польшѣ. Реформа Петра Великаго совершила это преобразованіе въ Россіи, а русское вліяніе распространило его на Грузію и Арменію. Въ самое послѣднее время освобожденные греки,

румыны и сербы освободили отъ затворничества и свою женщину, уступая общему потоку европейской исторіи. Америка и Австралія, колонизованныя европейцами, приняли, конечно, европейскія формы быта и въ этомъ отношеніи. Одна туземная Азія все еще раздѣлена между областью гарема (мусульманскій востокъ) и терема (востокъ браминскій, буддійскій, конфуціанскій). Изъ туземныхъ народовъ только японцы не знаютъ ни гарема, ни терема, да, кажется, никогда и не знали. Ихъ семейный бытъ слишкомъ своеобразенъ, однако, чтобы здѣсь было умѣстно его касаться подробнѣе.

Господство гарема и терема въ Азіи является непреоборимымъ препятствіемъ къ плодотворному, самостоятельному прогрессу этихъ странъ, гдѣ всюду вырожденіе женщины высшихъ руководящихъ классовъ уже привело къ вырожденію и мужскихъ представителей этихъ классовъ.

Нерѣдко приходится наталкиваться на вопросъ, что особеннаго и великаго сдѣлала реформа Петра. То же крѣпостное право, та же приказная бюрократія, то же преслѣдованіе раскола, то же полное отсутствіе самоуправленія осталось и послѣ Петра въ теченіе всего XVIII вѣка, какъ и до Петра въ теченіе XVII вѣка! Въ чемъ же реформа? Неужели въ выбритыхъ подбородкахъ, пудренныхъ парикахъ и нѣмецкихъ кафтанахъ? Отчасти, несомнѣнно, и въ этихъ внѣшностяхъ, такъ какъ и онѣ были усвоеніями формъ быта западно-европейскаго культурнаго общества, но, главнымъ образомъ, конечно, въ усвоеніи существенныхъ сторонъ этого быта. Таково было признаніе свѣтскаго просвѣщенія и его постепенное усвоеніе; до-петровская Россія знала только просвѣщеніе духовное. Таковы были и отмѣна затворничества женщины, упраздненіе теремовъ, ея введеніе въ общество, пріобщеніе къ общественнымъ и умственнымъ интересамъ. Эти два громадныхъ факта (введеніе свѣтскаго просвѣщенія и отмѣна терема) и сотворили новую Россію, ввели ее въ кругъ образованныхъ народовъ, дали ей мѣсто въ европейскомъ концертѣ и сдѣлали возможными тѣ культурные успѣхи, которыхъ

мы достигли въ послѣдовавшія два столѣтія. Поэтому-то, какъ ни велико значеніе эпохи Александра II, поворотнымъ пунктомъ русской исторіи справедливо считаютъ эпоху Петра I. Поэтому-то говорятъ о реформахъ Александра II и о реформѣ Петра Великаго, хотя въ оба царствованія преобразовательныя мѣропріятія были многочисленны, при Петрѣ даже многочисленнѣе. Отсутствіе просвѣщенія и затворничество женщины суть два условія, которыя, даже порознь взятыя, неизбѣжно ведутъ къ вырожденію и упадку. Оба эти условія отмѣнила эпоха Петра Великаго, возвративъ русскому народу условія прогрессивнаго развитія, потерянныя подъ вліяніемъ монгольскаго завоеванія, византійскихъ преданій и вѣяній съ мусульманскаго востока.

III.

Отмѣна гарема и введеніе моногаміи, отмѣна затворничества и вступленіе женщины въ общество являются двумя поворотными пунктами всемірной исторіи, ломавшими вѣковые устои женскаго вырожденія.

Средніе вѣка рѣшились выпустить женщину изъ затворничества не только въ силу движенія христіанскихъ идей, поднявшихъ оцѣнку человѣческаго достоинства женщины, но и потому также, что это доставляло новый видъ наслажденія отъ общенія съ женщиною. Въ раджпутанской Индіи, сплошь браманистской и проникнутой далеко не возвышенными воззрѣніями на женщину, совершилась эволюція, очень аналогичная провансальской; только остановилась она на болѣе раннихъ стадіяхъ. Въ Раджпутанѣ тоже женщина отчасти выпущена изъ гинекея и допущена въ общество. Она присутствуетъ на турнирахъ, раздаетъ награды, воодушевляетъ состязающихся, служитъ предметомъ почтительнаго обожанія и, какъ «дама сердца» можетъ довольно самовластно распоряжаться своимъ поклонникомъ. Исторія Раджпутаны знаетъ жестокія междусобія, возбужденныя по капризу и приказанію такихъ

«дамъ сердца», которыя, однако, въ остальномъ такія же затворницы и покорныя невольницы своихъ мужей. Рыцари Раджпутаны, какъ и рыцари Прованса, допустили женщину въ общество въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которые доставляли болѣе разнообразное утонченное удовольствіе отъ общенія съ женщиною. Раджпутанское общество, ограниченное въ этомъ направленіи суровыми и негуманными предписаніями своей религіи, и остановилось на этой первоначальной стадіи, найдя лишь новый способъ пользоваться красотою женщины для своего удовольствія. То же самое вначалѣ дѣлалъ и рыцарь Прованса, не болѣе того. Болѣе возвышенныя религіозныя воззрѣнія, хотя и значительно извращенныя средневѣковымъ католицизмомъ, дали возможность процессу, начавшемуся на издревле обычной почвѣ исканія новыхъ утѣхъ отъ женщины, перейти на почву движенія идей, на почву существеннаго измѣненія формъ быта. Не надо забывать, однако, что движеніе идей есть лишь одна сторона преобразованнаго быта, а другая — все то же исканіе утѣхи. Естественно поэтому, что и дальнѣйшее развитіе женскаго положенія въ обществѣ получило импульсъ отъ этихъ обѣихъ причинъ, пріобрѣтая отъ этого двойственность и внутреннее противурѣчіе, порою совершенно непримиримое. Съ одной стороны, отъ пребыванія въ обществѣ, отъ невольнаго знакомства съ общественными и умственными вопросами, волнующими современность, отъ постепеннаго пріобщенія къ этимъ злобамъ и интересамъ человѣчества умственный кругозоръ женщины расширялся, ея умъ, характеръ, горизонтъ пониманія и сочувствія воспитывались и развивались. Она почувствовала нужду въ образованіи; ея возвысившееся достоинство внушало идею объ этомъ образованіи и мужчинамъ, дотолѣ монополизовавшимъ науку. Уже въ концѣ среднихъ вѣковъ итальянка Олимпія Фульвія получаетъ въ Павіи въ университетѣ дипломъ доктора философіи. Появляются женщины-писательницы, проповѣдницы, правительницы. Это одна сторона эволюціи, развить въ женщинѣ человѣческое достоинство и человѣческія способности,

въ этомъ достоинствѣ и въ этихъ способностяхъ найти оправданіе ея вступленія въ общество. Другая сторона эволюціи—искать это оправданіе въ возвышеніи ея цѣны, какъ мужской утѣхи. Мужчина тоже развивался; ему уже были недостаточны грубыя утѣхи гарема; онъ начиналъ перерастать и однообразныя утѣхи терема; онъ пожелалъ отъ женщины блеска, остроумія, соли, успѣха, кокетства... Красивое животное гарема и покорная затворница гинекея его больше не удовлетворяли; ему нужна свѣтская женщина, тоже предметъ утѣхи, никакъ не болѣе, но утѣхи утонченной, изящной, разнообразной и постоянно обѣщающей новыя и новыя, неизвѣданныя перспективы и положенія. Въ этомъ случаѣ затворничество устранялось именно тою же самою причиною, которая раньше, при особыхъ условіяхъ, его создала, а еще раньше потребовала гарема и полигаміи. Одна и таже причина: должны быть и послѣдствія аналогичныя. Стремленіе мужчины высшихъ культурныхъ классовъ сдѣлать женщину, прежде всего и главнѣе всего, въ высшей степени приспособленною для его утѣхъ, вызывало на разныхъ стадіяхъ умственнаго и нравственнаго развитія этихъ классовъ и гаремы съ ихъ одалисками, и гинекеи съ ихъ затворницами, и салоны съ ихъ свѣтскими кокетками. Гаремы и гинекеи вели къ вырожденію; надо ожидать, что и свѣтскіе салоны должны вести къ тому же. Для дрессировки одалисокъ и затворницъ мужчина выдумалъ спеціальныя заведенія и учрежденія; для выработки свѣтской кокетки, царицы и украшенія салона, конечно, тоже понадобились особыя учрежденія, создавалось спеціальное женское образованіе.

Такимъ образомъ, вступленіе женщины въ общество, впервые въ исторіи человѣчества, поставило на очередь вопросъ о женскомъ образованіи, предметѣ, совершенно неизвѣстномъ ни востоку, ни классической древности. Только, сообразно двумъ импульсамъ, создавшимъ эту потребность въ женскомъ образованіи, появилось и два направленія: одно — къ общему образованію, къ пріобщенію женщины къ серьезному знанію, научному и философскому; другое

же — къ созданію спеціально женскаго образованія для изготовленія новой утѣхи праздному мужчинѣ, новой разновидности все той же жрицы праздности и любви, для воспитанія, словомъ, салонной дамы, этой родной сестры одалискѣ гарема и затворницѣ терема. Наука дамѣ не нужна, но нѣкоторыя поверхностныя обрывки не безполезны для свѣтской бесѣды, для пониманія мужскаго разговора. Такіе обрывки и взялось вложить въ дамскую головку спеціальное женское образованіе, но главнѣе того манеры, свѣтскія приличія, изящество, грацію, салонные танцы, салонное пѣніе, салонныя художества, всякіе пріятные таланты для развлеченія и увлеченія кавалера. Франція впервые разрушившая ограду гинекея и выпустившая женщину въ общество, первая выработала и типъ салонной дамы, и типъ свѣтскаго воспитанія и образованія. Другія европейскія націи заимствовали и салоны, и женское образованіе изъ Франціи; естественно, если онѣ присоединили къ перечисленной программѣ еще и французскій языкъ. Такъ слагалось преобладающее теченіе женскаго образованія, и въ этомъ типѣ женскихъ учебныхъ заведеній вмѣстѣ съ самими салонами человѣчество и обрѣло то новое орудіе вырожденія, которое замѣнило гаремы и гинекеи. Исторія возстала, однако, и противъ этого новаго варіанта все той же печальной повѣсти подавленія человѣческаго достоинства въ женщинѣ, деградаціи ея ума, деморализаціи ея чувства. Кажется, это уже послѣдняя битва за будущность женщины и всего человѣчества, битва, уже почти выигранная женщиною и прогрессомъ. Реформа женскаго образованія и положенія женщины въ обществѣ стала насущнымъ вопросомъ XIX вѣка, который успѣлъ достигнуть въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ результатовъ.

Поднятіе уровня средняго женскаго образованія, т.-е. того образованія, которое получаетъ большинство женщинъ культурныхъ классовъ, является совершившимся фактомъ во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра. Преобразованіе институтскихъ программъ и основаніе женскихъ гимназій тридцать лѣтъ тому назадъ явилось и у насъ этимъ важ-

нымъ и славнымъ шагомъ къ лучшей будущности женщины и лучшему обезпеченію будущности всего общества, нравственное и умственное здоровье котораго всецѣло зависитъ отъ нравственнаго и умственнаго состоянія женщины. Сущность этихъ преобразованій и дополненій программы женскаго образованія заключалась въ сближеніи ихъ съ программами мужского средняго образованія. За женщиной признано право на пріобрѣтеніе не одного образовательнаго лоска, но и дѣйствительнаго знанія. Многое еще остается сдѣлать въ этомъ направленіи, но вѣдь и мужскія школы не представляютъ какого либо совершенства и заставляютъ многаго желать. Существенное однако сдѣлано: признанъ принципъ женскаго образованія, какъ пріобрѣтеніе извѣстнаго круга систематическихъ знаній, а не однѣхъ лишь салонныхъ талантовъ. Салонъ, какъ прежде гаремъ и теремъ, поколебленъ въ своемъ господствѣ и «дама», вслѣдъ за одалискою и затворницею, начинаетъ очищать мѣсто для образованной женщины, свѣдущей матери, умѣлой сотрудницы мужа, дѣятельной участницы общественной жизни.

Реформа средняго образованія есть, конечно, только первый шагъ. Создавая свѣдущую образованную и дѣятельную женщину, она подготовляетъ ее для высшаго образованія и пробуждаетъ потребность въ немъ. Стремленіе женщины къ высшему образованію составляетъ одно изъ самыхъ характеристичныхъ явленій второй половины XIX вѣка. Пробудившееся въ шестидесятыхъ годахъ въ Россіи, это замѣчательное движеніе быстро и неудержимо распространилось по всѣмъ странамъ цивилизованнаго міра, порою даже выходя изъ его предѣловъ и выводя вчерашнюю затворницу терема не въ салонъ, а прямо въ аудиторію, кабинетъ и за общественное дѣло.

Въ отчетѣ кн. Ухтомскаго о путешествіи Государя Императора по Индіи въ 1891 году встрѣчаются въ этомъ смыслѣ поучительныя отмѣтки. Описывая туземную публику, собравшуюся къ губернатору Бомбея, чтобы привѣтствовать высокаго гостя, кн. Ухтомскій останавливается

нѣсколько долѣе на представителяхъ парсійской народности, главное гнѣздо которой и находится въ Гуджератѣ подлѣ Бомбея. Парсы—потомки бѣжавшихъ въ Индію иранцевъ, не пожелавшихъ отречься отъ свѣтлаго Ормузда въ угоду Аллаху и его пророку. Въ древности религія Зороастра признавала тоже полигамію и царство Кира и Дарія было царствомъ гарема и одалисокъ. Въ настоящее время парсы придерживаются моногаміи. «Еще недавно (замѣчаетъ кн. Ухтомскій) женщины, согласно древне-иранскому воззрѣнію, боялись показаться при чужихъ не только простоволосыми, но даже съ незавѣшеннымъ лбомъ». Европейское вліяніе постепенно ослабляетъ это отчужденіе и затворничество. На пріемѣ у губернатора присутствовали нѣсколько представительницъ парсійской народности. «Черноокія, блѣднолицыя, съ прямымъ проборомъ на головѣ, накрытой шелковой цвѣтной тканью, онѣ красиво драпировали ея золотистыми каймами свои плечи и талію». Покуда это еще выходъ въ салонъ, но тутъ же немного далѣе, говоря о распространеніи европейскаго образованія среди парсовъ, нашъ авторъ бросаетъ мимоходомъ слѣдующее знаменательное замѣчаніе: «Даже молодыя дѣвушки изъ среды огнепоклонниковъ (такъ принято называть послѣдователей религіи Зороастра), поборовъ восточные взгляды, начинаютъ успѣшно заниматься медициной, чтобы принести посильную помощь своимъ замкнуто живущимъ индійскимъ сестрамъ». Но и сами индійскія сестры огнепоклонницъ тоже постепенно пробуждаются подъ европейскимъ вліяніемъ. Нѣкоторыя спѣшатъ въ салоны, другія—прямо въ аудиторію и рабочіе кабинеты. Думаю, читатели не посѣтуютъ, если я приведу еще одну цитату изъ замѣтокъ кн. Ухтомскаго, очень интересную съ занимающей насъ точки зрѣнія.

На пріемѣ въ Калькуттѣ присутствовалъ, между прочимъ, магараджа Кучъ Бихара, одинъ изъ немногихъ владѣтелей собственно Индостана (бассейнъ Ганга), сохранившій свою власть. «Сегодня онъ сіяетъ въ шелкахъ и драгоцѣнностяхъ (повѣствуетъ кн. Ухтомскій), Его ближайшіе предки стояли на уровнѣ полудикарей (?), добивались признанія за собою

браминами человѣческихъ и княжескихъ правъ, а онъ уже порвалъ связи со стариной, обвѣнчался съ дочерью одного реформатора, проповѣдывавшаго такъ называемый брамоизмъ, религіозную общину съ отрицающимъ средневѣковой строй направленіемъ (на-половину въ духѣ Ведъ, отчасти же опять таки на раціоналистической подкладкѣ). Княгиня (магарани) ѣздила съ мужемъ за море, гостепріимнѣйшимъ образомъ принята была королевой Викторіей и аристократами Великобританіи, вращалась среди нихъ за-просто, какъ mrs Cutch; въ данную минуту, очевидно, присутствуетъ на многолюднѣйшемъ собраніи. Она, впрочемъ, и не одна. Кромѣ нея замѣчается нѣсколько дамъ инородческаго происхожденія. Индія просыпается въ смыслѣ эмансипаціи. Многіе терема раскрылись. За стѣнами ихъ ростетъ потребность въ образованіи. Мужская молодежь ищетъ грамотныхъ, сколько нибудь развитыхъ женъ». Покуда это еще только салонъ, осторожно отвоевывающій мѣсто у терема, но вотъ и другая картина: «справедливость требуетъ сказать, что настоящею и первою печальницею о судьбахъ женщины въ Индіи была miss Carpenter, сестра знаменитаго физіолога: уже будучи старушкой, она прибыла сюда изъ Англіи, вникла въ положеніе страждущихъ матерей и родильницъ, основала ради вспомоществованія имъ въ 1870 г. National Indian Association, нынѣ находящуюся подъ августѣйшимъ покровительствомъ принцесы Уэльской. Все пока въ туземной, замкнутосемейной жизни противорѣчитъ условіямъ гигіены. Многіе чисто вѣроисповѣдные обряды предписываютъ поступать въ ущербъ здоровью. Широко и трудно призваніе европейской ревнительницы, желающей отъ души облегчить или хотя сколько-пибудь смягчить участь представительницъ мѣстнаго слабаго пола, охотнѣе прибѣгающихъ подъ покровъ Шивы и Дурги, чѣмъ внимающихъ непонятному голосу иноземной науки. Но свѣтъ пронизываетъ тьму. Каждый годъ даетъ тотъ или иной благой результатъ, смягчая муки сотенъ тысячъ душъ населенія, отъ рожденія осужденнаго прозябать въ глухомъ затворничествѣ... Правда,

у сѣятельницъ на этой нивѣ чисто-христіанскаго милосердія есть свои страданія, свои утраты, наконецъ, переутомленіе: напр., въ Калькуттѣ отъ него недавно умерла американка докторша Мату Seelye, всецѣло посвятившая себя уходу за туземками и дѣтьми. Неусыпное рвеніе ее преждевременно убило. Въ 1883 году маленькая хрупкая браминка Анандибай-Джоши направилась въ Нью Іоркъ и въ Пенсильванію изучать медицину и за докторскимъ дипломомъ. Послѣдній она получила и съ тріумфомъ была принята на родинѣ за подвигъ и жажду помочь соотечественницамъ. Чахотка подкосила труженицу въ 1887 году на двадцать второмъ году. Приблизительно въ тѣ же зимы другая восемнадцатилѣтняя вдова индуска (Pundita Ramabai Sarasati) поѣхала заниматься въ Англію, сопровождаемая лишь своимъ ребенкомъ. Обѣ эти поклонницы знанія — изъ маратской земли, гдѣ женщина менѣе скована общественными предразсудками, гдѣ больше потребности въ практическихъ знаніяхъ, гдѣ шире сочувствіе различныхъ слоевъ населенія педагогическимъ начинаніямъ, облагороженному стремленію впередъ». Такимъ то путемъ старшія сестры, дочери болѣе развитой культуры, несутъ ея свѣтъ и затворницамъ азіатскихъ теремовъ. За миссъ Карпентеръ и Силли слѣдуютъ браминки Анандибай и Рамабай...

Что касается цивилизованнаго міра и спеціально Европы, то здѣсь завоеванія въ области высшаго женскаго образованія идутъ постепеннымъ, но твердымъ шагомъ. Давно ли первыя дѣвушки были допущены къ изученію медицины, г-жа Кашеварова въ Петербургѣ и г-жа Суслова—въ Цюрихѣ? Едва прошла съ тѣхъ поръ треть вѣка, а высшее женское образованіе вообще, медицинское въ частности, стало широко распространеннымъ явленіемъ. Въ Европѣ особенно прочные успѣхи сдѣлало высшее женское образованіе въ Англіи, которая вторая, послѣ Россіи, вошла въ женское движеніе къ университетскому образованію, но теперь далеко опередила наше отечество, продолжая и далѣе съ настойчивостью и постоянствомъ достигать все новыхъ и новыхъ успѣховъ въ этой еще недавно несуще-

ствовавшей задачѣ человѣческой исторіи. Понявъ всю широту значенія этой исторической проблемы, англійское общество успѣло преодолѣть массу предразсудковъ и препятствій и продолжаетъ неустанно успѣшную борьбу за великое дѣло, по истинѣ одно изъ величайшихъ дѣлъ XIX вѣка.

Англійскіе университеты раздѣляются на двѣ категоріи: одну изъ нихъ составляютъ старинныя учрежденія Оксфорда и Кэмбриджа, сохранившія многія черты средневѣковыхъ порядковъ; къ другой относятся высшія учебныя заведенія новѣйшаго происхожденія, какъ университеты лондонскій, доргэмскій и Викторіи и самый молодой изъ англійскихъ университетовъ—валлійскій. Первая попытка открыть женщинамъ доступъ къ высшему образованію была сдѣлана въ Англіи 25 лѣтъ тому назадъ, и первый шагъ былъ произведенъ въ Кэмбриджѣ. Въ 1869 году въ Гитчинѣ, небольшомъ городкѣ Гертфордшира, находящемся на разстояніи 15 миль отъ Кэмбриджа, былъ нанятъ домъ для устройства женскихъ курсовъ. Многіе кэмбриджскіе профессора охотно согласились взять на себя чтеніе лекцій въ новомъ учрежденіи. Профессора не только читали лекціи, но устраивали для студентокъ экзамены по тѣмъ же программамъ, которыя приняты были въ Кэмбриджѣ. Вообще съ самаго начала рѣшено было вести занятія и производить испытанія совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, которыя примѣнялись въ кэмбриджскомъ университетѣ. Такая постановка дѣла оказалась въ высокой степени полезной и практически важной въ томъ отношеніи, что она подготовила путь для допущенія женщинъ къ слушанію курсовъ въ самомъ университетѣ. Число слушательницъ въ Гитчинѣ было очень невелико: оно не превышало 13. Въ январѣ 1872 г. образовалась ассоціація для дальнѣйшаго веденія курсовъ, которые получили организацію колледжа и въ слѣдующемъ году переведены были въ Гиртонъ, въ разстояніи $1^1/_2$ миль отъ Кэмбриджа. Почти одновременно съ открытіемъ лекцій для женщинъ въ Гитчинѣ были организованы чтенія внѣ университета въ са-

момъ Кэмбриджѣ. Въ 1871 г. нѣкто г-жа Клау устроила общежитіе для иногородныхъ слушательницъ, переведенное въ 1875 г. въ Ньюэнгемъ, гдѣ съ 1880 г. и образовался извѣстный ньюэнгемскій колледжъ. Въ 1881 г. двери кэмбриджскаго университета формально открылись для женщинъ. Женскіе колледжи въ Гиртонѣ и Ньюэнгемѣ были признаны составною частью университетской организаціи наравнѣ съ мужскими колледжами, и университетскій сенатъ принялъ резолюціи, допустившія женщинъ къ слушанію лекцій въ университетѣ и экзаменамъ, однако безъ права полученія ученой степени. Въ настоящее время женщины могутъ посѣщать всѣ курсы, читаемые отъ университета, но для слушанія особыхъ лекцій, устраиваемыхъ отдѣльными состоящими при университетѣ колледжами для своихъ студентовъ, требуется спеціальное разрѣшеніе. Послѣднее выдается обыкновенно безъ затрудненій, такъ что фактически студентки имѣютъ возможность пользоваться всѣми тѣми средствами преподаванія, которыя открыты для мужчинъ. Главное требованіе сторонниковъ женскаго образованія заключается въ томъ, чтобы университетъ удостоивалъ женщинъ ученыхъ степеней наравнѣ съ мужчинами. Положеніе женщинъ въ Оксфордѣ въ общемъ такое же, какъ въ Кэмбриджѣ. Оксфордское движеніе началось съ 1878 г. и въ настоящее время женщины добились права пользоваться университетскимъ преподаваніемъ, но пока еще не могутъ получать степени.

Въ университетахъ новаго типа вопросъ о допущеніи женщинъ къ пользованію правами, предоставляемыми студентамъ, получилъ гораздо болѣе быстрое и широкое разрѣшеніе. Лондонскій университетъ основанъ въ 1836 г. Въ 1868 г. была устроена особая коммиссія для производства экзаменовъ женщинамъ, заявившимъ желаніе получить доступъ въ университетъ; коммиссія была удовлетворена результатомъ произведенныхъ испытаній, и вопросъ о допущеніи женщинъ былъ поставленъ на очередь. Препятствіемъ являлось содержаніе закона 1836 г., упоминавшаго только о студентахъ, поэтому потребовалось постановленіе

законодательнымъ порядкомъ, которое и было принято въ 1878 г. Съ этого времени женщины допущены на всѣ факультеты съ правомъ полученія степеней наравнѣ съ мужчинами. Кромѣ того при университетѣ открытъ спеціально для женщинъ медицинскій институтъ, ведущій преподаваніе и выдающій дипломы. Женщины принимаютъ участіе въ университетскомъ управленіи и вообще пользуются за однимъ исключеніемъ всѣми правами, предоставленными мужчинамъ. Упомянутое исключеніе касается выборовъ въ парламентъ. Университетъ Викторіи болѣе новое учрежденіе; онъ основанъ въ 1880 году, когда вопросъ о высшемъ образованіи для женщинъ получилъ уже значительное развитіе. Его центромъ является Манчестеръ, но къ нему примыкаютъ еще университетскіе колледжи, существующіе въ Ливерпулѣ и Лидсѣ, въ университетскомъ уставѣ прямо сказано, что къ экзаменамъ допускаются «всѣ лица мужскаго и женскаго пола, прослушавшія установленный курсъ преподаванія въ одномъ изъ колледжей при университетѣ». Единственное ограниченіе касается медицинскаго преподаванія, къ которому женщины не допускаются, несмотря на то, что онѣ имѣютъ право подвергаться экзаменамъ по медицинскимъ наукамъ и получать дипломъ по этому факультету.

Валлійскій университетъ осуществилъ полнѣйшую равноправность мужчинъ и женщинъ въ отношеніи высшаго образованія. Одна изъ статей университетскаго устава гласитъ: «женщины наравнѣ съ мужчинами могутъ быть допускаемы къ полученію всѣхъ степеней, которыя университетъ уполномоченъ давать на основаніи настоящаго устава; всякая университетская должность учреждаемая этимъ законоположеніемъ, и участіе во всякой коллегіи, установляемой имъ, одинаково открыты какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ». Уставъ предписываетъ, чтобы въ составѣ университетскаго правленія нѣсколько мѣстъ было предоставлено женщинамъ. Въ университетскомъ сенатѣ теперь также засѣдаетъ одна женщина. Наиболѣе консервативнымъ изъ англійскихъ университетовъ въ вопросѣ о

женскомъ образованіи являлся до сихъ поръ Доргэмскій, что въ значительной мѣрѣ объясняется, вѣроятно, его клерикальнымъ характеромъ. Новыя идеи успѣли однако проникнуть и въ Доргэмъ: недавно университетъ обратился съ ходатайствомъ объ измѣненіи его устава въ смыслѣ допущенія женщинъ на всѣ факультеты, кромѣ богословскаго. Такимъ образомъ, всѣ англійскіе университеты мало-по-малу открыли свои двери женщинамъ. Кэмбриджъ и Оксфордъ изъ нихъ еще отказываютъ въ ученыхъ степеняхъ, не отказывая въ одинаковомъ образованіи съ мужчинами. Большинство же англійскихъ университетовъ (Лондонъ, Доргэмъ, Манчестеръ, Валлисъ) даетъ женщинамъ и ученыя степени наравнѣ съ мужчинами. Лондонъ и Манчестеръ не допускаютъ женщинъ къ медицинѣ; Доргэмъ—къ богословію. Лондонъ основалъ взамѣнъ того особый медицинскій колледжъ. Ясно, что и эти завѣты старины, кое-гдѣ еще остающіеся слѣды недавнихъ предразсудковъ, скоро отпадутъ и только отъ самой англійской женщины будетъ зависѣть дать такое развитіе новому высшему и облагороженному уровню женскаго существованія, какое только она пожелаетъ и какого съумѣетъ достигнуть.

Женское движеніе къ высшему образованію, возникнувъ въ Россіи и Англіи, постепенно стало переходить и въ другія европейскія страны. Примѣръ Франціи показываетъ, что одни внѣшнія благопріятныя условія еще не достаточны для того плодотворнаго преобразованія въ женской жизни, которое даруется высшимъ умственнымъ развитіемъ и связанными съ нимъ широтою нравственнаго пониманія и житейской самостоятельностью. Во Франціи университеты легально никогда не были закрыты для женщины, но она никогда ими не пользовалась. Въ парижской медицинской школѣ первыя женщины слушательницы появились въ 1868 году. Это были русскія дѣвушки, не находившія въ то время на родинѣ средствъ къ высшему образованію. Въ настоящее время, черезъ четверть вѣка, число медицинскихъ студентокъ въ Парижѣ уже возросло

до ста шестидесяти девяти, тоже большею частью русскихъ, но частью и француженокъ. Не мало студентокъ медицины и въ Монпелье. Въ Парижѣ шесть дѣвушекъ изучаютъ юридическія науки.

Отсталѣе другихъ въ дѣлѣ организаціи высшаго образованія для женщинъ—Германія. Русскія дѣвушки, не имѣя на родинѣ доступа къ высшему образованію, явились и здѣсь піонерками этого дѣла. Будучи первыми студентками въ Швейцаріи (въ Цюрихѣ и Бернѣ) и во Франціи (въ Сорбонѣ, медицинскомъ коллежѣ и пр.), онѣ были первыми студентками и Гейдельберга, Лейпцига и др. Софья Корвинъ-Круковская, впослѣдствіи прославившаяся подъ своей замужней фамиліей Ковалевской и занимавшая каѳедру высшей математики въ Стокгольмѣ, училась въ Гейдельбергѣ, гдѣ этотъ знаменитый университетъ и далъ ей ученую степень доктора философіи по математическому отдѣленію. А. М. Евреинова получила степень доктора правъ въ Лейпцигѣ. Допуская въ свои стѣны женщинъ, университеты Гейдельберга и Лейпцига не сдѣлали, однако, этого допущенія правиломъ, а поставили въ зависимость отъ собственнаго усмотрѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такой же политики держится и университетъ Берлина. То же самое до послѣдняго времени практиковалось и въ Геттингенѣ. Но въ 1894 году было внесено нѣкоторыми профессорами предложеніе въ университетскій сенатъ Геттингена допустить, въ видѣ общаго правила, поступленіе женщинъ на философскій факультетъ съ правомъ слушанія лекцій, участія въ практическихъ занятіяхъ и полученія по выдержаніи экзамена ученой степени доктора философіи. Это предложеніе было принято значительнымъ большинствомъ и, по крайней мѣрѣ по философскому факультету, женщина уравнена въ правахъ съ мужчиной и получила свободный доступъ къ наукѣ и образованности. Были бы желающія. Въ первый же семестръ въ Геттингенѣ, у подножія Брокена, гдѣ прежде однѣ вѣдьмы совершали свой шабашъ, зачислилось на философскій факультетъ двѣнадцать студентокъ. Нельзя не поздра-

вить Геттингенскій университетъ съ этою просвѣщенною иниціативой.

Въ Швейцаріи, гдѣ Цюрихъ, первый изъ европейскихъ университетовъ, еще въ 1862 году, открылъ свои двери передъ русскою дѣвушкой (г-жа Суслова), въ настоящее время всѣ высшія учебныя заведенія равно доступны молодежи обоего пола. Сами университетскіе сенаты Цюриха, Берна и Женевы открывали доступъ женщинамъ и имъ не приходилось выдерживать много борьбы за право на высшее образованіе. Допущеніе въ Цюрихскій политехникумъ было, однако, декретировано центральнымъ правительствомъ республики. Въ то время, тридцать три года тому назадъ, это была большая новизна и дѣвушки со всѣхъ сторонъ стекались въ гостепріимную Гельвецію за наукою, въ которой имъ тогда отказывали на родинѣ. Русскія, англичанки и американки составляли главный контингентъ студентокъ, швейцарокъ было немного. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Швейцарки тоже вошли въ общее движеніе. Англичанки и американки давно отлично устроились дома, имѣя на родинѣ всѣ средства для высшаго образованія. Только наши русскія дѣвушки все еще продолжаютъ искать на чужбинѣ, гдѣ бы утолить свою жажду знанія и образованности. Основаніе въ Петербургѣ женскаго медицинскаго факультета составляетъ съ этой точки зрѣнія новую попытку, нельзя ли дать это утоленіе въ отечествѣ.

Такъ быстро развилось дѣло высшаго женскаго образованія за послѣднюю четверть вѣка. Невѣжество женщины, ея суевѣріе, умственная косность, пустота становятся постепенно преданіемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ человѣчество избавляется еще отъ одного метода вырожденія, лучше гарантируетъ свою будущность отъ упадка. Реформа средняго женскаго образованія и введеніе высшаго представляется, такимъ образомъ, третьимъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи человѣчества, считая первымъ такимъ пунктомъ введеніе моногаміи, а вторымъ—вступленіе женщины въ общество. Упраздненіе гарема, уничтоженіе терема, исчезно

веніе (или преобразованіе) салона—вотъ эти этапы человѣческаго прогресса, которые часто заслоняются отъ поверхностнаго наблюденія фейерверкомъ громкихъ и показныхъ событій, но которые представляютъ собою коренныя видоизмѣненія быта, рѣшающія судьбы народовъ и цивилизацій. Съ этой точки зрѣнія только что упомянутое основаніе въ Петербургѣ женскаго медицинскаго института является событіемъ первостепенной важности. Въ этомъ небольшомъ предисловіи къ этому большому событію я старался нѣсколько истолковать смыслъ его и значеніе.

IV.

Со времени закрытія высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, бывшихъ сначала при Медико-хирургической Академіи, а потомъ при Николаевскомъ госпиталѣ, вопросъ объ ихъ возобновленіи не сходилъ съ очереди. Онъ поднимался и въ печати, и въ земствахъ, и въ петербургской думѣ, и въ административныхъ сферахъ. Частныя лица вносили значительныя пожертвованія для облегченія его осуществленія. Медицинскіе курсы прекратили свое существованіе въ 1887 году и немедленно возникло движеніе въ пользу возобновленія ихъ въ той или иной формѣ. Результатомъ этого общественнаго сознанія явился проектъ министерства народнаго просвѣщенія, внесенный въ Государственный Совѣтъ въ 1892 году, но не получившій осуществленія за недостаткомъ средствъ. Въ началѣ 1895 года министерство народнаго просвѣщенія, побуждаемое все болѣе сказывающеюся потребностью въ женскомъ высшемъ медицинскомъ образованіи, снова внесло въ Государственный Совѣтъ проектъ учрежденія въ Петербургѣ женскаго медицинскаго института. Проектъ этотъ представляетъ собою лишь незначительно измѣненный проектъ 1892 года. Въ Государственномъ Совѣтѣ отнеслись въ то время къ нему въ высшей степени сочувственно. Соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи, разсма-

тривая его, высказали, что допущеніе лицъ женскаго пола къ высшему медицинскому образованію и послѣдующей врачебной практикѣ вызывается несомнѣнною потребностью. По замѣчанію Государственнаго Совѣта, потребность эта не ощущается, правда, при замѣщеніи штатныхъ медицинскихъ должностей, такъ какъ число врачей-мужчинъ, ищущихъ медицинской службы, вообще говоря, достаточно. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что спросъ населенія далеко не удовлетворяется дѣятельностью медиковъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ. Между тѣмъ число врачей вольнопрактикующихъ, за исключеніемъ крупныхъ городскихъ центровъ, оказывается вездѣ слишкомъ ограниченнымъ. Поэтому усиленіе медицинскаго персонала женщинами-врачами приноситъ населенію очевидную пользу. Къ тому же женщины довольствуются, обыкновенно, весьма небольшимъ вознагражденіемъ за свой трудъ и охотно идутъ на такія медицинскія должности, существующія въ отдаленныхъ, глухихъ мѣстностяхъ и скудно оплачиваемыя, отъ занятія которыхъ нерѣдко отказываются мужчины. Засимъ не надо забывать, что во многихъ случаяхъ особенно желательна врачебная помощь, оказываемая женщиною. Повинуясь естественному чувству стыдливости, лица женскаго пола вообще, а въ особенности дѣвицы, нерѣдко стѣсняются прибѣгать къ врачамъ-мужчинамъ. Обстоятельство это положительно удостовѣрено начальствомъ женскихъ учебныхъ заведеній, которое свидѣтельствуетъ, что ввѣренныя его попеченію воспитанницы единственно изъ опасенія докторскаго осмотра скрываютъ часто серьезныя заболѣванія, получающія вслѣдствіе этого опасное развитіе. Полнаго вниманія заслуживаютъ также и интересы многочисленнаго мусульманскаго населенія Имперіи. Поставленныя обычаемъ и строемъ жизни въ невозможность обращаться къ докторамъ-мужчинамъ, мусульманки лишены нынѣ медицинской помощи вездѣ, гдѣ таковая не можетъ быть подана лицомъ одного съ ними пола. Этимъ объясняется тотъ фактъ, хорошо извѣстный всѣмъ, знакомымъ съ средне-азіатскими нашими владѣніями, что немногочи-

сленныя пока въ Туркестанѣ представительницы женскаго врачебнаго персонала высоко цѣнятся туземцами и, благодаря пріобрѣтаемому на послѣднихъ вліянію, являются полезными проводниками русской гражданственности въ краѣ. Изложенныя обстоятельства, на-ряду съ обще-признанными заслугами женщинъ-врачей въ послѣднюю русско-турецкую войну, свидѣтельствуютъ, насколько полезно участіе женщинъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ медицинскаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ понятно и само стремленіе лицъ женскаго пола къ медицинской профессіи. Присущія женской природѣ мягкость, самоотверженіе и чувство состраданія, естественно, влекутъ женщину къ служенію страждущему человѣчеству. Сверхъ того, явленіе это объясняется отчасти и побужденіями экономическаго свойства. Образованныя дѣвушки небогатыхъ семействъ средняго круга часто поставлены въ необходимость снискивать себѣ средства къ жизни собственнымъ трудомъ. Между тѣмъ многія отрасли практической дѣятельности, открытыя женщинамъ заграницею (какъ, напримѣръ, служба торговыхъ приказчиковъ и т. п.),—у насъ для нихъ мало доступны. Отсюда ясно, какое существенное значеніе имѣетъ для самихъ женщинъ возможность занятій на поприщѣ самостоятельной медицинской дѣятельности Исходя изъ такихъ соображеній, соединенные департаменты Государственнаго Совѣта вполнѣ одобрили проектъ министерства народнаго просвѣщенія и внесли въ него только нѣкоторыя редакціонныя поправки. Изъ соединенныхъ департаментовъ дѣло перешло въ общее собраніе, которое также отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ проекту министерства. Тѣмъ не менѣе недостатокъ средствъ помѣшалъ окончательному завершенію этого дѣла, и открытіе курсовъ было задержано впредь до собранія нужныхъ для этого матеріальныхъ средствъ. Затѣмъ средства эти были собраны.

Проектъ женскаго медицинскаго института снова разсматривался, 22 апрѣля 1895 г., въ соединенномъ присутствіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи Государственнаго Совѣта. Обсужденіе проекта организаціи и

устройства института началось рѣчью М. Н. Островскаго, въ которой предсѣдатель собранія обстоятельно и подробно выяснилъ, въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ въ настоящее время. Слишкомъ три года тому назадъ, когда открытіе женскаго медицинскаго института было встрѣчено Государственнымъ Совѣтомъ сочувственно, для осуществленія этого института требовались затраты со стороны казны, что и явилось препятствіемъ къ открытію института. Въ настоящее время частными пожертвованіями обезпечивается не только устройство курсовъ, но ихъ содержаніе и развитіе въ будущемъ. Отнесясь съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ къ необходимости учрежденія института, собраніе перешло къ разсмотрѣнію деталей проекта. Общеизвѣстны основныя положенія медицинскаго института, поэтому позволяемъ себѣ ограничиться тѣми изъ нихъ, которыя вызвали пренія и измѣнены Государственнымъ Совѣтомъ. Отъ желающихъ поступить въ институтъ рѣшено требовать представленія, помимо прошенія на имя директора, и свидѣтельства о возрастѣ, званіи и вѣроисповѣданіи, — письменнаго разрѣшенія родителей или попечителя, если родители не находятся въ живыхъ и просительница не достигла 21 года; замужнія женщины предъявляютъ разрѣшеніе мужей.

При разсмотрѣніи программы преподаванія замѣчено отсутствіе ушныхъ и горловыхъ болѣзней и вслѣдствіе этого рѣшено предоставить министру народнаго просвѣщенія выдѣлять изъ перечисленныхъ въ программѣ предметовъ преподаванія особыя каѳедры по мѣрѣ надобности развитія средствъ института. Вмѣсто проектированнаго четырехлѣтняго, курсъ преподаванія признанъ необходимымъ пятилѣтній, какъ на медицинскихъ факультетахъ университетовъ. Преподаваніе распредѣляется такимъ образомъ на десять полугодій. Женщинъ-врачей, кончившихъ курсъ въ институтѣ, предположено было не допускать къ завѣдыванію общими городскими больницами и къ дежурству въ нихъ, а также къ исполненію обязанностей врачей въ присутствіяхъ по воинской повинности и къ производству

судебно-медицинской экспертизы по требованію судебныхъ учрежденій. Рѣшено допускать женщинъ-врачей, извѣстныхъ своею практическою дѣятельностью, къ производству судебно-медицинской экспертизы; подробности же тѣхъ случаевъ, когда женщина-врачъ можетъ произвести судебно-медицинскую экспертизу, поручено выработать министру народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. При разсмотрѣніи правъ и преимуществъ служащихъ въ институтѣ по учебной части, выдвинулся вопросъ о правѣ на полученіе пенсіи изъ государственнаго казначейства. Такъ какъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на частныя средства, педагогическій составъ пользуется правомъ получать пенсіи, то выражено желаніе, чтобы предоставить такое право и служащимъ въ институтѣ по учебной части. Подробная разработка правъ на полученіе пенсій поручена министрамъ народнаго просвѣщенія и финансовъ. Женскій медицинскій институтъ находится въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, подъ попеченіемъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа. Непосредственное управленіе институтомъ, съ находящимся при немъ интернатомъ, принадлежитъ, согласно положенію, директору, избираемому министромъ народнаго просвѣщенія изъ опытныхъ во врачебныхъ наукахъ профессоровъ. Въ управленіи участвуютъ: 1) совѣтъ преподавателей; 2) правленіе изъ четырехъ профессоровъ, назначаемыхъ попечителемъ округа; 3) попечительный совѣтъ изъ лицъ, назначаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія и могущихъ содѣйствовать успѣшному удовлетворенію хозяйственныхъ нуждъ института и увеличенію его средствъ и 4) инспектриссы съ помощницами.

Измѣненія, внесенныя въ министерскій проектъ департаментомъ государственнаго совѣта можно только отъ души привѣтствовать. Возстановленіе опущенныхъ каѳедръ и пятилѣтняго срока изученія снова сравниваютъ женщину-врача, по полученному медицинскому образованію, съ врачами-мужчинами. Такое полное уравненіе обоихъ категорій врачей по общему и спеціальному образованію не требуетъ-ли

логически и уравненія въ правахъ? И прежде всего—въ правѣ полученія ученыхъ степеней, въ которыхъ до сихъ поръ женщинамъ отказывали. На это обстоятельство департаменты государственнаго совѣта, повидимому, не обратили вниманія, но они сдѣлали шагъ къ уравненію правъ врачей, мужчинъ и женщинъ, допустивъ и послѣднихъ къ судебной экспертизѣ. Завѣдываніе же больницами, котораго еще лишены женщины-врачи, тѣсно связано съ вопросомъ объ ихъ ученыхъ степеняхъ, потому что старшій врачъ долженъ быть докторомъ медицины.

Одновременно съ этимъ торжествомъ просвѣщенія, которое сказалось въ возобновленіи медицинскихъ женскихъ курсовъ, въ печать проникли и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, обѣщающія новые успѣхи высшаго женскаго образованія въ Россіи. Такъ, газеты сообщаютъ, что на высшихъ женскихъ курсахъ введено факультетское устройство. Курсы состоятъ изъ двухъ факультетовъ: историко-филологическаго и физико-математическаго. Деканомъ перваго факультета назначенъ профессоръ С. Ф. Платоновъ, физико-математическаго — ординарный академикъ Н. Я. Сонинъ. Попечительный совѣтъ курсовъ, съ цѣлью привлечь въ составъ профессоровъ лучшія силы, нашелъ возможнымъ увеличить плату за годовой часъ съ 200 р. до 250 р. Министерство народнаго просвѣщенія вошло въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о предоставленіи директору высшихъ женскихъ курсовъ правъ государственной службы. Конечно, назвать факультетами то, что называлось отдѣленіями, еще не значитъ возвысить уровень преподаванія, но названіе нѣсколько обязываетъ, а назначеніе деканов учреждаетъ и наблюденіе за уровнемъ преподаванія, который по инымъ каѳедрамъ спускался очень низко. Повышеніе вознагражденія преподавателямъ и дарованіе правъ государственной службы тоже является шагомъ къ тому же повышенію уровня преподаванія. Надо помнить, однако, что главный недостатокъ этихъ, вновь созданныхъ, женскихъ факультетовъ заключается въ отсутствіи многихъ важныхъ каѳедръ, вообще въ недостаточно обдуманной и обсужденной программѣ.

Какъ бы то ни было, однако, приведенное извѣстіе является, хотя и скромнымъ, но несомнѣннымъ шагомъ впередъ.

Не менѣе отрадно было прочесть извѣстіе, что въ Кіевѣ среди мѣстныхъ профессоровъ и другихъ интеллигентныхъ лицъ возникла мысль о возобновленіи въ Кіевѣ закрывшихся съ 1887 года высшихъ женскихъ курсовъ. Что касается матеріальныхъ средствъ, то отъ бывшихъ въ Кіевѣ курсовъ остался довольно значительный капиталъ, не получившій до сихъ поръ никакого другого назначенія и который, конечно, въ случаѣ осуществленія проекта будетъ пополненъ новыми пожертвованіями, всегда обильно стекающимися у насъ для цѣлей высшаго женскаго образованія. При всѣхъ своихъ недостаткахъ съ точки зрѣнія серьезно-научнаго преподаванія, высшіе женскіе курсы представляютъ такое серьезное общеобразовательное начинаніе, что ихъ распространеніе и развитіе должно, конечно, привѣтствовать самымъ искреннимъ образомъ. Конечно, было бы лучше поступить такъ, какъ поступили французы, англичане, швейцарцы, американцы, шведы, голландцы, итальянцы, даже наши финляндцы, и чему начинаютъ слѣдовать и нѣмцы, т.-е. открыть русской дѣвушкѣ двери родныхъ университетовъ.

Наше общество во многое извѣрилось, отъ многаго отступилось, отъ другого готово отступиться, но не отъ стремленія къ высшему женскому образованію. А это глубоко проникшее и широко захватившее сознаніе является порукою, что тотъ третій поворотный пунктъ всемірной исторіи, который связанъ съ переходомъ женщины изъ салона въ аудиторію и рабочій кабинетъ (что также совмѣстимо съ семейнымъ бытомъ, какъ теремъ, и совмѣстимѣе, чѣмъ гаремъ и салонъ), дѣйствительно, наступилъ и мы присутствуемъ при одномъ изъ грандіознѣйшихъ и глубочайшихъ преобразованій быта, при одномъ изъ важнѣйшихъ всемірно-историческихъ явленій, призванномъ обезпечить человѣчество отъ того періодическаго вырожденія культурныхъ классовъ и ихъ культуры, которое вызывалось деградаціей ума и деморализаціей чувства женщины, подчиненной режиму

гарема, терема и салона. Каждая слѣдующая стадія была важнымъ успѣхомъ сравнительно съ предъидущею, но вырожденіе, напримѣръ, высшаго французскаго общества Людовика XV, выросшее на почвѣ салона, стоитъ вырожденія разныхъ сарданапаловъ на почвѣ гарема. И окончилось это салонное вырожденіе такою же гибелью изнѣженнаго, ослабѣвшаго, деморализованнаго, неспособнаго высшаго класса, какъ завершались подобными же катастрофами и варварскія полигамическія общества Востока. Неупражненіе женскаго ума, дѣятельной энергіи, человѣческихъ чувствъ, всѣхъ высшихъ человѣческихъ способностей неизбѣжно отражается пониженіемъ всѣхъ этихъ качествъ и въ потомствѣ, женскомъ и мужскомъ. Продолжаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, это пониженіе должно кончиться вырожденіемъ. Гаремъ дѣлаетъ это скорѣе, теремъ медленнѣе, салонъ—еще медленнѣе, но только вступленіе женщины въ аудиторію и рабочіе кабинеты и дѣятельное участіе ея въ общественной и трудовой жизни даруютъ ей то упражненіе ея человѣческихъ способностей, которое можетъ гарантировать не пониженіе, а постепенное повышеніе способностей каждаго слѣдующаго поколѣнія. Если человѣчество все-таки не выродилось, а шло впередъ, вопреки гарему, терему и салону, то потому, конечно, что громадное большинство его никогда не имѣло средствъ ввести у себя эти дорого стоющія утѣхи и учрежденія, но верхи культуры постоянно періодически срѣзывались, именно благодаря положенію женщины, и человѣчеству приходилось вновь и вновь выдумывать давно выдуманный порохъ и открывать давно открытую Америку.

Не универсально и не исключительно значеніе того или иного положенія женщины въ семьѣ и обществѣ, какъ не универсально и значеніе формъ производства, ни формъ правленія, ни общаго умственнаго уровня народа, но, среди этихъ основныхъ факторовъ человѣческой исторіи, положеніе и состояніе женщины принадлежатъ къ самымъосновнымъ.

1895 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

I. Содержанія.

Автономія университетская, 77—86.
Академія наукъ, 86, 200.
Антропологія, 36, 56, 68, 69.
Антропометрія, 68, 69.
Археологія, 56, 64, 68, 69.
Аѳины, 21.

Библіографія, 64.
Богословіе, 43—44, 46—47, 54, 264.
Бурса, 7.

Вертикальное развитіе Азіи, 139—151.
Видъ многократный, 97, 104, 109, 113.
Видъ несовершенный, 97, 109, 113.
„ однократный, 97, 98, 104, 113.
„ совершенный, 97, 98—104, 113.
Виды глагольные, 97—114.
Возрожденіе (эпоха), 22—24, 48.
Воспитаніе, 6.

Гаремъ, 245—249, 258.
Географія, 54, 73, 127—163.
„ Азіи, 130—161.
„ Африки, 161.
„ всеобщая, 127—162.
„ историческая, 65.
„ Россіи, 163.
Геральдика, 3, 58.
Гимназіи, 1—35, 87—92, 93—237.
Гимназіи женскія, 29—30, 201—237, 256—257.
Глаголъ русскій, 96—119.
Горизонтальное развитіе Азіи, 130—139.
Государственные интересы въ дѣлѣ образованія, 10—16.
Грамматика, 58.
„ русская, 32, 94—127.
Греки, 21—22, 178—180.

Демографія, 66.
Дипломатика, 58.
Древности, 59—60.
Духовныя академіи, 49.
Дѣепричастія, 117—119.

Естествознаніе въ средней школѣ, 32—33, 73.
Естествознаніе на историко-филологическихъ факультетахъ, 69—70, 73—74.

Женское движеніе, 253—267.
Женщина-врачъ, 267—272.
„ утѣхи, 238—256.

Залогъ глагольный, 114—115, 118—119.
Залогъ страдательный, 118—119.
Затворничество женщинъ, 245—253, 257—260.
Знаніе, 38—42.

Имена прилагательныя, 123—126.
„ существительныя, 120—123.
Индивидуальные интересы въ дѣлѣ образованія, 15.
Институтъ женскій медицинскій, 267—272.
Институты дѣвическія, 7.
Историческая критика, 64.
Исторіографія, 64.
Исторія, 29, 63—66, 163—198.
„ Востока, 168—175, 176.
„ всеобщая, 54, 65, 163—198.
„ всеобщей литературы, 60, 62.
„ Греціи, 21, 178—180.
„ Гунновъ, 163—167.
„ древняя, 163—184.
„ классическая, 21—22, 175—184.
Исторія новая, 184—198.
„ права, 58.
„ Рима, 22, 180—183.
„ Россіи, 54.
„ русской литературы, 54.
„ церкви, 54.

Кадетскіе корпуса, 7, 29.
Классификація наукъ, 55, 74.
Классовые интересы въ дѣлѣ образованія, 7—10.
Краніологія, 68, 69.
Курсы высшіе женскіе, 272—274.

Лингвистика, 54, 64, 71, 72.
Логика, 42, 54, 74.

Миѳологія, 58.

Наклоненіе сослагательное, 115—116.
Наклоненіе условное, 115—116.
Наклоненіе, 115—116.
Національные интересы въ дѣлѣ образованія, 10—16.
Нумизматика, 58.

Образованіе, 1—76, 6, 38—42.
„ видовъ, 103—113.
„ всенародное, 201—237.
„ высшее, 35—76, 260—274.
Образованіе гуманитарное, 4, 16—27, 30—33, 48—53.
Образованіе женское, 29—30, 201—237, 253—274.
Образованіе именъ, 122—123.
Образованіе классическое, 16—27, 48—53.
Образованіе профессіональное, 6, 9, 29, 40.
Образованіе реальное, 4, 6, 23—80.
„ среднее, 1—34, 87—237, 256—257.
Обществовѣдѣніе, 55—74.
„ абстрактное, 56, 70—74.
„ конкретное, 57—70.
„ прикладное, 55.

Палеографія, 64.
Пансіоны дѣвическіе, 7.
Политическая экономія, 56, 71, 72.
Правовѣдѣніе, 42, 44—45, 56, 71.
Психологія, 54, 74.

Реформа высшей школы, 35—76, 77—86.
Реформа средней школы, 1—34, 201—237.

Салонъ, 253—256.
Семинаріи, 7, 29.
Семья, 6.
Склоненіе, 120—122.
Словесность, 29, 30, 58.
Соціологія, 36, 71—73.
Спарта, 21, 179.
Статистика, 56, 66—68.

Теологія, 43—44, 46—47, 264.
Теорія искусства, 54, 71, 72.
„ познанія, 74.
„ статистики, 67.
Теремъ, 27, 249—253.

Университетъ, 35—86, 200.
„ схоластическій, 43—48.
Учебники географіи, 127—163.
„ исторіи, 163—198.
„ русскаго языка, 93—127.
Ученый комитетъ, 168, 200.
Училища коммерческія, 8, 29.
„ уѣздныя, 3.

Факультеты, 39—41, 43—47, 49—51, 200.
Факультеты богословскіе, 43, 46—47; 264.
Факультеты восточные, 61—62.
„ историко-филологическіе, 49, 51, 54—74, 272.

Факультеты медицинскіе, 42, 46, 75, 267—272.
Факультеты физико-математическіе, 49, 75, 272.
Факультеты философскіе, 42, 44, 49—52.
Факультеты юридическіе, 42, 44—45, 52, 75.
Филологія, 57—62, 64, 69.
„ англійская, 61, 62.
„ греческая, 54, 57.
„ египетская, 57, 62.
„ иранская, 57.
„ латинская, 54, 57.
„ монгольская, 57.
„ нѣмецкая, 61, 62.
„ романо-германская, 54, 57, 60—61, 62.
Филологія санскритская, 57.
„ семитическая, 57, 62.
„ славянская, 54, 57, 59—60
„ французская, 61, 62.
Философія, 44, 45, 54, 74.
„ исторіи, 65.
„ природы, 74.

Хронологія, 65.

Цивилизація, 20—22, 30—32.
„ восточная, 132, 175.
„ классическая, 20—22, 26, 183—184.
Цивилизація, новая, 26, 30—32, 190—191.

Школа высшая, 35—86, 267—274.
„ женская, 29—30, 201—237, 255—274.
Школа закрытая, 6, 78.
„ народная, 201—237.
„ средняя, 1—34, 87—237, 256—257.
Школа частная. 7.

Экзамены, 87—92, 202.
Эстетика, 71, 72.
Этика, 36, 71, 72—73.
Этимологія русская, 93—127.
Этнографія, 36, 58, 69.
Этнологія, 68, 69.

Языки индо-европейскіе, 171.
„ классическіе, 4, 24, 31—32.
„ кушитскіе, 171.
„ семитическіе, 171.
„ туранскіе, 171.
Языкознаніе сравнительное, 54.
Языкъ англійскій, 25, 30—31, 67, 75.
„ голландскій, 25.
„ египетскій, 171.
„ испанскій, 25.
„ итальянскій, 24, 25.
„ нѣмецкій, 25, 30—31, 61, 75.
„ польскій, 25.
„ португальскій, 25.
„ провансальскій, 25.
„ русскій, 29, 30, 93—127.
„ сумирійскій, 172.
„ французскій, 25, 30—31, 61, 75.

II. Собственныхъ именъ личныхъ.

Абдулъ-Азисъ, 197.
Абдулъ-Меджидъ, 197.
Августъ III, 194.
Александръ II, 253.
„ Македонскій, 144, 158, 179.
Альба герц., 192.
Амміанъ, Марцеллинъ, 166.
Амулій, 181.
Анандибай-Джоши, 260.
Аристидъ, 22.
Аристотель, 26, 28, 44.
Асока, 158, 174.
Астіагъ, 176.
Аттила, 166, 167.
Ауэрбахъ, 189.

Баберъ султ., 144, 158.
Бальзакъ, 189.
Барбару, 195.
Барбье, 189.
Батенбергъ, 198.
Беккаріа, 189.
Беранже, 189.
Берне, 189.
Бисмаркъ, 198.
Биша, 185.
Богдановъ П. И., 95—123.
Болингброкъ, 189.
Брутъ, 22, 183, 195.
Будда, 158, 173—174.
Буслаевъ Ѳ. И., 95, 97, 98, 102, 103, 107, 115, 116, 123, 199.
Бухъ Леопольдъ, 189.
Бѣлохъ, 163.

Вашингтонъ, 18.
Верньйо, 195.
Викторія крл., 259.
Вильгельмъ I, 192, 193.
„ Оранскій, 192.
Виргилій, 179.
Вольтеръ, 186, 188.
Востоковъ акад., 97, 98.

Гарибальди, 18.
Гейне, 189.
Геккель, 73.
Гекели, 73.
Гельвецій, 186.
Георгіевскій, 4.
Геродотъ, 50.
Гиляровъ, 94—125.
Гоббзъ, 189.
Гомеръ, 179.
Горацій, 24.
Гракхи, 22, 180.
Гротъ Я., 98.
Гуцковъ, 189.

Дантъ, 24.
Дарвинъ Ч., 18, 73.
Дарій Гистаспъ, 258.
Декандоль, 194.
Деліанисъ, 197.
Демокритъ, 26.
Десадъ, 185, 186, 188.
Дефо, 189.
Дидро, 186. 189.
Доде Альфонсъ,
Дюпанлу, 184.

Евреинова А. М., 265.

Екатерина II, 194.

Жанъ Поль Рихтеръ, 189.
Жоржъ Зандъ, 189.
Жюль Симонъ, 1.
Жуковскій В. А., 123.
Жюсье, 194.

Зенонъ, 26.
Зороастръ, 258.

Ибнъ-Батута, 128.
Иловайскій Д., 166—198, 199.

Іезекіиль, 245.
Іорнандъ, 166.
Іосифъ, 245.

Кабе, 189.
Кайдановъ, 176, 183.
Карлъ V, 192.
Карпентеръ миссъ, 259, 260.
Касти, 189.
Катилина, 183.
Катковъ М. Н., 4.
Кашеварова д-ръ, 260.
Кирпичниковъ проф., 94—125, 199.
Киръ, 258.
Клау г-жа, 262.
Ковалевская С., 265.
Кольцовъ, 124, 125.
Кондильякъ, 186.
Кондорсе, 186.
Контъ Огюстъ, 55.
Кучъ Бихара, 258.

Лавровскій П., 98.
Лагранжъ, 186.
Ламаркъ, 186.
Ледрю Ролленъ, 190.
Леонтьевъ проф., 4.
Лермонтовъ, 124, 125.
Лесажъ, 185, 186.
Лессингъ, 189.
Лизандръ, 179,
Линней, 193, 194.
Локкъ, 188.
Лоранъ проф., 235.
Луве, 185.
Людовикъ XV, 274.
„ XVI, 195.
„ Нассаускій, 192.

Мадзини, 190.
Макіавели, 192.
Марко Поло, 182.
Массуди, 128.
Миклошичъ, 116.
Мильтонъ, 188.
Моммсенъ, 182, 183.
Монтень, 184.
Монтескье, 184.
Мюссе, Альфредъ, 189.

Навуходоносоръ, 176.
Некрасовъ Н. А., 124, 125.
Некрасовъ проф., 98.
Нибуръ, 182.
Нинъ, 173.
Нума Помпилій, 181—182.
Нумиторъ, 181.
Ньютонъ, 188.

Ободовскій 130, 162.
Олимпія Фульвія, 255.
Оппертъ, 172.
Островскій М. Н., 270.
Оуэнъ Робертъ, 189.

Павскій, 198.
Пентефрій, 245.
Периклъ, 28.
Петровъ К. Ѳ., 95—122.
Петръ В., 251, 252, 253.
Пій IX, 184.
Пироговъ, Н. И., 16.
Платоновъ С. Ф., 272.
Платонъ, 26, 50.
Плиній, 26, 28, 50.
Плутархъ, 19, 20.
Поль Беръ, 1.
Понятовскій Ст., 194, 195.
Потебня проф., 98.
Преображенскій А., 94—123.
Прудонъ, 189.
Птоломей, 26, 28, 44, 50, 128, 164.
Пушкинъ, 124, 125.
Пясты, 194, 195.

Рамабай Саразати, 260.
Рамзесъ, 176.
Рея Сильвія, 181.
Ремъ, 181.
Риттеръ К., 133, 134, 147, 153.
Ролапъ, 195.
Ромулъ, 181, 182.
Руссо, 186—188.
Рыбаковъ М., 96—123.

Салтыковъ М. Е., 125.
Сарданапалъ, 173, 248.

Свифтъ, 189.
Семирамида, 173.
Сен-Симонъ, 189.
Сигизмундъ II Авг., 194.
Силли Мэри, 260.
Скулудисъ, 197.
Смарагдовъ, 176.
Смирновскій П., 94—121.
Смирновъ К., 134—163, 170, 199.
Соболевскій, 98.
Соловьевъ С. М., 83, 168, 199.
Сонинъ, Н. Я., 272.
Сократъ, 22.
Спенсеръ Герб., 73.
Стасюлевичъ М. М., 3.
Страбонъ, 28, 128.
Суслова д-ръ, 260.

Тарквиній, 181.
Тамерланъ, 144, 159.
Тацитъ, 24, 50.
Теккерей, 189.
Теренцій Варронъ, 16.
Титъ Ливій, 181.
Тиридатъ, 165.
Трубецкой кн., 77, 78, 79, 81, 82, 83
Турнефоръ, 194.

Ухтомскій Э. Э. кн., 257, 258.
Ушинскій, 16.
Уэльская принцесса, 259.

Фердинандъ Кобургъ, 198.
Францискъ I, 192.
Францъ-Іосифъ II, 196.
Фрейлигратъ, 189.
Фридрихъ I, 192.
„ II, 194, 198.
„ III, 193.
Фридрихъ Вильгемъ I, 192.
„ „ IV, 193.
Фурье, 189.

Хамъ, 171.
Хеопсъ, 177.

Цицеронъ, 183.

Чарторыйскій кн., 194.
Чичеринъ Б. Н., 81, 82, 83.

Шелли, 189.
Шефтсбюри, 189.
Шлегели, 189.
Штросмайеръ, 184.
Шульгинъ В., 168, 176, 199.

Эвклидъ, 44.
Элліотъ Дж., 189.
Эпикуръ, 26.
Эратосѳенъ, 28, 50.

Юлій Цезарь, 183.
Юмъ, 189.

Ягелло, 194.
Ядвига, 194.

Ѳома апостолъ, 157.
Ѳукидидъ, 179.

Другія сочиненія С. Н. Южакова:

Соціологическіе Этюды. 2 тома. Цѣна 3 р. Отдѣльно по 1 р. 50 коп. за томъ.

Томъ первый. С.-Петерб. 1891 г. *Органическій прогрессъ въ его отношеніяхъ къ историческому прогрессу.*

Содержаніе: Задачи соціологіи.—Строеніе общества и его отправленія.—Общественное развитіе и прогрессъ.—Опредѣленіе общества.—Половой подборъ въ органическомъ прогрессѣ. — Дифференцованіе половъ.—Половой подборъ въ исторіи.—Историческій подборъ и первобытныя общества.—Органическая наслѣдственность орудій борьбы за существованіе.—Борьба за существованіе и нравственность.—Борьба за существованіе и Мальтусовы прогрессіи.—Наслѣдственность и измѣнчивость въ историческомъ прогрессѣ.—Роль физической среды въ исторіи.—Приложеніе: Субъективный методъ въ соціологіи.—Алфавитный Указатель.

Томъ второй. С.-Пб. 1896 г. *Проблемма соціологическая и основные общественные факторы, моральный и экономическій.*

Содержаніе: Объ основныхъ теченіяхъ мысли въ русской литературѣ.—Этюдъ I. Обзоръ соціологической проблеммы:—Опредѣленіе проблеммы.—Сочетаніе и распаденіе.—Основный законъ жизни.—Активность и культура.—Этюдъ II. Нравственное начало и общественное согласованіе:—Активность и ея значеніе въ жизни.—Формула активности.—Общественная активность.—Индивидуальность и культура, какъ два воплощенія активности.—Нравственность, какъ форма активности.—Принудительное согласованіе, или организующій политическій факторъ.—Несогласованная самодѣятельность или дезорганизующій политическій факторъ.—Ихъ тѣсная взаимная зависимость и фатальная роль.—Нравственность, какъ самодѣятельное согласованіе, ея антагоничность съ обоими политическими началами и верховное организующее и охраняющее значеніе.—Изъ исторіи нравственности. — Этюдъ III. Экономическое начало и общественная борьба:—Борьба въ жизни и ея формы.—Культура, какъ орудіе борьбы.—Экономическія орудія въ догосударственный

періодъ.—Экономическія орудія въ индивидуальной борьбѣ.—Экономическія орудія въ международной борьбѣ.—Историческое обозрѣніе.—Международный капитализмъ.—Алфавитный Указатель.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича (С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, 28). Отдѣленіе склада въ конторѣ журнала „Русское Богатство“ (С.-Петербургъ, Баскова улица, № 9.

Доброволецъ Петербургъ. Вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. С.-Петерб. 1894 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Изданіе журнала „Русское Богатство“.

Содержаніе: Часть I. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ:—Первымъ рейсомъ.—По Японскому морю.—Что такое хунхузы?—Владивостокскія впечатлѣнія.—„Восточная Америка“.—За городомъ.—Первая рѣчка.—На десятой верстѣ.—Поселенческими работами.—Изъ колоніальнаго эпоса.—Хребетъ Сихота.—Алинь.—За хребтомъ.—По русскимъ колоніямъ.—Послѣдніе счеты.—Вторымъ рейсомъ.

Часть II. На теплыхъ водахъ:—Мимоходомъ въ Японіи.—Четыре часа въ Нагасакахъ. Женскій вопросъ въ Японіи.—Изъ Японіи въ Великій Океанъ.—Штиль и угрозы бури.—Въ ураганѣ.—Малайскимъ архипелагомъ.—Первыя сутки въ Сингапурѣ.—Разныя тропическія впечатлѣнія.—На рейдѣ Коломбо.—Коломбо въ 1891 году.—Изъ Коломбо въ Кенди.—Пераджія, Кенди и Гаттонъ.—Въ Цейлонскихъ Альпахъ.—Восхожденіе на Адамовъ Пикъ.—На Адамовой вершинѣ.—Спускъ со Святой Горы.—Прощальныя впечатлѣнія Цейлона.—Тропическій океанъ и тропическая пустыня.—На коралловой атолѣ.—Что такое Перимъ?—Изъ тропиковъ.

Складъ изданія въ конторѣ журнала „Русское Богатство“ (С.-Петербургъ, Баскова улица, № 9).

Англо-русская распря. Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ. Политическій этюдъ. С.-Петерб. 1885 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Что такое восточный вопросъ?—Англія на Востокѣ.—Русское движеніе на Востокъ.—Встрѣча соперницъ

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Луковникова (С.-Петербургъ, Лештуковъ переулокъ, 2).

Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Очеркъ географическій, историческій и политическій. С.-Петерб. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Содержаніе: Часть I. Географическій очеркъ.—Часть 2. Историческій очеркъ:—Древнѣйшія времена.—Походъ Александра

Македонскаго.—Греко-македонское господство.—Первое господство тюрковъ. Парояне, Саки, Юты.—Иранское возрожденіе. Сассаниды, буддизмъ. — Арабское нашествіе и господство. — Національныя мусульманскія династіи. — Второе господство тюрковъ, Сельджуки и Уйгуры. — Окончательное торжество Турана, Чингизъ и Тимуръ.—Эпоха упадка и смутъ.—Часть III. Политическій очеркъ:—Афганскій народъ, происхожденіе и составъ.—Основаніе афганскаго государства.—Государственное устройство.—Шахъ Ахмедъ.—Правленіе Седдозейской династіи.—Смуты, династическія усобицы, первая англо-афганская война.—Династія Барекзеевъ Послѣднія событія.—Заключеніе.—Алфавитный указатель.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Луковникова (С.-Петербургъ, Лештуковъ, 2).

М. М. Сперанскій. Біографическій очеркъ. Изданіе Ф. Ф. Павленкова. С.-Петерб. 1892 г. Цѣна 25 коп.

Ж. Ж. Руссо. Біографическій очеркъ. Изданіе Ф. Ф. Павленкова. С.-Петерб. 1894 г. Цѣна 25 коп.

Складъ обонхъ изданій у Луковникова (С.-Петербургъ, Лештуковъ, 2).

Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина. Критическій Этюдъ. Одесса. 1895 г. Цѣна 20 коп.

Складъ изданія: „Международная библіотека“, Одесса, Гаванная, 10.

Статистическое описаніе крестьянскаго хозяйства Ямбургскаго уѣзда. Изданіе С.-Петербургскаго земства. С.-Петерб. 1885 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Складъ въ губернской управѣ.

Мысли о земледѣльческой будущности русской черноземной полосы. Москва. 1881 г. (разошлась).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

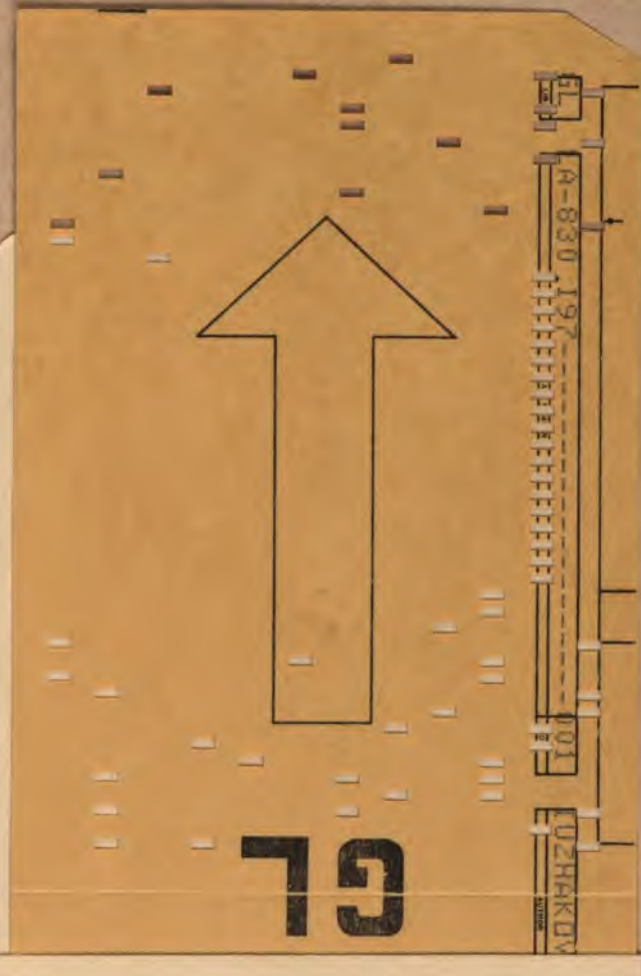
Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
8	16 сн.	поминаніе	пониманіе
14	3 „	всего населенія	всего населенія воинскаго возраста
18	16 „	однако человѣкомъ	однако. Человѣкомъ
22	4 св.	періода	народа
71	13 „	гипотическаго	гипотетическаго
79	24 сн.	Universitasscieniarum	Universitas Scientiarum
80	7 св.	истинная	истинно
139	20 сн.	около $^2/_2$	около $^2/_3$
164	4 „	χοσνοι	χουνοι
167	6 св.	Иловайскій	г. Иловайскій
177	2 „	самаго	самого
„	2 сн.	потому	потому что
184	5 св.	диспотизма	деспотизма
192	8 „	и	съ
205	12 сн.	обоего пола	обоихъ половъ
208	4 св.	отъ	изъ
214	20—19 сн.	платежомъ	платежей
243	8 „	раскатомъ	раскатамъ
256	13 св.	впервые	, первая

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
GRADUATE LIBRARY

DATE DUE

1-60

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06230 5670



DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD

B173579